

Язык

Личность

Культура

175 лет со дня рождения И.Я. Яковлева
65 лет со дня присвоения педагогическому
университету имени И.Я. Яковлева

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»

Язык. Личность. Культура

Сборник научных статей по итогам Всероссийской
с международным участием научно-практической
конференции, посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию
присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева
(Чебоксары, 5-6 октября 2023 года)

Чебоксары
2023

УДК [81:008:159.923](082)
ББК 81я431+71я431+88.3я431
Я 41

Язык. Личность. Культура : сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева / отв. ред. Т. В. Денисова, О. А. Димитриева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2023. – 342 с.

ISBN 978-5-88297-727-5

Печатается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (протокол № 2 от 29.09.2023 г.).

Рецензенты:

Борисова Л. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова;

Павлов И. В., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Редакционная коллегия:

И. В. Гаврилова, доцент, канд. пед. наук
Т. В. Денисова, доцент, канд. филол. наук,
О. А. Димитриева, канд. филол. наук,
А. В. Никитина, канд. филос. наук,
З. Н. Якушкина, доцент, канд. пед. наук

В сборник вошли материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева. Предназначен для лингвистов, научных сотрудников, преподавателей гуманитарных вузов, а также аспирантов, магистрантов и студентов-филологов.

ISBN 978-5-88297-727-5

© Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2023

© Авторы публикаций, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>		8
Раздел 1. Дорогим Учителям посвящается...		
<i>Денисова Т. В.</i>	Юратнӑ вӑрентекен пирки/ О любимом учителе	9
<i>Якушкина З. Н.</i>	Виталию Ивановичу Котлееву – 90 лет	12
Раздел 2. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции		
<i>Абдурахманова А. Г., Цховребов А. С.</i>	К вопросу о синтаксических нарушениях в практике преподавания РКИ	16
<i>Азоян Д. Т.</i>	Особенности хемшинского диалекта армянского языка и угроза его исчезновения	21
<i>Андреева Д. В.</i>	Образ главного героя сквозь призму кулинарно-гастрономического кода в произведениях И. С. Шмелева	25
<i>Ахвандерова А. Д.</i>	Формирование лексических навыков при обучении русскому языку как иностранному	30
<i>Баранова О. В.</i>	В. В. Данилов о чтении в курсе «Методика русского языка» в учительском институте в Петербурге	36
<i>Беликова Ю. А.</i>	Психолого-педагогические основы проведения входного контроля по дисциплине «Русский язык и культура речи»	43
<i>Буженинов А. Э.</i>	Научный концепт «БОЛЕЗНЬ» в подъязыке гомеопатии	47
<i>Булатова А. К.</i>	Диалектные слова – источник для этимологического исследования (на материале татарских диалектов)	53
<i>Вазанова М. Г.</i>	Объективация представлений о семье в языковом сознании чувашей (на материале пословиц и поговорок)	58
<i>Варсонофьева Е. С., Катышева А. Е.</i>	Выразительные средства в повести М. Пришвина «Кладовая солнца»: сравнительные конструкции и фразеологизмы	64
<i>Великанова О. В., Данилова Е. А.</i>	Редупликация как способ словообразования	69

<i>Воробьева М. И., Ахвандерова А. Д.</i>	Лексико-семантические особенности диалектных слов в говорах чувашей Ульяновской области	73
<i>Гаврилова И. В.</i>	Словообразовательные особенности актуальной лексики современного цифрового образования	78
<i>Ганин М. В., Хабибуллова З. Р., Максимова А. Ю.</i>	Русское «богостроительство»: философские конструкты А. А. Богданова в повести М. Горького «Исповедь»	84
<i>Гончарова К. В.</i>	Сербские фразеологизмы с концептуальными топонимами	89
<i>Губанова М. А., Похилько А. Д.</i>	Знаково-символические предпосылки автономности содержания в формообразованиях художественной культуры	94
<i>Данилова Е. А.</i>	Особенности репрезентации концепта «ЯЗЫК» в школьных учебниках	100
<i>Денисова Т. В.</i>	Лексикографический портрет слова «сăкăр/хлеб»	105
<i>Димитриева О. А.</i>	Кулинарно-гастрономическая интерпретация главного образа сказки «Сладкий мужик» И. С. Шмелева	110
<i>Дурнова Д. В.</i>	Роль языка и культуры в системе межкультурной коммуникации	115
<i>Егорова К. А., Ахвандерова А. Д.</i>	О некоторых фонетических особенностях говоров чувашей Ульяновской области	121
<i>Ефанова О. А.</i>	Использование мультимедийных средств обучения на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе	127
<i>Жилина И. А.</i>	Образ красавицы на материале Национального корпуса русского языка	133
<i>Журина М. И.</i>	Русская литература на острове Шри-Ланка. Из практики преподавания русского языка как иностранного	136
<i>Замальдинов В. Е., Нарышев А. И.</i>	Новообразования на базе ключевых слов в период проведения специальной военной операции	141
<i>Ильина В. М., Пастухова Л. Б.</i>	Концепт «вода» и его текстовая реализация	145

<i>Калинина М. В.</i>	Медийная агрессия как ведущая стратегия СМИ (на материале ток-шоу «Вечер с В. Соловьевым»)	151
<i>Кириллова О. Ю., Кириллова Н. С., Пушкин А. С.</i>	Миниатюра как жанр литературного творчества: проблема определения (на материале миниатюр Роберта Вальзера)	157
<i>Кириллова Н. С., Кириллова О. Ю., Пушкин А. С.</i>	Афоризмы Альфреда Польгара как объект лингвистического исследования	162
<i>Кирпичева О. В.</i>	Антропонимическое пространство современной российской телевизионной рекламы	169
<i>Крушинская Т. Ф.</i>	Совершенствование мыслительной деятельности обучающихся в процессе выработки навыков по русскому языку	174
<i>Лебедев Э. Е.</i>	О некоторых вопросах словообразования в чувашском языке	179
<i>Луговская Е. Г.</i>	Реализация типов эквивалентности знака имени собственного в художественном тексте	185
<i>Малова Е. Н., Косякова Е. Ю.</i>	Гастрономические образы и их функции в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»	192
<i>Мандик В. А.</i>	Дистрибуция свистящих и шипящих в позиции сандхи в белорусском литературном языке	198
<i>Миронова Д. В., Данилова Е. А.</i>	Средства создания метафоры	203
<i>Михеева С. Л.</i>	Качественное значение у относительных прилагательных: форма превосходной степени	207
<i>Нефедова Л. А.</i>	<i>Фрау, канцлерин, мутти</i> : иноязычные номинации лица в дискурсе российских СМИ	212
<i>Николаева А. Ю.</i>	Взаимодействие литературы и кино: проблема интерпретации	218
<i>Орехова Ю. М.</i>	Реализация принципа преемственности при обучении иностранному языку как одно из требований модернизированного ФГОС	222

<i>Павлова Н. И.</i>	Изучение юмористических рассказов в 8 классе медицинского предуниверсария	227
<i>Петрова Ю. А., Петров С. А., Денисова Т. В.</i>	Опыт лексикографического портретирования слова «кямъл»	233
<i>Плахтыря В. С.</i>	Лексические особенности видеовербальных текстов (на примере рекламы немецких авиакомпаний)	239
<i>Полежаева С. С.</i>	Опыт интерпретации стихотворения Б. Бочагова «Бессмертник и ромашка»: лингвокультурологический аспект	244
<i>Похилько А. Д.</i>	Нравственный авторитет учителя в российской культуре: на примере А. А. Зиновьева	252
<i>Русак О. В.</i>	Концепт «РЕКА» в поэзии белорусских классиков Янки Купалы и Якуба Коласа	257
<i>Русак О. В.</i>	Семантический способ деривации лесохозяйственных терминов в белорусском языке	263
<i>Сагдеева Ф. К.</i>	Медицинские термины-метафоры в татарском языке	267
<i>Сидорова Л. А.</i>	Классификации новых лексических единиц	272
<i>Сироткина Т. А.</i>	Сравнения в художественной прозе Наринэ Абгарян	277
<i>Соловьёва И. В.</i>	Геймификация и традиционные методы преподавания латинского и русского языков	280
<i>Степанова Е. Д.</i>	Морфологические особенности актуализации стратегии дискредитации	285
<i>Теуш О. А.</i>	Наименования дорог и троп в вятских говорах русского языка: интерпретация внутренней формы	289
<i>Тонкова Е. Г., Куклина Л. Г.</i>	Изучение грамматики современного поэтического текста в школе как средство формирования лингвистической компетенции обучающихся	293
<i>Ухлейкина О. С., Ахвандерова А. Д.</i>	Использование цифровых технологий при обучении лексике в практике преподавания русского языка как иностранного	298

<i>Фань Юнь-Чжу</i>	Китайский «рис» по сравнению с украинским «хлебом»	304
<i>Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А.</i>	К вопросу об определении паремий в современном русском языке	311
<i>Хлопова А. И., Максимова А. А.</i>	Психологически актуальное содержание ценности НЕИМАТ в немецкой лингвокультуре	315
<i>Хмелевский М. С., Савченко А. В.</i>	Русский язык в славянском мире: к вопросу о сложности изучения русского языка на фоне других славянских	320
<i>Холманских Ю. С.</i>	К вопросу о пиджинах на основе русского языка	327
<i>Хусаинова А. Я.</i>	Взаимосвязь местного диалекта и общепотребительной лексики татарского языка	332
<i>Якушкина З. Н.</i>	Отбор актуального дидактического материала для филологического анализа текста	337

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемое издание является итогом работы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Язык. Личность. Культура» (5–6 октября 2023 года), организованной на факультете истории, филологии, управления и права кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева и посвященной 175-летию чувашского просветителя, педагога, организатора народных школ И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева.

В конференции приняли участие исследователи из стран ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси (Минск, Могилев), Приднестровья (Тирасполь), Словакии (Братислава), Тайваня (Тайбэй); ученые, преподаватели и студенты из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Армавира, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Казани, Краснодар, Нижнего Новгорода, Орла, Сургута, Саратова и др. Доклады посвящены основным вопросам современной филологии: лингвистике и вопросам межкультурной коммуникации; морфемике и словообразованию; лексике и фразеологии, сопоставительным исследованиям и др.

Первый раздел посвящается юбилярам Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева: *90-летию* со дня рождения кандидата филологических наук, доцента *Виталия Ивановича Котлеева* (1933–1989), заведующего кафедрой русского языка (с 1967 г.), декана филологического факультета (с 1978 г.).

В этом году 17 августа юбилейную дату празднует *Евдокия Александровна Андреева*, зав. кафедрой чувашского языка (1997–2004), декан факультета чувашской филологии (2004–2013). Коллектив Университета Яковлева сердечно поздравляет Евдокию Александровну с днем рождения и желает ей неиссякаемой энергии, крепкого здоровья и всех благ!

Сборник предназначен для лингвистов, научных сотрудников, преподавателей гуманитарных вузов, а также аспирантов, магистрантов и студентов-филологов.

Редколлегия

РАЗДЕЛ 1.

ДОРОГИМ УЧИТЕЛЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Т. В. Денисова

ЮРАТНӐ ВӖРЕНТЕКЕН ПИРКИ / О ЛЮБИМОМ УЧИТЕЛЕ

Андреева Евдокия Александровна [17.08.1958. ЧАССР, Моргаушский район, д. Адабай]. Кандидат филологических наук (1995), доцент (1999).

«Родилась в д. Адабай (Атапай) Моргаушского района Чувашской Республики. Е. Андреева – выпускница Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Трудовую деятельность начала учителем в Большесундырской средней школе Моргаушского района. В 1980-1990 гг. – преподаватель в Чувашском республиканском институте народного образования. С 1993 г. работает в Чувашском государственном педагогическом институте (ныне университет) им. И.Я. Яковлева: преподаватель, заведующая кафедрой чувашского языка и литературы, с 2004 по 2013 гг. – декан факультета чувашской филологии. <...> Награждена Почетной грамотой Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2005)» [Султалӑк кӑнеки 2018: 260]. Широкоизвестны научные труды Е. А. Андреевой по чувашскому словообразованию и синтаксису [Андреева 2014; Чӑваш 2015; Сергеев 2012] и мн. др.

Сурла уйӑхӑн 17-мӑшӑнче паллӑ чӑваш чӑлхесӑ, филологи ӑслӑлӑхесен кандидачӑ, Раҫсей Федерацийӑн аслӑ профессӑ пӑлӑвӑн хисеплӑ ӗҫченӑ, нумай ҫул хушши И. Я. Яковлев ячӑллӑ Чӑваш патшалӑх педагогика университетчӑн чӑваш филологи факультечӑн деканӑнче вӑй хунӑ Евдокия Александровна Андреева доцент 65 ҫул тултарать.

Евдокия Александровна – чӑваш чӑлхин пуянлӑхне упрас, ӑна малалла аталантарас тӑлӑшпе тухӑҫлӑ ӗҫлекен сумлӑ ӑсчахсенчен пӑри. Вӑл Муркаш районӑнчи Атапай ялӑнче ҫуралнӑ. 1975 ҫулта Муркашри вӑтам шкултан вӑренсе тухнӑ хыҫҫӑн И. Н. Ульянов ячӑллӑ Чӑваш патшалӑх университетчӑн чӑваш чӑлхипе литературы уйрӑмне вӑренме кӑнӑ. Унтан 1980 ҫулта вӑренсе тухнӑ хыҫҫӑн Муркаш районӑнчи Мӑн Сӑнтӑрти вӑтам шкулта малтан чӑваш чӑлхипе литературине вӑрентнӑ, директорӑн воспитани енӑпе ӗҫлекен ҫумӑ пулнӑ (1980-1983). Хастар та пултаруллӑ учителе Атапайри тулли мар вӑтам школа куҫараҫҫӑ, унта

вӑл директорӑн вӑренӑ енепе ӗслекен ҫумӑ пулса вӑй хурать (1985-1988). Ҫакӑн хыҫҫӑн Евдокия Александровна 2 ҫул хушши Шупашкарти Учительсен пӗлӗвне ӱстерекен институтӑн ҫӑваш чӗлхипе литератури кафедрин ассистентӗнче ӗсленӗ, курсра вӑренекек учительсене лекцисем вуланӑ (1988-1990).

Мал ӗмӗтлӗ педагог хӑйӗн пӗлӗвне ӱстерес тӗллеве 1990 ҫулта Чӑваш патшалӑх педагогика институтӗн ҫӑваш чӗлхипе литератури кафедрин ҫумӗнче уҫӑлнӑ аспирантура вӑренме кӑрет. Ҫак вӑхӑтра пулас ӗсчах ӗслӑлӑх ӗсне кӑленет, ҫӑваш сӑмах пулӑвӗн вӑрттӑнлӑхӗсене тӗпчеме тытӑнать. Аспирантура вӑренни Евдокия Александровнӑн чӗлхе ӗслӑлӑхӗн кӑткӑс ӗслайӗсемпе мелӗсене алла илсе хӑнӑхмалли питӗ кирлӗ шкул пулса тӑнӑ. Вӑл «Чӑваш чӗлхинчи аффикс хушӑнса пулнӑ глаголсем» темӑпа диссертаци хатӗрлет, ӑна 1995 ҫулта ӑнӑҫлӑ хӑтӗлесе филологи ӗслӑлӑхӗсен кандидачӗн ятне тивӗҫлӗ пулат. Ҫапла вара ҫамрӑк ӗсчах хӑйӗн малашнехи тӗпчев ӗҫсен ҫул-йӑрне ҫирӗппӗн палӑртать.

1993-2018 ҫулсенче Е. А. Андреева Чӑваш патшалӑх педагогика университетӗнче

тӑрӑшнӑ: ҫӑваш чӗлхи кафедрин ассистентӗ (1993-1995), аслӑ преподавателӗ (1995-1997), доцент, кафедра ертӗҫи (1997-2004), ҫӑваш филологи факультетӗн деканӗ,

халăхсем хушшинчи хутшăнава йĕркелекен пай ертÿси (2004-2017).

Е. А. Андреева – анлă тавра курăмлă, пысăк эрудициллĕ тĕпчевçĕ. Вăл тăван чĕлхемĕре тĕрлĕ вĕренÿ заведенийĕсенче вĕрентмелли нумай-нумай вĕренÿ кĕнекин, вĕренÿпе меслетлĕх пособийĕн авторĕ, аслăлăх редакторĕ.

Е. А. Андреева чĕлхе тĕпчевçи кăна мар, пултаруллă педагог та. Университетра ёсленĕ тапхăрта пирĕн юбиляр çĕр-çĕр учитель хатĕрленĕ. Вăл вĕрентсе кăларнă специалистсем âна яланах ырапа асăнаççĕ, унăн ёсченлĕхĕнчен, сăпайлăхĕпе çынлăхĕнчен тĕлĕнеççĕ, âна тĕслĕх вырăнне хураççĕ.

Евдокия Александровна пултарулăхĕ чăннипех нумай енлĕ. Чĕлхе тата âна вĕрентес меслетлĕх ыйтăвĕсемпе ирттерекен аслăлăх конференцийĕсене хастар хутшăннă вăл. Турци çĕр-шывĕнче, Бирскра, Хусанта пулнă, кăсăклă докладсемпе итлекенсен чĕрисене тыткăнланă, шухăшлама хистекен проблемăсене çутатса пама пултарнă. Пултаруллă педагог республикăри тата республика тулашĕнчи чылай шкулпа сыхăну тытнă, чăваш чĕлхине вĕрентекенсене усăллă канашсем панă.

Общество ёсĕсене те вăхăтра туса пыма ёлкĕрнĕ Евдокия Александровна. Нумай çул хушши вăл чăваш чĕлхи кафедрине ертсе пынă, университетăн аслăлăх канашĕн, диссертаци советĕн çыруçинче вай хунă.

Чыс та хисеп Сире, хисеплĕ Евдокия Александровна! Тав Сире тÿрĕ кăмăллă та сăпайлă, тараватлă, ыра та çирĕп кăмăллă пулнишĕн, хăвăр пурнăçарпа тĕслĕх парса вĕрентсе пынишĕн.

Литература

Андреева Е. А. Производные глаголы в словообразовательной системе чувашского языка / Е. А. Андреева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – 158 с.

Чăваш чĕлхинчи хутлă предложени : вĕренÿ пособийĕ / Чăв. патш. пед. ун-чĕ ; хатĕрл. Е. А. Андреева. – Шупашкар : ЧППУ, 2015. – 96 с.

Сергеев Л. П. Чăваш чĕлхи : [чăваш филологи фак. студенчĕс. вал. хатĕрл. вĕренÿ кĕн.] / Л. П. Сергеев, Е. А. Андреева, В. И. Котлеев. – Шупашкар : Чăв. кĕн. изд-ви, 2012. – 431 с.

Çулталăк кĕнеки = Календарь года: 2018 [Электронный ресурс] / Нац. б-ка Чуваш. Респ.; сост. П. А. Семенова, О. Э. Алексеева. – Чебоксары, 2017. – 436 с. – Режим доступа: <https://pdffox.com/2018-pdf-free-w-107594-pdf-free.html>

Автор:

Денисова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

Author:

Denisova Tatiana Vitalievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

ВИТАЛИЮ ИВАНОВИЧУ КОТЛЕЕВУ – 90 ЛЕТ

29 октября 2023 года исполняется 90 лет со дня рождения видного чувашского языковеда и педагога, крупного специалиста в области русской и чувашской фонологии, фонетики, лексикографии, отличника народного просвещения СССР, заслуженного работника высшей школы Чувашской АССР Виталия Ивановича Котлеева.

Он родился в деревне Орбаши Цивильского района Чувашской Республики. В 1953 году поступил на русско-чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института, где преподавали известные ученые В. Г. Егоров, С. П. Горский, М. Я. Сироткин, М. М. Михайлов. Уже в студенческие годы ярко проявились незаурядные способности В. И. Котлеева. Отличник учебы, именной стипендиат, редактор факультетской стенгазеты «Филолог», активный участник художественной самодеятельности, спортсмен, чемпион Чебоксар по фигурному катанию, бригадир студенческого строительного отряда, трудившегося на Алтае.

По окончании в 1958 году с отличием педагогического института его направляют на работу в НИИ языка, литературы, истории и экономики. Он участвует в нескольких диалектологических экспедициях, особенно тщательно изучает красночетайские говоры чувашского языка и собирает солидный полевой материал. Основным объектом его дальнейших исследований становится звуковой строй чувашского языка. Закончив аспирантуру при Институте языкознания Академии наук СССР и защитив кандидатскую диссертацию по теме «Чувашский вокализм в сравнительном освещении», В. И. Котлеев возвращается в Чебоксары, в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР. Дальнейшая его научно-педагогическая деятельность связана с родным для него пединститутом, где он с 1963 года работал сначала ассистентом и старшим преподавателем, затем доцентом кафедры русского языка. В 1967 году он возглавил эту кафедру и в течение последующих десяти лет много сделал для развития ее научного потенциала. В 1978 году его избрали деканом филологического факультета. Сочетая учебно-административную работу с научной, он завершил написание докторской диссертации «Структура слога в чувашском языке», но не успел её защитить в связи с внезапной смертью в 55 лет.

Результаты исследований В. И. Котлеева опубликованы в целом ряде работ [Котлеев 1987; Котлеев 1963; Котлеев 1965; Котлеев 1979; Котлеев 1981].

Пособие «Чăваш чĕлхи», написанное Л. П. Сергеевым и В. И. Котлеевым, удостоено в 1992 году Государственной премии Чувашской Республики имени К. В. Иванова.

В истории чувашской фонетической науки с его именем связан подъем этой науки до качественно нового, высшего уровня – фонологии. Все ученые отмечают непревзойденный уровень его незавершенной работы по фонологии чувашского языка. Кроме этого, он был высококвалифицированным лексикологом, одним из составителей чувашско-русского словаря, великолепным стилистом, редактировавшим немало сборников научных трудов и учебных пособий [Анисимов 2013].

Ученики В. И. Котлеева отмечали его как преподавателя, кто не просто преподает, а возвращает в своих студентах интерес к языку, замечает крупинки самостоятельного восприятия и анализа текста или грамматического явления. Научность его преподавания не терпела никаких скидок на студенческое «недоумие» или недопонимание, никаких упрощений: вот вам Соссюр, Гумбольдт, Шлейхер, вот вам Якобсон, Трубецкой – извольте принять и понять! Был еще таинственный прибор – осциллограф, единственный по тем временам атрибут высоких технологий в научных исследованиях по теории фонемы (сейчас он находится в музее вуза). На нем выверял свои фонетические изыскания фонолог Котлеев.

Незыблем был авторитет Котлеева и как декана филологического факультета, отличавшегося требовательностью к себе, непредвзятой оценкой научной и преподавательской деятельности членов коллектива, независимо от степени и ранга [Бирюкова 2013].

Отмечая светлую память В. И. Котлеева, показавшего пример бескорыстного и беззаветного служения науке, безукоризненного исполнения своего профессионального и человеческого предназначения, человека необыкновенного обаяния и доброй души, влюбленного в свое дело лингвиста, прекрасного знатока языков, надо сказать, что его творческое наследие нуждается в более пристальном изучении и осмыслении.

(В статье использованы воспоминания заведующих кафедрой русского языка Г. А. Анисимова, доктора педагогических наук, профессора, и Л. П. Бирюковой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, выпускницы 1969 года. Обработка выпускницы 1978 года, кандидата педагогических наук, доцента кафедры русской и чувашской филологии и культурологии З. Н. Якушкиной).

Литература

1. *Анисимов Г. А.* Призвание ученого // Светлый путь : очерки о жизнедеятельности филологов в прошлом и настоящем / Г. А. Анисимов, В. П. Романов. – Чебоксары : Чуваш гос. пед. ун-т, 2013.
2. *Бирюкова Л. П.* Во всем виделся идеал... // Светлый путь : очерки о жизнедеятельности филологов в прошлом и настоящем / Г. А. Анисимов, В. П. Романов. – Чебоксары : Чуваш гос. пед. ун-т, 2013.

3. *Котлеев В. И.* Сопоставительно-типологическая характеристика русских ударных гласных в произношении чувашей и венгров : (к вопросу о профессиональной подготовке учителей русского языка для нерусской школы) / В. И. Котлеев, Ж. Петто // *Двуязычие и контрастивная грамматика : межвуз. сб. науч. тр. – Чебоксары, 1987. – С. 9–18.*

4. *Котлеев В. И.* Система фонем чувашского языка / В. И. Котлеев // *Вопросы чувашского языкознания и литературоведения / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1963. – Вып. 26. – С. 3–24.*

5. *Котлеев В. И.* К вопросу о составе согласных фонем чувашского языка / В. И. Котлеев // *Филологический сборник: Ученые записки / НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1965. – Вып. 28. – С. 68–75.*

6. *Котлеев В. И.* Дифференциальные признаки и акустические характеристики чувашских гласных / В. И. Котлеев // *Советская тюркология. – 1979. – № 5. – С. 64–71.*

7. *Котлеев В. И.* Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ: фонологи очеркĕ / В. И. Котлеев. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 1981. – 96 с.

Выпуск 1970 г.

В первом нижнем ряду преподаватели факультета (слева направо):

Белла Абрамовна Бройтман, Татьяна Эммануиловна Хмара-Борщевская, Владимир Никифорович Абашев, Августа Михайловна Ярмуж, Виталий Иванович Котлеев, будущий преподаватель Надежда Гурьевна Агапова.

В верхнем ряду Владислав Алексеевич Степанов среди студентов факультета

Кафедра русского языка
1967 г.

В нижнем ряду (слева направо): Уськин Александр Сергеевич, Татьяна Эммануиловна Хмара-Борщевская, Ляпидовский Александр Алексеевич, Краснова Лидия.

Второй ряд: Михайлов Матвей Михайлович, Никитинская Римма Петровна, Орлова Валерия Ивановна, Васильева Эра Георгиевна, Алексеева Анисса Павловна, Чернов Мефодий Федорович.

Верхний ряд: Котлеев Виталий Иванович, Макаров Владимир Григорьевич, Сергеев Илья Тимофеевич, Мышкин Зиновий Филиппович

Автор:

Якушкина Зинаида Никитична – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары (Россия), e-mail: zinaalevtinina@mail.ru;

Author:

Yakushkina Zinaida Nikitichna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies Languages of I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary (Russia), e-mail: zinaalevtinina@mail.ru

РАЗДЕЛ 2.
МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 372.881.161.1

А. Г. Абдурахманова, А. С. Цховребов

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЯХ В
ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Работа выполнена по Государственному заданию Министерства просвещения Российской Федерации №1023012500064-6-5.3.1 на 2023 год в рамках проекта тематики научных исследований «Разработка и обоснование модели организации образовательной деятельности, на продвижение целей и ценностей российского образования и культуры в Народной Республике Бангладеш» (AGWQ-2023-0014)

Аннотация. В статье представлены синтаксические ошибки в письменной речи иностранных обучающихся, которые допускаются в сложноподчиненном предложении с условной придаточной частью. Вопрос о типологии ошибок иностранцев-нефилологов представляет актуальность в современной лингвометодике. В ходе исследования установлено, что наиболее частотной ошибкой являются сложные структуры с собственно-условными отношениями, основным квалификатором в которых выступают союзы *если, если бы*. Нарушения на уровне морфологии не ведут к непониманию смысла высказывания, коммуникативному сбою – к коммуникативной неудаче; к сложному восприятию написанного ведут ошибки на уровне синтаксической структуры предложений. Проведенный анализ позволит детализировать классификацию синтаксических ошибок, будет способствовать разработке методики коррекции типичных речевых ошибок.

Ключевые слова: синтаксические ошибки, сложное предложение, сложноподчиненное предложение, условные отношения, союз.

А. Г. Abdurakhmanova, A. S. Tskhovrebov

TO THE QUESTION ABOUT SYNTAXIC VIOLATIONS WITH A
CONDITIONAL PART IN THE PRACTICE OF TEACHING RFL

Abstract. The article presents syntactic errors in the written speech of foreign students, which are allowed in a complex sentence with a conditional clause. The question of the typology of mistakes of foreigners-non-philologists is relevant in modern linguistic methodology. In the course of the study, it was found that the most common mistake is complex structures with self-conditional relations, the main qualifier in which are conjunctions *if, if*. Violations at the level of morphology do not lead to a misunderstanding of the meaning of the statement, a communicative failure – to a communicative failure; Errors at the level of the syntactic structure of

sentences lead to a complex perception of what is written. The analysis carried out will make it possible to detail the classification of syntactic errors and will contribute to the development of a methodology for correcting typical speech errors.

Keywords: syntactic errors, complex sentence, complex sentence, conditional relationship, union.

В современной лингводидактике проблема классификации синтаксических ошибок в речи обучающихся до сих пор привлекает внимание методистов, психологов и рассматривается как важный инструментальный для создания модели педагогического воздействия по предупреждению и преодолению синтаксических ошибок. Формирование речевых компетенций при изучении русского языка, создание методики развития речи с учетом синтаксических навыков – актуальная проблема методики преподавания русского языка как родного, неродного, так и иностранного.

Речевые (синтаксические) ошибки стали рассматриваться в трудах психологов и лингвистов относительно недавно – в конце XIX века. Проблемой речевых ошибок занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи, указывавшие на важность анализа рассматриваемых ошибок (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев, К. И. Чуковский, В. Вундт и др.). Большое значение борьбе со смысловыми ошибками придавал В. И. Ленин, отмечавший в письме к Г. В. Плеханову важность исправления только тех ошибок, которые искажают смысл высказывания.

Первые исследования речевых ошибок в отечественной лингводидактике принадлежат А. Н. Гвоздеву [Гвоздев 1927], К. И. Чуковскому [Чуковский 1928: 466]. Огромный вклад в исследовании речевых ошибок внес лингвист и педагог Л. В. Щерба, который в своей работе «Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся» составил подробную классификацию синтаксических ошибок и объяснил причины их возникновения. В своей статье лингвист предлагает на основе анализа ошибок учащихся в области синтаксиса «найти в русском синтаксисе то, на что должно быть обращено наибольшее внимание при его прохождении, найти те его правила, которые чаще всего нарушаются учащимися» [Щерба 1930: 74].

Как отмечено выше, изначально речевые ошибки были предметом исследования психологов (Г. Ваймера, Р. Мерингера, Х. Боудена, З. Фрейда), в работах которых выделены и описаны основные типы отклонений, однако в трудах исследователей семантические ошибки не дифференцированы в отдельную группу ошибок, несмотря на то что всеми авторами отмечалась семантика ошибок.

Предметом анализа в статье стали ошибки в сложноподчиненных предложениях, которые свойственны иностранцам и не приводят к нарушению коммуникации, непониманию или неверному пониманию при общении, искажению отдельной фразы [Азимов, Щукин 2009], то есть не являются отклонениями, ведущими «к сбою коммуникативного акта, к коммуникативной неудаче» [Фомина 2015: 2].

На наш взгляд, с целью рассмотрения проблемы речевых ошибок в современной лингводидактике следует обратить внимание на их правильную квалификацию, то есть указать, что речевые ошибки – это отклонения от современных языковых норм, которые проявляются в орфоэпии, лексике, фразеологии, орфографии, пунктуации, морфологии, синтаксисе, стилистике. Несмотря на имеющиеся дифференциальные признаки, в современной педагогической практике нет единого термина, используемого для обозначения речевой, а в частности синтаксической ошибки – авторы употребляют разную терминологию при упоминании данного типа ошибок, то есть не существует четкого разграничения понятий.

В данной работе мы рассмотрели синтаксические ошибки, которые присущи письменной речи иностранных обучающихся.

К многочисленным ошибкам в письменной речи иностранцев следует отнести нарушения в СПП с условной придаточной частью с союзами:

а) *если* – наиболее употребительный, стилистически нейтральный союз, который служит для обозначения реального и потенциального условия;

б) *если бы*, который используется для обозначения ирреального и потенциального условия.

Рассмотрим ошибки обучающихся с союзами *если, если бы*:

1. Наиболее частотной ошибкой в СПП с условными отношениями является: а) нарушение в построении предложения ирреального условия – пропуск частицы *бы*: *Если у меня был выходной день, я спал весь день* (вместо *Если бы у меня был выходной день, я спал бы весь день*); б) пропуск частицы *бы*; неправильное использование временных форм: *Если не было русского языка, я не смогу понимать стихи* (вместо *Если бы не было русского языка, я не смог бы понимать стихи*); в) пропуск частицы *бы*; ошибка в падеже; неправильное использование временных форм: *Если не был такой человека, мы не можем построить дом* (вместо *Если бы не было такого человека, мы бы не смогли построить дом*).

2. Смещение притяжательных местоимений: *Если бы я не защищал мою страну, я бы умер от стыда* (вместо *свою*).

3. Использование в предложении с ирреальным условием с союзом *если бы* глагола в неопределенной форме: *Если бы у меня **быть** телефон, я бы позвонить девушке* (вместо *Если бы у меня был телефон, я бы позвонил девушке*).

4. Неточное словоупотребление, которое приводит к смысловой неточности: *Если бы у меня была страховка жизни, я бы не дал много семейных расходов* (вероятный вариант – *Если бы у меня была страховка жизни, я бы не потратил столько семейных средств/я бы не сделал так много семейных расходов*).

5. Использование лишнего союза; пропуск частицы *бы*; ошибка в глагольной форме – вместо прошедшего времени употреблено будущее: *Если бы Ангола не оказывала такой помощи Руанде, **что** она не обретет независимость* (вместо *Если бы Ангола не оказывала такой помощи Руанде, она*

бы не обрела независимость).

6. Ошибка в оформлении временного плана глаголов при реальном условии – вместо будущего времени употреблено прошедшее: *Я могу исправить оценку, если преподаватель дал шанс* (вместо *даст*).

7. Неверное употребление глаголов с нулевым лексическим значением – *есть* вместо *быть*: *Он будет покупать машину, если у него есть деньги* (вместо *будут*).

8. Пропуск глагола *дать*: *Я вам деньги, если вы со мной работаете до конца*.

9. Пропуск союза: *Написать рапорт, то можно пойти в увольнение* (вместо *Если написать рапорт, то можно пойти в увольнение*).

10. Употребление лишнего сочинительного союза при условном союзе: *Если я сдам зачеты, и пойду в увольнение*.

Анализ ошибок СПП с условной придаточной частью показал, что наиболее частотными являются нарушения с союзом *если*, который содержит условие, осуществляемое в разных временных формах глаголов, и союзом *если бы*, содержащим условие, которое не может осуществиться – не может реализоваться, то есть явление является нереальным, невыполнимым. Следует отметить ошибку в пропуске частицы *бы* при условной конструкции, что ведет к смешиванию изъявительного наклонения с условным.

Таким образом, в целях устранения синтаксических ошибок, выявленных в СПП с условной придаточной частью, следует правильно классифицировать нарушения, выявить природу возникновения подобных ошибок, собрать материал с синтаксическими ошибками, чтобы составить комплексный план работы по устранению этих недочетов. Для предупреждения и преодоления синтаксических ошибок в речи изучающих русский язык с целью разработки методики устранения типичных речевых ошибок следует вести учет синтаксических ошибок, регистрировать их, то есть составить их перечень – накопить «отрицательный грамматический материал». На наш взгляд, это будет способствовать созданию методики устранения данных ошибок, а их классификацию детализировать, чтобы создать методику педагогического воздействия, включающую такие упражнения и задания, которые бы формировали синтаксические (стилистические) компетенции иностранных обучающихся и развивали их письменную речь в целом.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – Санкт-Петербург: Детство-Пресс; Москва: Творческий центр Сфера, 2007. – 470 с.

3. Фомина Н. С. Коммуникативно значимые и незначимые ошибки в письменной речи тестируемых по русскому языку как иностранному // Концепт. – 2015. – № 12. – С. 1–7.

4. Чуковский К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – М.: Педагогика,

1990. – 381 с.

5. Щерба Л. В. Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 3. – С. 74–85.

6. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009. – С. 101.

Авторы:

Абдурахманова Азра Гитиномагомедовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Дагестанского государственного педагогического университета им. Р. Гамзатова, г. Махачкала; e-mail: azra.a-nova@mail.ru

Цховребов Алан Солтанович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: alanec1985@mail.ru

Authors:

Tskhovrebov Alan Soltanovich - candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: alanec1985@mail.ru

Abdurakhmanova Azra Gitinomagedovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Teaching Russian Language and Literature of Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, Makhachkala; e-mail: azra.a-nova@mail.ru

Д. Т. Азоян
Научный руководитель: С. С. Усов

ОСОБЕННОСТИ ХЕМШИНСКОГО ДИАЛЕКТА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА И УГРОЗА ЕГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности одного из диалектов армянского языка, а именно хемшинского, который имеет собственный алфавит, однако находится на грани исчезновения, так как основное население носителей живет в Турции и молодежь переходит только на турецкий язык.

Ключевые слова: хемшинский диалект, армянский язык, Турция, алфавит.

D. T. Azoyan
Scientific supervisor: S. S. Usov

FEATURES OF THE HEMSHIN DIALECT OF THE ARMENIAN LANGUAGE AND THE THREAT OF ITS DISAPPEARANCE

Abstract. The article examines the peculiarities of one of the dialects of the Armenian language, namely Hemshin, which has its own alphabet, but is on the verge of extinction, since the majority of native speakers live in Turkey, and young people switch only to Turkish.

Keywords: Khemshin dialect, Armenian language, Turkey, alphabet.

Хемшинский диалект входит в западно-армянскую группу армянского языка. Слово «хемшин» происходит от области Амшен, который звучит на турецкий лад «hemşin». Жителей этого исторического региона называли «хамшенци» (от армянского «համշենցի»). Данный диалект появился с разделом Армении между османами и персами в XV веке [Торосян 2019: 5].

В настоящее время армянский язык подразделяется на западно-армянский и восточно-армянский. Они различаются по грамматике и фонетике. В восточно-армянском языке есть три пары согласных звуков (глухой, звонкий, с придыханием), а в западно-армянском – две (звонкий и с придыханием), потому что произошли сдвиги (табл. 1 и рис. 1) [Армянский язык 2023].

Таблица 1 – фонетика западно- и восточно-армянского языка

	Звонкие	Глухие	С придыханием
Восточно-армянский	q (г) ɲ (д) ʒ (дж) ǰ (дз)	č (к) ц (п) ɬ (т) ç (ч) ɟ (ц)	ɸ (т) ǰ (ч) ɸ̣ (п) p̣ (к) ɸ̣̣ (ц)
Западно-армянский	č (г) ц (б) ɬ (д) ç (дж) ɟ (дз)	-	ɸ (т) ǰ (ч) ɸ̣ (п) p̣ (к) ɸ̣̣ (ц) q (к) ɲ (т) ʒ (ч) ǰ̣ (ц)

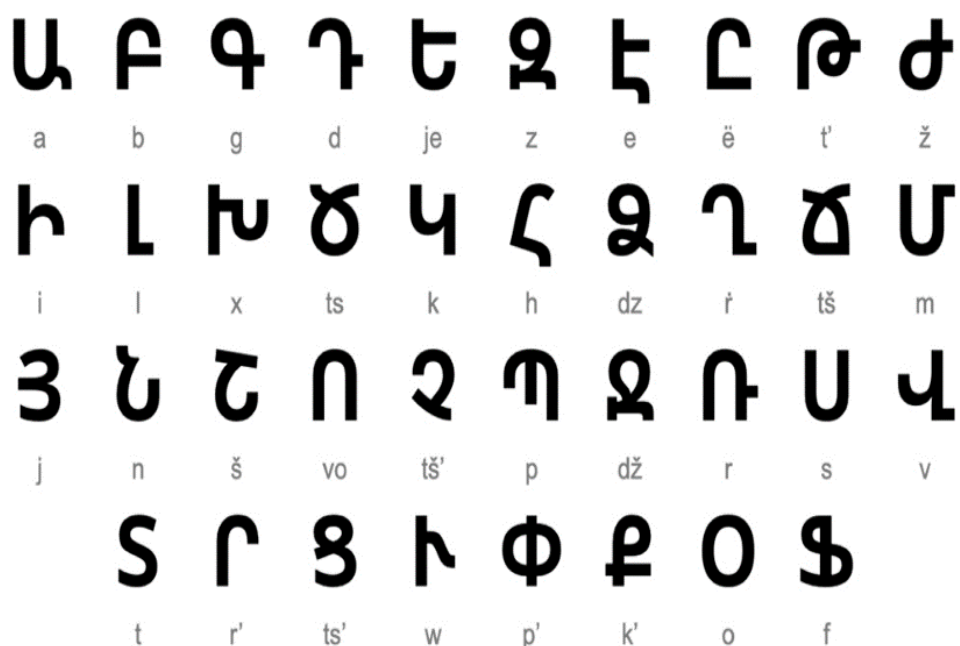

Рис. 1. Изображение армянского алфавита [Месроп Маштоц 2021]

Во времена Османской империи многие автохтонные народы принимали ислам, чтобы не платить налог. С конца XIX века христиане были подвергнуты гонениям. Резня армян при Абдул-Хамиде II в 1894-1896 гг. Массовое уничтожение христиан и иноверцев, а именно армян, греков, ассирийцев и езидов произошло во времена Первой Мировой войны. Количество погибших в те годы составило около 3 млн человек. Те, кто принял ислам, сохранили свою жизнь и не были подвергнуты преследованиям со стороны властей Османской империи. Армяне, которые стали мусульманами и остались в Турции, стали себя называть хемшинами, а их язык – хемшинский. Они обосновались в таких городах, как Трапезунд, Ризе и Орду.

Особенности этого диалекта – наличие латинской графики, а также огромное количество архаизмов и тюркизмов в лексике. В таблице 2 показано сравнение двух алфавитов:

Таблица 2. Сравнение хемшинского и армянского алфавита

Хемшинский	Армянский	Транскрипция
A a	Ա ա	А
B b	Բ բ	Б
C c	Զ ջ	Дж
Ç ç	Ծ ճ	Ч с придыханием
D d	Դ զ	Д
E e	Է է / Ե ե	Э и Е
F f	Ֆ ֆ	Ф
G g	Գ գ	Г
Ğ ğ	Դ զ	Г (украинское и белорусское хекание)
H h	Հ հ	Горловой Х

X x	Խ Խ	Х
I i	Ը ր	Между Ы и Э
İ i	Ի Ի	И
J j	Ճ Ճ	Ж
K k	Ք ք	К с придыханием
L l	Լ Լ	Л
M m	Մ մ	М
N n	Ն ն	Н
O o	Օ օ / Ո ո	О
P p	Փ փ	П с придыханием
R r	Ր ր / Ռ ռ	Р
S s	Ս ս	С
TS ts	Շ շ	Ц с придыханием
Ş ş	Շ շ	Ш
T t	Թ Թ	Т с придыханием
U u	ՈՒ ու	У
V v	Վ վ	В
Y y	Յ յ	Й
Z z	Չ չ	З
Dz dz	Չ ձ	Дз

Таким образом, при сравнении двух этих алфавитов можно сделать выводы:

- 1) Отличительная особенность порядка букв в хемшинском из-за влияния турецкого;
- 2) Отсутствие глухих пар звуков в данном диалекте, так как он входит в западно-армянскую группу (представлено в таблице 1);
- 3) Отсутствие таких букв, как «Ո ո» («во», в начале слов произносится «во», а в остальных случаях – «о»), «Լ լ» («ев»), «Ր ր» (мягкая р), «Ռ ռ» (твердая р), (в хемшинском в зависимости от контекста звук «р» меняется), «Է է» («э»), «Ե ե» («е»), (такая же ситуация в хемшинском);
- 4) Общее количество букв в алфавите 30 по сравнению с 39 буквами в армянском [Озкан 2018].

В настоящее время этот диалект в Турции находится на грани исчезновения, потому что молодежь переезжает в Стамбул и Анкару для лучшей жизни и переходит только на турецкий язык. Также стоит отметить, что практически отсутствуют школы по изучению такого диалекта, так как правительство Турецкой Республики ущемляет национальные меньшинства. Например, репрессии курдов, название их «горными турками», лозунг «Как я счастлив называть себя турком» [Трофимцева 2016: 33].

Нами был проведен опрос среди жителей Орду, Трапезунда и Ризе в количестве 1234 человека в возрасте от 16 до 40 лет. Результаты были таковы (табл. 3):

Таблица 3 – Результаты опроса использования хемшинского диалекта

Используют	Не используют
31%	69%

Таким образом, на основании опроса можно сделать вывод, что хемшинский диалект находится на грани исчезновения.

Литература

1. Армянский язык [Электронный ресурс] // Omniglot. 2023. URL: <https://omniglot.com/writing/armenian.htm> (дата обращения: 07.09.2023).
2. Месроп Маштоц [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. 2021. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2563034.html> (дата обращения: 07.09.2023).
3. Озкан М. Уроки хемшинского языка [Электронный ресурс] // Hamsheni hekianer. 2018. URL: <http://hamshentsi.blogspot.com/2018/04/latin-harfleri-ile-hemsince-alfabe.html> (дата обращения: 07.09.2023).
4. Торосян А. С. Уникальность армянского алфавита // Шаг в науку. – 2019. – С. 1-20. URL: <https://infourok.ru/issledovatel'skaya-rabota-na-temu-istoriya-armyanskogo-alfavita-6365286.html>
5. Трофимцова М. А. Курдский вопрос в национальной политике Турции на современном этапе // Достижения вузовской науки. – 2016. – С. 32–36.

Автор:

Азоян Давид Татевосович – магистрант Российского биологического университета, г. Москва, Россия; e-mail: azoyandavidmgupp@mail.ru

Научный руководитель: *Усов Сергей Сергеевич* – старший преподаватель Российского биологического университета, г. Москва, Россия; e-mail: usovss@mgupp.ru

Author:

Azoyan David Tatevosovich – Master's student of the Russian Biological University, Moscow, Russia; e-mail: azoyandavidmgupp@mail.ru

Scientific supervisor: *Usov Sergey Sergeevich* – Senior Lecturer of the Russian Biological University, Moscow, Russia; e-mail: usovss@mgupp.ru

Д. В. Андреева
Научный руководитель: О. А. Димитриева

ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ШМЕЛЕВА

Аннотация. Статья посвящена изучению кулинарно-гастрономического кода в творчестве И. С. Шмелева. Внимание уделяется анализу образа главного героя, воссоздать который позволяет специфика использования мотивов и образов кулинарно-гастрономической сферы.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, повесть «Человек из ресторана», политическая сказка «Веселый барин», кулинарно-гастрономический код.

D. V. Andreeva
Scientific supervisor: O. A. Dimitrieva

THE IMAGE OF THE MAIN CHARACTER THROUGH THE PRISM OF THE CULINARY AND GASTRONOMIC CODE ACCORDING TO THE WORK OF I. S. SHMELEV

Abstract. The article is devoted to the study of the culinary and gastronomic code in the works of I. S. Shmelev. Attention is paid to the analysis of the image of the main character, which can be recreated by the specifics of the use of motives and images of the culinary and gastronomic sphere.

Keywords: I. S. Shmelev, the story "The Man from the restaurant, the political fairy tale "The Merry Gentleman", culinary and gastronomic code.

Понятие *код культуры* широко употребляется в современных исследованиях творчества различных писателей. Огромным коннотативным потенциалом в художественных произведениях обладает кулинарно-гастрономическая сфера, что, прежде всего, связано с естественными потребностями человека в *еде*.

Особый интерес в этом отношении представляет творчество И. С. Шмелева, о чем свидетельствует ряд работ исследователей. Например, Е. М. Болдырева рассматривает особенности пищевого топоса в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Исследователь утверждает, что «важнейшей семантической доминантой» в романе писателя становится *еда* [Болдырева 2016: 64]. Именно *еда* становится источником пищевых ассоциаций, которые, по мнению Е. М. Болдыревой, оказываются «самыми сильными в потоке воспоминаний героя» [Болдырева 2016: 64]. Тем самым кулинарно-гастрономический код отражает не только внешнюю сторону жизни и быта человека, но и его внутренние эмоции в тот или иной период жизни.

Еда в произведениях И. С. Шмелева может иметь символическое значение. Так Ж. Е. Левина изучает роман писателя «Лето Господне», анализируя символы «праздничного городского пространства» [Левина 2023: 256]. По мнению исследователя, «образ религиозного праздника неразрывно связан с описанием быта, в котором одной из знаковых тем является гастрономическая» [Левина 2023: 256]. Тем самым писатель пытается показать особое отношение главного героя (ребенка) к праздничной *еде*, которое имеет сакральный смысл.

В. А. Поздеев, рассматривая функции *еды* в произведении И. С. Шмелева «Лето Господне», выделяет в первую очередь следующее: «пищевой код помогает писателю показать духовное становление героя» [Поздеев 2012: 192]. Действительно, кулинарно-гастрономическое окружение в произведениях писателя позволяет говорить о том или ином развитии и изменении главного героя. В основном анализ произведений И. С. Шмелева связан с изучением его романного наследия. С этой точки зрения интересно обратиться к рассмотрению кулинарно-гастрономического кода в творчестве писателя на примере повести «Человек из ресторана», эпопеи «Солнце мертвых» и сказки «Веселый барин».

Главным героем повести «Человек из ресторана» является Яков Софронич Скороходов, человек незначительного социального статуса, официант перwokлассного ресторана. В произведении широко используются внутренние монологи, позволяющие проникнуть в мир героя и ощутить то, что он чувствует и переживает внутри себя в различные моменты его жизни. В отличие от повести в произведении И. С. Шмелева «Солнце мертвых» автором художественно осмысливается личный опыт пребывания в Крыму во время красного террора и голода 1919-1922 гг. [Смирнова 1991]. Главному герою приходится ежедневно видеть боль и страдания окружающих его людей, которые, как и он, стали жертвами политического насилия. Отношение писателя к происходящим в стране событиям отражены и в его политических сказках, («Веселый барин», «Панкрат и Мутный», «Сладкий мужик» и др.), которые продолжали тенденцию писателя в изображении народа.

В повести «Человек из ресторана» кулинарно-гастрономическая сфера обладает огромным коннотативным потенциалом в выражении **индивидуальных и социальных особенностей человека**. Образы *еды* и *питья* используются для описания **внешнего вида** человека и особенно его **поведения**. Писатель характеризует индивидуальные и социальные особенности людей посредством изображения того или иного действия, поступка человека.

Например, особое поведение человека может быть положено в основу создания новой номинации. Так предпочтения в еде явились основой для образования фамилии-прозвища человека – Икоркин: «*А это Икоркин. Маленький такой и черненький, как блоха, но очень цепкий и может говорить. И Икоркиным-то его прозвали на смех — очень любил, как поступил, икорку с ложечек и тарелок слизывать*» [Шмелев 2009: 418]. Описываемый человек, который, как и главный герой, является работником этого заведения, подъедал остатки после посетителей. Данное поведение и характерный способ употребления *еды* этим человеком привели к созданию шуточного прозвища – Икоркин.

Тип поведения человека также является: – отражением социального / профессионального статус человека. Например, главный герой следующим образом описывает своего нового жильца: *«Так вот, пришел он с морозу, и видно, что продрог. Смотрю я, как пирог так душисто дымится, и повернулось у меня на сердце. Вот, думаю, живут люди, обедают не каждый день, хотя и очень образованные, и пирожка-то у них никогда не бывает. И сказал я Луше: – Вот что. Позовем жильцов, пусть пирожка поедят... Им в охотку»* [Шмелев 2009: 467]. Яков Софроныч замечает, что пришедший к нему жилец небогатый, хотя и образованный, может даже нуждается в еде, поэтому он и решает его накормить. Герой проявляет сочувствие и милосердие к нему и в качестве доброго жеста приглашает его вместе отведать пироги. *Пирог* выступает маркером достатка или его отсутствия: *«пирог душисто дымится»* – описание текущей ситуации, *«пирожка-то у них никогда не бывает»* – переход в узуальную ситуацию, в которой дается общая характеристика быта жильца (*обед не каждый день, пирожка-то ... никогда*) и возвращение в настоящий момент – *«пусть пирожка поедят»*. Рассуждения о еде становятся показателями образа жизни.

Поведение в контексте произведения также приобретает дополнительные коннотации. Оно рассматривается как: – средство воздействия на человека; – способ прекращения разговора; – ответная реакция на поведение другого человека; – выражение благодарности; – выражение эмоционального состояния.

Поведение человека может отражать также социальные и профессиональные особенности (взаимоотношения клиента / посетителя ресторана и обслуживающего персонала; особенности заказов гостей и др.). Например, при описании образованных и ученых людей, рассказчик обращает внимание на адвоката – Антона Степановича Глотанова: *«Поглядишь, как Антон Степаныч деликатесы разные выбирает и высшей маркой запивает, так вот и думается — за какой такой подвиг ему все сие ниспослано — и дома, и капиталы, и все? И нельзя понять. И потом его даже приятели прямо жуликом называют. Чистая правда»* [Шмелев 2009: 393]. Господин заказывает дорогие блюда и напитки, что подтверждается используемыми в тексте конструкциями (*деликатесы разные выбирает и высшей маркой запивает*), тем самым отражается и высокое социальное положение человека, который может позволить себе это.

Индивидуальное и социальное в человеке ярко выражается в описаниях главного героя, что отражается во **взгляде** на него **со стороны** и в его **собственной оценке**. Например, герой очень был рад тому, что сумел поднакопить определенную сумму за короткий срок, поэтому он счастлив в заключительный день недели: *«И в таком веселом расположении был я в то воскресенье, что прямо всех хотелось обласкать и сказать хорошее слово. И пироги удались на славу. И только сели мы за пирог и я рюмочку водки праздничную выпил, как раз и входит в квартиру с морозу наш новый жилец»* [Шмелев 2009: 466]. Внутреннее состояние героя отражается в его восприятии окружающего мира. Все обыденное становится для него необычным – сам воскресный день, только что испеченные *пироги*, появление нового жильца и др. Ему хочется со все-

ми поговорить и поделиться своим настроением. И все, что происходит рядом, отзывается в его душе яркими впечатлениями текущего дня.

Политическая сказка «Веселый барин» отличается от вышеупомянутых произведений тем, что субъектом действия является не просто барин, а его орган – *кишка*. Это связано прежде всего с особенностями жанра произведения – сказкой. Именно через описание данной части тела человека читатель воссоздает образ главного героя. Лексема *кишка* приобретает ряд коннотативных значений, из которых складывается определенное представление об образе барина. На то, что *кишка* является активным субъектом действия, указывают семантико-синтаксические связи лексемы и определенных глаголов (*кишка дела требует, кишка работала, кишка доходит, кишка пошабашила, кишка запела*). Подобные словосочетания непосредственно характеризуют самого барина, его времяпрепровождение и характер.

Особое значение в контексте произведения приобретает словосочетание *кишка луженая*. Оно используется писателем человека, способного съесть много еды (в данном случае оно осмысливается в отрицательном ключе). Например, в ситуации, когда барин решает посетить знакомый ресторан: «– Да никак ты самый и есть, веселый барин, *кишка луженая?!..* Так это из-за тебя ворон-то шпарю да собачину жарю?! Уйди, черт, сейчас кипятком зашпарю!..» [Шмелев URL].

Особое внимание стоит уделить кулинарно-гастрономической лексике сказки, которая характеризуется – избытком уменьшительно-ласкательных формы слов (диминутивов – *чайку-кофейку, икоркой да семушкой, пирожками, ветчинки-котлетки и под.*); намеренным искажением слов (*буденбродами, шинпанского*); композитами, созданными путем сложения двух или трех основ (*куропатки-рябчики, апельсины-лимоны-мандарины*).

Таким образом, кулинарно-гастрономический код в творчестве И. С. Шмелева является одним из ярких способов изображения человека. В контексте произведения *еда* приобретает множество дополнительных значений, которые позволяют достоверно осмыслить особенности каждого образа в произведении. В повести «Человек из ресторана» писатель заостряет внимание на выражении индивидуальных и социальных особенностях человека, которое выражается – во внешнем виде человека, в его поведении. Диалоги героев и их внутренние монологи дополняют образы персонажей. При этом важен не только взгляд со стороны, но и собственная оценка. Особое внимание стоит обратить на политическую сказку писателя «Веселый барин», в которой образ героя воссоздается путем анализа лексемы *кишка* как субъекта действия и словосочетания *кишка луженая*. Отличается произведение использованием кулинарных диминутивов, искаженных слов и композитов.

Литература

1. Болдырева Е. М. Пищевой топос в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне» // Культура. Литература. Язык. – Ярославль: ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, 2016. – С. 64-69.

2. Левина Ж. Е. Гастические образы как символы рождественской Москвы в творчестве И. Шмелёва // Импалогия и компаративистика. – 2023. – № 19. – С. 256-267.

3. Поздеев В. А. Функция еды в романе «Лето Господне» (восприятие детским сознанием) / В. А. Поздеев. // Russische Küche und kulturelle Identität / Hrsg. v. N. Franz. Universitätsverlag Potsdam, 2012. – С. 189-202.

4. Смирнова М. Г. Комментарии // Шмелев И. С. Пути небесные: Избранные произведения. – М. : Советский писатель, 1991. – С. 585-588.

5. Шмелев И. С. Веселый барин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Иван Шмелев. Том 8. Рваный барин. Читать онлайн \(traumlibrary.ru\)](http://traumlibrary.ru). – Дата доступа : 20.09.2023.

6. Шмелев И. С. Лето Господне. Человек из ресторана. – М. : Дрофа, 2009. – 541 с.

Автор:

Андреева Диана Владимировна – студент 4 курса факультета истории, филологии, управления и права, группы «Русский язык и литература» Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: diandreeva2002@yandex.ru

Научный руководитель:

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: olgaal_79@mail.ru

Author:

Andreeva Diana V. – 4th year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law, group «Russian language and Literature», Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: diandreeva2002@yandex.ru

Scientific supervisor:

Dimitrieva Olga A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Russian and Chuvash languages and Culturology, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: olgaal_79@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. В настоящей статье освещаются особенности обучения русскому языку как иностранному. В методике преподавания русского языка как иностранного вопросами формирования у учащихся лексических навыков занимались такие ученые, как Э. В. Аркадьева, Г. В. Горбаневская, Н. Д. Кирсанова, В. Н. Вагнер, А. В. Ковалева, С. П. Розанова, Т. В. Шустикова, О. Н. Халеева, А. Н. Щукин и др. В системе РКИ обучение лексике осуществляется в совокупности с обучением фонетике и грамматике, поскольку лексика является основным строительным материалом в речевой деятельности, ее роль в овладении иностранным языком также важна, как роль фонетики и грамматики. Лексика составляет основу коммуникации русского языка, является неотъемлемой частью изучения русского языка как иностранного. Поэтому основной целью работы над лексикой в РКИ является формирование лексических навыков у слушателей, изучающих русский язык как иностранный.

Ключевые слова: методика, русский язык как иностранный, лексика, формирование лексических навыков.

A. D. Akhvanderova

FORMATION OF LEXICAL SKILLS WHEN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. This article highlights the features of teaching Russian as a foreign language. In the methodology of teaching Russian as a foreign language, the issues of developing lexical skills in students were dealt with by such scientists as Arkadyeva E.V., Gorbanevskaya G.V., Kirsanova N.D., Wagner V.N., Kovaleva A.V., Rozanova S.P., Shustikova T.V., Khaleeva O.N., Shchukin A.N. and others. In the RFL system, teaching vocabulary is carried out in conjunction with teaching phonetics and grammar, since vocabulary is the main building material in speech activity, its role in mastering a foreign language is as important as the role of phonetics and grammar. Vocabulary forms the basis of communication in the Russian language and is an integral part of learning Russian as a foreign language. Therefore, the main goal of working on vocabulary in RFL is to develop lexical skills in students learning Russian as a foreign language.

Keywords: methodology, Russian as a foreign language, vocabulary, formation of lexical skills.

В практике преподавания русскому языку как иностранному формирование у учащихся лексических навыков имеет огромное значение, так как лекси-

ческие навыки входят в состав речевых коммуникаций (аудирования и говорения), а также чтения и письма. Владение лексикой на всех этапах обучения русскому языку призвано удовлетворить коммуникативные потребности в повседневном общении.

В словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой дается определение понятия «лексика», под которой понимают словарный состав языка, какого-нибудь его стиля, сферы, а также чьих-нибудь произведений, отдельного произведения [Ожегов, Шведова 1995: 316], т. е. лексика – это совокупность слов языка, определенный пласт речи, а также язык писателя.

Методика преподавания лексики русского языка как иностранного нашла отражение в работах Э. В. Аркадьевой, Г. В. Горбаневской, Н. Д. Кирсановой, В. Н. Вагнер, А. В. Ковалевой, С. П. Розановой, Т. В. Шустиковой, О. Н. Халеевой, А. Н. Щукина и др.

Цель нашего исследования – раскрыть особенности обучения лексике в практике преподавания РКИ, используя подготовленный нами лингводидактический материал по теме исследования.

В системе РКИ обучение лексике осуществляется в совокупности с обучением фонетике и грамматике [Вагнер 2009]. Поскольку лексика является основным строительным материалом в речевой деятельности, ее роль в овладении иностранным языком так же важна, как роль фонетики и грамматики. Она составляет основу коммуникации русского языка, является неотъемлемой частью изучения русского языка как иностранного. Безусловно, постоянное увеличение словарного запаса позволяет более точно выражать свои мысли, делает речь более богатой и выразительной. Кроме того, хорошая лексическая база помогает иностранному студенту лучше усваивать письменные тексты и устные высказывания на русском языке.

Овладение иноязычной лексикой – процесс трудоемкий и сложный. Оно неосуществимо без владения словарным запасом изучающего языка, ибо без элементарного знания языка невозможно выразить собственные мысли и понять речь собеседника. Поскольку лексика тесно связана с грамматикой, изучение слов и выражений облегчает процесс понимания грамматических правил и особенностей языка. Поэтому основной целью работы над лексикой в РКИ является формирование лексических навыков у слушателей, изучающих русский язык как иностранный.

В Госстандарте и программах по русскому языку как иностранному определены требования к уровням общего владения [Государственный 2001]. В связи с этим учащимся необходимо усвоить лексический минимум языка, научиться пользоваться единицами этого минимума в различных видах речевой деятельности, а также научиться понимать значения слов на слух при воспроизведении, так как с помощью лексики передается и воспринимается содержательная сторона речи [Андрюшина, Козлова 2019]. Ведь именно лексика в силу своей номинативной функции передает непосредственный предмет мысли и проникает во все сферы жизни, помогая отразить не только реальную, но и вооб-

ражаемую действительность, поэтому для эффективного обучения русскому языку как иностранному важную роль имеет работа с лексикой русского языка.

Формирование словаря, необходимого и достаточного для удовлетворения основных коммуникативных потребностей в социально-бытовой и социально-культурной сферах общения, а также обеспечение лексического наполнения для усвоения грамматических особенностей русского языка является первостепенной задачей каждого преподавателя РКИ.

Безусловно, обучение лексике осуществляется путем отбора материала (лексических единиц и словосочетаний) по тематическому критерию с выделением речевых тем, которые необходимы иностранному студенту при изучении русского языка как иностранного и представляют для него большой интерес [Розанова, Шустикова 2016]. На начальном этапе обучения русскому языку после фонетической разминки начинаем формировать лексические навыки, используя средства наглядности, постепенно включая в речевую коммуникацию новые слова и выражения.

Ученые в практике преподавания РКИ выделяют три разряда речевых тем: 1) бытовые (семья, квартира, дом, город, улица, еда, аптека, транспорт, у врача и т. д.); 2) общественно-политические (образование, отдых, искусство и т. п.); 3) научное познание человека (математика, космонавтика, биология, экология, физика и т. п.).

Для успешного овладения лексикой в преподавании РКИ принято классифицировать две группы лексических навыков: продуктивные (говорение и письменная речь) и рецептивные (аудирование и чтение).

Формирование продуктивных лексических навыков подразумевает выполнение таких упражнений, которые направлены на запоминание семантического значения слова в единстве с его фонетической и грамматической формой.

Упражнение 1. Читайте фразы.

Э́то
де́вочка.

Э́то
ма́ма.

Э́то де́душка.
Э́то ба́бушка.

Э́то
ма́льчик.

Э́то
па́па.

Э́то семья́.

Упражнение 2. Ответьте на вопросы.

– Это девочка?

– Да. Это девочка.

1. – Это мальчик? – 2. – Это человек? – 3. – Это папа? –
4. – Это мама? – 5. Это дедушка? – 6. – Это бабушка? – 7. – Это человек? – 8. – Это ребёнок? – 9. – Это мужчина? – 10. – Это женщина? – 11. – Это семья? – 12. – Это сын? – 13. – Это дочь.

Упражнение 3. Ответьте на вопросы.

– Это девочка?

– Нет. Это не девочка. Это мальчик.

1. – Это мальчик? (девочка). 2. – Это женщина? (мужчина). 3. – Это папа? (мама). 4. – Это мама? (папа). 5. – Это дедушка? (бабушка). 6. – Это бабушка? (дедушка). 7. – Это мужчина? (женщина). 8. – Это женщина? (мужчина). 9. – Это сын? (дочь). 10. Это дочь? (сын).

Упражнение 4. Назовите предметы на картине и запишите эти слова.

Упражнение 5. Составьте диалог «Знакомство».

Для эффективного усвоения лексики важно использование условно-ролевых форм, к которым, в первую очередь, относят сюжетную ролевую игру, сюжеты для которой берутся из повседневных речевых ситуаций, такие как: *в университете, в аптеке, на занятии, у врача, в транспорте, в театре, в магазине, на стадионе* и т. д. Например?

– Привет!

– Как тебя зовут?

– Привет!

– Меня зовут Таня, а тебя как зовут?

– Меня зовут Анна.

На занятиях по формированию лексических навыков активно используются также языковые игры, в том числе игры со словами. Например, для расширения словарного запаса и активизации изученной лексики используются игры-разминки или игры со словами, которые не привязаны к конкретной теме и могут быть использованы в качестве лексической разминки [Аркадьева и др. 2005].

В процессе овладения словом, кроме ознакомления с его функцией, значением, формальными признаками, необходима тренировка в усвоении слов и применении их в устной и письменной речи. Следовательно, преподаватель должен понимать, что при введении лексики в речевой обиход за рамки минимума выходить нельзя.

Рецептивные упражнения направлены на познание лексической единицы на слух [Ковалёва 2013]. Например, можно предложить такие упражнения: прослушайте слово и повторите; выполните действие, называемое преподавателем и т. д.

При обучении лексике ученые выделяют следующие этапы работы с лексическим материалом: 1) презентация вводимой лексики; 2) методические действия, обеспечивающие усвоение учащимися новой лексики; 3) организация повторения усвоенной лексики и контроль качества усвоения [Вагнер 2009].

Безусловно, на начальном этапе происходит ознакомление с лексической единицей и ее объяснение. Предъявление лексической единицы происходит в

контексте, так как именно при включении слова в предложение им приобретаются статус и значение. Затем преподаватель объясняет слова, формы слов (фонетическую и грамматическую характеристику слова) и их значение. При пояснении значения того или иного слова используют различные способы семантизации: использование наглядности, подбор антонимов, перечисление, перевод и т. д. [Халеева 2016].

На следующем этапе работы с лексическим материалом происходит организация усвоения новой лексики с помощью подготовительных упражнений, которые формируют способность опознать лексическую единицу на слух и визуально и навык её употребления в речи.

На заключительном этапе происходит контроль усвоения изученного лексического материала, который представляет собой особую форму обратной связи [Щукин 2018]. Лексика, пройденная на прошлом уроке, должна быть проверена и оценена в начале следующего, в противном случае велик риск забывания изученного материала. Одним из эффективных способов такого контроля является тестирование, которое должно включаться в курс обучения как промежуточная ступень каждого занятия.

Таким образом, формирование лексических навыков для удовлетворения основных коммуникативных потребностей в социально-бытовой и социально-культурной сферах общения является первостепенной задачей каждого преподавателя РКИ на всех этапах работы при обучении русскому языку как иностранному.

Литература

1. *Андрюшина Н. П.* Лексический минимум по русскому языку как иностранному / Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова. – СПб.: Изд-во Златоуст, 2019. – 80 с.
2. *Аркадьева Э. В.* Лексика в практическом курсе русского языка / Э. В. Аркадьева, Г. В. Горбаневская, Н. Д. Кирсанова // Живая методика: для преподавателя русского языка как иностранного. М.: Рус. язык. Курсы, 2005. – С. 180–246.
3. *Вагнер В. Н.* Лексика русского языка как иностранного и ее преподавание: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 104 с.
4. *Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. 2-е изд., исправ. и доп.* – М.–СПб.: Златоуст, 2001. – 28 с.
5. *Ковалёва А. В.* Этапы работы с лексикой при обучении РКИ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 231–233.
6. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. Издание 2-е испр. и доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
7. *Розанова С. П.* Лексические трудности при изучении русского языка. Уровни: В1–В2 / С. П. Розанова, Т. В. Шустикова. – Издательство: Флинта. Наука, 2016. – 184 с.

8. *Халеева О. Н.* Некоторые аспекты организации самостоятельной работы над новой лексикой // Русское культурное пространство: сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во «Перо», 2016. – С. 576–579.

9. *Щукин А. Н.* Русский язык как иностранный: основы учебниковедения: пособие для преподавателей и студентов-филологов. М.: Изд-во ИКАР, 2018. – 324 с.

Автор:

Ахвандерова Алина Давыдовна – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, Чебоксары (Россия).

Author:

Akhvanderova Alina Davydovna – candidate of philological sciences, associate professor of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University.

**В. В. ДАНИЛОВ О ЧТЕНИИ В КУРСЕ
«МЕТОДИКА РУССКОГО ЯЗЫКА» В УЧИТЕЛЬСКОМ
ИНСТИТУТЕ В ПЕТЕРБУРГЕ**

Аннотация. Целью статьи является обзор учебника В. В. Данилова как научно-методического источника. В статье раскрываются особенности становления методики как науки в XX в. Отдельное внимание уделяется методике чтения, целям чтения, методам обучения чтению, формам работы с книгой для чтения, значению выразительного чтения и средствам выразительного чтения в учебнике «Методика русского языка» В. В. Данилова.

Ключевые слова: обучение чтению, методы обучения, содержание обучения, коммуникативные умения и навыки, средства обучения, методика преподавания русского языка.

О. V. Baranova

**V. V. DANILOV ABOUT READING IN THE COURSE
"METHODOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE" IN THE TEACHER'S
INSTITUTE IN ST. PETERSBURG**

Abstract. The purpose of the article is to review the textbook of V. V. Danilov as a scientific and methodological source. The article reveals the peculiarities of the formation of methodology science the beginning of the XX century. Special attention is paid to the methodology of reading, goals of reading, methods of teaching reading, forms of working with a book for reading, the meaning of expressive reading and means of expressive reading in the course "Methodology of the Russian language" by V. V. Danilov.

Keywords: teaching reading, teaching methods, teaching content, communication skills, teaching tools, methods of teaching the Russian language.

Введение. Учительские семинарии и учительские институты, в которых готовили педагогические кадры для высших начальных училищ, вторых классов двухклассных училищ, а также младших классов средних учебных заведений и гимназий, появились в 70-е гг. XIX в. в связи с развитием школьного образования. Однако недостатки классического образования в гимназиях обнаружили уже к 90-ым гг. XIX в. Об этом прямо и открыто писали в статьях в известных на тот момент журналах «Женское образование», «Русская школа» и др. Среди учителей и методистов назрела необходимость в коллективном обсуждении вопросов обучения грамматике, чтению и других проблем методики русского языка и литературы в школе. При поддержке великого князя Константина Константиновича Романова и многих других активных деятелей состоялся

съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений в 1903 г., после съезда стали появляться методики русского языка Н. К. Кульмана, А. Д. Алфёрова, А. Попова, П. О. Афанасьева, В. В. Данилова, Н. С. Державина, В. И. Фармаковского, Ц. П. Балталона, М. А. Тростникова, Н. М. Соколова, Г. Г. Тумина и др., которые были изданы в начале XX в., многие ещё в дореволюционный период [Текучева 2006: 39].

Надо сказать, что в начале XX в. в дореволюционный период не было издано ни одного учебника по методике русского языка как систематического курса за исключением двух фундаментальных работ: Н. К. Кульмана «Методика русского языка» (1912, 1915), в значительной степени адресованной учителям начальных школ, и А. Н. Бунакова «Методика русского языка в средней школе» (1914). Зачастую созданию учебников предшествовали курсы лекций, которые стали основой для учебных книг Н. С. Державина (1917), В. В. Данилова (1912, 1914, 1917) и др., были опубликованы и сами лекции Н. К. Кульмана (1909), А. М. Лободы (1915), А. Е. Грузинского (1917), Н. С. Державина (1917).

Всплеск интереса к изучению русского языка во всём мире известен в советское время, он был связан с достижениями советского народа в науке, образовании, социальной сфере и «вызвал к жизни и особую методику обучения русскому языку», которая учитывала опыт обучения иностранным языкам. Интенсивно стала разрабатываться методика русского языка для иностранцев при крупнейших вузах страны (МГУ, ЛГУ, технических вузах, РУДН) [Текучев 2006: 56]. Одними из первых работ для детей в эмиграции стали труды Н. К. Кульмана «Как учить наших детей русскому языку» (Париж, 1932), «О русском правописании» (Берлин, 1923) и др. Стабильная программа по русскому языку окончательно сложилась к 1938 г., в 50-е гг. XX в. русский язык уже изучался с I по X класс. В Программу 70-х были включены лексика, фразеология, словообразование, словосочетание, стилистика; сформулированы виды языковых и речевых умений [Текучева 2006: 69]. Русский язык стал важным инструментом общения граждан многих национальностей. Важно отметить, что истоки зарождения методической системы обучения русскому языку находятся ещё в самом начале XX в. и представляют научный интерес.

Методика чтения в учебнике «Методика русского языка» В. В. Данилова. Владимир Валерианович Данилов (1881–1970), филолог, педагог, литературовед и фольклорист, по окончании Нежинского историко-филологического института князя Безбородко (в 1905 г.) начинает преподавательскую деятельность в гимназиях Екатеринослава, Одессы, читает лекции в Петроградском учительском институте имени императора Александра II (с 1911 г.), преподаёт в мужской гимназии имени императора Александра I. В предреволюционный период он публикует лучшие свои работы «Русский язык в высших начальных училищах» (1914) (имеются в виду начальные классы), «Восприятие художественной речи учащимися младшего возраста» (1916) и др. В 1914 г. выходит первое издание учебника «Методика русского языка», в 1917 г. – второе издание, состоящее из 9 глав: «Введение в методику русского языка»,

«Методика чтения», «Литература как предмет преподавания», «О выразительности чтения», «Обучение орфографии», «Стилистические работы», «Преподавание грамматики», «Обучение церковнославянскому языку», «Психология запоминания в применении к преподаванию русского языка». Примечательно то, что В. В. Данилов включает в свой труд методы классного разбора литературных произведений в связи с обучением чтению, психологию словесного творчества, элементы компаративистики в преподавании грамматики русского и церковнославянского языков, что даёт основание говорить о межпредметных связях (с литературой, историей) в преподавании, о единстве методики с другими науками, об общепредметных целях в обучении русскому языку в школе. Пристальное внимание В. В. Данилов уделяет стилистическим работам в связи с обучением чтению и письму, включает параграфы: типы письменных стилистических работ, типы фантазии, порядок обучения видам сочинений, изложение прочитанного, изложение из круга личных впечатлений, сочинения по комбинационному методу, сочинения по картине, сложные описания, и некоторые другие виды стилистических работ [Данилов 1917: 204].

Обратимся к разделу «Методика чтения» и рассмотрим его в деталях. В. В. Данилов начинает с целей чтения и «процессов первоначального и вполне грамотного чтения». К *общепредметным целям* обучения чтению он относит: а) обогащение и упорядочивание понятий учащихся; б) воспитание умственной работы школьников. По мнению педагога, чтение имеет формально-развивающее значение, включает образовательную и воспитательную цели. Чтение расширяет нравственный горизонт учащихся. По словам В. В. Данилова, в обучении чтению присутствуют ярко выраженные логико-грамматические цели: 1) чтение содействует умственному развитию; 2) чтение возбуждает самостоятельность мышления; 3) чтение приучает к логическим суждениям. Для реализации заявленных целей, по мнению В. В. Данилова, подходят не только статьи отвлечённо-научного характера, но и художественные произведения для установления соотношений, приводящих к стройности и связности в миропонимании и мироотношении человека; изучаются «<...> понятия и суждения, которые даны физическим и нравственным миром, и которые обнимают отношения человека к Богу, природе, людям и Родине. Задача школы в том, чтобы развить и усовершенствовать это духовное содержание учащегося» [Данилов 1917: 6]. Таким образом, чтение в школе заключает в себе задачи логические, грамматические (стилистические), моральные и эстетические. Во-первых, чтение способствует развитию отвлечённого мышления, во-вторых, чтение возбуждает образное мышление. Результатом чтения должно быть полное понимание прочитанного, создание ясного, отчетливо осознаваемого конкретного образа (ряда образов), составляющих концепцию произведения.

В разделе «Чтение как средство обогащения и упорядочивания понятий учащихся» В. В. Данилов говорит, что в чтении показательно «богатство умственного инвентаря», точное определение слов и понятий, потому что неотчетливость, неточность приводят к искажениям и недопониманию смысла про-

читанного. Поэтому, чтобы достигнуть сознательного чтения, необходимо дать ученикам большой запас слов, «обнимающих не только конкретные представления, но также значительную часть абстрактных и переносных терминов и выражений». Смысл слов открывается по аналогии, по этимологии или контексту, и ученики должны научиться этому, иначе они никогда не будут извлекать из чтения всю пользу, и чтение не станет *осмысленным чтением*. Классное чтение, практикуемое в младших классах высшего начального училища и первых классах средних учебных заведений, обычно носило название *объяснительного чтения*, но имело свои вариации. Так, в разделе «Чтение как умственная работа» В. В. Данилов приводит в пример термин В. П. Шереметевского «сознательное чтение» и убеждение Ц. П. Балталона в том, что объяснительное чтение должно быть не только словотолковательным, а преимущественно *воспитательным чтением* [Данилов 1917: 16–19].

К методам обучения чтению В. В. Данилов относит: 1) пересказ прочитанного; 2) составление словесных и образных планов, ознакомление с планом произведения; 3) метод беседы и метод вопросов.

1. Пересказы прочитанного (устный и письменный) называли «умственной гимнастикой», словесно-логическими упражнениями, требующими не только напряжения ума, но и усилий воли, они имеют формально-образное и воспитательное значение, могут стать средством к развитию способности творчества у детей.

2. При составлении плана ученик начинает постигать последовательность содержания, связь между частями. Назначение плана в том, чтобы дать ученикам канву для скорого и успешного воспроизведения прочитанной статьи. Другое назначение плана – краткое формулирование содержания. В. В. Данилов считал, что «упражнения в выделении сущности прочитанного и кратком его выражении развивают гибкость ума, которая будет важна в жизни» [Данилов 1917: 33]. Начинать следует в младших классах с составления умственно-зрительных планов, подключая графику, иллюстрации, зрительные образы, на начальном этапе нет необходимости прибегать к отвлечённым словесным планам. Переходом к словесным планам могут служить задания придумать заголовок, изобразить схему произведения. А преобразование словесно-слуховых представлений в зрительные называлось «иллюстративным рисованием». Планам-иллюстрациям предавали большое значение русские методисты М. А. Тростников в работе «Методика чтения» и И. И. Трояновский в статье «О достижении сознательного чтения».

3. При помощи беседы учителем создается «настроение ожидания», предварительная беседа зарождает интерес, соединяется с ассоциациями или логическими нитями, и текст для чтения лучше усваивается учеником. Вопросы учителя к детям должны быть направлены на наблюдения, припоминания и обобщения. Кроме того, необходимо выработать привычку к чтению.

В. В. Данилов делает обзор *приемов* классного чтения для выправления техники: чтение комплексное, не по отдельным буквам; чтение скачками, что зависит от свойств движения глаз читателя; беглость в чтении, которая дости-

гается путём привлечения словесных ассоциаций; также необходимо учитывать, что механический процесс чтения замедляется пониманием текста. Для отработки техники чтения В. В. Данилов рекомендует упражнения с переводом, и, поскольку зрительные впечатления при чтении первичны, упражнения с чтением на разных языках и переводами тренируют навыки узнавания целого оптического образа слова, который, в свою очередь, служит импульсом к произнесению, озвучиванию зрительных фигур, сочетающихся в сознании со звуковым образом слова [Данилов 1917: 9].

Основным *средством* обучения В. В. Данилов называет классную книгу для чтения. Материал лучше выбирать с точки зрения не занимательности, а познавательной и воспитательной ценности. Классная книга для чтения или хрестоматия может служить, по словам В. В. Данилова, для всех указанных выше целей. Хрестоматия должна отвечать следующим требованиям: 1) язык помещённых в хрестоматию текстов, с одной стороны, призван быть образцовым, с другой, – понятным детям; 2) расположение материала должно удовлетворять дидактическому правилу градуальности (излагаться от простого к сложному); 3) содержание – соответствовать возрасту; 4) произведения в хрестоматиях должны даваться либо в целом виде, либо в виде отрывков, не разрушающих художественной идеи. В понимании В. В. Данилова, классной книге для чтения следует стать практическим учебником по теории словесности и соответствовать примерной программе для средней школы (Программы МНП, 1915). Чтение в младших классах должно быть соразмерно единству целей и представлять собой пропедевтический курс, предвещающий изучение более сложных художественных произведений в старших классах.

Отдельно В. В. Данилов говорит о выразительности при чтении, о наблюдении читающего за самим собой. Выразительность должна углублять содержание, она служит целям эстетического воспитания читателей. Громкое, ясное и отчётливое произношение, по словам А. Д. Алфёрова, важно «для бодрости работы на всех уроках», работа идёт плодотворнее, так как не пропадают те мысли, которые всем слышны. Чтобы научить детей, учитель и сам должен уметь читать с выражением. Слушание хорошего выразительного чтения, безусловно, образовательно-воспитательно ценно, ребёнок прислушивается к интонации, подмечает фальшивые ноты, запоминает удачные тона, у учащихся развивается чуткость слуха. Со временем, когда ребёнок научится различать грамматические паузы, войдет в привычку соблюдать и логические паузы. Третьим средством выразительности является интонация. Как говорил А. А. Потеня, «слово действительно существует только тогда, когда произносится» («Мысль и язык»). Хорошими упражнениями для развития выразительности могут стать драматизация и чтение по ролям.

Заключение. В учебной книге В. В. Данилова трактовку методического аппарата можно назвать традиционной, достаточно отчётливо прослеживается категориальный принцип и такие базисные категории обучения, как цели, содержание (знания, умения, навыки, знания о способах деятельности и эмоциональный опыт), принципы, методы и приёмы обучения чтению. Освещается

специфика учебной книги для чтения, содержание хрестоматии для чтения. В целом, на столь раннем этапе развития вполне различимо заявлены современные течения в методической науке: межпредметные связи, связь методики с психологией, педагогикой, языкознанием, фонологией, риторикой, философией и культурой. Научно-методический труд В. В. Данилова вносит свой весомый вклад в формирование целостной картины процесса становления и развития методической мысли, в данном случае, в вопросах обучения чтению.

Литература

1. Данилов В. В. Методика чтения : Методика русского языка / В. В. Данилов, преп. Петрогр. учит. ин-та им. Александра II и муж. гимназии им. Александра I. 2-е изд., перераб. Петроград; Киев : Сотрудник, 1917 (Киев:). IV, 204 с.
2. Методика преподавания литературы. Персоналии : биобиблиографический словарь / В. Ф. Чертов, А. М. Антипова, Е. И. Белоусова, В. П. Журавлёв и др. ; сост. и науч. ред. В. Ф. Чертов. Москва : МПГУ, 2018. 408 с.
3. Текучева И. В. О модели подготовки учителя русского языка в учительских институтах России. В сборнике: Лекантовские чтения – 2022: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2022. С. 376–381.
4. Текучева И. В. Курсы лекций по методике преподавания русского языка как основа теоретической подготовки учителей-словесников (начало XX в.) // Проблемы современного филологического образования. Сборник научных статей XII Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор В. А. Коханова. Ярославль, 2022. С. 79–85.
5. Текучева И. В. Методическая подготовка учителей русского языка в женских гимназиях в начале XX века // Проблемы современного филологического образования: сб. научных статей. Ярославль, 2023. С. 300–309.
6. Текучева И. В. О подготовке учителей русского языка в учительской семинарии в начале XX в. // Школа будущего. 2022. № 1. С. 52–61.
7. Текучева И. В. Основные вопросы обучения письму и чтению в лекциях по методике преподавания русского языка на Киевских высших женских курсах в начале XX в. // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой. Отв. редактор О. В. Шаталова. М., 2021. С. 253–258.
8. Текучева И. В. К вопросу о методической подготовке учителя русского языка средней школы в Педагогической академии (1907–1915) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К. А. Войловой. М., 2020. С. 293–299.
9. Текучева И. В. Теория и методика преподавания русского языка. Практические занятия: Методические рекомендации. Ч I. М.: МГПИ, 2006. С. 40–69.

Автор:

Баранова Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении Института филологии Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; e-mail: russolgavik@yandex.ru

Author:

Baranova Olga V. – Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language in Professional Education at the Institute of Philology of Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; e-mail: russolgavik@yandex.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ ВХОДНОГО КОНТРОЛЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

Аннотация. В статье представлены основные аспекты проведения входного контроля по дисциплине «Русский язык и культура речи». Аргументированно отмечена важность проведения входного контроля, который позволяет установить актуальную готовность студентов к изучению дисциплины. Рассмотрены основные элементы методики его проведения.

Ключевые слова: входной контроль, готовность к изучению дисциплины, педагогическое взаимодействие, учебный контроль, методика проведения входного контроля.

Yu. A. Belikova

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASES OF INPUT CONTROL ON THE DISCIPLINE "RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE OF SPEECH"

Abstract. The article presents the main aspects of the input control in the discipline "Russian Language and Culture and Speech". The importance of conducting an input control, which allows you to establish the current readiness of students to study the discipline, is argued. The main elements of the methodology for its implementation are considered.

Keywords: input control, readiness to study the discipline, pedagogical interaction, educational control, method of input control.

Государственные требования направлены на преемственность основных образовательных программ, что обеспечивает качественную подготовку будущих специалистов. Обязательной составляющей преподавания является систематический контроль знаний студентов. «Совершенствование процесса обучения в вузе предполагает также и совершенствование проверки знаний, умений и навыков студентов, являющейся важным элементом этого процесса. Результаты обучения во многом определяются качеством контроля» [Гельман 2019: 52].

В статье будет изложена методика проведения тестового входного контроля, который, на наш взгляд, должен стать обязательным компонентом структуры преподавания курса. Входной контроль позволяет оценить степень практической готовности студентов к изучению дисциплины «Русский язык и культура речи», а также провести мониторинг остаточных знаний обучающихся, полученных в результате освоения школьного курса.

И. В. Баклушина отмечает важность входного контроля, но предлагает использовать устное аудиторное фронтальное собеседование, так как при данной форме отсутствуют стрессовые факторы. Нельзя не признать важность этого наблюдения, однако такая организация входного контроля не позволяет получить объективные данные, необходимые для коррекции процесса обучения [Баклушина 2016: 78]. Психологические и педагогические особенности контроля знаний рассматривались в трудах Б.Г. Ананьева, Ю.К. Бабанского, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева и др. Особенности контроля в системе высшего образования, а также описания методов и форм контроля отражены в работах С.И. Архангельского, С.М. Вишняковой, В.А. Сластенина, М.Б. Челышковой, П.И. Пидкасистого.

Входной контроль – это обязательный элемент педагогической системы, в ходе проведения которого устанавливается фактический уровень знаний и практических умений студентов, а также определяются векторы дальнейшего педагогического взаимодействия. Результаты выпускного школьного экзамена не всегда отражают реальную готовность обучающихся к освоению дисциплины, следовательно, входной контроль является основным мониторинговым инструментом преподавателя. Психологический аспект входного контроля заключается в особенностях установления первого контакта преподаватель – студент. По заданиям студент может определить важнейшие локусы контроля учебной дисциплины.

Создание единого образовательного пространства и реализация концепции непрерывного образования требует обязательности входного контроля при переходе от одного уровня образования к другому. Однако на практике этого не происходит, преподаватель проводит его на свое усмотрение, самостоятельно определив форму. Государственные образовательные стандарты среднего общего образования являются основой для разработки тестов входного контроля.

Определим функции входного контроля: диагностическая, прогностическая, мотивационная, адаптивная. В основе методики проведения входного контроля лежит теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина и деятельностный подход к обучению А.А. Леонтьева. Учение как один из видов деятельности человека становится активной самостоятельной деятельностью, управляемой посредством использования контролирующих и диагностирующих мероприятий, обусловленных целеполаганием процесса обучения. Проведение такого мониторинга невозможно без инструментов, в нашем случае – это тесты.

Педагогическая система должна поставить дидактическую задачу проводить мониторинг остаточных знаний по русскому языку у студентов и с помощью педагогических технологий быть способной решить ее. При этом интерпретации должна подвергаться не только средняя оценка, а величины, отражающие характер освоения различных разделов науки о языке.

Наша методика проведения входного контроля позволяет увидеть характер освоения дисциплины, а именно тестовые вопросы охватывают теорию и практику всех разделов науки о языке: фонетику, орфоэпию, орфографию, морфе-

мику и словообразование, морфологию, синтаксис, стилистику. По содержанию каждого из разделов в тестовых заданиях представлено 3-4 вопроса. Помимо тестовых заданий студентам предложено выполнить анализ текста.

Тестовые задания предпочтительно выбирать открытого типа, предоставляя студентам возможность выразить собственную точку зрения. Следует отметить, что хорошо себя зарекомендовали тесты на соответствие и задания на восстановление последовательности.

Важнейший этап – это интерпретация результатов, которая носит групповой характер. В процессе анализа тестирования каждый студент имеет право представить свою точку зрения, аргументировать выбор варианта ответов. Также представляется возможность заявить о себе в новом коллективе.

В результате оценивания такого входного контроля преподаватель видит, какие трудности имеет студент с изучением дисциплины, на что стоит обратить внимание и как организовать индивидуальную самостоятельную работу обучающегося. Интерпретация результатов занимает время, но каждый студент получает четкий вектор для работы. Опыт проведения такого мониторинга показывает, что год от года уровень овладения лингвистическими компетенциями выпускниками школ повышается, неудовлетворительных оценок становится меньше. В 2020 г. при сравнении трех групп первокурсников этот показатель составлял 15%, в 2021 г. – 10%. Следует отметить, что качество знаний колеблется на уровне 45% как в базисном, так и в отчетном году. Эти показатели также важны для оценки результативности работы, если сравнить итоговый экзаменационный балл и достижения входного контроля.

В нашей статье нами были рассмотрены особенности проведения входного контроля по учебной дисциплине «Русский язык и культура речи», отмечена важность использования тестирования с включением вопросов из различных разделов науки о языке. Затронутые методические аспекты свидетельствуют о том, что назрела необходимость разрабатывать нормативную базу применения входного контроля по учебной дисциплине «Русский язык и культура речи» в вузе не только на уровне учебной программы.

Литература

1. *Баклушина И. В.* О формах проведения входного контроля уровня подготовленности обучающихся // Вестник Сибирского индустриального университета. Серия: Университетское образование. – 2016. – № 3 (17). – С. 78–83.
2. *Гельман В. Я.* Совершенствование форм контроля успеваемости в вузе // Современное образование. – 2019. – № 2. – С. 52–57. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28364 (дата обращения: 02.05.23).

Автор:

Беликова Юлия Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, г. Санкт-Петербург (Россия)
beli-yulya@rambler.ru

Author:

Belikova Yulia A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of the Kirov Military Medical Academy, beli-yulya@rambler.ru

НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ «БОЛЕЗНЬ» В ПОДЪЯЗЫКЕ ГОМЕОПАТИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию научного концепта «Болезнь» в подъязыке гомеопатии как формата знания в специализированном дискурсе. На основе компонентного и контекстуального видов анализа показано, что исследуемый концепт объективирован тремя концептуальными признаками (*характер болезни, течение болезни и результат болезни*). С языковой точки зрения, в вербализации научного концепта «Болезнь» и его концептуальных признаков принимают участие языковые средства различной степени терминологизации. Общелитературные лексемы выражают обыденное понимание болезни. Прототермины как единицы, не имеющие краткой формы термина, репрезентируют преднаучное знание. Преобладающие отраслевые и узкоспециальные термины вербализуют научный пласт исследуемого концепта.

Ключевые слова: научный концепт, концепт, терминология, прототермин, знание.

A.E. Buzheninov

SCIENCE CONCEPT «DISEASE» IN THE SUBLANGUAGE OF HOMEOPATHY

Abstract: This paper is devoted to the description of the science concept "Disease" in the sublanguage of homeopathy as a format of knowledge in a specialized discourse. Based on the component and contextual types of analysis, it is shown that the concept under study is objectified by three conceptual features (*the nature of the disease, the course of the disease and the result of the disease*). From a linguistic point of view, the verbalization of the scientific concept "Disease" and its conceptual features involve linguistic means of varying degrees of terminology. General literary lexemes express the ordinary understanding of the disease. Prototerms as units that do not have a short form of a term represent prescientific knowledge. The prevailing industry and highly specialized terminology verbalize the scientific layer of the concept under study.

Keywords: science concept, concept, terminology, prototerm, knowledge.

Насущной проблемой когнитивно-дискурсивного терминоведения является выявление когнитивных структур, форматов знания, лежащих в основе дискурсивной деятельности в той или иной научной и профессиональной сфере. Одной из важнейших таких структур является научный концепт, отражающий экспертные знания той или иной науки, профессиональной области знания и/или деятельности. Система взаимосвязанных концептов той или иной науки

становится когнитивным каркасом этой науки, обеспечивая возможность порождения, хранения, интерпретации и передачи специальных знаний.

При этом методологически важно отметить, что «понятие» и «научный концепт» не являются тождественными феноменами. Как отмечают В. Ф. Новодранова и И. П. Массалина, «научный концепт шире понятия. Он включает в себя как наивный аналог понятия (метафорические, исторические термины), так и собственно понятия как инструмент логического и научного мышления» [Массалина, Новодранова 2009: 73]. Научный концепт, как и концепт вообще, «оперативная единица, которая не содержит обобщающего значения и при функционировании в конкретной ситуации проявляет актуальные для нее признаки» [Ракитина 2007: 200-201]. Понятие же суть логически структурируемое знание; научный концепт может включать и элементы наивной картины мира, обыденного знания о том или ином явлении.

Научный концепт проявляет себя в дискурсивной деятельности в рамках той или иной научной и/или профессиональной области знания; на языковом уровне он реализуется в рамках подъязыка этой области знания. С понятийной точки зрения, подъязыки (LSP, language for special purposes) – это «особые когнитивно-коммуникативные пространства, в основе которых лежит комплекс значимых концептов, категорий и субкатегорий» [Голованова 2011: 78]. С языковой точки зрения, подъязык является вербальным коррелятом научно-профессионального дискурса, совокупностью языковых средств (терминологических и общелитературных), служащих для передачи ее предметных знаний (Н. Б. Гвишиани, З. И. Комарова, В. М. Лейчик, С. Е. Никитина, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская, L. Dépecker, M.-C. L'Homme, L. Hoffmann, M. Slodzian, J. Sager).

Подъязык суть специализированная номинативная система; главной ее единицей является термин как носитель специальной, научной информации. С другой стороны, важную роль играют и другие языковые единицы. Профессионализмы, профессиональные жаргонизмы свойственны устной форме общения, а общелитературная лексика, с неизбежностью бытующая в научном дискурсе, репрезентирует обыденные представления о научных концептах.

Целью настоящей работы является исследование научного концепта «Болезнь» в подъязыке гомеопатии, выявление средств его вербализации. Дискурсивным источником материала послужили монографии, учебные пособия по гомеопатии как сфера функционирования специальных единиц, в которой контекст позволяет проявиться различным концептуальным признакам. Основными методами исследования является компонентный и контекстуальный анализ языковых единиц.

Молодость гомеопатии как области знания (первые публикации по гомеопатии датируются 1799 годом) обуславливает недостаточную сформированность ее терминологического аппарата, широкое обращение к концепциям и понятиям родовой для нее науки – академической медицины, опору на экспертные знания в смежных областях (молекулярная биология, физиология, анатомия и др.). В силу этих особенностей большую роль в гомеопатических текстах

играет отраслевая терминология, меньшую роль – собственно гомеопатическая, узкоспециальная терминология. Это относится и к вербализации такого научного концепта, как «Болезнь».

Анализ материала показал наличие как слов общенародного языка, участвующих в концептуализации (*недуг, недомогание*), так и общемедицинских (*патология, нозология, нозологическая форма*). Концепт «болезнь – состояние нездоровья» отображается посредством актуализации следующих концептуальных признаков: 1) характер болезни, 2) течение болезни, 3) результат болезни.

Рассмотрим эти концептуальные признаки подробнее:

Признак 1. Характер болезни

Холистический подход к организму и индивидуализация лечения накладывают свой отпечаток на специальный язык гомеопатии. Поскольку гомеопатия представляет собой особый лечебный метод, она не является чем-то эзотерическим, но вполне конкретной наукой, использующей достижения академической медицины: в дискурсивной практике мы встретим общемедицинские ономазиологические структуры, описывающие характер патологии: *вирусные, онкологические, инфекционные, венерические, неврологические заболевания* и т. д.

Частотными являются и общенародные наименования заболеваний: *тяжелое заболевание, сезонное, внутреннее, неизлечимое заболевания*. Здесь мы вновь сталкиваемся с интеграцией научной и наивной концептуализации и категоризацией действительности: общенаучные термины актуализируют в основном те названия, которые основаны на профессиональном, научном подходе к болезням (определение их локализации путем клинических, лабораторно-инструментальных средств диагностики); обыденные же названия репрезентируют те признаки, что выделены обыденным мышлением, основанном на взгляде со стороны на феномен: сезонные заболевания – те, которые имеют постоянство возникновения в то или иное время года; неизлечимое – то, после которого неизбежно наступает смерть и т. д.

Собственно гомеопатическое видение патологий имеет как традиционный взгляд на патологии, так и специфический, собственно гомеопатический. Рассмотрим в качестве примера термин *гомеопатическое (лекарственное) обострение и лекарственная болезнь*. В современных источниках по гомеопатии утверждается, что термины «гомеопатическое обострение» («лекарственное обострение») и «лекарственная болезнь» являются синонимами, тогда как раньше (XIX век) первые гомеопаты разделяли их значения. В. А. Линде в одной из своих монографий обобщает понимание этих терминов: «Под термином «лекарственная болезнь» он [Ганеман] понимал появление на фоне приема гомеопатических препаратов новых, **не имевшихся** (*выделено В. А. Линде*) до начала лечения, или возврат прежних, **заглушенных данным заболеванием** симптомов. Под термином «гомеопатическое обострение» он понимал усиление уже имевшихся до начала лечения симптомов. Однако жесткой границы между этими двумя понятиями С. Ганеман не проводил, считая их разными проявлениями одного и то же процесса. В современной гомеопатии эти два явления

также принято объединять в понятие «гомеопатическое или лекарственное обострение» [Линде 2001: 56].

Однако, как представляется, один термин не покрывает здесь разницы между понятиями: в случае «лекарственной болезни» после приема препарата появляются новые либо давно ушедшие симптомы, что означает фактически развитие новой *болезни*; в случае же «лекарственного обострения» происходит лишь *усиление* тех симптомов, которые и так присутствуют в клинической картине данного пациента. Очевидно, поэтому в гомеопатическом дискурсе нередко можно встретить гомеопатический консубстанциональный термин *усиление симптомов*.

Любопытно, что данный термин уточняется концептами субординатного уровня, вербализованными прототерминами: *гомеопатическое обострение, проявляющееся симптомами прежних болезней*; *гомеопатическое обострение, проявляющееся новыми симптомами, относящимися к данному заболеванию* и т.д. Эти специальные лексемы, используемые в качестве терминов для наименования новых сформировавшихся понятий, но не отвечающих требованиям, предъявляемым к терминам (чаще всего краткости). Действительно, видно, что эмпирическая сторона гомеопатии при помощи лекарственных испытаний выявляет различные виды лекарственных обострений и именует их описательным оборотом, фактически дефиницией.

Помимо разницы в характере симптомов, из приведенных фрагментов гомеопатического дискурса мы видим, что в эти понятия входит осознание феномена как: 1) фаза реакции на лекарство 2) эвристический принцип науки. Если первый концептуальный признак в целом принимается академической медициной, то второй является специфически гомеопатическим и привнесенным в клиническую медицину гомеопатией.

Признак 2. Течение болезни

Данный концептуальный признак реализуется в гомеопатическом дискурсе посредством деления болезней (острых и хронических) на периоды их течения (развития).

Подразделение заболеваний на острые и хронические также специфично в гомеопатии.

«Хронические заболевания характеризуются прогрессированием болезни снаружи вовнутрь, снизу вверх, а также тем, что симптомы могут изменяться, но они никогда не исчезают в порядке, обратном тому, в каком они появились» [Миллер, 2005: 10]. «Острая болезнь – наиболее простая клиническая ситуация, с которой приходится сталкиваться гомеопатам. Яркость ключевых симптомов обусловлена остротой процесса. Если во внимание принимается совокупность симптомов, на их основании вполне можно выявить индивидуальное лекарство, однако локальные симптомы (особенности воспаления в горле, гастроэнтерита и т.п.) имеют при острых болезнях особенную ценность» [Свейн 2002, 168].

В целом, анализ контекстов позволяет выделить следующие концептуальные признаки, объективирующие концепты «острое заболевание» и «хроническое заболевание»: легкость / трудность для врача, назначение малых и сред-

них / высоких и сверхвысоких доз препаратов / наличие способности организма к самостоятельному выздоровлению / отсутствие такой способности. Гомеопатия ассимилировала эти термины из классической медицины и привнесла в них свое собственное парадигматическое понимание.

Признак 3. Результат болезни

Данный концептуальный признак объективируется общенародными лексическими единицами, обладающими в гомеопатическом дискурсе высокой частотностью: *излечение, выздоровление, исцеление, смерть, летальный исход*.

Безусловно, научный концепт «Болезнь» свойствен различным подъязыкам, обслуживающим науки, связанные со здоровьем человека. В гомеопатическом подъязыке он является специфическим за счет узкоспециальных, собственно гомеопатических терминов, вербализующих те аспекты и признаки концепта, которые были выработаны самой гомеопатией или интерпретированы в соответствии с ее концепцией здоровья человека и его нарушений.

Общелитературные единицы отражают наивную концептуализацию понятий, связанных с болезнями. В прагматическом плане их наличие продиктовано необходимостью осуществлять передачу специальных знаний о болезни неспециалистам (пациентам, читателям гомеопатической литературы, не имеющим специального медицинского образования).

Молодость гомеопатии как профессионального знания выражается не только в малом количестве гомеопатической терминологии, но и в использовании прототерминов.

Таким образом, научный концепт «Болезнь» является сложным ментальным конструктом, объективируемым несколькими концептуальными признаками и вербализуемым посредством языковых средств разного уровня терминологизации, а следовательно, отражающим различные типы знания о болезни: обыденные, преднаучные и научные, экспертные.

Литература

1. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
2. Линде В. А. Теория миазмов Самуила Ганемана. – СПб.: Центр гомеопатии, 2001. – 72 с.
3. Массалина И. П., Новодранова В. Ф. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морском языке. – Калининград: изд-во ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. – 277 с.
4. Миллер Р. Г. Краткий обзор гомеопатической философии. – Новосибирск: Гомеопатия-Урос, 2005. – 48 с.
5. Ракитина С. В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты. – Волгоград, 2006. – 277 с.
6. Свейн Д. Гомеопатический метод. – М.: ЗАО Гомеопатическая медицина, 2002. – 358 с.

Автор:

Александр Эдуардович Буженинов – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Уральского государственного университета путей сообщения, г. Екатеринбург, Россия; e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

Author:

Alexander E. Buzheninov – PhD in Philology, Associate Professor Department of Foreign Languages and intercultural communications, Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg, Russia; e-mail: alexandrebougeninov@mail.ru

**ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА – ИСТОЧНИК
ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ)**

Аннотация. В данной работе предлагается историко-этимологический анализ лексических диалектизмов, зафиксированных в речи татар, проживающих в Чувашской Республике, в ходе научной экспедиции в 2022 году.

Ключевые слова: диалектология, татарский язык, западный диалект татарского языка, этимология, диалектная этимология.

А. К. Bulatova

**DIALECT WORDS – A SOURCE FOR ETYMOLOGICAL RESEARCH
(BASED ON THE MATERIAL OF TATAR DIALECTS)**

Abstract. The article offers a historical and etymological analysis of lexical dialectisms recorded in the speech of Tatars living in the Chuvash Republic during a scientific expedition in 2022.

Keywords: dialectology, Tatar language, Western dialect of the Tatar language, etymology, dialect etymology.

Ценным источником изучения этимологии татарского языка являются диалектные слова. Семантическая реконструкция диалектной лексики позволяет проникнуть в историю функционирования слова в диахронии. Важную роль имеет диалектный материал, этимологизируемый исследователем, который сам и записывал его, так как есть возможность его проверить.

Основной целью нашей работы является исследование лексических диалектизмов в говоре татар, проживающих в Чувашии. Поставленные в работе цель и задачи определили выбор методов исследования. В работе используется метод лингвистического описания, представленный такими приемами, как сбор, обработка и интерпретация материалов. Использовался прием опроса информаторов в экспедициях, а также архивные и другие опубликованные материалы диалектологов.

Материалом исследования послужили реально существующие в речи татар Чувашии диалектные слова, включая их фиксации в опубликованных источниках (лексикографические работы, специальные исследования), а также зафиксированные в полевых условиях впервые.

Диалектная система языка является важным индикатором современного его состояния. Диалект – первичная универсальная языковая форма. Всевозможные процессы, происходящие в мире, оказывают сильнейшее влияние и на общественно-экономические сферы жизни сел и деревень, в результате которых

возможны изменения в бытовании определенных говоров и диалектов. Диалекты претерпевают изменения и под влиянием литературного языка, однако в разговорном общении населения все же сохраняются или же возникают отдельные диалектные особенности.

В 2022 году Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан была проведена комплексная научная экспедиция в 21 населённый пункт Батыревского, Комсомольского и Шемуршинского районов Чувашской Республики. В ходе полевых исследований изучались духовно-материальная культура, народное творчество, декоративно-прикладное и музыкальное искусство, эпиграфика, также особое место уделялось исследованию диалектальных особенностей речи жителей.

Диалектизмы – важный источник для лингвистической этимологии. В языкознании существует отдельное направление – диалектная этимология. Данный термин подразумевает изучение генезиса диалектной лексики (на примере отдельных слов или лексико-тематических групп), главной спецификой направления является обращение к диалектной лексике [Откупщиков 2001: 15; Варбот 2009: 41].

Многие слова, бытующие в диалектах, так или иначе нашли свое место в татарском литературном языке в ходе его становления. Однако ещё достаточно много лексических единиц, функционирующих только в определенных говорах и непонятных для большинства носителей татарского языка.

В татарских населённых пунктах Чувашской Республики распространен дрожжановский говор западного диалекта татарского языка [Татар халык сөйләшләре 2008: 195]. Здесь распространены лексемы, характерные для западного диалекта в целом. В то же время имеются локальные особенности. Рассмотрим некоторые лексические диалектизмы, зафиксированные нами в ходе полевых исследований:

Ыргача / ыргацы [ɣrgaça / ɣrgatsɤ] – ‘рукавицы для работы, изготовленные из кожи или плотной ткани, брезента, верхонки’, слово до этого не было зафиксировано в диалектных словарях татарского языка. Пример: / *Кырчылар ыргацы киеп эшилләр* / (д. Чичканы) (Полеводы работают, надев рукавицы). По происхождению слово можно рассматривать как производное от основы *ыргыт*-у ‘кидать, бросать’: общекрыпчакское *ыргыт*- «бросать, бросить; кидать, швырять» [Әхмәтъянов 2015, Т. II: 505]. Лексема была зафиксирована во всех населённых пунктах.

В исследуемых нами деревнях активно употребляется также слово *эленге* [elenge], оно используется в значении ‘полотнище ткани для завешивания или отгораживания чего-либо, занавеска’ [ТТАС 2021: 699] и восходит к общетюркскому глаголу *эл-ү* ‘повесить какой-либо предмет, свесить’: общетюркское *ил*-< *ишл*- *элү* [Әхмәтъянов 2015, Т. II: 511]: / *Игәзем эленгене тчуваш авылыннан апкайткан ие* / (д. Альбусь-Сюрбеево) (Родственница привезла занавески из чувашской деревни). Также слово используется в лямбирском говоре западного диалекта [ТТЗДС 2009: 804].

Лексема *сәленцәк / сәлемчәк* [säləntsäk / säləmčäk] в говоре используется в значении ‘устройство, подвешенное к столбам или перекладине, на котором можно качаться – совершать ритмические колебательные движения сверху вниз, качели’ [ТТЗДС 2009: 567]: / *Зур әтисе оланга сәленцәк ясап бирде* / (д. Татарское Ивашкино) (Дед сделал ему качели); диалектизм активно употребляется в исследуемых населённых пунктах. По этимологии является производным от основы *сәлен-ү* – **сәл-* : общетюркское *сал-* ‘качать, развеивать на ветру’, *сал* ‘колыхающийся’ [Әхмәтьянов 2015, Т. II: 153].

Диалектизм *чыхым* [čyhym] используется для обозначения казанских татар, или же носителей чокающих говоров у мишарей. [ТТЗДС 2009: 775]: / *Сез бигрәк чыхымца сүләшәсез икән* / (д. Асаново) (Вы разговаривайте совсем как чыхым). Этимология слова не ясна, возможно это некая форма поддразнивания людей – носителей чокающих говоров, в отличие от носителей дрожжановского говора, который относится к цокающему типу западного диалекта. Лексема записана диалектологами только у носителей этого говора. Нужно отметить, что на сегодняшний день слово не находится в активном употреблении, скорее, наоборот: в большинстве населённых пунктов с лексемой не знакомы, в трех деревнях она была зафиксирована нами лишь у респондентов пожилого возраста.

Лексема *newеш / нүwеш / нүеш* [neweş / nüweş / nüeş] функционирует в чистопольском, сергачевском, дрожжановском, мелекесском, шарлыкском говорах западного диалекта и используется в значении ‘внутренний угол дома’ [ТТЗДС, б. 500], единица находится в активном употреблении: / *Алты нүwешле ызба* / (д. Трехбалтаево) (Шестиугольный дом). (Слово литературного языка *почмак*, соответствующее этому значению, используется в говоре как семантический диалектизм в лексико-семантическом варианте ‘комната для приготовления пищи, бабий кут’). Относительно происхождения данной лексемы нет единого мнения. Р. Г. Ахметьянов упоминает, что некоторые исследователи связывают *нүеш* со словом *мөйөш* ‘рог, рога’, М. Рясянен считает, что оно восходит к древнетюркскому **тиңил* ‘место поворота реки, излом’, однако возникают противоречия с вариантами *мөйөшә, мүөшә* в восточных диалектах [Әхмәтьянов 2015, Т. 2: 47].

Кабак [kabak] – ‘ворота’. Данное слово считается устаревшим и выпавшим из употребления в литературном языке [ТТАС 2017: 54]. В то же время оно активно используется в западном диалекте татарского языка: / *Кабакларынны ачып куй, кунактар килә* / (д. Шыгырдан) (Растворяй ворота, гости идут (едут)) По этимологии слово восходит к основе *кап-у*: древнетюркский *qarıу, qarıу, qaraу* ‘ворота, дверь, калитка’ ← **қаап-* ‘закрывать’ [Әхмәтьянов 2015, Т. I: 365].

Среди зафиксированных нами диалектизмов есть и заимствованные слова. Например, сюда можно отнести лексему *мажыт*. *Мажыт / мажит* [majıt / majit] – ‘подзор по краю матицы в избе, бордюр’ [ТТЗДС 2009: 462], от слова манжета, заимствованного посредством русского языка. Кроме дрожжановского встречается и в тархановском говоре: / *Хәрәндәшем мажытлар циккән ие* / (д. Байтиряково) (Сестра вышивала подзоры). При опросе многие респонденты

при объяснении данного понятия использовали синоним *турләмә* (данная лексема также является диалектизмом и по данным ранее изданных словарей бытует в лаишевском, мензелинском говорах среднего диалекта) [ТТЗДС 2009: 667]). В настоящий момент деревенские дома не украшаются подзорами, которые ранее были обязательным вышитым атрибутом приданого невесты, и этот предмет убранства можно встретить лишь в музеях и сундуках старшего поколения. По этой причине слово выходит из употребления. Однако есть предположение, что по ассоциативным признакам произойдет перенос наименования: так, один респондент современные ламбрекены в доме назвал именно словом *мажит* (Татарские Шуруты).

Барига [bariga] – ‘варежка’. Слово используется во многих говорах западного диалекта: / *Баригаларым бик матур килеп цыкты* / (д. Татарские Шуруты) (Мои варежки получились очень красивыми). Оно произошло от русского слова *варега, варежка*.

Лексема *тәнкәл* [tänkäl] используется в значении ‘предмет мебели для сидения одного человека без спинки и подлокотников, табурет’: / *Яна тәнкәл алган ием* / (д. Чичканы) (Я купил новый табурет), также диалектизм можно встретить в дубьязском говоре среднего диалекта и в говоре побережинских кряшен западного диалекта [ТТЗДС 2009: 618]. Диалектизм восходит к лексеме *тенкёл* ‘табурет’ чувашского языка [Электронный словарь].

В некоторых населённых пунктах нами был записан диалектизм *какал* [kakal]. В ранее изданных диалектологических словарях оно указано как диалектизм, встречающийся в нукратовском говоре татарского языка. Слово используется в значении ‘утка’ [ТТЗДС 2009: 268]. Оно заимствовано из чувашского языка – *кавакал* ‘утка’ [Электронный словарь].

Таким образом, нами был изучен ряд лексических диалектизмов в говоре татар, проживающих в Чувашии. В ходе полевых исследований мы выявили, что у жителей татарских населённых пунктов Чувашии распространены характерные особенности западного диалекта и диалектизмы, которые были записаны нами, активно бытуют у носителей дрожжановского говора. По происхождению большинство исследованных нами лексем имеют общетюркскую основу, также в результате тесных языковых контактов употребляются заимствования из русского и чувашского языков.

Литература

1. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – Т. 1. – 543 б; Т. 2. – 567 б.

2. *Варбот Ж.Ж.* Из опыта диалектной этимологии // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции.* Екатеринбург, 2009. – С. 41–42. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/varbot-09.htm> (дата обращения 1.09.2023)

3. *Материалы* к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост.: А.Г. Шайхулов, Л.У. Бикмаева, З.Р. Садыкова. – Т. 1., ч. 2. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 506 с.

4. *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 480 с.

5. *Татар теленең аңлатмалы сүзлеге (ТТАС): 6 томда.* – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1. – 712 б.; Т. 2. 2016. – 748 б.; Т. 3. 2017. – 744 б. Т. 4. – 2018. 760 б.; Т. 5. 2019. – 908 б.; Т. 6. 2021. – 912 б.

6. *Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (ТТЗДС)/ төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова.* – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

7. *Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. 2 нче китап / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова һ.б.* – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – 463 б.

8. *Электронный словарь // <http://samah.chv.su/s/>* (дата обращения 5.09.2023).

Автор:

Булатова Альфия Каримовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Россия; e-mail: alf_0082.82@mail.ru

Author:

Bulatova Alfiya Karimovna – Candidate of Philology, senior research scientist of the Department of Areal linguistics, Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; alf_0082.82@mail.ru

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЧУВАШЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК)

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных смысловых составляющих пословиц и поговорок, описывающих семейную жизнь чувашей. Результаты проведенного анализа позволили раскрыть особенности взаимодействия членов чувашской семьи как социальной группы и получить общее представление о миропонимании и менталитете данного народа.

Ключевые слова: лингвокультурология, пословицы и поговорки, менталитет и миропонимание людей разных национальностей.

M. G. Vazanova

OBJECTIFICATION OF NOTIONS ABOUT FAMILY IN CHUVASH LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (ON THE MATERIAL OF PROVERBS)

Abstract. The article is devoted to the identification of the main semantic components of proverbs and sayings describing Chuvash family life. The results of the analysis allowed to reveal the peculiarities of interaction between the members of the Chuvash family as a social group and to get a general idea of the worldview and mentality of this people.

Keywords: linguoculturology, proverbs and sayings, mentality and worldview of people of different nationalities.

Понимание того или иного народа невозможно без обращения к его фольклору. Ведь именно здесь находят яркое отражение образы и основные черты, присущие представителям той или иной культуры. Содержание чувашских пословиц и поговорок о семье раскрывает многие характерные стороны национального быта чувашей, дает более полное и объемное представление об их многовековой жизни, взаимоотношениях с другими народами.

Семья является основной ячейкой социальной организации любого общества. «В традиционном народном сознании чувашей *семья* являлась первым условием благосостояния, веса в обществе, поскольку именно семья обеспечивала преемственность знаний, опыта, народной культуры. Только женатые люди в прошлом могли получить в надел землю, имели право голоса на сельских сходах, могли завести самостоятельное хозяйство» [Иванов 2009: 13].

Создание семьи в традиционном сознании чувашского народа – моральный долг каждого человека. Это то, для чего прежде всего был рожден человек. Поэтому во многих чувашских пословицах и поговорках актуализируется именно семантический признак *‘семья как жизненная необходимость’*:

*Карта юпи те мӑшӑрӑлӑ (И колья изгороди стоят парами)*¹. При этом человек без семьи считался ‘слабым, немощным и даже неполноценным’:

Пӗччен ӑын туратсӑр йывӑҫ (Одинокий человек – полчеловека). У сородичей он не пользовался уважением. О нем так и говорили: *Пӗччен ӑынна шӑши те хӗрине ҫапса кӗрентерет (Одинокому человеку нет уважения)*.

В старину как неженатые мужчины, так и незамужние женщины не обладали правами ни в семье, ни в обществе [Иванов 2009: 13]. Выражения *ват хӗр (старая дева)*, *ват хусах (старый холостяк)* в чувашских пословицах и поговорках характеризуются резко отрицательной коннотацией. Считалось, что старые девы глупые, неумехи, а над старыми холостяками не грех и посмеяться:

Лайӑх хӗр валли качӑ яланах пур (Умная девушка сможет найти себе мужа);

Ват хусахран кулни те килӗшет (Старые холостяки достойны насмешек).

Кстати, не создавших семью людей осуждала и церковь; человека, прожившего всю жизнь холостяком, считали грешником.

В чувашской семье особая роль отводилась женщине. Она была хранительницей домашнего очага, создательницей уюта и тепла в доме. К выбору жены молодые люди относились очень серьезно. Особенно важно это было потому, что они понимали, что ‘жена – это навсегда’, ведь такого понятия, как развод, у чувашей не было:

Тырӑ пулманни пӗр ҫулӑх, арӑм усалли ёмӗрлӗх (Неурожай хлеба – дело годовое, недостатки жены – вековое);

Тачка ҫӑкӑр икӗ кунӑх, усал арӑм ёмӗрлӗх (Неудавшийся хлеб на два дня, а плохая жена на всю жизнь);

Илнӗ лаша ӑнмасан – ҫулталӑка хуйхӑ; илнӗ арӑм ӑнмасан – ёмӗрлӗхе хуйхӑ (Неудачно коня купил – горе на один год, неудачно женился – горе на весь век).

Но придирчивость и требовательность при выборе невесты все же не всегда приветствовалась у этого народа. Считалось, что если долго выбирать, то можно остаться ни с чем. Поэтому в содержании чувашских пословиц и поговорок о семье часто встречается смысловая составляющая ‘излишняя разборчивость при выборе супруги’, имеющая негативную коннотацию:

Тиркекене тирӗк хӗрри (Слишком разборчивому край блюда);

Лайӑх хӗр шыракан – инке-арӑмсӑрах юлакан (Кто бракует много невест, тот не сумеет жениться даже на вдове).

В разных культурах и обществах существуют различные определения структуры семьи. Как правило, она состоит из взрослых людей и их детей. «Основными традиционными типами чувашской семьи являлись: простая семья,

¹ Здесь и далее иллюстративный материал цитируется по: Романов, Н. Р. Чувашские пословицы, поговорки, загадки / Н. Р. Романов. Чебоксары, 2004; Юмарт, Г. Ф. Халӑх сӑмахлӑхӗ. Хрестоматии / Г. Ф. Юмарт пухса хатӗрленӗ. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2003.

состоящая из двух поколений родственников по прямой линии (главным образом, родители – дети), и сложная (большая, неразделенная семья), объединявшая 2-3 или даже 4 поколения родственников по прямой и боковой линиям. Семья как простого, так и сложного состава представляла собой коллектив, в котором вся деятельность его членов была подчинена одному человеку – главе семьи» [Иванов 2009: 12]. Главой семьи был мужчина (чуваши называли его *кил хуши* (хозяин дома), *кил пушĕ* (глава дома), он нес ответственность перед односельчанами за домочадцев. Это ярко показано в пословицах со смысловой составляющей ‘главой семьи может быть только мужчина’. По тому, каким был муж, можно было судить обо всей семье:

Ар епле, йыш çапла (Каков мужчина, такова и его семья);

Малти урапа аштан куçать, кайри те çавантах куçать (По которой колее покатится переднее колесо, по ней же покатится и заднее);

Усал арçынпа ырă хĕрарăм та усала тухать, ырă арçынпа усал хĕрарăм та ырах пулать (С плохим мужем и хорошая жена станет плохой, а с хорошим и плохая будет хорошей).

Но хотя мужчина и пользовался большим авторитетом в семье, его поведение не всегда было безупречным. При всем уважении к нему со стороны домочадцев они не боялись критиковать его, например, отмечая его ‘показушное поведение на людях’:

Килте йытă пăтратман — ялта яшка пĕçернĕ (В доме не может собаке замесить, в людях похлебку сварил);

Килте кипкене, ялта яклашка (Дома в старой рубахе, а на людях нарядный);

Ялта япшар пулсан, килте уна тирĕ витĕнет (На улице щеголяет, а дома медвежьей шкурой покрывается);

Ялта яклашка, килте муклашка (На улице гладок, дома корявый).

В чувашских пословицах и поговорках о семье часто подчеркивалась важность для женщины иметь мужа, потому как сама женщина видела ‘свое предназначение – быть женой’, ‘считала себя полноценной лишь будучи замужем’:

Упайшка пур – пурнаç пур (Есть муж – есть жизнь);

Кĕсрене сÿсмен килĕшет, арăма – сурпан (Кобыла красива с хомутом на шее, а женщина – с сурбаном на голове);

Арса́р арăм – йĕвенсĕр кĕсре (Жена без мужа, что кобыла без узды).

В традиционном сознании чувашского народа ‘муж и жена представлялись как одно целое’, единомышленники, во всем поддерживающие друг друга:

Йĕп ашта, çип те унтах пултăр (Где иголка, там же пусть будет и нитка);

Çиптине кура йĕпти, каччине кура хĕрĕ (По нитке иголка, по молодцу невеста);

Упайкипе арăмĕн пĕр сак çинче лармалла (Мужу и жене сидеть на одной лавке);

Чăхпа автан пĕртăван (Курица и петух одной породы);

Арлă-арăмлăн пĕр çын пек пурăнмалла (Супругам нужно жить как одному человеку).

Семейные дела супруги строго регламентировали. У каждого были свои обязанности: жена чаще выполняла работу по дому, а мужчина занимался тяжелым физическим трудом. Это нашло отражение в пословицах и поговорках со смысловой составляющей *'распределение семейных обязанностей'*:

Арçын ёçĕ ана çинче, хĕрарăм ёçĕ сĕтел çинче (Труд мужа на ниве, труд жены на столе);

Карçăка кăмака кирлĕ, арçынна – ака-суха (Старухе нужна печь, а мужчине – плуг да соха);

Сутас-ярас – арçыншăн, илес-çакас – арăмшăн (Забота мужчин – продать с выгодой, купить и принарядиться – забота женщины).

Сегодня весьма необычным, и даже неестественным, кажется отношение чувашского общества ко вдовцам. Выражения *тăлăх арăм (вдова)* и *урçа (вдовец)* в чувашском языковом сознании получали неоднозначную оценку: если вдова могла вызывать сочувствие и жалость у окружающих, то вдовец – только осуждение:

Тăлăх арăм хапхине элек сарăлать (Ворота вдовы окрашены клеветой);

Арсăр пурнăç йўçине тăлăх арăм сес пĕлет (Только вдова знает, насколько горька жизнь без мужа);

Арăмсăр арçын, арçын – кашкăр (Муж-вдовец – муж-волк);

Связано это, возможно, с тем, что мужчина после смерти жены быстро находил ей замену. Доказательство тому – широкое распространение у чувашей пословиц с семантическим признаком *'легкая заменимость жены'*:

Арăм вилсен – тепри алăк хыçёнчех (Если умрет жена, то другая стоит за дверью);

Марье аппа вилнĕ çĕре Тарье аппа хатĕр (К смерти тетки Марьи готова тетка Дарья);

Арăм вилсен арçынна чăпăркка аври хуçăлнă пек анчах (Мужчина горюет об умершей жене не больше, чем о переломленном кнутовище).

А вот потеря мужа представляется в пословицах как неминуемый крах семьи:

Арăм вилсен тўшек çĕнелет, арçын вилсен кил-çурт саланать (Жена умрет – перина обновится, муж умрет – дом разорится).

Отношения между членами женской половины чувашской семьи складывались при полном подчинении всех старшей женщине. Мать-свекровь сама распределяла обязанности: «кому из снох и дочерей ходить за водой, кому готовить, доить и т.п. Положение снохи в традиционной чувашской семье было самым бесправным: она обязана была подчиняться не только мужу, но и свекру, свекрови и всем старшим родственникам мужа», безропотно выполнять все их указания и поручения [Иванов 2009: 14]. Это ярко проявилось и в пословицах с семантической составляющей *'трудная доля замужней женщины'*, рассказывающих о незавидной жизни невестки в новой семье:

Качча кайиччен пёр хуйхă, качча кайсан сёр хуйхă (У девушки одна забота, у замужней сто забот);

Качча кайиччен малтан сар кăткă тёмi сине ларса пăхма хушнă (Прежде чем выходить замуж, попробуй посидеть на муравейнике).

При этом жестокость родителей мужа по отношению к невестке хоть и считалась привычным делом, но все же осуждалась чувашами:

Хаяр хунямерен усалли ним те сук (Нет ничего хуже злой свекрови);

Хуняса сăнчăрти йытăран та хаяр (Свекор на печи, что пес на цепи).

Хотя умение покоряться и угождать родителям жениха ими одобрялось.

Ырă сывă килёштерсе пурăнни хунямашан та лайăх (Если снохи говорят языком свекра и свекрови, это украшает дом).

Вынужденная изначально следовать всем установленным в новой семье правилам, молодая сноха уже по прошествии нескольких лет жизни в семье мужа настолько свыкалось со своим положением, что даже начинала копировать поведение свекрови:

Хунямаш тăпри сине кинё пусать (Сноха ступает по следу свекрови);

Хунямашё епле, кинё сапла (Какова свекровь, такова и сноха).

В отношениях между старшими и молодым поколением в чувашских семьях всегда царило безграничное уважение детьми родителей, рассудительное послушание. Этим можно объяснить тот факт, что пословицы и поговорки с семантическим признаком 'почитание старших' очень часто встречаются и в современной речи:

Ватăран куличчен йытăран кул (Чем потешаться над старым, смейся над собакой);

Асуна аннёне хисепле, хăвнах ырă пулё (Почитай родителей, тебе же будет хорошо);

Ватă сынна хёрхенмесен хуна йывăр килё (Не пожалеешь старого человека, самому придется тяжело);

Ваттисене асăнман сынна хавал тухман тет (Кто не поминает родителей и прадедов, тому не будет удачи).

Кам атте-аннене ыр сунать, ывăл-хёр уссине вăл курать (Кто почитает своих родителей, того и дети будут почитать);

Ват сын – тăват сын (Старый человек стоит четверых);

Ватти сук пулсан – латти сук (Нет старого – нет порядка).

Объяснением такому поведению может служить и традиция в чувашских семьях поддерживать тесные связи между родственниками, делиться опытом, передавать жизненную мудрость от поколения к поколению. Неудивительно, что 'все важные дела молодые начинали только после родительского благословения':

Атте-анне пиллени Турă сырнипе тан (Родительское благословение равно Божьей воле);

Атте анне пилё ылтăнран хаклă. Айш пил парсассан сахалли те ситет, усал пилне парсассан нумайи те пётет (Родительское благословение приводит к богатству, а проклятие превращает в пепел).

Ашиё-амйиё с̄махне итлемен ача-п̄ча х̄й пӯсне х̄й с̄ухатать (Дети, которые не слушаются родителей, сами себя погубят).

Ашиё-амйиё пиллесен – пин пулать, пиллемесен – к̄л пулать. (Если родители благословят, потомство размножится до тысячи, а без благословения все пойдет прахом);

Ашиё-амйи пилл̄х̄ вутра та с̄унмасть, шывра та путмасть. (Родительское благословение и в огне не горит, и в воде не тонет);

Пилл̄х̄ илсен пин ылт̄ан (Благословение дороже золота);

Пилс̄ёр с̄ынна хурл̄ах пусса антарать (Без родительского благословения человека несчастье задавит).

Семья является ключевым концептом чувашской культуры и занимает важное место в языковой картине мира чувашей. Их представление о семье имеет свою уникальную национальную специфику, характеризующуюся прежде всего большим вниманием к иерархическим взаимоотношениям членов семьи.

Литература

1. *Иванов В. П.* Чуваши: история и культура: в 2 т. / В. П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – Т. 2.

2. *Патмар И. А.* Хал̄ах асл̄алях̄ / И. А. Патмар. – Канаш; С̄ёрп̄у, 1994-1995. – Т. 1–5.

3. *Романов Н. Р.* Чувашские пословицы, поговорки, загадки / Н. Р. Романов. – Чебоксары, 2004.

4. *Юмарт Г. Ф.* Хал̄ах с̄амахл̄ах̄. Хрестомати / Г. Ф. Юмарт пухса хат̄ерлен̄е. – Шупашкар: Ч̄аваш к̄н. изд-ви, 2003.

Автор:

Вазанова Марина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских и славянских языков факультета прикладных языков Экономического университета в Братиславе, г. Братислава, Словакия, e-mail: vazanovamg@gmail.com;

Author:

Marina Vazanova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Romance and Slavic Languages, University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia, e-mail: vazanovamg@gmail.com.

*Е. С. Варсонофьева, А. Е. Катышева
Научный руководитель: С. Л. Михеева*

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПОВЕСТИ М. ПРИШВИНА «КЛАДОВАЯ СОЛНЦА»: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Аннотация. В данной статье раскрывается роль употребления выразительных средств в повести М. Пришвина «Кладовая солнца». Определяется их влияние на построение текста произведения, функционирование сравнительных конструкций и фразеологизмов.

Ключевые слова: выразительные средства, М. Пришвин, сравнения, фразеологизмы.

*E. S. Varsonoffeva, A. E. Katysheva
Scientific supervisor: S. L. Mikheeva.*

EXPRESSIVE MEANS IN M. PRISHVIN'S NOVELLA "THE STOREROOM OF THE SUN": COMPARATIVE CONSTRUCTIONS AND PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract. This article reveals the role of the use of expressive means in M. Prishvin's story "The Storeroom of the Sun". Their influence on the construction of the text of the work, the functioning of comparative constructions and phraseologisms is determined.

Keywords: expressive means, M. Prishvin, comparisons, phraseologisms.

Среди изобразительно-выразительных средств русского языка сравнительные конструкции и фразеологизмы, наряду с метафорой и эпитетами, занимают одну из ведущих позиций в силу своей употребительности и распространенности. Данная тема представляет особый интерес, так как тайны языка до конца постичь невозможно, многие учёные занимаются исследованиями в русле этой проблематики, многие вопросы до сих пор остаются спорными (см., например [Ковшова 2012]; [Скляревская 1993]).

Актуальным остается изучение фразеологии, так как именно в данном разделе языкознания проявляется тесная связь языка с жизнью, историей и культурой общества. Кроме того, фразеология во многом способствует расширению кругозора, углублению коммуникативных навыков школьников, делает их речь живой, выразительной, эмоциональной.

В настоящей работе рассматривается функционирование сравнительных конструкций и фразеологизмов в произведении М. Пришвина «Кладовая солнца», жанр которого автор определяет как сказку-быль. Жанровая модель во многом определяет используемую автором систему изобразительно-выразительных

средств: текст произведения изобилует стилистически окрашенными разговорными элементами. Среди них значимую роль играют сравнения и фразеологические обороты. Рассмотрим далее подробнее эти средства выразительности.

Сравнение – изобразительный приём, в котором сопоставляются два предмета (действия или явления) с целью усилить характеристики одного из них [Ожегов 2006]. **Фразеологизм** (фразеологический оборот, фразеологическая единица) – лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [Лингвистический 1990].

Данные изобразительные средства в художественном тексте играют весьма значимую роль. Они помогают автору произведения раскрыть полностью образ героев, описать их характер, то, какие ассоциации они вызывают у писателя. Также дают возможность показать отношение к персонажам. Сравнения и фразеологизмы, действительно, могут наиболее точно описать внешний облик человека и его поведение. Благодаря им читатель может представить конкретную и понятную картину по тексту.

В своих произведениях М. М. Пришвин нередко использует вышеперечисленные средства. Рассмотрим подробнее «Кладовую солнца» на наличие сравнений и фразеологизмов, а также то, чего добивается их употреблением автор. В данной повести создается богатый художественный мир.

Сравнительные конструкции, используемые в тексте, по своим синтаксическим свойствам делятся на две группы – сравнительные словосочетания (А) и сравнительные придаточные предложения в составе сложных предложений (Б).

(А) В сравнительных словосочетаниях значение сравнения может быть передано сравнительными союзами *как, будто, словно* и т.п.; формой творительного падежа, сочетаниями с предлогами *вроде, наподобие*. В качестве эталона сравнения могут выступать следующие компоненты:

- слова, подразумевающие обозначение человека и выражающие идею тождества: *Лось ее и за человека не считает: у нее все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни; И вот один старый русак после ссоры детей пришел туда, где они разошлись, и тоже, как они, сел отдохнуть и прислушаться на Лежачем камне;*

- названия животных (этим автор показывает сходство во многих действиях с животными: *полз на четвереньках, как собака; начала делать круги, как гончая*): *Мгновенно вслед за тем он лег животом на ружье, выпустил собаку и на четвереньках сам, как собака, переставляя опору-ружье все вперед и вперед, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и где от ног его по краям росла высокая трава белоус; И, как всякая гончая, в таком случае начала делать круги с высокой головой, с чутьем, направленным и вверх, и вниз, и в стороны, и с пытливым напряжением глаз;*

- названия частей тела (сравнивая что-то с ладонями, рукой, автор указывает на ясность, прекрасное знание чего-то, что похоже на знание своего тела): *Всю жизнь ты ходишь по лесу, и тебе лес известен весь, как ладонь; То вот одна голый сук подняла, как руку, чтобы обнять тебя на ходу, а у другой палка*

в руке, и она ждет тебя, чтобы хлопнуть, третья присела зачем-то, четвертая стоя вяжет чулок, и так все: что ни елочка, то непременно на что-то похожа;

- названия природных объектов (этим автор передает представление о просторе и широте, идентичности и порядке): *И когда кустарники перестали заслонять вид впереди, при первом утреннем свете им открылось болото, как море; И как там, в настоящем море, бывают острова, как в пустынях – оазисы, так и в болотах бывают холмы;*

- названия веществ (сравнение с кровью указывает на красный цвет; с сахаром – на сладость клюквы; капли воды – идентичность; с кумачом – также на цвет, потому что, как известно, кумач – ярко-красного цвета): *Эту весеннюю темно-красную клюкву парят у нас в горшках вместе со свеклой и пьют чай с ней, как с сахаром; Отец говорил: идите на Высокую гриву и после того держите на север и, когда перевалите через Звонкую борину, держите все прямо на север и увидите — там придет вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы;*

- названия физических предметов, которые выступают в качестве эталонов какого-либо свойства: *Волосы у нее, ни темные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны; Бекас, небольшая серая птичка с носом длинным, как сплющенная шпилька, раскатывается в воздухе диким барабашком.*

(Б) Сравнительные придаточные в составе сложных предложений в отличие от сравнительных словосочетаний употребляются для сопоставления не единичных предметов, а целых ситуаций: *Весной и у ворона тоже является особенный крик, похожий на то, как если человек крикнет горлом и в нос: «Дрон-тон!»; Как-то раз без хозяина ветер поиграл с домиком, и он сразу весь развалился, как разваливается карточный домик от одного дыхания младенца; Среди звуков стоны, рычания, ворчания, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребенок.*

Среди фразеологических оборотов, встречающихся в тексте произведения, можно видеть так называемые устойчивые сравнения – особый род фразеологизмов со сравнительным значением [Устойчивые 2016]: *А Травка, разлетевшись на елани по зайцу, вдруг в десяти шагах от себя глаза в глаза увидела маленького человека и, забыв о зайце, остановилась как вкопанная; Как ошпаренный метнулся Косач к улетающим тетеревам, но разгневанный самец догнал его, вырвал, пустил по воздуху пучок белых и радужных перышек и погнал и погнал далеко.*

Используемые в произведении фразеологизмы имеют ярко выраженную разговорную стилистическую окраску – их присутствие позволяет автору сделать речь живой и доступной, близкой для читателя: *Из-за чего же ведь и весь сыр-бор загорелся у неё при споре с Митрашей: именно что ей захотелось идти по набитой тропе; Но маленький человек звал её и манил сейчас не совсем*

прямо от чистого сердца, как думала, наверно, сама Травка; И когда загорелся огонёк в глазах маленького человека, это значило, что Митраша вспомнил имя собаки.

Особо отметим перифрастические сочетания, например: *Ах, ворон, ворон, вещая птица! <...> Сколько же ты, ворон, видел и знаешь, и отчего ты хоть один раз не выйдешь из своего вороньего круга и не перенесёшь на своих могучих крыльях весточку о брате, погибающем в болоте от своей отчаянной и бессмысленной смелости, к сестре, любящей и забывающей брата от жадности!*

Перифраза – не прямое, описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей [Словарь 1999]. В данном выражении словосочетание «вещая птица» является перифразой. «Ворон, вещая птица» – ворона считали предвестником бед и смерти, грядущих перемен. Издревле на Руси Ворон почитался за птицу серьезную, вещую. Ведь он был внуком самого Стрибога – повелителя ветров, и мог на своих крыльях переносить не только бури, но и Живую и Мертвую Воду. Ворон сопровождал Волхвов и делился с ними мудростью, через него находили ворота к сверхъестественному. Ворон ведал неузнаваемые тайны о Мироздании и был хранителем всех законов магии.

Сравнительные конструкции и фразеологизмы в произведении М. М. Пришвина «Кладовая солнца» имеют выраженную разговорную окраску. Это объясняется темой, местом действия, национальным колоритом произведения и, главное, возрастом героев повести. Выбор изобразительных средств, на наш взгляд, напрямую зависит от жанра сказка-быль и от читательской аудитории, которой адресовано произведение. Они придают тексту эмоциональность и метафоричность, а также подчёркивают стилистику жанра сказки и общую направленность текста.

Литература

1. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. – 453 с.
2. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : А ТЕМП, 2006. – 938 с.
4. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская; Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. – 150 с.
5. *Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований;* Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
6. *Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллективная монография* / Отв. ред. В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург–Грайфсвальд, 2016. – 278 с.

Авторы:

Варсонофьева Екатерина Сергеевна – студентка психолого-педагогического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: katya.varsonofeva2005@mail.ru

Катышева Анастасия Евгеньевна – студентка психолого-педагогического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: n-katysheva@list.ru

Научный руководитель:

Михеева Светлана Львовна – доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, кандидат филологических наук, доцент, г. Чебоксары, Россия; e-mail: mikhsveta@rambler.ru

Authors:

Varsonofieva Ekaterina Sergeevna – Student of the Psychological and Pedagogical Faculty of the Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: katya.varsonofeva2005@mail.ru

Katysheva Anastasia Evgenievna – Student of the Psychological and Pedagogical Faculty of the Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: n-katysheva@list.ru

Scientific supervisor:

Mikheeva Svetlana Lvovna – Associate Professor of the Department of Professional Psychology, Social Pedagogy and Primary Education of the Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Cheboksary, Russia; e-mail: mikhsveta@rambler.ru

РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается редупликация как способ словообразования в современном русском языке и его историческом развитии. Изучены труды российских и зарубежных исследователей в области редупликативных образований, исходя из которых выделены типы редупликативов в русском языке.

Ключевые слова: редупликация, словообразование, повтор, способ словообразования, удвоение.

O. V. Velikanova, E. A. Danilova

REDUPLICATION AS A WAY OF WORD FORMATION

Abstract. This article examines reduplication as a method of word formation in the modern Russian language and its historical development. The works of Russian and foreign researchers in the field of reduplicative formations have been studied, based on which, in this work, the types of reduplicatives in the Russian language have been identified.

Keywords: reduplication, word formation, repetition, method of word formation, doubling.

Понятие редупликации – общезыковедческое явление, характерное для всех языков независимо от их строя или системы. Не ссылаясь на причину общности, можно сказать, что в одних языках данный тип словообразования очень широко развит, а в других менее распространен. В русской же речи на данном этапе ее развития редупликация широко развита, а при помощи самого данного явления передаются определенные категориальные значения – лексические, грамматические, стилистические.

Редупликация в данном исследовании представляет для нас определенный интерес в первую очередь как способ словообразования. Так, в настоящее время ведутся многочисленные дискуссии относительно того, стоит ли рассматривать редупликацию в качестве способа образования слов. К примеру, в исследованиях Г. Б. Антрушиной [Антрушина 2017: 210], О. Ю. Крючковой [Крючкова 2000], редупликация рассматривается как отдельный способ словообразования и выступает самостоятельной моделью. В трудах же других исследователей, например, О. Д. Мешковой [Мешкова 2016: 5–23], А. Вежбицкой [Вежбицкая 2016: 67–80], редупликация рассматривается как один из конститuentов, входящих в состав модели словообразования.

При исследовании работ зарубежных авторов можно отметить, что редупликация зачастую рассматривается как самостоятельный способ, при помощи

которого происходит образование новых слов. Однако российские исследователи не склонны рассматривать выделение и дальнейшее удвоение отдельной части речи в качестве самостоятельного типа словообразования.

Наиболее полное определение понятия «редупликация» приводится в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Так, в нем редупликация рассматривается как самостоятельное фонеморфологическое явление, суть которого состоит в удвоении начального слога. Такая модель представляет собой частичную редупликацию. Также наблюдается полная редупликация, суть которой сводится к удвоению слова в целом [Земская 2017: 200–240].

Отдельные стороны явления редупликации начали изучаться в конце XXI – начале XX в. такими исследователями, как А. Потт, Г. Остгоф, А. Мейе, А. Уильямс, Э. Экхард, В. Вундт, Х. Хирт, Э. Сепир и др.

В своих исследованиях указанные авторы подходили к анализируемому явлению с разных сторон. В их исследованиях отмечается, что в древнеевропейских языках повторы играли заметную роль в словообразовании. Так, известным немецким исследователем А. Ф. Поттом еще в 1862 году было опубликовано замечательное типологическое исследование «Удвоение как одно из важнейших словообразовательных средств языка». В нем рассматриваются не только способы словообразования, но также приемы стилистики и выражение повторными образованиями грамматических значений.

На материале русского языка первая диссертация о повторах написана А. Е. Киселевым [Киселев 1954], в ней автор подробно анализирует явление редупликации и его словообразовательную роль. Например, им выделена отдельная группа лексических повторов, функция которых создавать новые слова и выражения: вот-вот; то-то; видимо-невидимо, волей-неволей, всего-навсего [Киселев 1954: 33–34].

Исследователь Н. В. Солнцева отмечает, что «способ удвоения появился и стал употребляться как массовое средство до того, как появилось современное аффиксальное словообразование и словосложение» [Солнцева 1985: 76].

Ярким примером словообразования в редупликации является грамматический повтор. Данный тип повторов определяется как повторение слов, продуцирование которых происходит по единой словообразовательной модели (повтор различных внутрисловных морфем: корней, приставок, суффиксов, флексий, интерфиксов). Грамматические повторы организуют комплексность и целостность разнородных лексических единиц, создавая концептуальную систему объединенных по общему признаку и взаимно противопоставленных групп (синонимы / антонимы). Также, что тоже важно, данный вид повторов акцентирует внимание на определённых грамматических компонентах, тем самым устраняя состояние языковой автоматизации. Таким образом запускается процесс семантизации выделенных элементов, что в свою очередь обуславливает рост функционального потенциала этих грамматических элементов. Базовыми видами грамматического повтора являются паронимазия и гомеотелевтон, повтор морфем.

Парономазия – стилистический приём, базисом которого является повтор или сближение слов, похожих друг на друга по звуковому признаку, что обусловлено наличием в этих словах сходных элементов [Колесников 1973]. Приведем пример: «*Служить бы рад – / Прислуживаться тошно*» (А. С. Грибоедов).

Гомеотелевтон – один из видов грамматического повтора, специфика которого заключается в многократном употреблении слов со сходным окончанием на протяжении сравнительно малого куска текста. Важно отметить то, в каких отношениях находятся гомеотелевтон и рифма: «*Царь и Бог! Простите малым – слабым – глупым – грешным – шалым, в страшную воронку втянутым, оболыщённым и обманутым!*» (М. И. Цветаева).

Исходя из работ исследователей и проведенного анализа редупликантов можно выделить следующие типы редупликативов в словообразовательной системе русского языка:

1. Полное удвоение (словоудвоение, словный повтор) – слово удваивается целиком: *белый-белый, чуть-чуть, еле-еле*.

1.1 Словоудвоение с изменением словоизменительных морфем: *белым-бело, полным-полно*.

1.2 Словоудвоение с дополнительным использованием аффиксов (осложненная редупликация по Крючковой О. Ю. [Крючкова 2000: 70]): *черный-пречерный, просто-напросто*.

2. Рифмование двух и более существующих в языке слов (основы равные словам): *ёлки-палки, кошки-мышки, любовь-морковь, Соня-засоня*.

3. Рифмование слов, где один из компонентов редупликатива представляет собой псевдоморфему: *танцы-шманцы, ябеда-корябеда*.

4. Рифмование компонентов, не равных слову (псевдоморфемы, количество которых может составлять две, три и более): *тары-бары-растобары*.

5. Рифмование или удвоение звукоизобразительных слов (основ, слогов): *трень-брень, кис-кис, тарарам, хохот*;

6. Рифмованные аббревиатуры: *ЖЖ* – живой журнал, *ВВВ* (русский просторечный вариант английского WWW).

7. Рифмованные сочетания (ритмически оформленные устойчивые выражения): *тютелька в тютельку, зуб за зуб, день в день, тень на плетень*.

8. Заимствованные редупликативные образования: *агар-агар* (малайск.), *зигзаг* (нем.), *чак-чак* (тюрк.).

Подводя итог вышесказанному, мы можем определить редупликацию в русском языке как способ словообразования, состоящий в частичном или полном удвоении слога, корня, основы или слова в целом.

Литература

1. Антрушина Г. Б. Лексикология английского языка / Г.Б. Антрушина. – Москва : Дрофа, 2017. – 288 с.

2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – Москва : Дрофа, 2015. – 400 с.

3. *Грибоедов А. С.* Горе от ума: Комедия в 4 д., в стихах / Сост. А. Смирдин. – Санкт-Петербург, 1854. – 162 с.
4. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – Москва : Русский язык, 2017. – 240 с.
5. *Мешкова О. Д.* Словообразование в современном английском языке / О. Д. Мешкова. – Москва : Наука, 2016. – 237 с.
6. *Киселев А. Е.* Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Москва, 1954. – 14 с.
7. *Колесников Н. П.* Парономазия как стилистическая фигура / Н. П. Колесников // Русский язык в школе. – 1973. – № 3. – С. 44–46.
8. *Крючкова О. Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии / О. Ю. Крючкова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 68–84.
9. *Солнцева Н. В.* Проблемы типологии изолирующих языков / Н. В. Солнцева. – Москва : Наука, 1985. – 253 с.
10. *Цветаева М. И. М.* Цветаева: [Стихи] – Москва : Век, 1996. – 315 с.

Авторы:

Великанова Ольга Викторовна – магистрант 2 года обучения программы «Современное филологическое образование» Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 6» г.о. Мытищи, Россия; e-mail: velikanova.olqa@gmail.com

Данилова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

Authors:

Velikanova Olga V. – 2nd year master's student of the program "Modern philological education", I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: velikanova.olqa@gmail.com

Danilova Elena A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ В ГОВОРАХ ЧУВАШЕЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные лексические особенности говоров чувашей Ульяновской области. Материалы диалектологической экспедиции 2014 года показывают, что говоры чувашской диаспоры области имеют свои особенности, которые отличаются как от материнских говоров, так и от литературного языка. В статье рассмотрены лексико-семантические группы терминов родства.

Ключевые слова: диалектология, диалекты, чувашская диаспора, говор Ульяновских чувашей, термины родства.

A. D. Akhvanderova, M. I. Vorobyova

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF DIALECT WORDS IN THE DIALECTS OF THE CHUVASH OF THE ULYANOVSK REGION

Abstract. This article examines the main lexical features of the dialects of the Chuvash of the Ulyanovsk region. The materials of the 2014 dialectological expedition show that the dialects of the Chuvash diaspora in the region have their own characteristics that differ from both the mother dialects and the literary language. The article examines lexico-semantic groups of kinship terms.

Keywords: dialectology, dialects, Chuvash diaspora, dialect of the Ulyanovsk Chuvash, kinship terms.

История колонизации Среднего Поволжья свидетельствует о том, что освоение земель так называемого «дикого поля» (ныне Ульяновская область) началась после присоединения земель Астраханского и Казанского ханств к Московскому государству, которое переселяло сюда крестьян из центральных губерний России. Как отмечает Л.П. Сергеев: «На территорию современной Ульяновской области переселились как чувашаи, так и русские, и мордва: на юге территории современной Ульяновской области (Борымский район) появились как сугубо чувашские, так и смешанные населенные пункты Решке (Чувашская Решетка), Аслă ял (Алинкино), Хошсырми (Кармалейка), а также чувашско-русское село Хомутерь (чувашское название Емелей), мордовско-чувашско-русское село Живайкино (чувашское название Тойрал, Сантрапус) и др. В данных селениях более 300 лет живут чувашаи, русские и мордва. Разумеется, чувашский язык в этих и других населенных пунктах к нашему времени изменился, об этом убедительно говорят материалы последних диалектологических экспедиций [Сергеев 2014: 4].

Численность чувашей по данным 2010 г., проживающих в Ульяновской области, составляет 94970 человек, это примерно 8,0 % от всего населения области. В 1989 г. составляла 116539 чел., в 2002 г. – 111316. Таким образом, за 1989–2010 гг. чувашей здесь стало меньше на 14,7%.

В списке основных национальностей области чувашаи занимают после русских и татар третью строку. В области насчитывается более 160 поселений с численно преобладающим чувашским населением, при этом «чисто» чувашские – почти 40 селений. Основными ареалами расселения чувашей являются северные и северо-восточные районы области. Сельские чувашаи Ульяновской области проживают в основном компактно в Цильнинском, а также в Ульяновском, Мелекесском, Чердаклинском, Майнском, Новомалыклинском, районах [Чуваши Присвяжья 2015: 21].

Наиболее крупными чувашскими населенными пунктами являются: Нов. Алгаши, Ст. Алгаши, Алешкино, Елаур, Чув. Кулатка, Богдашкино, Большенагаткино, Верх. Тимерсяны, Вороний Куст, Ниж. Якушка, Верх. Мелекесс, Кундюковка.

В данной статье рассматриваются основные лексические особенности говоров чувашей Ульяновской области, которые представляют большой интерес для исследователей чувашской диалектологии и являются материалом для разрешения многих вопросов лексико-семантического характера. Данные диалектологической экспедиции 2014 года показывают, что говоры чувашской диаспоры Ульяновской области имеют свои особенности, которые отличаются как от материнских говоров, так и от литературного языка. Говоры области возникли в результате взаимодействия материнских говоров эпохи XVII–XVIII веков, а позднее – говоров новых переселенцев Среднего Поволжья» [Сергеев 2014]. Поэтому исследование лексических особенностей данного ареала представляют научный интерес не только для исследователей чувашского языка, но и для историков, культурологов.

Факты чувашской диалектологии говорят о том, что определенной противопоставленностью обладают лексические, фонетические и грамматические явления, картографическая обработка которых дает своеобразные границы распространения этих явлений [Сергеев 2008: 82]. Говоры ульяновских чувашей относятся к смешанному диалекту, т.е. здесь обнаруживаются элементы и низового, и верхового диалектов, также на язык населения наложили отпечаток исторически сложившиеся условия.

Поскольку лексика тесно связана с фонетикой и грамматикой, через слова и выражения происходит процесс понимания грамматических и лексических особенностей языка. Возьмем некоторые термины родства, которые отличаются подробным различием степени родственных отношений, что было характерно для родового общества. Однако в связи с изменениями общественного уклада жизни народа многие понятия вышли из активного употребления. И только лингвогеографический метод исследования позволяет определить локализацию каждого термина, соотнося эти изоглосные явления с особенностями различных разделов грамматики и фонетики.

Чувашские термины родства в большинстве своем принадлежат к общетюркскому фонду лексики. Лишь незначительная часть относится к элементам маргинального характера, возникшим на стыке соседствующих языков, в условиях которых неизбежно взаимодействие и взаимовлияние как родственных, так и неродственных языков. Известно, что наиболее ощутимым изменениям подвергается лексическая система языка, которая в форме иноязычных проникновений распространяется с той или иной скоростью. Например: в значении «дедушка (со стороны отца)» в чувашских говорах исследуемого ареала используется в основном термин *асатте* (<асла́ атте), что является литературной нормой. Его ареал распространения по данным диалектологического атласа чувашского языка. Говоры чувашской диаспоры Ульяновской области [Сергеев 2013] – это говоры северной части Ульяновской области (Ст. Алгаши, Богдашкино, В. Тимерсяны и т.д.). Ареал юга исследуемых говоров занимает термин *атетте* (Алешкино, Н. Лебежайка, Чув. Кулатка и др.) с его фонетическими вариантами: *атитте*, *атять* (Эзекеево и др.), *асать* (Чув. Сайман и др.).

Для выражения понятия «бабушка (по отцу)» в говорах употребляются термины *асанне* (лит. норма), *анинне* и *ана*. Ареал этого термина полностью совпадает с ареалом термина *асатте*.

В исследуемых говорах чувашского языка для выражения понятия «родная старшая сестра» употребляются термины *анна* (лит. норма), *акка* ~ *аки*. Термин *акка* занимает два компактных ареала: первый – это алгашский говор, а второй – живайкинский говор [Сергеев 2014: 152]. Старшая сестра мужа в исследуемом ареале *акай*, младшая сестра мужа – *хёрсем*.

Термин *акка* для выражения понятия «старшая сестра» возник значительно позднее термина *анна*. Об этом свидетельствуют тюркские соответствия: кирг., тар., каз., вт., чаг. *ана*, *анай*, ср. абла (тур.), *ānā* (крым., кар.) старшая сестра (кирг., каз.). Следует отметить, «Этимологический словарь чувашского языка» М.Р. Федотова [Федотов 1996: 53] показывает, что термин *анна* < *ānā* ~ монг. *ebei* < *epēi* (*анай*) употребляется в значении *мать*. Однако в алгашском говоре исследуемого ареала *анай* используется для выражения понятия *тёща* (Например, Новые Алгаши). Термин *анна* в диалектной системе Ульяновских чувашей обозначает и понятие *тётя*.

«Тетя» (жена старшего дяди) в говорах чувашского языка называется двумя терминами: в верховом диалекте *кинемей* с фонетическими вариантами *килеме* / *кинями* / *кинеми* / *кенеме*, а в переходных говорах и низовом диалекте употребляется *инке*. В лексической системе алгашского говора для выражения данного понятия используется слово *нинне*.

Терминология родства для обозначения тестя и тёщи, свекра и свекрови в говорах ульяновских чувашей представлена следующими словами: «тесть» – *хунь'ам* «мой тесть», *сан'ан хун'айш* «твой тесть», *ун'ан хун'ай* «его тесть»; «тёща» – форме обращения *хуняма*, а для выражения понятия *анай*, *ани*; «свекр» – *ати*, «свекровь» – *ани*.

Для обозначения старших и младших родственников супругов в чувашском языке существуют специальные термины. Понятие старший брат мужа

«деверь» в низовом диалекте и в зоне переходных говоров выражается термином *пйахам/пйакам*, который соответствует тат. *би ага(й)*. В верховом диалекте коррелятивной ему парой служит *ёскей*. По мнению В.Г. Егорова термин *ёскей* проник в чувашский язык из финских языков [Егоров 1964] и был освоен в говорах верховых чувашей в самые отдаленные времена, хотя в настоящее время вышел из употребления. В говорах ульяновских чувашей в значении старший брат мужа сохранилось слово *пйахам*, которое встречается только в речи старшего поколения.

Термины со значением «младший деверь» и «младшая золовка» имеют одинаковую структуру и пространственную локализацию: *ывълсем / пултър* «младший деверь»; *хёрсем / пултър* «младшая золовка». Данные лексикализованные словосочетания относятся к верховому диалекту и совершенно не встречаются в низовых говорах чувашского языка, однако в говорах чувашской диаспоры Ульяновской области довольно часто используются в речи пожилого поколения. Как видно из выше приведенных примеров, термином *пултър* обозначаются лица и женского, и мужского пола, но конкретное значение раскрывается лишь в словосочетании.

Хотя, как уже было сказано выше, говор ульяновских чувашей в основном относится к смешанному типу диалекта, однако здесь встречаются слова, которые по диалектологическим данным характерны только верховому диалекту чувашского языка. Например, понятия *хйматлӑх атте*, *хйматлӑх анне*, *вӑртаххӑм*. Этимологический словарь чувашского языка дает такое пояснение слова *вӑртаххӑм*: «*Вӑртах*. Так зовут друг друга *хйматлӑх* и родня жениха. *Вӑртах* – гости посаженного отца. *Вӑртах* – название родственных отношений. Производные формы: *вӑртахӑм / вӑртаххӑм* – так называют местами друг друга лица, находящиеся в отношениях, обозначенных термином *хйматлӑх...*» [Федотов 1996. Том 1: 112] В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина *вӑртаххӑм* – это «так взаимно называют друг друга родственники *химатлӑх (хйматлӑх) ати* и *химтлӑх (хйматлӑх) кӑрӑ*» [Ашмарин 1994. Том 5: 328]. В.Г. Егоров в своем «Этимологическом словаре чувашского языка» дает такое объяснение термину *хйматлӑх*: «1. посаженный отец; 2. искусственное родство по линии признания пожилой супружеской четой (после обмена подарками) уважаемой молодой супружеской четы как бы в качестве родной дочери и зятя; азерб. *аталык* «отцовство», «отцовский долг»; чув. *хйматлӑх* < *хйй+ама+ата+лӑх*; *хйй+ама* < *хунь+ама* ~ тат., тур. *кайнана*; чув. *хйй*, желт. уйг. *куй* «тесть», вообще родня жены» [Егоров 1964: 289]. В речи пожилых людей и в настоящее время активно используются эти понятия.

Таким образом, терминология родства в чувашском языке является одним из древнейших лексических пластов и по сложности своей истории занимает особое положение в основном лексическом составе чувашского языка. Исследование терминов родства в чувашских говорах Ульяновской области представляет большой интерес для большого круга исследователей.

Литература

1. *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т 5. / Н.И. Ашмарин. – Чебоксары: «Руссика», 1994. – 424 с.
2. *Говоры чувашской диаспоры Ульяновской области: сб. статей / отв. ред. Т.В. Денисова.* – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. – 80 с.
3. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 357 с.
4. *Сергеев Л. П.* Диалектологический атлас чувашского языка. Говоры чувашской диаспоры Ульяновской области / Л. П. Сергеев, С. В. Николаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – 172 с.
5. *Чуваши* Присвияжья: история и культура / А.П. Васильева, А.П. Долгова, В.П. Иванов и др.; под ред. В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 303 с.
6. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. А–Р / М.Р. Федотов. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 470 с.

Авторы:

Воробьева Мария Ивановна – студентка 4 курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары.

Ахвандерова Алина Давыдовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Authors:

Akhvanderova Alina Davydovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University.

Vorobyova Maria Ivanovna – student of the Faculty of History, Philology, Management and Law of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Влияние цифровизации на педагогический дискурс проявилось не только в расширении жанрового разнообразия, форм педагогического взаимодействия учителя и ученика, но и в активном использовании лексики сферы компьютерных технологий. В статье на материале текстов портала «Мел» и телеграм-канала «Наука и университеты» анализируется производная актуальная лексика тематической группы «цифровое обучение», описываются словообразовательные модели производных слов этой тематической группы.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое обучение, способы словообразования, производное слово.

I. V. Gavrilova

WORD-FORMATION FEATURES OF CURRENT VOCABULARY OF MODERN DIGITAL EDUCATION

Abstract. The influence of digitalization on pedagogical discourse was manifested not only in the expansion of genre diversity and forms of pedagogical interaction between teacher and student, but also in the active use of vocabulary from the field of computer technology. The article, based on the texts of the Mel portal and the Science and Universities telegram channel, analyzes the derived current vocabulary of the thematic group “digital learning” and describes the word-formation models of the derived words of this thematic group.

Keywords: digitalization, digital learning, word formation methods, derivative word.

Цифровизация – использование цифровых технологий, которые обеспечивают решение многих проблем в разных сферах человеческой деятельности. Цифровая трансформация производственных и бизнес-процессов потребовала изменений в банковской сфере, торговле, сфере услуг, здравоохранения и образования. «Мир цифровой коммуникации, сформированный в интернет-пространстве, апеллирующий к неопределенно широкому кругу лиц, все более расширяющий зону своего воздействия на различные отрасли и сферы деятельности людей, не мог не повлиять на систему русского национального языка», – совершенно справедливо замечает Г.В.Романова [Романова 2022 : 6].

Интерес к изучению новых лексических явлений отражается в исследованиях Барт М.В. [Барт 2010], Лушниковой Е.В. [Лушникова 2003], Романовой Г.В. [Романова 2020, 2022], Сбоева А.Н. [Сбоев 2018] и др. В работах этих авторов освещаются общие и частные вопросы формирования лексики сферы

компьютерных технологий, приемы адаптации заимствованных слов, соотношение явлений литературного языка и компьютерного жаргона, уделяется внимание тематическим группам слов цифрового дискурса, функционирующих в российских средствах массовой информации. В поле зрения лингвистов находятся лексико-грамматические явления сферы экономики, компьютерных технологий и др. Не меньший интерес вызывают языковые особенности сферы цифрового обучения.

Стоит отметить, что цифровизация значительно повлияла на изменения в педагогическом дискурсе (ПД), т.е. таком виде речевой коммуникации, где взаимодействуют учитель и ученик, а целью которой является обеспечение учебно-познавательной деятельности обучающихся, их социализации [Поспелова 2009 : 307]. Традиционные речеповеденческие жанры ПД – урок, лекция, семинар, зачёт, экзамен, родительское собрание, диспут, беседа родителей и ребёнка, учителя и ученика и т.п. – видоизменились, дополнились новыми жанрами, например, в виде письменного или устного сообщения, комментария, транслируемых посредством цифрового инструмента, предоставляемого образовательной средой, используемой для обучения.

Для наблюдения за лексико-грамматическими особенностями сферы цифрового обучения использовались тексты разных жанров (статьи, подкасты, блоги, комментарии к ним) портала «МЕЛ. Медиа про образование и воспитание детей» (<https://mel.fm/>), информационные сообщения канала Минпросвещения РФ (<https://invite.viber.com/?g2=AQBMvGBwuVegwUvSQKiqiTRktSWRagqVjtLxrR5unFQFwi4%2FjqK0dmSpeLNfWZM7&lang=ru>), а также телеграм-канала «Наука и университеты» (<https://t.me/s/naukauniver>). Основное содержание проанализированных текстов касается образования, участниками общения выступают ученики и преподаватели.

Наблюдение над лексико-грамматическим материалом названных источников позволило увидеть следующие тенденции, характерные и для иных сфер общения (банковской сферы, социального обслуживания, здравоохранения и т.п.): пополнение лексики сферы «цифровое обучение» идёт за счёт активного использования англицизмов компьютерной тематики; формируются новые устойчивые словосочетания (примеры); совмещаются разностилевые – книжные и разговорные – средства. Например: *Уже сейчас браузеры автоматически переводят страницы, а картинки на экране пестрят разнообразными иконками, символами, графическими подсказками. Фактически формируется интернет-язык, который будет понятен людям разных стран.* [<https://mel.fm/blog/yury-nikolsky/92075-nachnite-khotya-by-s-sozdaniya-onlayn-bukvarya-budushcheye-internet-obrazovaniya-v-rossii>]

Но главный вызов для учителя, как всегда, методический. Этой весной ученики московских школ массово отправляли в чаты своим учителям фотографии выполненных в тетрадках домашних заданий и педагоги были вынуждены по пикселям разбирать, что к чему. И это понятно: из-за скорости перехода на дистанционку не было возможности перестроить свою работу – в он-

лайн пришлось перенести офлайновые практики
[https://mel.fm/ucheba/shkola/8305794-elena_bunina].

Помимо собственно лексических новаций в текстах ПД можно наблюдать активизацию некоторых словообразовательных явлений.

1. Используются сложные слова, созданные по модели «сущ.+определяемое сущ.», например: *онлайн-ресурсы, онлайн-среда; офлайн-репетиторов, веб-камера, веб-страницы* и т.д.

Наибольшую активность демонстрирует модель с элементом *онлайн*.

По данным словарей, *онла'йн* [англ. *on-line*] – «1) интерактивный, диалоговый, оперативный (об информации или программе, доступной или обрабатываемой в режиме обмена командами и ответами); 2) подключенный (о внешнем устройстве, работающем под управлением вычислительной системы)». [<https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsis&wi=11240>]

«*Онла́йн* (англ. *online* – на линии) – 1) постоянно включенное неавтономное устройство или программа компьютера, которые находятся под управлением вычислительной системы. 2) Интерактивный, диалоговый, оперативный (об информации, программе, которая доступна для пользования и обработки в режиме реального времени в сети Интернет, напр. онлайн-СМИ, онлайн-информация, словари и энциклопедии онлайн. [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/84476/%D0%9E%D0%9D%D0%9B%D0%90%D0%99%D0%9D>]»

Как показывает анализ собранных примеров, статус элемента *онлайн* зависит от контекста.

1) Чаще всего *онлайн*- используется в качестве части сложного слова, например: *Если ещё десять лет назад словосочетание «онлайн-урок» или «онлайн-курс» было в диковинку, то сейчас этим никого не удивишь* (ну или почти никого); *Онлайн-образование – это просто инструмент. Как глиняные дощечки в незапамятные времена; 5 интересных тезисов о будущем онлайн-обучения и цифровизации; На мой взгляд, онлайн-репетитор не сильно отличается от того репетитора, который приходит к вам ногами; Мы обнаружили две интересные корреляции, связанные с лояльностью к онлайн-формату в целом; Вторая корреляция работает в другую сторону. Интерес к онлайн-программам «Нетологии» среди выпускников «Фоксфорда» в два раза выше, чем по целевой аудитории программы потенциальных работников диджитал-индустрии.*

2) *Онлайн* – самостоятельное слово, омоформа, часть которой можно установить только в контексте, например: *Как празднуют последний звонок в России. Онлайн; Я буду онлайн через 30 минут; Я подал документы в вуз онлайн; Учиться онлайн, кодить, выучить иностранный язык, расширить кругозор – все в одном месте; Как подготовиться к экзамену онлайн; За годы пандемии учёба у экрана компьютера так прочно вошла в нашу жизнь, что появились целые программы, которые реализуются полностью онлайн.*

В качестве самостоятельного слова в постпозиции к определяемому существительному может быть несогласованным определением: *От чтения сказок до спектаклей онлайн. Диалог между учениками и репетиторами онлайн.*

В ином контексте, когда это слово примыкает к глаголу, обозначает признак действия, то демонстрирует признаки наречия: *Подготовить (как?) онлайн, праздную (как?) онлайн; я (где?) онлайн.* Наблюдаются варианты предложного употребления слова онлайн: *Встречаемся завтра в 19:00 в онлайн.*

Зафиксированы случаи склонения слова онлайн, например: *переход к онлайну, смотреть видео в онлайн: Да и в целом выполнение учеником разнообразных и увлекательных заданий в онлайн позитивно влияет на уровень освоения предметов* [https://mel.fm/ucheba/shkola/8305794-elena_bunina].

Статусом этого компонента определяется орфографический вариант написания:

1) Онлайн пишется через дефис, если является частью сложного слова (*онлайн-урок, онлайн-курсы, онлайн-обучение, онлайн-образование, онлайн-словарь, онлайн-энциклопедии*). Это наблюдается в препозиции к существительному.

2) Онлайн пишется раздельно, если это самостоятельная часть речи, употребляется в функции определения (в постпозиции к существительному) или в функции обстоятельства: *учиться онлайн, сдавать экзамены онлайн.*

Портал Грамота.ру [<http://new.gramota.ru/spravka/buro/>] даёт дополнения к орфографическому написанию слова онлайн: Если после слова онлайн употребляется словосочетание «прилаг.+сущ.», то онлайн пишется раздельно: *онлайн торговый зал.*

Если онлайн употребляется перед словом, в котором есть дефис, то надо писать новое слово с 2 дефисами: *онлайн-веб-ресурс, онлайн-интернет-игра.*

2. Активно используются сложносокращенные слова, созданные на основе сложения сокращенных основ, например: *соцсети ← социальные сети: Но эту зависимость мы связываем со страхом что-то упустить, который возникает у пользователей соцсетей.*

Большую активность демонстрирует модель, связанная с созданием аббревиатур, например: *МЭШ ← Московская электронная школа, РЭШ ← Российская электронная школа, ФГОС ← федеральный государственный образовательный стандарт, ПООП ← примерная основная образовательная программа, ВОШ ← всероссийская олимпиада школьников и др. Родителям МЭШ позволяет быстро просматривать отметки ребёнка, оценивать его загруженность. РЭШ – (Российская электронная школа) устроена по принципу социальной сети: школьники заводят страницы со статистикой просмотренных уроков, конспектами и домашними заданиями. К сожалению, родители юных москвичей в который раз с начала школьных этапов этого года наблюдают множество сбоев и нестабильную работу МЭШ, которые делают невозможным участие в школьном этапе ВОШ.*

Среди слов, образованных от одной основы преобладают суффиксальные производные.

Интерес представляют универбаты – суффиксальные однословные производные на базе синонимичных словосочетаний [Земская 2007 : 69]: **дистанционка** ← дистанционное обучение: *Для меня позитивное отношение многих ребят к дистанционке стало большим открытием*; **удаленка** ← удаленное обучение – обучение на расстоянии. *По мере роста заболеваемости местные власти принимают решение о переводе школ на удаленку.*

Активно используются слова, образованные путем сокращения основ: **дистант** ← сокращ. «дистанционный» «distance learning». *В России, к сожалению, нет единого стандарта обучения в дистант*; **интенсив** ← сокращ. «интенсивный»: *Приходите на бесплатный интенсив по работе с Google Таблицами и Excel*

В образовании относительных прилагательных сохраняют активность продуктивные суффиксы -н-; -ов-, которые присоединяются к основам заимствованных слов: **флайновый** ← офлайн: *Тогда возникает обратное явление, мы называем его «радостью от упущенного»: ученики получают удовольствие от реальной, офлайновой жизни*; **фейковые** ← фейк: *Мы учим их медиаграмотности: как конструктивно спользовать технологии, правильно строить диалог в социальных медиа, распознавать фейковые новости и кибербуллинг*; **клиповый** ← клип : *Дети сейчас другие разве что за счёт скорости жизни во круг, у них клиповое мышление.*

В области глагольного словообразования сохраняется активность суффиксального способа. От основ заимствованных существительных с помощью суффиксов -а-, -и- созданы глаголы **лайкать** ← лайк; **кликать** ← клик; **банить** ← бан; **зумить(ся)** ← зум (Zoom), **гулить** ← гугл (*В общем, все ролики про школу лайкаются* людьми практически на автомате, потому что это «жиза» (правдивая, жизненная ситуация; *Никому не понравится заявление «Привет, я Аня, теперь буду вас всех банить и удалять!»*); *А термин «зумбомбинг» точно будет полезно узнать всем, кто любит зумиться*; *Это хороший способ проверить, интересна ли детям тема. Если человек гулит, значит, он включён в процесс).*

Выделенные глаголы включаются в дальнейший производственный процесс во внутриглагольном словообразовании. Так, создаются глаголы с помощью суффикса -ну-, имеющим словообразовательное значение одноактности, кратковременности действия: **лайкнуть** ← лайкать, **кликнуть** ← кликать. Активность проявляют и словообразовательные приставки, конкретизирующие значение действия с точки зрения времени, результатов: **залайкать** ← лайкать (лайкать много раз); **забанить** ← банить (завершить действие банить).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что под влиянием цифровизации меняются способы коммуникации участников педагогического общения, расширяется жанровое разнообразие текстов педагогического дискурса, обновляется его лексика за счет включения заимствований (чаще всего из английского языка) компьютерной тематики, происходит совмещение разностилевых средств. Анализ словообразовательных особенностей новых производных слов

позволяет увидеть, как механизмы языка участвуют в освоении новых явлений действительности.

Литература

1. *Барт М. В.* Словообразовательные модели современного русского компьютерного жаргона : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2010. – 22 с.
2. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. – М.: ЛКИ, 2007. – 224 с.
3. *Лушникова Е. В.* Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона (на материале русского, английского и французского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 22 с.
4. *Поспелова Ю. Ю.* Педагогический дискурс и его характеристика // Вестник КГУ. – 2009. – №1. – С. 307–310.
5. *Романова Г. В.* Влияние цифрового дискурса на формирование новой языковой реальности // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – №4. – С. 6–14.
6. *Романова Г. В.* Устойчивые выражения в средствах массовой информации периода пандемии коронавирусной инфекции // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 4 (39). – С. 133–143.
7. *Сбоев А. Н.* Культурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018. – 33 с.

Интернет-ресурсы

8. Slovari.ru <https://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsis&wi=11240>
9. Academic.ru <https://academic.ru/>
10. Грамота.ру <http://www.gramota.ru/>
11. Мел <https://mel.fm/>
12. Наука и университеты <https://t.me/s/naukauniver>

Автор:

Гаврилова Ирина Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары (Россия), e-mail: fevral06@rambler.ru.

Author:

Gavrilova Irina Vyacheslavovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary (Russia), e-mail: fevral06@rambler.ru.

М. В. Ганин, З. Р. Хабибуллова, А. Ю. Максимова

**РУССКОЕ «БОГОСТРОИТЕЛЬСТВО»: ФИЛОСОФСКИЕ
КОНСТРУКТЫ А. А. БОГДАНОВА
В ПОВЕСТИ М. ГОРЬКОГО «ИСПОВЕДЬ»**

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы соотношения ключевых концептуальных и образных линий в программных текстах А. Богданова и М. Горького в контексте репрезентации в них идеологем русского «богостроительства». В качестве материала для аналитического сопоставления выбраны повесть «Исповедь» (1908) и роман-утопия «Красная звезда» (1908).

Ключевые слова: богостроительство, философские конструкты, идеологемы, М. Горький, повесть «Исповедь», А. Богданов, роман-утопия «Красная звезда», пролетариат, коллектив.

M. V. Ganin, Z. R. Khabibullova, A. Y. Maximova

**RUSSIAN “GOD-BUILDING”: PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF
ALEXANDER BOGDANOV
IN GORKY'S SHORT STORY “CONFESSION”**

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of the correlation of key conceptual and figurative lines in the texts of Alexander Bogdanov and Maxim Gorky in the context of the representation of the ideologemes of Russian “God-building” in them. The short novel “Confession” (1908) and the utopian novel “Red Star” (1908) were chosen as the material for analytical comparison.

Keywords: God-building, philosophical concepts, ideologemes, Maxim Gorky, the short story “Confession”, Alexander Bogdanov, the utopia novel “Red Star”, the proletariat, the collective.

Предметом нашего исследования стало рассмотрение особенностей репрезентации богостроительских идей в рубежной для мировоззрения М. Горького повести «Исповедь» (1908) [см. Горький 1949] и романе-утопии философа, ученого-энциклопедиста, естествоиспытателя А. А. Богданова «Красная звезда» (1908) [см. Богданов 2009]. *Цель работы* – доказать влияние религиозно-философских идей последнего на мировоззрение «буревестника революции» и продемонстрировать отражение богдановских идей в идейной и художественной структуре вышеозначенной повести.

Актуальность исследуемой проблемы рассматриваемой темы определяется интересом историков литературы, философов и литературоведов к вопросам бытования религиозно-философских идей в художественных текстах авторов рубежа веков – эпохи серебряного века русской культуры – и появлением новых интерпретаций, как хорошо известных, так и мало знакомых отечественно-

му читателю – и недостаточно изученных специалистами – произведений. *Методологическую основу* исследования составили описательный и сравнительно-исторический методы, метод философской интерпретации литературно-художественного текста, элементы мотивного подхода к анализу произведений.

Результаты исследования и их обсуждение. 1908 год стал этапным для формирования доктрин русского богостроительства: увидел свет первый том исследования А. В. Луначарского «Религия и социализм» (см. его рецензию на повесть «Исповедь» [Луначарский 1909]), в котором собственно и были изложены ключевые положения концепции: будущий нарком просвещения считал, что «человечество нуждается в религии» и что социализм – это «самая совершенная религия», созданная за всю историю человечества [цит. по Шеррер 1995: 55], тогда же был опубликован коллективный сборник статей левых большевиков «Очерки по философии марксизма». В свою очередь, рассматриваемые произведения – фантастико-утопический роман Богданова «Красная звезда» и повесть Горького «Исповедь» – стали своего рода художественными репрезентациями идеологом новой «религии пролетариата».

Установлено, что уже состоявшийся и известный в России и европейских странах автор (пьеса «На дне» с триумфом идет на сценах российских и европейских театров) в этот период относился к философской системе и самому Богданову с большим пиететом и видел в нем «наиболее интересного и возможно наиболее важного философа в Европе» [цит. по Шеррер 1995: 57]. В одном из писем, адресованных автору «Красной звезды», читаем: «Для меня, чем более я вчитываюсь в Ваши книги, все яснее, глубже и шире видна Ваша воистину революционная мысль, и – не примите за лесть, – мне кажется, что в лице Богданова не только российский пролетариат узнает и оценит своего философа» (письмо, датированное мартом 1909 г.) [цит. по Шеррер 1995: 57–58].

Сопоставляя предлагаемые художественные тексты, мы выявили характерные особенности богостроительства как самобытного и оригинального явления, рожденного русской философско-политической и религиозной мыслью, нашедшей яркое отражение в отечественной литературе. В исследовании доказывается, что повесть М. Горького следует квалифицировать в качестве основополагающего и во многом опорного текста для понимания феномена богостроительства. Проблемы, затрагивающиеся в сопоставляемых текстах, типологически схожи, что позволяет говорить о единой идее произведений – построении новой идеологии, прямо соотносящейся с философскими воззрениями А. А. Богданова.

Представим некоторые итоги сопоставления ключевых положений (см. таблицу 1).

Тезисы русского богостроительства

Сравнительный аспект	А. Богданов «Красная звезда»	М. Горький «Исповедь»
Понимание «Бога» («Творца») и «божественного» деяния	Философия «безличного дела» и обожествление коллектива: «Творец – каждый работник, но в каждом работнике творит человечество и природа. <... > Человек – личность, но дело его безлично» [Богданов 2009: 47]	«Народушко» как бог и богостроитель: «Богостроитель — это суть народушко! Неисчислимый мировой народ! Великомученик велий, чем все, церковью прославленные, – сей бо еси Бог, творяй чудеса! Народушко бессмертный, его же духу верую, его силу исповедую, он есть начало жизни единое и несомненное; он отец всех богов бывших и будущих!» [Горький 1949: 73]
Отказ от индивидуализма, становление «общего, коллективного» начала	Победа над индивидуализмом как свершившийся факт. Безапелляционное провозглашение бессмертия в плодах коллективного труда. «Имя каждого сохраняется до тех пор, пока живы те, кто жил с ним и знал его. Но человечеству не нужен мертвый символ личности, когда ее уже нет. Наша наука и наше искусство безлично хранят то, что сделано общей работой. Балласт имен прошлого бесполезен для памяти человечества» [Богданов 2009: 47-48]	Осуждение проявлений индивидуализма: «Оттого и бессильна, оттого и уродлива жизнь. Каждый старается отойти от жизни вбок, выкопать в земле свою норку и из нее одиноко рассматривать мир; из норы жизнь кажется низкой, ничтожной; видеть ее такою – выгодно уединенному!.. Началась... эта дрянная и недостойная разума человеческого жизнь с того дня, как первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа, от массы, матери своей, и сжалась со страха перед одиночеством и бессилием своим в ничтожный и злой комок мелких желаний, комок, который наречен был — «я». Вот это самое «я» и есть злейший враг человека!» [Горький 1949: 10]
«Поручение», мысль и идея как основа для сплочения общества	Магистральная задача человека в обществе «исполнение какого-либо важного и ответственного поручения общества». «Этим способом, с одной стороны, укрепляется его связь с обществом, с другой – выясняется на деле уровень его способностей и энергии» [Богданов 2009: 19]	Мысль и воля народа как концентрировании энергия, обладающая революционным потенциалом. «Именно сосредоточенная на одной мысли воля народа возбуждает в хранителях закона заботы о нём и страх пред ним. Пусть ещё не народилась эта мысль и неуловима она, но уже оплодотворён дух сомнением в незыблемости враждебного закона – вот откуда тревога законников!» [Горький 1949: 66]

Выводы. На данном этапе нашей работы – а тема исследования, безусловно, заслуживает более глубокого погружения в материал и дальнейшего изучения – мы можем сделать следующие выводы:

1. Влияние концепций А. А. Богданова на структуру повести М. Горького прослеживается как на идейно-философском уровне, так и на уровне форм реализации «политической риторики». Более того, мы видим, что конструкты «новой идеологии», транслируемые А. А. Богдановым в романе «Красная звезда» (см. приложение 1), весьма схожи с концептуальными построениями, предложенными в соответствующем произведении «глашатая революции».

2. «Исповедь» М. Горького, безусловно, стала одним из основополагающих текстов русского богостроительства, своеобразной художественной платформой для артикуляции идеологических конструктов богостроительства.

3. В рассматриваемых произведениях концептуализируется магистральная цель богостроительской этики и «онтологии» – торжество коллективного действия, формулируются конкретные задачи по аккумуляции энергии «масс», порождающей чудеса и открывающей перспективы преображения человека.

4. Задача «искоренения» индивидуализма и воплощения отдельно взятой личности в организме коллектива в тексте Горького в исповедальном ключе реализуется через апелляцию к традиционным религиозным представлениям, постулатам христианства.

Литература

1. *Богданов А. А.* Философия живого опыта. Популярные очерки: Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. – М.: КРАСАНД, 2010. – 272 с.

2. *Богданов А. А.* Красная звезда: Роман. – М. : ТЕРРА–Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2009. – 224 с.

3. *Горький М.* Исповедь / М. Горький / Собрание сочинений в 30 томах. – М.: ГИХЛ. – Т. 8. Жизнь ненужного человека. Исповедь. Лето. – 1949. – 325 с. – URL: <https://filosoff.org/gorkiy-maxim/wp-content/uploads/sites/323/2020/04/sobranie-sochinenij-v-tridcati-tomax-tom-8-zhizn-nenuzhnogo-cheloveka-ispoved-leto-maksim-gorkij.pdf> (Дата обращения: 21.01.2023).

4. *Луначарский А. В.* Свет во тьме. Рецензия на повесть М. Горького «Исповедь». – 1909. – С. 84–119. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su/articles/svet-vo-tme-recenzia-na-ispoved-m-gorkogo/> (Дата обращения: 11.07.2023)

5. *Меликов И. М.* Духовное бытие свободы. – М.: Квант–Медиа, 2017. – 630 с. – URL: <https://r9.rbook.top/book/23269302/read/page/25/> (Дата обращения: 11.02.2023)

6. *Русская философия.* Энциклопедия / Издание второе, доработанное и дополненное; под общей ред. М.А. Маслина. – М.: Терра-Книговек, 2014. – 832 с.

7. *Шерпер Ю. М.* Горький и А. Богданов (История отношений по материалам переписки 1908–1910 гг.) // Горький и его эпоха. Вып. 4: Неизвестный Горький: материалы и исследования. – М.: Наследие 1995. – С. 54–61.

8. *Юдин М. В.* Теория пролетарской культуры: истоки и эволюция // Вестник славянских культур. – 2020. – Т. 58. – С. 84–100.

Авторы:

Ганин Максим Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: isaaa@yandex.ru

Хабибуллова Зульфия Рифкатовна – студентка четвертого курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: khabibullova.zulfiya@mail.ru

Максимова Анастасия Юрьевна – студентка четвертого курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: m4ndarinka65@yandex.ru

Authors:

Ganin Maksim Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: isaaa@yandex.ru

Khabibullova Zulfiya Rifkatovna – fourth-yearstudent of the Faculty of History, Philology, Management and Law, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: khabibullova.zulfiya@mail.ru

Maximova Anastasiya Yurevna -- fourth-yearstudent of the Faculty of History, Philology, Management and Law, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: m4ndarinka65@yandex.ru

СЕРБСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОНЦЕПТУАЛЬНЫМИ ТОПОНИМАМИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются и анализируются устойчивые единицы сербского языка с концептуализированными компонентами-топонимами, отражающими картину мира носителя сербской культуры и не имеющими аналогов в русском языке.

Ключевые слова: сербский язык, фразеологизмы, культурология, топонимика, межславянская коммуникация, переводоведение.

K. V. Goncharova

SERBIAN PHRASEOLOGISMS WITH CONCEPTUAL TOPONYMS

Abstract. In our article we analyze stable units in the Serbian language with conceptualized toponym components that reflect the worldview of the Serbian culture and which have no analogues in the Russian language.

Keywords: Serbian language, phraseological units, cultural studies, linguistics, inter-Slavic communication, translation studies.

Фразеология – это одно из самых активно развивающихся направлений лингвистической науки. И это неудивительно, поскольку любой язык содержит в себе обширный фразеологический фонд, изучение которого позволяет получить более глубокое представление о культуре и менталитете каждого отдельно взятого народа. Весь этот пласт бесценной информации сохраняется в языке в виде фразеологических единиц.

В данном ключе обратимся к близкородственному славянскому языку – сербскому – и проанализируем некоторые устойчивые выражения, содержащие в себе концептуальные топонимы, значения которых можно раскрыть лишь с привлечением культурологического контекста. Целью нашего исследования является анализ семантики и контекстуального употребления наиболее частотных сербских фразеологизмов с компонентом-топонимом в сопоставлении с русским языком, а также выявление этнокультурных особенностей и различий между двумя языками – сербским и русским. Особое внимание уделяется рассмотрению фразеологизмов с культурологическим компонентом, которые являются прецедентными для сербского народа и не имеют точного эквивалента в русском языке [Савченко, Хмелевский 2022: 244].

Итак, рассмотрим некоторые из наиболее частотных в узусном плане сербских устойчивых единиц, которые сквозь южнославянскую топонимику

приоткрывают глубинный смысл и понимание современной сербской картины мира.

1) **Обилазити као киша око Крагујевца** – букв. «обходить стороной как дождь Крагуевац». Фразеологизм употребляется в значении «намеренно избегать чего-либо», «говорить о чем угодно, только не о том, что нужно, важно» [Трофимкина 2005: 89].

Крагуевац – четвертый по величине город Сербии. Он находится в самом центре страны, в области, традиционно называемой Шумадија. Благодаря географическому положению и уникальному по своей сути микроклимату в Крагуеваце редко бывают дожди, т.к. тучи обходят эту зону стороной, задерживаясь в холмах, окружающих этот населенный пункт. Климатический феномен этого города послужил основой для возникновения данного фразеологизма. Приведем ряд примеров, в которых функционирует это довольно частотное и широко узнаваемое устойчивое выражение: *Obilazili su, u gužvi izlaznih ljudi, jedno oko drugoga, kao kiša oko Kragujevca.* – «В толпе прохожих они обходили друг друга стороной, как дождь Крагуевац.» [Pokazivač]; *H&M oko Srbije, kao kiša oko Kragujevca. Švedski modni gigant H&M, koji se već proširio u Sloveniji, Hrvatskoj, Bugarskoj i Rumuniji, ne planira ni ove godine da uđe na tržište u Srbiji.* – «H&M вокруг Сербии, как дождь вокруг Крагуеваца. Шведский модный гигант H&M, который уже обосновался в Словении, Хорватии, Болгарии и Румынии, в этом году также не планирует выходить на рынок Сербии.» [Mondo]; *ODGOVORI KAO „KIŠA OKO KRAGUJEVCA“ Poslanici nezadovoljni povratnim informacijama iz Vlade.* – «Ответы как «дождь вокруг Крагуеваца». Депутаты недовольны ответной информацией от правительства.» [SrpskaInfo].

Если приводить примеры с русским языком, то по своему значению наиболее соответствующим бы был фразеологизм *ходить вокруг да около*, который не содержит того глубинного культурологического смысла, как сербский.

2) **Нога личка, а ципела бечка!** – букв. «нога из Лики, а туфля из Вены».

Образ этого фразеологизма создается в результате противопоставления двух топонимов, которые в нем представлены. Лика (историческая область Хорватии) в данном контексте олицетворяет «деревню» в негативном ее культурологическом восприятии (ассоциация с бедностью, неграмотностью, отсталостью, заброшенностью), в то время как столица Австрии – Вена – в том же самом мировосприятии являет собой эталон богатой, развитой и модной столицы. Вероятно, это обусловлено тем, что часть сербских территорий долгое время находилась под управлением Австро-Венгрии, что оставило отпечаток в сербском сознании. Выражение обычно употребляется в отношении человека, который пытается строить из себя того, кем он на самом деле не является [Толстой 1970: 256]. Русские аналоги – *со свиным рылом в калашный ряд, всяк сверчок знай свой шесток, не по Сеньке шапка, не в свои сани не садись*. Для иллюстрации употребления этого сербского фразеологизма приведем следующие контексты: *Brate e si video Baneta dobio dva ipo miliona na lotou, i odmah dao 100.000 evra da snimi spot i album za Grand produkciju?! – Tako ti je to kad je*

noga lička, a cipela bečka... – «Дружище, ты знаешь, что Бане выиграл в лотерею два с половиной миллиона и тут же потратил 100 000 евро на запись клипа и альбома в Grand Production²?! – Вот что бывает, когда у тебя нога из Лики, а ботинок из Вены...» [Vukajlija]; *Noga lička, a cipela bečka: Bosanka obula cipele tri broja manje.* – «Нога из Лики, а туфелька из Вены: боснийка надела туфли на три размера меньше.» [Telegraf.rs]; *Srbija i evropski standardi. Noga lička, a cipela bečka.* – «Сербия и европейские стандарты. Нога из Лики, а туфелька из Вены.» [Koreni].

3) **И мирна Босна / и мирна Бачка / и мирна Крајина.** – букв. «и мирная Босния / Бачка / Краина».

Омеченный нами фразеологизм употребляется в значении «все в порядке, нет повода для спора, разногласий, вражды», когда говорят об окончательной развязке чего-либо [Трофимкина 2005: 14, 21, 100]. Ср. рус. *баста, и дело с концом, и точка, тушите свет!* И т. п.

Чтобы понять происхождение данного выражения, следует обратиться к истории славянской части Балканского полуострова. Дело в том, что все упомянутые регионы – Босния и Герцеговина, Бачка (область на севере Сербии, в крае Воеводина, на границе с Венгрией) и Боснийская Краина (регион на северо-западной границе Боснии и Герцеговины) в прошлом нередко подвергались военным потрясениям, становились центрами восстаний и, в целом, никогда не были мирными, что придает фразеологизму оттенок некой иронии: *Prodao mi pokvaren telefon, ubiću ga. – Što da prljaš ruke, a i znate se. Nek ti vrati pare, ti njetu telefon i mirna Bosna.* – «Он продал мне сломанный телефон, убить бы его. – Зачем пачкать руки, да и вы друг друга знаете. Пусть он вернет тебе деньги, ты ему телефон, и мирная Босния.» [Vukajlija]; *I sta ces sa ta dva ispita? - Spremicu ovaj tezi, onaj laksi cu da prenesem i mirna Baska.* – «И что ты будешь делать с этими двумя экзаменами? – Подготовлюсь к тому, что посложнее, а тот, что полегче, перенесу, и мирная Бачка.» [Vukajlija].

4) **Све је равно до Косова** – букв. «всё равно, прямо до Косово».

Это частотное и хорошо узнаваемое устойчивое сербское выражение имеет значение абсолютного равнодушия к чему-либо. Возможные русские аналоги: *до лампочки, по барабану, ни жарко, ни холодно.* Для иллюстрации его употребления приведем следующие контексты: *Marko: "Onaj Sale Flegma drugi put za redom rao godinu na faksu!" – Goran: "Pa on kakav je, ne bi me iznenadilo da se ni najmanje nije iznervirao zbog toga!" – Marko: "Koje crno nerviranje, sinak...pa znaš ti njega, njetu je sve ravno do Kosova!"* – «Марко: Этот Сале Флегма второй год подряд завалил экзамены в университете! – Горан: «Ну, он такой, какой есть, я не удивлюсь, если он из-за этого даже не расстроится!» – Марко: «Какое уж тут расстройство... Ты же его знаешь, ему все равно до Косово!» [Vukajlija].

² Grand Production — сербский звукозаписывающий лейбл и продюсерская компания, специализирующаяся преимущественно на фолк-музыке. Лейбл выпускает еженедельное телешоу «Гранд Парада», имеет собственный кабельный телеканал и организует конкурсный фестиваль для исполнителей поп-фолк и турбо-фолк музыки «Гранд фестиваль».

В сербском языке закрепился еще один фразеологизм, содержащий топоним со схожим значением: *равна ти је Југославија* – букв. «ровная/прямая тебе Югославия!». В качестве примера здесь можно вспомнить слова из песни югославской рок-группы «Bijelo dugme»: *Vaš me briga gdje si otišla – Ravna ti je Jugoslavija!*... – «Мне все равно, куда ты ушла, ровная тебе Югославия...» [Genius]. Ср. рус. *на все четыре стороны, скатертью дорога...*

Упоминание страны – Югославия – в данном контексте вызывает ассоциации с большим расстоянием, географической протяженностью, что переключается с уже упомянутым фразеологическим оборотом *равно је до Косова* (как синонимичный вариант – *равно је до мора*), образ которого возникает вследствие стереотипных представлений сербов о географической удаленности Косово от культурного, политического и экономического центра Сербии в рамках оппозиции «центр – провинция» [Кузнецова, Хмелевский 2021: 40].

В этой связи в качестве варианта можно привести авторский фразеологизм из песни сербского поэта-песенника и барда Дж. Балашевича «Карусель» (серб. «*Рингишпил*»): *Ма све ми је равно ко северни Банат* – букв. «мне все равно, как Северный Банат». Банат – это историческая область в Центральной Европе, которая на настоящий момент поделена между тремя государствами – Сербией, Венгрией и Румынией. Сербская часть Баната и в самом деле является плоской и равнинной.

В языке фразеологические единицы способны нести определенные коннотации, вызывать в сознании носителя языка конкретные ассоциации, способствовать созданию ярких экспрессивных образов, вносить в речь различные стилистические контрасты, выражать определенные эмоции, которые безошибочно трактуются носителями сербской культуры. Основной целью настоящего исследования являлось изучение сербских ФЕ, содержащих культурологический компонент-топоним. Такие фразеологизмы являются концептуальными для сербской культуры, но, как мы увидели, далеко не всегда имеют эквиваленты в других, даже близкородственных языках.

Литература

1. Кузнецова И. В., Хмелевский М. С. Лексемы ориентального происхождения во фразеологизмах, называющих человека, в языке славян-мусульман Боснии // *Slavia Centralis*. – Maribor, 2021. – Vol. 14, № 1. – С. 37-47.
2. Савченко А. В., Хмелевский М. С. Славянская «топонимическая фразеология»: фразеологические единицы с компонентом-ойконимом в славянских языках // *Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее*. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора В. И. Зимина. – Москва, 2022. – С. 242–253.
3. Толстой И. И. Сербско-хорватско-русский словарь. – Москва: Изд-во «Московская энциклопедия», 1970. – 736 с.
4. Трофимкина О. И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. – М.: ООО «Восток-Запад», 2005. – 229 с.

Электронные источники

Genius. Режим доступа: <https://genius.com/Bijelo-dugme-lipe-cvatu-sve-je-isto-ko-i-lani-lyrics> (2023-05-06).

Koreni. Режим доступа: <https://www.koreni.rs/srbija-i-evropski-standardi-noga-licka-a-cipela-becka/> (2023-05-06).

Mondo. Режим доступа: <https://mondo.rs/Info/Ekonomija/a232977/H-M-oko-Srbije-kao-kisa-oko-Kragujevca.html> (2023-05-06).

Pokazivač. Режим доступа: <https://www.pokazivac.com/kisa-oko-kragujevca/> (2023-05-06).

SrpskaInfo. Режим доступа: <https://srpskainfo.com/odgovori-kao-kisa-oko-kragujevca-poslanici-nezadovoljni-povratnim-informacijama-iz-vlade/> (2023-05-05).

Telegraf.rs. Режим доступа: <https://www.telegraf.rs/vesti/2863529-noga-licka-a-cipela-becka-bosanka-obula-cipele-tri-broja-manje-foto> (2023-05-06).

Vukajlija. Режим доступа: <https://vukajlija.com/mirna-backa/251020> (2023-05-06).

Vukajlija. Режим доступа: <https://vukajlija.com/mirna-bosna/227901> (2023-05-07).

Vukajlija. Режим доступа: <https://vukajlija.com/noga-licka-a-cipela-becka/116028> (2023-05-07).

Vukajlija. Режим доступа: <https://vukajlija.com/sve-mu-ravno-do-kosova/110248> (2023-05-06).

Автор:

Гончарова Ксения Владимировна – магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: st110026@student.spbu.ru

Научный руководитель:

Хмелевский Михаил Сергеевич – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Author:

Goncharova Ksenia V. – Master degree, St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: st110026@student.spbu.ru

Scientific supervisor:

Khmelevsky Mikhail S. – Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АВТОНОМНОСТИ СОДЕРЖАНИЯ В ФОРМООБРАЗОВАНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье раскрываются особенности формообразований духовной культуры на материале закономерностей развития содержания художественной литературы, затрагиваются дискуссионные вопросы семиотической природы этих особенностей, подчеркивается относительная самостоятельность и автономность эстетического сознания, а также значимость искусства для образованной личности и саморазвития современного человека.

Ключевые слова: духовная культура, формообразование культуры, художественная литература, автономность эстетического сознания, семиотика культуры, идеальное содержание, творчество.

М. А. Gubanova, A. D. Pokhilko

SIGN-SYMBOLIC PREREQUISITES OF AUTONOMY OF CONTENT IN FORMS OF ARTISTIC CULTURE

Abstract. The article reveals the features of the formation of spiritual culture based on the patterns of development of the content of fiction, touches on debatable issues of the semiotic nature of these features, emphasizes the relative independence and autonomy of aesthetic consciousness, and the importance of art for an educated personality and the self-development of a modern person.

Keywords: spiritual culture, cultural formation, fiction, autonomy of aesthetic consciousness, semiotics of culture, ideal content, creation.

Актуальность темы связана с необходимостью решения современных образовательных и воспитательных задач, стоящих перед российским обществом. Формализация культуры в массовом обществе приводит ко многим негативным явлениям, которые получили название «массовая культура». Массовая культура, несомненно, имея и положительные стороны, все же нивелирует высокий уровень классической художественной культуры, обесценивает ее идеальное содержание. Информационное общество существенно изменяет и форму искусства, и его эстетическое содержание, т.е. эстетическое сознание. Важной социокультурной задачей является дополнение тенденции формализации уравновешивающей ее тенденцией формообразования, что требует семиотического анализа [Ланцевская 2022: 105-107].

Целью данной статьи – уточнить методологические аспекты темы, а также в некоторой степени рассмотреть теоретические аспекты исследования особенностей российских культурных формообразований.

Современная форма в культуре представляет собой уже не классическую форму, которая органично переходит, переливается в содержание, предполагая и обратный процесс мягкой детерминации формы со стороны содержания, а знаково-символическую структуру, приобретающую все более нейтральное (асерторическое) информационное содержание [Губанова 2010: 38–41]. Диалектическая методология была характерна для классической немецкой философии и марксизма; она выразилась в классической европейской художественной литературе с ее явно выраженной эстетической модальностью. Российская художественная литература золотого века дополняет эту модальность нравственной модальностью.

В неклассической интерпретации социокультурная форма предстает как динамичное образование, в котором действуют одновременно тенденции формализации и формообразования [Лебедева 2019: 26–30; Флиер 2018: 30–37]. В такой неклассической интерпретации культурное формообразование выступает как мир творчества общественно-индивидуального субъекта, как процесс и результат активности этого субъекта [Акопян 2018: 147–149]. В этом формообразовании тесно переплетены объективное и субъективное. Отметим, что информационная ёмкость культурных формообразований возрастает. Художественное произведение содержит в концентрированном виде художественные образы, жанр – произведения, стиль – концентрирует в себе жанры, художественная культура в целом культура – разнообразие стилей. Интересно отметить, что Ренессанс пытался «вставить» себя в форму, «культурную рамку» античности, прежде всего, Древней Греции, совместить ее агональную культуру становящейся личности с новой культурой творческой индивидуальности. Формообразование в таком случае протекает по принципу «суперпозиции форм»: на уровне художественного образа, произведения, нового жанра или стиля и так далее вплоть до общей эволюции культурной формы. Формализация в художественной культуре протекает путем использования «мягких языков», аналогичных знаково-символическим языкам науки. Мягкость таких языков дает возможность не только совершать абстрагирование и формализовать содержание ценностей, но и конкретизировать их до уровня личностных смыслов. Художественная литература продуцирует вторичные моделирующие системы по отношению к первичному естественному языку. Вместе с этим модифицируется этико-эстетическое содержание этих культурных формообразований. Форма в культуре требует своего дальнейшего исследования в системно-структурном аспекте. В таком аспекте выявляется ее культурное содержание, т.е. отличие от социальной формы и от формы человеческой субъективности. В этом смысле форма выходит за узкие рамки диалектической оппозиции «форма-содержание», она трактуется в ее корреляции с социокультурной информацией и обретает в культуре содержание знания и сознания, требует от человека осознания жизненных личностно-индивидуальных смыслов, которые релевантны многообразию возможных миров современного человека.

Системное качество автономности содержания художественной формы как культурного формообразования можно выразить термином «превращенная

форма». В настоящее время форма все больше связана со структурой, а не только с содержанием. Семиотическая структура придает системное качество социальным объектам. Спецификой культурных формообразований является то, что они не имеют самодовлеющей сущности. Поэтому надо вести речь об их дуальной и транзитивной природе, обеспечивающей успешность общения и коммуникации акторов единой социокультурной реальности. Эти формообразования бытийны, системны, структурны и функциональны. Бытийный статус обеспечивается сопряженностью в них устойчивости и определенности (детерминированности). Формообразования структурируют социальное пространство, маркируя границы автономности субъектов коммуникации и создавая условия для их диалогического взаимодействия. Проблема автономности духовных формообразований чрезвычайно сложна. В классической философии эта проблема редуцировалась к вопросу об относительной самостоятельности сознания по отношению к бытию, формы по отношению к содержанию. В неклассической интерпретации происходит расширение постановки проблемы, встает вопрос о диалектике зависимости и независимости общественного сознания и его форм от общественного бытия, о сложности диалектического пути познания и осознания объективной реальности [Похилько 2006]. Редукция, «сведение» относительной самостоятельности общественного сознания к его предпосылкам – лишь первый шаг к познанию диалектики внутренних и внешних условий и предпосылок общественного и индивидуального сознания как особых культурных формообразований. Анализируя переходы и превращения этих предпосылок, становится возможным лучше понять вопрос о некоей мистической самодовлеющей «форме», о социальных и культурных механизмах, путях развития духовной жизни человека, сознания как специфической духовной целостности. Культурное формообразование в одном из наиболее существенных аспектов, а именно, динамичном и процессуальном аспекте, можно представить как возможный мир творчества.

Суть творчества – это не только деятельность, но и активность формообразования на основе свободы, а не необходимости. В творчестве необходимость преобразуется и преодолевается. В то же время опыт исторического развития художественной литературы советских и российских авторов даёт представление об отношении государства к творческим людям. Творчество – ключ к гармонии, её составляющая. Если выделить в качестве основного признака творчества создание нового, то, с точки зрения морали, на первое место выйдет проблема самотворчества, самосозидания человека, причем на своих собственных духовных основаниях.

Рефлексия в процессе коммуникации служит условием формирования морали. Культурное формообразование является возможным миром творчества, поскольку является автономным феноменом сознания и деятельности общественно-индивидуального субъекта. Культурное формообразование в духовном аспекте – продукт социально-исторического творчества. Ядром же такого творчества является мораль, ее ценности. Этическая автономия даже номинально представляет собой своезаконие, самозаконность, свободу морального сознания

от детерминации со стороны объективных условий [Губанова 2009: 15–17] нравственного формообразования (сознания), которое выступает источником творчества. Моральное действие характеризуется добровольностью. У правового сознания духовные основания неразрывно связаны с применением или угрозами применения силы, но мораль самообоснованна. В нравственном сознании действует самодетерминация, «субъективная детерминация».

Концепт «этическая автономия» выражает личностную автономию человека, его гармоничное отношение к социокультурному миру. Данный концепт включает в себя закон свободы, связанной с ответственностью. Этическая автономия в идеале – это закон, который открыло христианство: закон свободной и ответственной любви. Этому закону служит художественная форма в России.

Следовательно, особенности неклассической интерпретации формы и соответственно формообразования духовной культуры заключаются в её динамичности, структурности, коммуникативности, знаковости. Субъектом инноваций в неклассической форме выступает не только индивид, но и общество, коллектив, личность.

Философия и литература тесно взаимосвязаны в российской культуре. Содержание художественного слова имеет просветительскую и рациональную интенцию и выражает автономность художественно-эстетической формы. Всеобщность философского содержания и уникальность эстетической формы, на наш взгляд, опосредствуются этической автономностью личности.

Культурное формообразование имеет ветвящийся характер, поскольку представляет собой соединение социального и антропологического измерения. В социальном измерении форма конструируется, становится прочной, а в антропологическом измерении культурное формообразование деконструируется и растворяется в хаосе человеческой субъективности. На материале художественных формообразований мы видим, что они противоречивы: с одной стороны, для их существования необходимы хаотические процессы, с другой стороны – определенные твердые формы с их сущностной и закономерной способностью к детерминации.

Мы основывались на диалектической методологии и системно-структурном подходе. Однако идеальное содержание художественно-эстетического сознания допускает феноменологический подход, в ракурсе которого автономность этого идеального содержания обнаруживается внутренним образом, допуская уже не относительную, а абсолютную модальность автономности сознания. Можно соединить диалектику с феноменологией в ее реалистической форме (Р. Ингарден, М. Шелер и др. [Ингарден 1962]). Значение символов культуры определяется субъективной интенцией автора, но это направленность сознания на общественные ценности. Язык сопротивляется произволу автора, стремлению внести в него несвойственное, произвольное содержание (смысл). Литературное произведение – это идеальный предмет для феноменологической эстетики в силу своей идеальности и многослойности [Ингарден 1962: 21-40]. Произведение искусства, в частности, литературы, – это текст, имеющий семиотические лакуны, которые при восполнении «реци-

пиентом» образуют гармоничное целое. Текст понимается в самом широком смысле – как совокупность знаков и символов. Творчество – это «всего лишь» интерпретация текста как автором, так и читателем.

По Р. Ингардену, для теории восприятия литературное произведение существует как набор общих указаний (или «схематов»), которые читатель должен «актуализировать», то и дело внося в него «предпонимание», контекст надежд и ожиданий. В процессе чтения эти ожидания под влиянием новой информации изменяются, и герменевтический круг начнет вращаться. Цель этого процесса – такое воссоздание интерпретированной иллюзии, когда-то, что мы узнали на первой странице, блекнет и «сворачивается» в памяти, чтобы затем предстать в совершенно ином свете под влиянием того, что мы узнаем позже. Читатель открывает для себя новые горизонты и преодолевает их. Литературное произведение – органическое целое, и смысл заполнения «неопределенностей» в нем заключается в совершенствовании этой гармонии [Ingarden 1973, приводится по: Руднев 1989: 143].

Таким образом, в знаках и символах мы видим предпосылку обретения самостоятельности культурными формообразованиями. В художественной литературе эта самостоятельность приобретает высокий уровень. Языки, письменность как бы отрывают сознание от бытия общества, и культурные формообразования «парят в воздухе», обладая автономностью своего идеального содержания. В России доминирует символический (семантический) код культуры, что обусловлено исторической обусловленностью культуры православным христианством. В то же время писатели и поэты в России используют этот код для отражения в художественных образах процесса становления личностного начала, формирования нравственной автономности личности. Искусство как концентрированное выражение эстетического сознания наиболее ярко выражает способность человека действовать универсально. Эстетическое сознание регулирует внутреннюю целостность личности, интегрируя фрагменты переживаний в единую форму оригинальной индивидуальности. Искусство бы отключается от объективной реальности, чтобы возвратиться к ней на более высокой основе, приблизиться к ней, культивируя человеческую чувственность, раскрывая ее богатства.

Литература

1. *Акопян Г. А.* Формообразования духовной культуры в контексте социального творчества / Г. А. Акопян, М. А. Губанова, А. Д. Похилько // История и обществознание. – 2018. – № XV. – С. 147–149.

2. *Губанова М. А.* Автономия этическая: единство свободы, творчества и ответственности / М. А. Губанова, А. Д. Похилько // Этика : диалоговый словарь: инновационный проект. – Армавир : Армавирский государственный педагогический институт, 2009. – 223 с. – С. 15–17.

3. *Губанова М. А.* Особенности социальной формы в культуре, ее коммуникативно-информационный характер / М. А. Губанова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 3(52). – С. 38–41.

4. *Ингарден Р.* Исследования по эстетике / Роман Ингарден. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 21–40.

5. *Ланцевская Н. Ю.* Семиотический анализ как методологический прием изучения литературы / Н. Ю. Ланцевская // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1(53). – С. 105–107.

6. *Лебедева Л. Н.* Формализация культуры, ее социальная сущность и типы / Л. Н. Лебедева // Диалогическая культура педагога : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Армавир, 18 апреля 2019 года. Часть 2. – Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2019. – С. 26–30.

7. *Похилько А. Д.* Социокультурная автономность сознания : экзистенциально-антропологическое измерение / А. Д. Похилько. – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 248 с.

8. *Руднев, Н. А.* Тайны «Галактики Гуттенберга»: сюжеты и образы западной прозы 1970–1980 гг. / Н. А. Руднев. – М. : Художественная лит-ра, 1989. – 143 с.

9. *Флиер А. Я.* Генерализация понятия культурной формы / А. Я. Флиер // Вопросы культурологии. – 2018. – № 10. – С. 30–37.

10. *Ingarden R.* The Literary Work of Art : : An Investigation on the Borderlines of Ontology, Logic, and Theory of Literature : with an Appendix on the Functions of Language in the Theater / Roman Ingarden. – Evanston, 1973. – 415 p.

Авторы:

Губанова Марина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета им. г. Армавир, Россия; e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета им. г. Армавир, Россия; e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Authors:

Gubanova Marina Aleksandrovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia; e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Pokhilko Alexander Dmitrievitch – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities, Armavir State Pedagogical University named after Armavir, Russia; e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЯЗЫК» В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Аннотация. В данной статье охарактеризовано понятие «язык» как одно из ключевых в русской языковой картине мира; представлены результаты анализа школьных учебников по русскому языку на предмет особенностей репрезентации в них концепта «язык».

Ключевые слова: концепт, язык, культура, русский язык, учебник.

Е. А. Danilova

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT "LANGUAGE" IN SCHOOL TEXTBOOKS

Abstract. The article describes the concept of "language" as one of the key in the Russian language picture of the world; presents the results of the analysis of school textbooks on the Russian language on the subject of the peculiarities of the representation of the concept of "language" in them.

Keywords: concept, language, culture, Russian language, textbook.

В современной лингвистике существует тенденция изучать язык как продуктивный способ интерпретации человеческой культуры. Это объясняется тем, что язык является ключом к системе человеческого мышления, к природе человеческой психики, служит для характеристики нации. С термином «концепт» в науке связывают новый этап в понимании способов, закономерностей и особенностей взаимодействия языка, сознания и культуры, а следовательно, и новых аспектов взаимодействия лингвистики, когнитологии, культурологии, психологии, философии; расширились рамки содержательного анализа языковых явлений [Данилевич 2014: 97]. Слово «concept» в переводе с латинского – «зачинать», буквально означает «понятие, зачатие». Опираясь на статью «Концепт и слово» С. А. Аскольдова, впервые использовавшего этот термин в русской лингвистике [Аскольдов 1928: 29], мы будем говорить о концепте как о понятии.

Понятие «язык» является одним из ключевых в русской языковой картине мира и было характерно для русского сознания с древнейших времен. С точки зрения лексикографии, лексема «язык» характеризуется следующими чертами:

1. Многозначность: слово «язык» может иметь различные значения в зависимости от контекста, в котором оно используется.
2. Системность: язык как концепт описывается как система знаков, имеющая свои правила и структуру.

3. Коммуникативность: язык служит для коммуникации и обмена информацией между людьми.

4. Историчность и культурность: язык формируется в конкретной культурной среде и развивается во времени.

5. Функциональность: язык является инструментом для реализации различных функций, таких как передача информации, выражение эмоций и мыслей, формирование социальных отношений и т.д.

Некоторые толковые словари также указывают на более специфические значения слова «язык», такие как:

1) Язык науки – совокупность терминов и понятий, принятых в данной научной области;

2) Язык живописи, литературы и других видов искусства – способ выражения авторских идей и чувств через слова, краски и т.д.;

3) Язык жестов – система невербальной коммуникации [Курьянович 2022: 328].

Лексема «язык» является одной из наиболее часто используемых в речи и имеет множество значений. В толковых словарях она обычно определяется как орган речи, средство общения, совокупность речевых знаков, употребляемых в конкретном языковом сообществе и т.д.

Проведено немало исследований, посвященных специфике текстовой реализации концепта «язык». Мы же в ходе своего исследования решили проанализировать школьные учебники по русскому языку с целью выявления особенностей репрезентации в них понятия «язык».

В ходе анализа школьных учебников по русскому языку можно обратить внимание на статьи, традиционно размещенные на первых страницах. Мы можем встретить такие темы первых занятий, как «Русский язык в современном мире», «Русский язык – один из развитых языков мира», «Язык, речь, общение», «Международное значение русского языка», «Русский язык – национальный язык русского народа» и т.д. Данные статьи играют важную роль при введении учащихся в суть изучаемого предмета и в формировании у них базового понимания о языке.

В статьях можно встретить следующие основные темы и вопросы:

1. Определение языка: статьи рассматривают основные определения языка, объясняя его как систему коммуникации, которая используется людьми для передачи мыслей, чувств и информации.

2. Понимание истории и развития языка: статьи про язык предоставляют информацию об истории и развитии русского языка. Они рассказывают об этапах его формирования, влиянии других языков, изменениях в лексике и грамматике со временем. Это помогает учащимся увидеть язык в широком культурном и историческом контексте.

3. Функции языка: статьи рассматривают различные функции языка, включая коммуникативную, познавательную, выразительную и социальную функции. Объясняется, как язык помогает людям общаться, учиться, выражать свои мысли и идеи, а также взаимодействовать в обществе.

4. Повышение мотивации и интереса: размещение статей в учебниках может вызвать интерес учащихся к предмету и стимулировать их активное участие в обучении. Узнавая о языке и его роли в обществе, ученики могут лучше осознать значимость изучения русского языка.

5. Виды языка: статьи могут также кратко затронуть различные виды языков, такие как родной язык, иностранный язык, официальный язык, диалекты и т.д. Это помогает ученикам понять, что язык является многогранным явлением и может иметь различные варианты и функции в зависимости от контекста использования.

6. Повышение мотивации и интереса: Размещение статей про язык может вызвать интерес учащихся к предмету и стимулировать их активное участие в обучении. Узнавая о языке и его роли в обществе, ученики могут лучше осознать значимость изучения русского языка и мотивироваться для достижения успеха в его изучении. Знание о том, что язык является ключевым средством общения, позволяет учащимся осознать его практическую применимость в повседневной жизни, в профессиональной сфере и в общении с людьми из разных культурных сред. Это может вдохновить учеников на активное изучение русского языка и развитие своих навыков чтения, письма, говорения и слушания.

7. Социокультурный контекст: статьи про язык также помогают учащимся понять связь между языком и культурой. Они раскрывают информацию об истории, традициях, обычаях и ценностях, которые отражены в языке. Ученики могут осознать, что изучение русского языка помогает им не только овладеть коммуникативными навыками, но и понять культурный контекст, в котором он используется в современном мире.

Обратимся к статье «Русский язык в современном мире» в учебнике для 9 класса Л. А. Тростенцовой, Т. А. Ладыженской, А. Д. Дейкиной, О. М. Александровой (научный редактор – Н. М. Шанский) [7, с. 3]. Так, в упражнении 1 дается статья, прочитав которую ученикам необходимо выписать выделенные словосочетания, называющие различные функции русского языка в современном мире. Приведем их: «Русский язык – это язык великого русского народ», «Для русского человека он – родной язык», «Русский язык – средство межнационального общения народов многонациональной России», «... русский язык является государственным языком Российской Федерации на всей ее традиции», «Русский язык входит в число мировых языков», «Русский язык – один из официальных и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций» [Русский язык 2017: 4].

В учебнике для 7 класса под редакцией М. Т. Баранова и Т. А. Ладыженской одна из первых тем звучит так: «Русский язык как развивающееся явление». Концепт «язык» репрезентируется таким образом: «Русский язык – один из славянских языков. К ним относятся:

- 1) восточнославянские: русский, украинский, белорусский;
- 2) западнославянские: польский, чешский, словацкий, лужицкий; южнославянские: болгарский, сербскохорватский, словенский, македонский. На русском языке говорит население Российской Федерации» [Русский язык 2013: 4].

«Русский язык – один из развитых языков мира» – так называется первый параграф в учебнике по русскому языку под редакцией М. Т. Баранова и Т. А. Ладыженской для 6 класса. Русский язык авторами определяется как один из самых развитых и богатых языков мира. Он звучен и мелодичен...» [Русский язык 2013: 3].

Международное значение русского языка обозначено в учебнике для 9 класса под редакцией С. Г. Бархударова, С. Е. Крючкова: «Среди более пяти тысяч языков, известных на земном шаре, русский язык относится к числу наиболее распространённых. <...> В современном обществе русский язык имеет важное международное значение. Он входит в число мировых языков, является одним из рабочих и официальных языков» [Русский язык 2014: 3].

Авторы учебника русского языка для 9 класса М. М. Разумовская, С. И. Львова делают акцент на определении русского языка как национального языка русского народа. «Национальный язык – это язык, который объединяет исторически сложившийся коллектив людей, связанных общей территорией, экономикой, культурой и особенностями быта» [Русский язык 2019: 3]. Основное назначение языка – обеспечить общение людей, поэтому национальный язык включает в себя, помимо нормированного литературного языка, народные диалекты, просторечные формы языка, профессионализмы и тому подобные средства ограниченного употребления.

Таким образом, статьи про язык и репрезентация концепта «язык» в учебниках по русскому языку имеют огромное значение, так как они помогают учащимся осознать значение и роль языка в общении и социокультурной сфере. Они также дают базовое представление о языковых явлениях и структуре русского языка и формируют у учащихся понимание о языке как ценности и социокультурном феномене.

Литература

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь. – 1928. – Вып. 2. – С. 28–44.
2. *Данилевич А. И.* Концепт как средство репрезентации национально-культурной ментальности / А. И. Данилевич // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 29-2. – С. 95–99.
3. *Курьянович А. В.* Реализация миромоделирующего потенциала концепта *язык* в учебных текстах: опыт анализа дискурсивного варьирования лингвокультурного концепта / А. В. Курьянович, Е. А. Серебренникова // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 2. – С. 325–337.
4. *Русский язык* : учеб. для общеобразоват. учреждений : 9 кл. / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов ; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – 7-е изд., перераб. – Москва : Дрофа, 2019. – 242 с.
5. *Русский язык* : учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова и др. ; науч. ред. Н. М. Шанский. – Москва : Просвещение, 2013. – 223 с.

6. *Русский язык* : учеб. для общеобразоват. Учреждений. : 6 кл. В 2 частях. Ч. 1. / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова и др. ; науч. ред. Н. М. Шанский. – Москва : Просвещение, 2013. – 237 с.

7. *Русский язык* : учеб. для общеобразов. орг. : 9 кл. / Л. А. Тростенцова и др. – 4-е изд. – Москва : Просвещение, 2017. – 207 с.

8. *Русский язык* : учеб. для общеобразоват. учреждений : 9 кл. / С. Г. Бархударова и др. – 5-е изд. – Москва : Просвещение, 2014. – 328 с.

Автор:

Данилова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

Author:

Danilova Elena A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА «ҪӐКӐР / ХЛЕБ»

Аннотация: Работа посвящена анализу словарей различных типов с целью описания семантических, сочетаемостных, прагматических, фразеологических, стилистических свойств слова «ҪӐкӐр». В качестве источников анализа были использованы толковые словарь, словари синонимов, фразеологизмов и др. Результаты работы можно использовать в курсах лексикологии, лингвокультурологии при изучении лексической системы чувашского языка, при моделировании языковой картины мира.

Ключевые слова: лексема, лексикографический портрет, чувашский язык, словарь, «ҪӐкӐр», слово

Т. V. Denisova

LEXICOGRAPHIC PORTRAIT OF THE WORD “ҪӐКӐР / BREAD”

Abstract: The work is devoted to the analysis of dictionaries of various types in order to describe the semantic, combinable, pragmatic, phraseological, stylistic properties of the word "ҪӐкӐр". Explanatory dictionaries, dictionaries of synonyms, phraseological units, etc. were used as sources of analysis. The results of the work can be used in courses of lexicology, linguoculturology in the study of the lexical side of the Chuvash language, in compiling a linguistic picture of the world.

Keywords: lexeme, lexicographic portrait, Chuvash language, dictionary, "ҪӐкӐр", word

ҪӐкӐр! Вӑл ӗмӗртенпех хакӑӑ шутланӑ, ҫав тери пысӑк чысра-хисепре пулӑ. Эпир хамӑр тӗпчевре *ҫӑкӑр* сӑмах пирки тӗрлӗ словарь статийсенче мӗн ҫырса панине тишкерес терӗмӗр.

М. И. Скворцов редакциленӗ «Чӑвашла-вырӑсла словарь» статийи ҫакнашкал:

Ҫӑкӑр 1. хлеб (*печёный*) II хлебный, хлебопекарный, хлебобулочный; **килти** ~ домашний хлеб; **ҫӗнӗ** ~ новый хлеб (*из зерна нового урожая*); **тулӑ** ~ӗ пшеничный хлеб; **ыраш** ~ӗ ржаной хлеб; **хура** ~ чёрный хлеб; ~ **завочӗ** хлебопекарный завод; ~ **магазинӗ** хлебный магазин, булочная; ~ **пӗсерекен** хлебопӗк; ~ **сутакан организацисем** хлеботорговые организации; ~ **тан аслӑ пулаймӑн** посл. нет ничего главнее хлеба; соотв. хлеб – всему голова; ~ **хырӑм хыҫҫӑн ҫӗремest** посл. хлеб за брюхом не ходит

2. хлеб (штука), каравай; **пуҫламан** ~ целый, непочатый каравай; **ҫавра** ~ каравай, круглый хлеб; **тӑрхала** ~ батон; ~ **кӗреҫи** лопата для хлеба (*которой сажают его в печь*); ~ **пичӗ** верхняя корка каравая; ~ **сӑмси** горбушка; ~ **ҫемҫи**

мякиш; ~ **татакё** кусок хлеба; ~ **хытти** корка хлеба; ~ **чёлли** ломать хлеба; ~ **икё** питлё у хлеба отстала верхняя корка; ~ **хыв** сажать хлеб в печь; **пүрт тәрринче сур** ~ **выртать загадка** над избушкой висит хлеба краюшка (уйах луна)

3. продукты, съестное; **сула кайма** ~ **сем чиксе хатёрле** уложить продукты на дорогу; **килекен сынна** ~ **лартма хушнә** *погов.* гостя полагается накормить; ~ **сёртсе пурән** жить без пользы (*букв.* переводить зря пищу) пользы (*букв.* переводить зря пищу)

4. *пчел.* перга, хлебина; **хурт** ~ **ё** хлебина пчёл

5. *диал.* печёнка (*как пища*) Δ ~ **мурё** *бран.* паразит, тунеядец [Скворцов 1985: 401].

Ҷакәр сәмахән **этимологине** В. Г. Егоров Ҷапла аңлантарса панә: «хлеб (печёный)»; АФТ, туркм., хам. *йугур*, азерб., тур. *йогур*, уйг. *жугар*, кирг. *жуур*, алт. В *дъжура* «месить, замешивать тесто»; МНХ *йогрыл* «быть замешанным» (о тесте). Чув. *җәр* < *җакәр* (-кә- выпало) «замешивать»; следовательно, *җакәр* «замешанное, запечённое тесто» (?); Рамстедт производит это слово от встречающегося в словаре Махмуда Кашгарского *өгүр*, *йөгүр* «просо» (КСА, 1941, Bd. III, 2. Heft, S. 143); ср. Bang: *җакәр* < **yöküz* (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissensch., Phil.-hist. Kl., 1918, 12. Abh., S.6). Допустимо также, что оно представляет фонетический вариант слова *джугара*. Растение это культивируется главным образом в Средней Азии. Напр., у туркмен и каракалпаков хлеб, испечённый из муки *джугары*, называется *загараджугара*; кирг. *жүгөрү*, казах. *жүгері*, к.калп. *макке жуери*, узб. *макка жухори* «кукуруза». Морд. *цукор* «лепешка»; удм. *сукыра* «каравай» заимствованы из чув. яз. (Wichmann. TLP, 94–95) [Егоров 1964: 205–206].

М. Р. Федотов хайён этимологи словарёче җакән пек сырнә: Производные формы: *җакәрлә* с хлебом; имеющий хлеб; хлебный; *җакәр/җаккәр тавар* еда; угощение; *җакәр мурё* паразит (бранное выражение); *җаккәр харамё* дармоед; *җакәр-турә/җакәр пор* клятвенное выражение (так божатся) и т.д. (Ашм. Сл. XIII, 11-16).

Тюркские соответствия: тур. *чөкәри* зерна бухарского проса; кирг. *цүгөрү* кукуруза; сарт. *забара* мука кукурузная и просяная и печенный из нее хлеб; тат. *жәгәрә* джугара, сорго; башк. *цүгәри* кукуруза (Радл. Сл. III, 2035; IV, 181, 860)

Монгольские формы: п.-монг. *зүгүр* содержание; пропитание; калм. *džügür* гаолян (Ramstedt EAS I, 65; KWb., 116).

Финно-угорские формы: марЛ. *сукыр*, марГ. *сыкыр* хлеб; каравай хлеба /удм. *сукыри* каравай; *нянь сукыри* каравай хлеба / мордМ. *цукор* пирок без начинки / мордЭ. *сюкоро* лепешка (< чув.) (Федотов ЧМЯВ, 232).

Ср. рус. *сюкур* м. *сюкуры* смб. Мордовские лепешки; *сюкур* каз. чув. хлеб. (Даль IV382) [Федотов 1996: 91–92].

Чылай сәмахән **антонимпа синоним** пур. Ҷакәр сәмахән антонимё тупәнмарё. Синонимне вара Е.Ф. Васильевән «Чаваш чёлхинчи синонимсен словарё» кёнекинче тупрәмәр: **Ҷакәр, мемме** (*ача кал.*) хлеб. *Инкесем ялан мухтаҗсё лайах пиҗнё җакәра* (Я. Ухсай. Кёлпук мучи). Пёччёккисем йёреҗсё: «Анне, мемме пар, мемме-е! – теҗсё. (Хумма Ҷ. Выҗлаһ җулсем) [Васильева

2014: 91–92].

Ҷақар сәмах **фразеологи майлашавёсенче** чылай төл пулать. Вёсенчен хәшне-пёрне илсе кәтартатпәр: ҶАҚАР МУРЁ. Сивл., тиркешт. Варс. -ятл. Пёр усә күмесёр пурәнакан сын, паразит. *Ҷақар мурёсем, нимён ас пама та пёл-местёр* (Ашм. Слов. 13. 13), *Ҷақар мурё, икё пәт Ҷанәх йәтаймас!* (Ашм. Слов. 13. 13). *Ҷапла кәмака Ҷинче айһанса ларса Ҷуллә икерчёсем анчах Ҷиекен Ҷынна патша теҶҫё-и-мён? Ҷук, ун пек Ҷынна пирён чәваисем Ҷақар мурё анчах теҶҫё* (Ашм. Слов. 13. 13). – *Эсир, Ҷақар мурёсем, алләр татәласран хәратәр-и? – Ҷиллессён каласа хучё Элентей* (Илпек. Хура Ҷақар). ҶАҚАР ВЫРӘННЕ ҶИ. *Кама? Сәмахпа күрентерсе пётер, элек сар, хёсёрле. Ҷав йёркесёр пурәнакансем, халәха Ҷақар вырәнне Ҷиекенсем, пирён пурнәҶа пётересҶё* (Ашм. Слов. 13. 12). ҶАҚАР ПЕК ПУЛ. Ырә, йёркеллө пул. – *Сирён телейёр Ҷақар пек пултәр теҶҫё, тәвар пек таса пултәр шухайшәр теҶҫё виҶё сын пуҶёсене пёксе, Ҷақарпа тәвар илме тилмёрсе* (Патман. Акатуй) [Федоров 2017: 16–17].

Ҷакән йышши фразеологизмсем те пур: *Ҷақар пёрчине (ан) тәр, Ҷақар Ҷёрт, Ҷақар пур, Ҷақар сәмеи тытам, Ҷақар Ҷи, Ҷақар Ҷитер, Ҷақар Ҷырт, Ҷақар туртать, Ҷақар харамё, Ҷақар хурчё, Ҷақар Ҷйтмасть, Ҷақар ямиакё ту, Ҷақар тәвар хире-хирёҶ, Ҷақар тәвар хутәи, Ҷақар [тәвар] сахал Ҷинё-ха, Ҷақар-тәварсәр хәвар* т. ыт. те.

Ҷақар сәмахпа **пёр тымарлә сәмахсем** шутне Ҷаксене кёртме пулать: *Ҷақар-ла, Ҷақар-лә, Ҷақар-лә-тәвар-лә, Ҷақар-тәвар* [Желтов 2016: 72]. *Ҷақар-булка, Ҷақар-кулач* сәмахсене шута илмен.

«Чәваш сәмахёсен кёнекинче» Ҷақар сәмахпа Ҷыхәннә Ҷакән пек материал пур: **Ҷақар** (*с'ыгыр, с'огор*), хлеб. *Н.* Хулән укҶи Ҷёр тенкё. Каласнә чух вун тенкё Ҷақар Ҷине хумалла, теҶҫё. *Сред. Юм.* Ҷақар кәмакана манса йолсан, килте кәшё те полса вилет, тет, Ҷавәнпа она Ҷол тәваткәлне тохса пәрахаҶҫё: вара вилмес, тет. (Нар. поверье). *lb.* Ҷақар хырәм хыҶҫән Ҷүремест, хырәм Ҷақар хыҶҫән Ҷүрет. *lb.* Онта Ҷийес Ҷакри пор пол. Судьбой определено тамошний хлеб есть. (Гов. невестам, выходящим замуж, и солдатам). *lb.* Еп санран маларах Ҷақар Ҷинё. (Гов. молодым, когда о чем-нибудь спорят, указывая на то, что он старше и потоетому опытнее и больше видел). *lb.* Вәт сахал хётсан, Ҷақар начар пиҶет; әна вара: йелпенсе пиҶнё, теҶҫё. *lb.* ПиҶ, пиҶ Ҷақар, аҶу-аму Ҷакрине хора йытга ан кайса пар! (Ҷапла каласа алла тытса ачасёне Ҷёре антарса йараҶҫё, вара Ҷав ачасёне Ҷёклекеннинчен пёри кёшак полат те, тыр вырма кайан пикки туса, пәртак аяккарах кайса, корәк синче пёкшёнсе сүрет; кёшакки, Ҷақар полнисёне пырса Ҷийесшён, чупса пырат (дотрагивается). ХуҶи она хуса йарат; кёшакки порне те Ҷисе йарсан, каллах Ҷёнёрен тепёр хут Ҷавән пик вылаҶҫё. *Изамб. Т.* Ҷақар хывсан, күрсе пар вара. – Йурё. Камакана сакәр Ҷақар керет. *ФТТ.* Ҷёнё Ҷақар Ҷинё Ҷёре усал Ҷын пырса кёрсен, теллей сук, тет. *Батыр.* Салтак әсатнә чухне ашшё-амәшё, йе тәванёсем, унән йачёпе асанса турә умне Ҷақар хураҶҫё. *Сунт.* Ҷақарсем чиксе хатёрле-ха (на дороге), каҶчен Ҷитес. *Изамб. Т.* Салтака кәларса кайнә чухне йалтан пёр аллә пичетни кайсан, йе пёр хёр-ача, йе пёр арсын-ача йупа Ҷине тәрса: Ҷақару манса йулнә! тесе каҶкәрат. *Н. Шинкусы.* Сётел Ҷинче пёр пуҶламан Ҷақар выртатчё. *СТИК.* Ҷын килсен, Ҷынна Ҷақар

лартмасӑр йани аван мар (не хорошо не накормить человека), теӑӑӑ. *Рак. I* Шур перчетке хӑрсен саламӑ, найан хӑрсем ӑкӑрӑн харамӑ? *К.-Кушки.* Ӗкӑра ан шӑйӑркала. Не черти по хлебу. *ЧП.* Шур ӑкӑр, белый хлеб. *Аттик.* Тата кашни хуран ӑмне чашӑкпа виӑшер пашалу, пӑрер пуӑламан ӑкӑр йе читнай ӑу сӑрсе лартат. *Н.* Ӗкӑр ӑертсе пурӑн; пӑр ӑамартапа пӑр ӑкӑр ӑиме хушнӑ. Буин. Мана ӑкӑр ӑимес тетнем? Разве я не человек? Разве я такое ничтожество? *Н.* Ӗкӑр сана чӑнемес вӑт, теӑӑӑ. (Послов.) *Букв.* 1886. Есӑ ӑкӑр ӑисе ӑертме анчах. *Н.* Ӗав йӑркесӑр пурӑнакансем, халӑха ӑкӑр вырӑннӑ ӑийе кенсем, пирӑн пурнӑӑа пӑтересӑӑ. *Н.* Выӑхнӑ ӑынна ӑкӑр кӑтартман пулӑ. *Альи.* Есӑ ӑкӑрӑн пӑр пӑрчине тӑмастан-вет! теӑӑӑ. *Н.* Пирӑн ӑимелӑх ӑкӑрри ӑук пулсан та (хотя и нам нечего есть), куланай партармасӑр патша тарӑсем хӑварман. II В перен. знач. *Альи.* † Еп кайматтӑм ӑав Чӑмпӑре, ӑкӑрӑм ӑаванта туртат (то же, что тат. *risiq tarta*)· *Ст. Шаймурз.* † Сирӑпех те ӑийӑрте пустав халат, ӑил тавӑртӑр сылтӑм аркине; есир чӑннипе пырас ӑук, турӑ ӑавӑртӑр атте-анне ӑкӑрне [Ашмарин 2000: 11–12].

Ӗкӑр сӑмах ытти сӑмахсемпе епле сыхӑнӑва кӑнине тӑпчесе ӑакна калама пулать. Ку сӑмах сӑмах сӑмах майлашӑвӑсенче тӑп сӑмах та, пӑхӑнакан сӑмах та пулать. Тӑп сӑмах пулнӑ чухне паллӑ ятне (*хура ӑкӑр, ӑшӑ ӑкӑр, ӑенӑ ӑкӑр, типӑ ӑкӑр, тутлӑ ӑкӑр, пиӑӑ ӑкӑр, карлӑч ӑкӑр, касӑк ӑкӑр, кӑвасак ӑкӑр, кӑпӑш ӑкӑр, сӑпрам ӑкӑр, тертлӑ ӑкӑр, хытӑ ӑкӑр, ӑавра ӑкӑр, тачка ӑкӑр, тӑрхала ӑкӑр, ӑемӑе ӑкӑр, ӑунӑк ӑкӑр, кӑпӑш ӑкӑр, сӑренкӑ ӑкӑр, сӑпрам ӑкӑр*), причастие (*хутӑштарнӑ ӑкӑр, пӑрнӑ ӑкӑр, пӑрмен ӑкӑр, пиӑнӑ ӑкӑр, ӑиес ӑкӑр, типнӑ ӑкӑр, пуӑламан ӑкӑр, каснӑ ӑкӑр*), япала ятне (*ыраш ӑкӑр, урна ӑкӑр, тулӑ ӑкӑрӑ, кӑсьери ӑкӑр, ластӑк ӑкӑр, килти ӑкӑр, лавкка ӑкӑрӑ, салтак ӑкӑрӑ*), хисеп ятне (*тӑватӑ ӑкӑр, ӑур ӑкӑр*), местоимение (*унӑн ӑкӑр-тӑварӑ*) пӑхӑнтарать. Пӑхӑнакан сӑмах пулнӑ чухне ытларак япала ячӑпе (*ӑкӑр тӑпренчӑкӑ, ӑкӑр чӑлли, ӑкӑр ӑыртӑкӑ, ӑкӑр сӑмси, ӑкӑр завочӑ, ӑкӑр кавлекӑ, ӑкӑр кавринкки, ӑкӑр касӑкӑ, ӑкӑр квасӑ, ӑкӑр кӑресӑ, ӑкӑр киоскӑ, ӑкӑр палатки, ӑкӑр пиӑӑ, ӑкӑр тӑпӑ, ӑкӑр турилкки, ӑкӑр тӑпӑ, ӑкӑр хысми, ӑкӑр хытти, ӑкӑр чӑмакки, ӑкӑр чӑмӑртӑкӑ, ӑкӑр чӑмлакӑ, ӑкӑр чустти, ӑкӑр кӑмаки, ӑкӑр лавкки, ӑкӑр пӑсерекен, ӑкӑр ӑемӑелӑхӑ, ӑкӑр ӑшӑ*), глаголпа (*ӑкӑр ыит, ӑкӑр ил, ӑкӑр ӑи, ӑкӑр пӑӑер, ӑкӑр пар, ӑкӑр кавле, ӑкӑр кас, ӑкӑр пуӑла, ӑкӑр уна, ӑкӑр хыв, ӑкӑр чӑмла*) сыхӑнать. Анлӑ сӑмах майлашӑвӑсем те тӑл пулаӑӑӑ: *пӑлев тӑплӑ ӑкӑр, икӑ питлӑ ӑкӑр, сӑсӑл хушнӑ ӑкӑр, хӑйра тӑплӑ ӑкӑр, ӑара ӑкӑр ӑи.*

Ӗапла вара, *ӑкӑр* сӑмах – чӑлхеӑӑсене, словарь ӑстисене кӑсӑклантаракан сӑмахсенчен пӑри, мӑншӑн тесен вӑл хӑйӑнче халӑхӑн культура аталанӑвне сыхласа пырать.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки: в 17 т. Т. 13–14. Ӗ–Т. – Чебоксары, 2000. – 660 с.
2. *Васильева Е.Ф.* Чӑваш чӑлхинчи синонимсен словарь. – Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательстви, 2014. – 208 с.

3. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
4. *Желтов П.В.* Морфемный словарь чувашского языка: ок. 40000 слов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 72 с.
5. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т 2. С–Я. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.
6. *Федоров Г.И.* Чăваш фразеологийĕн ăнлантаруллă сăмах кĕнеки. 2 томлă. 2-мĕш том: Ç–Я. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2017. – 206 с.
7. Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. – Москва : Русский язык, 1985. – 712 с.

Автор:

Денисова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

Author:

Denisova Tatiana Vitalievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЛАВНОГО ОБРАЗА СКАЗКИ «СЛАДКИЙ МУЖИК» И. С. ШМЕЛЕВА

Аннотация. В статье раскрываются особенности создания образа «сладкий мужик» в одноименной авторской сказке И. С. Шмелева. Особое внимание уделяется семантическим и словообразовательным дериватам лексемы «сладкий»; уточняется ее коннотативный индивидуально-авторский потенциал.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, концептосфера, кулинарно-гастрономический код культуры, семантика, идиостиль.

O. A. Dimitrieva

CULINARY AND GASTRONOMIC INTERPRETATION OF THE MAIN IMAGE OF THE FAIRY TALE "SWEET MAN" BY I. S. SHMELEV

Abstract. The article reveals the features of creating the image of the "sweet man" in the fairy tale of the same name by I. S. Shmelev. Special attention is paid to the semantic and word-formation derivatives of the lexeme "sweet"; its connotative individual-author potential is specified.

Keywords: I. S. Shmelev, conceptosphere, culinary and gastronomic code of culture, semantics, idiostyle.

Вводные замечания. Общеизвестно, что в тексте слова приобретают дополнительные оттенки и смыслы. Так, В. В. Виноградов пишет: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами <...> В художественном произведении нет <...> слов неотвированных, проходящих только как тени ненужных предметов» [Виноградов 1954: 16]. Реалии быта – одежда, еда, предметы мебели и обихода и т. д. – органично вплетаются в ткань художественного произведения, являясь отражением или фоном духовного состояния героя. Ю. М. Лотман отмечает, что «вещи навязывают нам манеру поведения» (см. подробнее [Лотман 2014]). В бытовых деталях художественного мира исследователи «видят» коды повседневности [Коды 2011]. Одним из кодов повседневности является кулинарно-гастрономический, или пищевой код. М. Л. Ковшова на примере фразеологии и паремий отмечает возможности символического прочтения компонентов с семантикой еды и питья [Ковшова 2016].

Особое место занимает интерпретация ситуации приема пищи и питья в мире художественного произведения, позволяющая проследить историческую эпоху, общенациональные черты и индивидуально-авторский модус ее преломления.

Кулинарно-гастрономический код в сказках И. С. Шмелева. Одной из особенностей фольклора (легенд, притч и т. п.) является «волшебная» способность части тела или органа приобретать «автономные», отдельные от человека, свойства. Вспомним, например, из городского фольклора «страшилки» о черной руке, совершающей ужасные поступки; или притчу «Сердце матери», в которой сын, убивший мать ради красавицы-возлюбленной, несет ей материнское сердце, способное говорить (в конце притчи оно спрашивает споткнувшегося сына: «Ты не ушибся, сынок?»). В любом случае соматизмы становятся экспликаторами качеств или свойств человека в рафинированном виде: поступки совершаются «руками», сердце является «хранилищем» любви и т. д. Такой способ репрезентации чувств и «дел» является одним из методов, используемых И. С. Шмелевым в своих немногочисленных политических сказках. Некоторые исследователи сравнивают их с наследием М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. [Гудзова 2021]). В сказке «Веселый барин» таким «автономным» органом является кишка, через которую барин пропускает большое количество еды: *«кишка у вас такая, что всё через ее перегонять может»* [Шмелев 2000]; *«трудился таким манером до седьмого поту. А ни-че-го!.. Потому что кишка ра-ботала!..»* [Там же]. В результате произошедших государственных событий – *«сотрясения»* – веселое удивление о возможностях кишки сменяется неприязнью окружающих:

«Все поганой своей кишкой занимался, всю пишишу в нужное-ненужное место пергонял»; «– Через тебя, окаянного, подышаем! Все теперь аппараты без действия холостуют, все припасы через кишку свою перегнал, – без работы остались!» [Там же].

Особая черта дает наименование барину – *«веселый барин, кишка луженая»*. Сравним со словарной дефиницией: *«Луженая глотка у кого (разг. фам.) – о ком-нибудь, кто способен много пить спиртного или без устали долго кричать, петь»* [Толковый 1938]). В сказке происходит трансформация фразеологической единицы, в результате которой заменяется компонент «глотка» на «кишку», что изменяет акцент: свойство человека – *«способный много пить»* – заменяется на *«много есть»*. В конце сказки чародей узнает *«веселого барина, луженую кишку»* и делает ему операцию:

«Сейчас брюхо ему вспорол, все кишки-черева выпустил – прямо, ахнул: триста аршин кишки! Отмотал-отсчитал аршинчиком – чик! Ну, оставил, сколько по правде-закону полагается, зашил, дунул-плюнул...» [Шмелев 2000].

Предметом особого рассмотрения данной статьи является сказка «Сладкий мужик», ее кулинарно-гастрономический код [Шмелев 1998]. В этой сказке так же, как и в предыдущей – «Веселый барин», «объективируется» и становится отдельной, материально выраженной сущностью отдельная черта человека. Главный герой – «ученый барин», который описывает горести мужика, совершенно не зная и излишне его идеализируя – до сладости. Это приводит к тому, что его приятель, владеющий сахарным заводом, дарит ему «воплощенное представление о мужике» – мужика, сделанного из сахара-рафинада.

Лексема *сладкий* становится заглавной и употребляется, не считая заглавия, 4 раза в следующих значениях: «1. Имеющий приятный вкус, свойственный сахару, меду и т. п. <...> 5. *перен.* Приятный, доставляющий удовольствие, наслаждение» (МАС) [Словарь 1999: 130–131]: (1) *А детишки высунули язычки и ну лизать. Сладкий, настоящий!* [Шмелев 1998], в т. ч. и производное *сладенький*; (2) *И такое сладкое чувство барина охватит – даже на глазах выступит* [Там же].

В группу «сладкое» включаются также следующие лексемы: *сахар* («Самый-то исконный, законный мужик, как на театре его показывают. И весь из чистого сахару!» [Шмелев 1998]); *сахар-рафинад*; *рафинад* («Мужик из сахара-рафинада! Сюрприз!» [Там же]); *сахарок* («Так барин и замахал руками. – Нет-с, дудки-с! Мужики не дураки, коль не сеют бураки! – Засмеялся даже. – Сахарок любите-с? А не хотите ли родного нашего хрену понюхать?!» [Там же]); *сахарный* («сахарный завод», «сахарная дубинка»). Как видно из примеров, немногочисленны употребления слов с семантикой «сладкий» (в целом составляют двенадцать словоупотреблений).

Основным образчиком «слащавости» является поведение самого писателя, которое проявляется в противоречии между поступками, затратами и чувствительностью по отношению к мужику, что особенно ярко эксплицируется при помощи кулинарно-гастрономических описаний:

(1) *Бывало, сидит в «Праге» с друзьями-приятелями, память какую знаменитую празднуют, – так даже над икоркой плачет. Жует пирожок с икоркой зернистой, а сам плачет да приговаривает, головкой покачивает: – Вот... мы тут икорку едим... а ее все тот же Иван-Степан в непогожую осеннюю ночь ловил... в бурном Азовском море!.. И так это на приятелей действовало, что даже скатерть приходилось переменять: мокрым-мокро. А как Татьянину ночь праздновать – а ее без шампанского праздновать даже законом воспрещено, непременно предложит тост:*

«За того, кто милее всего!

Кто и пашет, и косит, и сеет!» [Шмелев 1998].

(2) *Тож же и детишек своих учил барин – «черному хлебушку поклониться», а сам любил-таки сухарики с миндалем и подковки с солью* [Там же].

В первом фрагменте слово «икорка» употребляется три раза подряд, что подчеркивает стоимость приема пищи для «ученого барина» на фоне «слезливого» отношения к мужику (то же касается и ценности шампанского). Второй фрагмент построен на оценочном противопоставлении «черного хлебушка» «сухарикам с миндалем», «подковкам с солью».

Чрезмерную чувствительность подчеркивают следующие фразы и выражения, употребляемые автором по отношению к главному персонажу: «жалостливо писал – даже плакал», «[жена] полдюжины платков носовых подкладывает», «кровью своей пишу и соком нервов», «изводился», «слезный дар», «мокрым-мокро», «Сердце-то так и рвется, а на глазах слезы накапливают. Уж и не видят глаза-то от горячей слезы» и др.

Итогом сказки становится смерть героя от сахарной дубинки сахарного мужика: *То ли дубинка сахарная сломалась, то ли детишки мужику ногу пролизили, а может, и сотрясение какое вышло, – только грохнулся тот мужик всей своей шестипудовой громадиной на стол и проломил ученому барину голову до смерти* [Там же]. Интересно, что в первой сказке причиной перемен в жизни «веселого барина» было землетрясение или, как говорит чародей: *«От твоей-то кишки луженой все трясение и вышло!»* [Шмелев 2000]. В «Сладком мужике» автор использует однокоренное слово *«сотрясение»*, которым также пытается объяснить причину случившегося.

Выводы. Таким образом, кулинарно-гастрономический код культуры в творчестве И. С. Шмелева занимает особое место. Отношение к миру и проявления этого отношения материализуются посредством пищевого кода: в сказке «Веселый барин» – это луженая кишка, поглощающая большое количество еды и питья, в сказке «Сладкий мужик» – сахарный мужик как реализация слезливого отношения ученого барина к мужику, – в итоге гиперболизированные образы губят обоих героев.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 3–26.
2. *Гудзова Я. О.* Жизнь «под игом безумия»: жанр сказки в творчестве И. С. Шмелева и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Известия ВГПУ. – 2021. – №8 (161). – С. 184–188.
3. *Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда* / Отв. ред. Н. В. Злыднева. – СПб.: Алетейя, 2011. – 560 с.
4. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
5. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – М.: Азбука, 2014. – 544 с.
6. *Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований.* – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. С–Я.
7. *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова* – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. – Т. 2. Л–Ояловеть. – Стб. 95. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/12/us209509.htm> (дата обращения 10.09.2023).
8. *Шмелев И. С.* Веселый барин [Электронный ресурс] // Шмелев И. С. Собрание сочинений. – Т. 8 (дополнительный). Рваный барин: Рассказы Очерки Сказки. – М.: Русская книга, 2000. – Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/book/shmelev-ss05-08/shmelev-ss05-08.html#s004003> (дата обращения 10.09.2023).
9. *Шмелев И. С.* Сладкий мужик [Электронный ресурс] // Шмелев И. С. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Солнце мертвых. М.: Русская книга, 1998. – Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/book/shmelev-ss05-01/shmelev-ss05-01.html#s016> (дата обращения 10.09.2023).

Автор:

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: olgaal_79@mail.ru

Author:

Dimitrieva Olga A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Russian and Chuvash languages and Culturology, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: olgaal_79@mail.ru

РОЛЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Исследование помогает ознакомиться с ключевыми факторами, которые влияют на улучшение взаимопонимания и снижение негативных последствий межкультурных различий, фокусирует внимание на проблемах и барьерах, с которыми сталкиваются люди при взаимодействии с представителями разных культур. Также статья подчеркивает роль и значимость языка и культуры в процессе сотрудничества внутри межнационального коллектива.

Ключевые слова: язык, культура, межкультурная коммуникация.

D. V. Durnova
Scientific supervisor: Yu. N. Mukhina

THE ROLE OF LANGUAGE AND CULTURE IN THE SYSTEM OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The article helps to get acquainted with the key factors that influence the improvement of mutual understanding and reduce the negative consequences of intercultural differences, focuses on the problems and barriers that people face while interacting with representatives of different cultures. The article also emphasizes the role and importance of language and culture in the process of cooperation within an international group.

Keywords: language, culture, intercultural communication

Понятие коммуникации. Понятие коммуникации в научной литературе рассматривается с разных точек зрения. Коммуникация исследуется как в рамках философских дисциплин, так и науками гуманитарного цикла. В этот список входят лингвистика и психология, социология, риторика, в том числе с элементами педагогики или естественными науками. В связи с чем в зависимости от науки, через призму которой мы рассматриваем коммуникацию, возникают различные подходы к определению термина.

В. Б. Кашкин выделяет два подхода к коммуникации: трансляционный (механистический, коммуникация как передача информации) и интеракционный (деятельностный, диалогический, коммуникация как взаимодействие) [Кашкин 2000: 3].

Для механистического подхода характерен взгляд на человека как на механизм, поведение которого может быть описано некоторым конечным набором правил. Интеракционный же подход можно охарактеризовать процессуаль-

ностью и контекстуальностью. Коммуникация – это непрерывный процесс, происходящий в конкретном месте, в определенное время и с конкретными участниками.

Тем не менее существуют и другие подходы к понятию коммуникации. Одно из наиболее широко распространенных определений коммуникации подразумевает передачу информации между двумя или более участниками. В таком понимании коммуникация рассматривается как процесс обмена сообщениями, где каждая сторона играет роль отправителя и получателя [Вермишова 2020: 67].

Некоторые исследователи, такие как Александр Журавлев, Никлас Луман, Роберт Томас Крейг, подходят к коммуникации с позиции социальной конструкции, рассматривая ее как продукт социального взаимодействия и контекстуализации сообщений [Головин 2012: 159].

Таким образом, понятие коммуникации представляет собой многогранный и многоаспектный термин, который может быть понят и интерпретирован по-разному в зависимости от выбранного подхода и контекста исследования.

Межкультурная коммуникация и ее отличительные особенности. Однако, когда мы говорим о межкультурной коммуникации, то раннее рассмотренные определения приобретают совершенно иной вид. Ведь уже из самого прилагательного «межкультурный» мы понимаем, что в процессе общения и обмена информацией задействованы не просто два человека, а два или более представителя различных культур. Исходя из этого, мы можем выделить ряд отличий рассматриваемого нами понятия от обычного акта коммуникации.

Прежде всего, межкультурная коммуникация предполагает участие представителей разных культур, а значит, сопряжена со специфическими различиями в языке, традициях, ценностях и обычаях. Эти различия затрудняют взаимопонимание и требуют особых знаний материальной и духовной культуры нашего собеседника.

Кроме того, межкультурная коммуникация предполагает владение навыками перевода. Перевод не только передает лексическое значение слов, но и учитывает знание нравственных установок и ценностей другого народа. Неправильный перевод может привести к недопониманию и неверной интерпретации.

Проблемы и барьеры, возникающие в ходе межкультурной коммуникации. В ходе общения с представителями других культур велика вероятность столкнуться с различными проблемами и барьерами, которые затрудняют взаимное понимание и усложняют коммуникативный процесс. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, одной из основных проблем межкультурной коммуникации является языковой барьер. Участники коммуникации говорят на разных языках и имеют разный уровень владения языком. Языковые различия, включая словарный запас, грамматику и произношение, могут привести к недопониманию и неправильной интерпретации сообщений. Отсутствие языковой компетенции, недостаточная языковая подготовка, использование сленга и идиом только усиливают преграды в общении.

Во-вторых, культурные различия являются серьезным барьером в межкультурной коммуникации. Без знания особенностей религии, норм и обычаев собеседника есть риск попасть в неловкую ситуацию или оскорбить человека.

Также при взаимодействии с представителями других культур важно учитывать знание символики. Жесты, мимика, тон голоса – все это может иметь различную интерпретацию в разных культурах. Неправильное понимание невербальных сигналов может привести к недоразумениям и конфликтам.

По мнению С. А. Заельской, в межкультурной коммуникации возникают так называемые культурологические помехи, которые препятствуют успешному общению и обмену информацией. К ним относятся различия в менталитете и национальных характерах, несовпадение языковых картин мира, влияние культурных стереотипов, различия в ценностных ориентирах, несовпадение культурно-языковых норм, ошибки в восприятии юмора, различия в коммуникативных стратегиях [Заельская 2022: 89].

Наконец, наличие стереотипов и предрассудков также может негативно сказаться на взаимодействии двух и более представителей разных культур. Этноцентризм и предубежденность препятствуют выстраиванию конструктивного диалога, а также показывают отсутствие взаимного уважения.

Исходя из проблем и барьеров, рассмотренных нами выше, можно сделать вывод о том, что субъектам коммуникации необходимо обладать такими навыками, как эмпатия, умение слушать и уважать разные точки зрения, повышать свою культурную грамотность, совершенствовать знание иностранных языков, изучать невербальную коммуникацию, поскольку межкультурная коммуникация требует повышенной толерантности, готовности к принятию разнообразия и умения адаптироваться к новым ситуациям.

Роль языка и культуры. В мире, подвергнутом глобализации, растет потребность в умении взаимодействовать и сотрудничать в рамках многонациональных групп, состоящих из представителей различных языковых, этнических и культурных традиций, которые зачастую образуются в учебных заведениях, на рабочих местах, а также спонтанно в ходе выявления общих интересов или работы над исследовательским проектом. Далее мы рассмотрим то, как важно быть осведомленным об особенностях языка и культуры другого народа и почему эти знания могут быть полезны в практике личного взаимодействия в случае работы или обучения в многонациональном коллективе.

В ходе коммуникации с представителями других языковых групп необходимо учитывать культурные различия в форме обращения, в выражении уважения, поскольку язык и культура взаимосвязаны и взаимозависимы: через язык передаются не только слова, но и ценности, представления и стереотипы, которые отражают особенности культуры.

Один из авторитетных исследователей в области межкультурной коммуникации, Ричард Д. Льюис, полагает, что язык является неотъемлемой частью культуры и служит средством передачи ценностей, мировоззрения и традиций. В своей статье «Взаимная культурная коммуникация: визуальный подход» Р. Льюис подчеркивает, что понимание культурных нюансов и особенностей

языка позволяет участникам коммуникации из разных стран обмениваться информацией более эффективно и предотвращать возможные недоразумения и конфликты [Lewis 2008: 3].

Другим исследователем в этой области является Жюльетте Иоу, автор статьи «Межкультурная коммуникация: перспективы языка и культуры». В своей работе Иоу отмечает, что язык влияет на формирование и поддержку культурных стереотипов и представлений и его правила и нормы определяют своеобразный "языковой фильтр", через который мы воспринимаем и интерпретируем международную коммуникацию. Она также обращает внимание на то, что эффективное использование языка в межкультурной коммуникации требует глубокого понимания культурных ценностей и контекста, о чем не раз уже было упомянуто ранее [Иоу 2021: 56].

Для успешной межкультурной коммуникации участники должны владеть полными и точными знаниями о языке и культуре друг друга. Кроме того, необходимо быть внимательным к невербальным сигналам, которые тоже являются важной составляющей коммуникации между субъектами общения. Исследования, проведенные Джуди Бургун и Дэвидом Буллером, подчеркивают важность невербальных средств коммуникации, таких как жесты, мимика, тон голоса и пространственное расположение, в облегчении понимания и улучшения эффективности коммуникации в межкультурных взаимодействиях [Burgoon 2015: 8].

Как уже было отмечено, не менее важную роль в процессе коммуникации между представителями разных языковых семей играет культура, определяющая ценности, верования, нормы и традиции, которые оказывают значительное влияние на восприятие людей. В многонациональных объединениях людей повышение осведомленности о культурных особенностях может стать ключевым фактором, определяющим взаимопонимание и успешное как деловое, так и межличностное взаимодействие между представителями разных культур.

Один из авторов, исследующих роль культуры в межкультурной коммуникации, Гейер Хофстеде, подчеркивает значимость культурных различий в формировании коммуникативных стилей. В своей работе "Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations" Хофстеде представляет концепцию культурных измерений, которые помогают объяснить различные подходы к коммуникации в разных культурах. Он выделяет такие измерения, как индивидуализм/коллективизм, степень власти, избегание неопределенности и маскулинность/женственность, которые влияют на принятие решений, стиль лидерства и общение в целом [Hofstede 2001: 3].

Другой авторитетный исследователь, Эдвард Т. Холл, в своей работе "The Silent Language" рассматривает роль негласной коммуникации в контексте культуры. Он подчеркивает, что межкультурные различия в пространственных дистанциях, жестах, физическом контакте и интонации могут сильно влиять на понимание и взаимодействие как между культурами, так и между отдельными ее представителями. Культурные нормы и ожидания определяют, что считается

приемлемым и неприемлемым в разных контекстах, что не маловажно в условиях делового общения [Холл 2008: 119].

Еще одним важным аспектом в определении роли культуры в межкультурной коммуникации является концепция этикета и норм поведения. Авторы статей, такие как Фрауке Крамер и Джанет Холмс, исследуют особенности этикета и культуры в разных странах. Например, Крамер в своей работе "Intercultural Communication and Diplomatic Negotiation" анализирует этикет в деловых переговорах с учетом культурных особенностей субъектов коммуникации и подчеркивает важность понимания и уважения культурных норм. [Крамер 2021: 26] Так, в ходе знакомства с языковыми и культурными особенностями иностранных представителей того или иного коллектива люди способны проявлять эмпатию и развивать более прочные межкультурные связи, что приводит к улучшению сотрудничества и, в конечном счете, к повышению эффективности работы коллектива независимо от цели, по которой он был образован.

В заключение следует сказать, что язык и культура являются ведущими факторами межкультурной коммуникации. Их понимание и учет при общении помогают предотвратить непонимание, конфликты и распространение стереотипов. Развитие межкультурной компетенции и уважение к различиям языка и культуры открывают путь к успешному общению и взаимодействию между культурами, а в случае длительного пребывания в многонациональном коллективе позволяют сформировать комфортную и продуктивную рабочую среду.

Литература

1. *Вермишова П. И.* Определения коммуникации: плюрализм подходов или методологическая уязвимость? / П. И. Вермишова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – №1. – С. 65–70.
2. *Головин Н. А., Петренко П. А.* Теория социальной коммуникации Н. Лумана в эволюционно-коммуникативной перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2012. – №1. – С.159–158.
3. *Заельская С. А.* Межкультурные коммуникации в профессиональной деятельности : учебное пособие / С. А. Заельская. – Оренбург : ОГПУ, 2022. – 89 с.
4. *Иоу Ж.* Межкультурная коммуникация: перспективы языка и культуры. – Москва: Издательство Научно-исследовательского института внешней политики МИД России, 2021.
5. *Кашкин В. Б.* Введение в теорию коммуникации : учебное пособие / В. Б. Кашкин. – 8-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2022. – 175 с.
6. *Крамер Ф.* Интеркультурная коммуникация и дипломатическое ведение переговоров – Москва: Издательство Научно-исследовательского института внешней политики МИД России, 2021.
7. *Холл Э. Т.* The Silent Language. – Москва: Издательство МГУ, 2008. – 192 с.

8. *Burgoon Judee K., Buller D.* Nonverbal Communication. The International Encyclopedia of Interpersonal Communication. 2015. – 889 p.
9. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. SAGE Publishing. 2001. – 616 p.
10. *Lewis R.* Cross Cultural Communication: A Visual Approach. Transcreen Publications. 2008. – 110 p.

Автор:

Дурнова Диана Васильевна – студентка 2 курса факультета иностранных языков и лингводидактики ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов, Россия; e-mail: diana.dur111@gmail.com

Научный руководитель:

Мухина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания СГУ им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов; e-mail: to_juliam@mail.ru

Author:

Durnova Diana V. – 2nd year student of the department of Foreign Languages and Linguistics, Saratov State University, Saratov, Russia; e-mail: diana.dur111@gmail.com

Scientific supervisor:

Mukhina Yulia N. – Ph.D of Philological Sciences, Associate Professor of the department of English and Teaching Methodology, Saratov State University; e-mail: to_juliam@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ГОВОРОВ ЧУВАШЕЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые фонетические особенности говоров чувашей диаспоры Ульяновской области. Известно, что в каждом языке происходят фонетические явления, связанные с многовековыми языковыми взаимодействиями с другими народами, исследование которых имеет большое практическое значение для решения вопросов чувашской диалектологии.

Ключевые слова: диалект, говор, язык чувашской диаспоры, фонетические диалектизмы.

К. А. Egorova, A.D. Akhvanderova

ABOUT SOME PHONETIC FEATURES SPEAKS OF THE CHUVASH ULYANOVSK REGION

Abstract. This article examines some phonetic features of the dialects of the Chuvash diaspora in the Ulyanovsk region. It is known that in every language there are phonetic phenomena associated with centuries-old linguistic interactions with other peoples, the study of which is of great practical importance for solving issues of Chuvash dialectology.

Keywords: dialect, patois, language of the Chuvash diaspora, phonetic dialectisms.

Чувашский язык по своему словарному составу, звуковому и морфологическому строю является языком тюркской группы. По данным переписи 2021 года [<https://dzen.ru/a/Y9IfQf7IylBRXE5W>] в стране насчитывается 1 млн. 67 тысяч чувашей, из которых примерно 55 % проживает в Чувашской Республике, остальная часть наиболее крупными общинами представлена за ее пределами: чувашки компактно проживают в Татарстане, Башкортостане, Ульяновской и Самарской областях.

Лингвистический ландшафт Ульяновской области очень пестр с момента заселения этих мест чувашами. Здесь живут русские, татары, чувашки, мордва и другие национальности. Чувашки проживают в Ульяновском, Сенгилеевском, Цильнинском, Майнинском, Мелекесском, Новомалыклинском, Кузоватовском, Тереньгульском, Чердаклинском районах Ульяновской области [Чувашки Привыжья 2015: 21]. Чувашские селения расположены вперемежку с русскими и татарскими.

Язык чувашей Ульяновской области относят к низовому диалекту, хотя есть населенные пункты, которые представляют говоры смешанного диалекта, т.е. в языке присутствуют особенности языка верхового и низового диалектов. Они реа-

лизованы наиболее прозрачно в фонетической и лексической системах говоров южных населенных пунктов живайкинской зоны (Живайкино, Кармалейка, Эзекеево, М. Хомутерь, Чув. Решетка, Алинкино).

Следует отметить, что вопросом о диалектном членении исследуемого ареала в чувашском языкознании никто не занимался. Известно, что первые исследования на территории Симбирской провинции (ныне Ульяновская область) проводились в 1737–1738 гг. по инициативе русского ученого, историка В.Н. Татищева. По материалам исследований подготовили два рукописных словаря: русско-чувашско-мордовский словарь и русско-чувашско-марийско-мордовский словарь, которые до сих пор не видели вышли в печать, но имеют важное значение в истории становления чувашской лексикографии [Сергеев, Андреева, Котлеев 2012: 11]. После долгого перерыва, лишь в 2013–2014 гг., коллектив ЧГПУ им. И.Я. Яковлева под руководством профессора Л.П. Сергеева собирал необходимый материал в чувашских селениях Ульяновской области, и на его основе составлен «Диалектологический атлас чувашского языка. Говоры чувашской диаспоры Ульяновской области» [Сергеев, Николаева 2014]. В 2014 же году кафедрой чувашского языка и литературы под руководством доцентов Ахвандеровой А.Д. и Осипова Н.Н. была организована экспедиция в чувашские населенные пункты Ульяновской области, целью которой был сбор диалектного и фольклорного материала исследуемого ареала. Результатом данной экспедиции стало издание учебного пособия «Фольклор чувашей Ульяновской области» [Фольклор 2020].

Данные диалектологических экспедиций показали: лингвистический ландшафт этой местности отличается от отмеченных структур материнских говоров тем, что здесь выделяются не пучки, а единичные изоглоссы, которые позволили выделить в изучаемом ареале 4 говора: 1. Алгашский говор, или северный; 2. Сенгилеевский говор, или центральный; 3. Сахчинский говор, или восточный; 4. Живайкинский говор, или западный [Сергеев, Николаева 2014: 129].

Целью нашего исследования является изучение некоторых фонетических особенностей говоров Ульяновской области. Фонетическая система в говорах представлена девятью гласными фонемами, которые обозначаются буквами современного чувашского алфавита: а, а̄, э, ё, у, ү, и, ы, о. В системе консонантизма нет никаких отличий от литературного языка. Безусловно, в говорах каждого языка происходят фонетические явления, связанные с многовековыми языковыми взаимодействиями с другими народами, исследование которых имеет большое практическое значение для решения вопросов чувашской диалектологии.

Для говоров чувашского языка характерны различные фонетические соответствия в отдельных словах и группах слов.

Наблюдениями установлено, что в южных говорах чувашей Ульяновской области встречаются следующие соответствия гласных:

о~у: *кокаç* ~ *кукаçi* «дедушка», *чол* ~ *чул* «камень», *олма* ~ *улма* «яблоко», *хола* ~ *хула* «город», *хоран* ~ *хуран* «береза»;

у ~ ы: *пут'ă ~ пыйтă* «вошь»;

ы ~ ă: *ыйхă ~ айхă* «сон», *сытар ~ ҫатар* «подушка», *хылчăк ~ хăлчăк* «ость»;

и ~ ă: *ийĕ ~ аййă* «долото»;

ă ~ ы: *майрака ~ мыряка* «рог», *хăтлан ~ хытлан* «делать что-либо, заниматься, быть занятым»;

ы ~ и: *сын ~ син* «человек», *йывăç ~ йивăç* «дерево», *сыр ~ сир* «писать», *йывăр ~ ивăр* «тяжелый, тяжело», *сывăх ~ сивăх* «близко»;

и ~ ы: *пиçиххи ~ пыçаххи* «пояс», *иш ~ ыш* «плавать»;

ё ~ и: *йёкел ~ икел* «желудь», *йётем ~ итем* «ток, гумно», *сенёк ~ сенник* «вилы», *ийĕ ~ ёйĕ* «долото».

Северной части Ульяновской области (например, алгашский говор), также восточной части (сочинский говор) характерны такие соответствия:

а ~ ă: *тата ~ тăта* «еще», «и», *кунча ~ кунчă* «голенище»;

у ~ ү: *путек ~ пүтек* «ягненок», *упален ~ үпелен* «ползать»;

е ~ ё: *йёлме ~ йелме* «ильм», *ёнёк ~ ёнек* «угар»;

ё ~ ү: *күкёрт ~ кёкёрт* «сера».

Соответствие у ~ ă: распространено на севере области.

пукане ~ пăканя «кукла».

Необходимо отметить, что в некоторых населенных пунктах Ульяновской области (Березовка, Елаур, Алешкино и т.д.) наблюдается губной сингармонизм урмарского типа, т.е. если в первом слоге слова встречается огубленный гласный *ă*^o, в остальных слогах – звук *a*, то на месте звука *a* всегда слышится *o* [Ахвандерова 2014]. Например: *вă^oрмон* «лес», *кă^oмоко* «печь», *тă^oмоно* «сова».

Консонантизм говора ульяновских чувашей представлен теми же фонемами, которые встречаются в литературном языке. Качественная характеристика каждой из которых совпадает с характеристикой согласных чувашского литературного языка.

Наблюдениями установлены следующие соответствия согласных:

в ~ л: *кăвана ~ кăлана* «пупок»;

ҫ ~ ч: *инҫе ~ инче* «далеко», *сұлҫă ~ сўлчĕ* «лист»;

Ареал распространения соответствия *ҫ ~ ч* неоднородный, большую территорию исследуемого ареала занимает вариант «*инче*».

Любопытно, что в алгашском говоре ульяновских чувашей встречается соответствие *ҫ ~ с*, где вместо ожидаемого *ăста* произносят *ста* «где», *таҫта ~ таста* «где-то», *ниҫта ~ ниста* «нигде». Возможно, прежде в говоре сосуществовали варианты форм низового и верхового диалектов, но впоследствии в анлауте утвердился велярный *с*. Соответствие *ҫ ~ с* распространяется и на употребление глагольных форм, однако здесь отмечается палатальный *с'*, который не характерен для чувашского языка. Например: *каяҫсĕ ~ каяс'с'ĕ*, *утаҫсĕ ~ утас'с'ĕ*. Ученые отмечают, что при произношении звуков *с* и *с'* таковых отличительных признаков нет, поэтому принято считать, что в звук *с* всегда является

твердым [Сергеев, Андреева, Котлеев 2012: 152]. Данное явление распространено в центре и на юге Ульяновской области.

к ~ т: *хӑнкӑла* ~ *хӑнтӑла* «клоп». Рассматриваемое слово *хӑнкӑла* / *хӑнкла* встречается в большинстве тюркских языках с той же семантикой, но только с фонетическими вариантами: *кандала*, *кандалий*, *каннала*, *ханда* и т.д. [Федотов 2016: 328]. В говорах Ульяновской области это слово распространено в двух фонетических вариантах: *хӑнкӑла*, *хӑнтӑла*. К-вариант встречается только в говорах населенных пунктов северной части области. Этот факт, по мнению Л.П. Сергеева свидетельствует о позднем происхождении к-формы под влиянием литературной нормы чувашских говоров [Сергеев, Николаева 2014: 142].

т ~ к: *тилхепе*, *тилкене* ~ *килкене* «вожжи»;

т ~ ч: *тӑс* ~ *чӑс* «протягивать», *тӑпек* ~ *чӑпек* «хохол, гребень», *тӑшек* ~ *чӑшек* «перина»;

ч ~ ц: *сӑлчен* ~ *сӑлцен* «до года», *килчӑ* ~ *килцӑ* «пришел», *хатӑрленечӑ* ~ *хатӑрленецӑ* «готовился»;

ш ~ с: *шурӑмпус* ~ *сорӑмпус* «заря».

в ~ н: *чавка* ~ *чанка* «галка» (в говорах отдельных селений произошло выпадение согласного – чана «галка»);

м ~ н: *самка* ~ *санка* «лоб».

с ~ к: *йӑтес* ~ *йӑтек* «дружка».

ч ~ с: *чӑмӑр* ~ *сӑмӑр* «кулак», *кӑпчек* ~ *кӑпсек* «ступица»;

ш ~ с: *шаршан* ~ *саршан* «сажень».

В сравнении с литературным языком в исследуемом ареале зафиксированы различные случаи вставки и выпадения звуков и слогов:

В исследуемых говорах употребляется два варианта слова *ножницы*, т.е. соотносительные ряды составляют бинарное противопоставление *хачӑ* ~ *хайчӑ*. По данным диалектологического атласа чувашского языка [Сергеев, Николаева 2014: 148–149] вариант *хачӑ* распространено на севере территории области, а повсеместно к югу от ареала употребляется *хайчӑ*. Выпадение звука *й* по мнению ученого произошло в очень отдаленное время, о котором свидетельствуют чувашские заимствования в марийском и удмурдском языках: марГ. *кайыц* / удм. *качы* < тюрк. каз., тат. *кайчы*, башк. *кайсы*, тув. *хачы* [Федотов 1996 : 314].

Выпадение звуков или целых слогов происходит при использовании деепричастий на *-са(-се)* в сочетаниях с личными глаголами [Сергеев 2008]. Например: выпадение звука *л*: *илсе кил* > *исе кил* «принеси, приведи», *илсе тух* > *исе тух* «выведи, проведи», *илсе пар* > *исе пар* «подай» и т.д.; выпадение звука *й*: *ыт* > *ыйт* «спроси, спрашивай».

Весьма интересное явление встречается в исследуемых говорах: в южной части области употребляется усеченный вариант слова *ыт* > *ывӑт* с выпадением слога *вӑ*, который характерен для материнских говоров верхового диалекта. Это фонетическое явление, вероятно, идет с глубокой древности. Об этом свидетельствуют факты других тюркских языков: например, як. *ыт-* «бросать» ~

ат- (во всех тюркских языках) [Федотов 1996: 468]. На стыке с говорами чувашской Чувашской Республики используется вариант *ывйт*.

В говорах наблюдается отсутствие мягких окончаний в глагольных формах. Например: *калать* ~ *калат* «говорит»; *пырать* ~ *пырат* «придет»; *юрать* ~ *юрат* «хорошо, можно» и т.д. Это явление встречается в смешанном (урмарский говор) [Ахвандерова 2015] и низовом (в говоре яльчикских чувашей) диалектах чувашского языка.

Для изучаемого говора также характерно также явление метатезы, т.е. перестановка звуков или слогов в структуре слова. В качестве примеров подобного рода можно привести следующие слова: *айяр* ~ *айрй* «жеребец», *авяр* ~ *аврй* «ручка, рукоятка», *сивёт* ~ *сивтё* «коса», *ываьс* ~ *ывса* «горсть», *тотрй* ~ *тотйр* «платок», *ыйхй* ~ *айхй* «сон», *усёр* ~ *усрё* «пьяный», *секёл* ~ *секлё* «крюк», *тилхепе*, *тилкепе* ~ *тилпеке* ~ *килпеке* «вожжи», *витёр* ~ *витрё* «сквозь», *каьр* ~ *каьрй* «грудь», *цаьр* ~ *цаьрй* «хлеб», *кукаль* ~ *куклё* «пирог», *кукаьр* ~ *кукаьрй* «кривой», *майяр* ~ *майрй* «орех».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: говоры чувашской Ульяновской области имеют свои фонетические особенности, отличающие их от норм чувашского литературного языка и материнских говоров. Их исследование важно для решения прикладных вопросов чувашской диалектологии.

Литература

1. Ахвандерова А. Д. Современное состояние чувашских диалектов / А. Д. Ахвандерова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 3(83). – С. 74–78.
2. Ахвандерова А. Д. Островные говоры восточных районов Чувашской республики (на примере Урмарского говора смешанного диалекта) / А. Д. Ахвандерова, Л. П. Сергеев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 1 (85). – С. 20–25.
3. Сергеев Л. П. Диалектная система чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. / Л. П. Сергеев. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – 278 с.
4. Сергеев Л. П. Чувашский язык: для студентов факультета чувашской филологии / Л. П. Сергеев, Е. А. Андреева, В. И. Котлеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. – 431 с.
5. Сергеев Л. П. Диалектологический атлас чувашского языка. Говоры чувашской диаспоры Ульяновской области / Л. П. Сергеев, С. В. Николаева. – ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева», Чебоксары, 2014. – 172 с.
6. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Том 2. / М.Р. Федотов. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.
7. Фольклор чувашей Ульяновской области : учебное пособие / состав. А.Д. Ахвандерова, Н.Н. Осипов. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. – 161 с.

8. *Чуваши* Присвьяжъя: история и культура А.П. Васильева, А.П. Долгова, В.П. Иванов и др.; под ред. В.П. Иванова и Г.Б. Матвеева. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. – 303 с.

Авторы:

Егорова Кристина Анатольевна – студентка 4 курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Ахвандерова Алина Давыдовна – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Authors:

Egorova Kristina Anatolievna – student of the Faculty of History, Philology, Management and Law of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University.

Akhvanderova Alina Davydovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Аннотация. В статье раскрываются особенности использования мультимедийных средств на занятиях по иностранному языку, приводится определение термина «мультимедийная технология», раскрываются цели и задачи ее применения при обучении. Большое внимание уделено способам и формам включения мультимедийных технологий в учебный процесс по дисциплине «Иностранный язык».

Ключевые слова: мультимедийные средства обучения, мультимедийная технология, обучающий сайт, информационный портал, Интернет-ресурсы.

О. А. Efanova

USING MULTIMEDIA TEACHING TOOLS IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Abstract. The article reveals the features of the use of multimedia tools in foreign language classes, provides a definition of the term "multimedia technology", reveals the goals and objectives of its use in teaching. Much attention is paid to the ways and forms of including multimedia technologies in the educational process of the discipline "Foreign language".

Keywords: multimedia teaching tools, multimedia technology, training site, information portal, Internet resources.

Сегодня наше общество и система высшего образования переживают эпоху информатизации и активного использования информационных и телекоммуникационных технологий в учебном процессе. Одним из способов модернизации системы высшего образования может служить сочетание традиционных методов обучения с современными информационными и телекоммуникационными технологиями. Средства ИКТ помогают развить и совершенствовать личностные качества студентов, способствуют активному овладению обучающимся знаниями, умениями и навыками по различным дисциплинам, позволяют изложить учебный материал более наглядно и интересно. Их применение позволяет по-новому организовать обучение иностранному языку.

Необходимость создания на занятиях по иностранному языку искусственной языковой среды требует активного применения разнообразных мультимедийных средств обучения.

Понятие «мультимедиа» появилось в 1966 году благодаря английскому певцу Бобу Голдштейну и стало обозначать аудио- и видеоматериалы развлекательного характера. В 1990-х годах было дано первое определение данного термина: информационная технология, объединяющая текст, аудио, видеоизображение и анимацию.

В системе образования средства мультимедиа дают возможность работать с различными видами информации (текст, аудио, видео, анимация) с использованием различных технических средств обучения и приемов организации учебной информации, организуя диалог пользователя с компьютером [Котляренко, Симонова 2019: 169].

Помимо понятия «мультимедийная технология» недавно появился термин «мультимедийное обучение». С. Г. Иванова, Е. В. Дмитриева и Н. С. Сахарова [Иванова, Дмитриева, Сахарова 2016: 20] определяют мультимедийное обучение как совокупность медиасредств (компьютер, интерактивная доска, проектор, Интернет-ресурсы), помогающих преподавателям и студентам обмениваться информацией и активизирующих их учебное взаимодействие.

Мультимедийные средства обучения могут использоваться на занятии в течение пары минут, или даже все занятие строится на их применении. При обучении иностранному языку в неязыковом вузе мультимедийные средства могут использоваться с целью:

- более эффективной организации учебного процесса по дисциплине «Иностранный язык»;
- организации общения студентов с носителями изучаемого иностранного языка;
- предоставления преподавателю и студентам доступа к актуальной информации на изучаемом иностранном языке;
- развития познавательного интереса студентов и формирования мотивации к изучению иностранного языка в неязыковом вузе.

Мультимедийные средства могут помочь студентам в решении следующих задач:

- изучении нового учебного материала и расширении общего кругозора;
- закреплении пройденного учебного материала;
- отработке языковых и речевых умений и навыков;
- повторении изученного учебного материала;
- применении полученных знаний, умений и навыков на практике;
- обобщении и систематизации знаний.

Т. В. Карамышева предлагает следующие возможности по внедрению мультимедийных средств обучения на занятиях иностранному языку в вузе [Карамышева 2001: 27-38]:

- 1) студенты могут изучать иностранный язык с помощью специальных обучающих программ;
- 2) преподаватель может сам создать свой учебный курс в обучающей среде вуза;

3) студенты могут использовать разнообразные иноязычные Интернет-ресурсы для изучения иностранного языка.

Ю. В. Саламатина предложила следующие формы использования мультимедийных технологий на занятиях по иностранному языку в вузе:

1. Изучение дополнительного учебного материала, не представленного в учебнике и учебном пособии. Данный материал можно легко найти в Интернете. Это могут быть видеоуроки по объяснению грамматики, тексты с заданиями на проверку их понимания, аудиофайлы, грамматические справочники, различные словари, тесты, песни и стихотворения.

2. Посещение обучающих сайтов с интернет-уроками на разную тематику.

3. Знакомство с разнообразными Интернет-ресурсами для подготовки докладов и написания сочинений на иностранном языке.

4. Проведение конференций и круглых столов с носителями иностранного языка.

5. Использование электронных версий словарей для обогащения словарного запаса студентов.

6. Подготовка к экзаменам на уровень владения иностранным языком с использованием определенных Интернет-ресурсов [Саламатина 2018: 897–898].

Изучение иностранного языка с помощью компьютерных программ может помочь студентам преодолеть психологический барьер в общении на иностранном языке. Наглядное представление учебного материала в виде таблиц, графиков и схем на экране компьютера помогает лучше понять и усвоить новый материал [Канаева, Агапова 1992: 86]. Например, при знакомстве с новой лексикой по теме обучающая компьютерная программа может помочь сформировать навык узнавания нового слова по зрительному образу и его правильного написания. Таким образом, с помощью обучающих компьютерных программ можно управлять учебной деятельностью студентов и осуществлять индивидуальный подход к каждому из них [Грейдина, Миракян 2001: 97]. Студенты могут познакомиться с мультимедийной презентацией в любой аудитории, где есть компьютер и проектор, при этом трансляция может осуществляться в реальном времени или в записи, то есть ее можно скачать на компьютер студента или воспроизвести в реальном времени в Интернете по дисциплине «Иностранный язык». Форма и место использования мультимедийной презентации на занятии определяются содержанием и целями занятия. Мультимедийные презентации могут использоваться на следующих этапах занятия:

1. Для иллюстрирования нового учебного материала с помощью разных средств наглядности.

2. Для закрепления изучаемого учебного материала.

3. Для проверки знаний, умений и навыков. Компьютерное тестирование используется здесь для самопроверки и контроля знаний.

4. Для углубления знаний в качестве источника дополнительной информации по теме.

5. Для контроля промежуточных операций и окончательных результатов самостоятельной работы студентов.

Интерактивные методы обучения предусматривают максимальную вовлеченность и заинтересованность студентов в успехе своей деятельности и взаимодействие студентов и преподавателя благодаря осуществлению реального или компьютерно-опосредованного общения. Для его организации преподавателю следует использовать такие электронные образовательные среды вуза, как, например, платформу MOODLE, в которой преподаватель может создать учебный курс с добавлением в него лекций, тестов, заданий и проектов.

Данная платформа позволяет обсудить проекты, подготовленные студентами в ходе индивидуальной и групповой самостоятельной работы. Преподаватель должен четко сформулировать цели и систему работы с проектом, подготовить требуемый языковой материал, подобрать темы для обсуждения.

Ролевые и деловые игры на иностранном языке помогают привлечь и удержать внимание студентов, стимулируют поиск нестандартного решения проблемы и способствуют развитию творческих способностей студентов.

Метод “case-study” помогает сформировать коммуникативную компетенцию путем ситуационного анализа проблемы и поиска ее решения. Данный метод обучения предполагает создание модели проблемной ситуации, поиск оптимального ее решения и обсуждение полученных результатов.

Большинство студентов лучше понимают и запоминают информацию визуально, чем на слух. Студентам легче усвоить информацию, которая представлена в виде изображений, схем, а не сплошным текстом. Использование на занятиях по иностранному языку в вузе изображений, схем, таблиц, мультимедийных презентаций, подкастов и видеофильмов повышает интерес студентов к обучению и способствует более эффективному процессу усвоения знаний и формирования умений и навыков.

Мультимедийные технологии позволяют:

- представить учебный материал не только в печатной форме в виде текста, но и графически, и в звуковом и анимированном виде;
- сделать проще процесс усвоения и применения изученного учебного материала на практике;
- организовать систему автоматизированного, объективного контроля знаний, умений и навыков студентов;
- индивидуализировать учебный процесс;
- повысить мотивацию к изучению иностранного языка;
- получить доступ к иноязычным источникам информации в сети Интернет;
- сформировать у студентов умение использовать разные источники информации, умения анализа, синтеза и обобщения полученной информации;
- организовать процесс самостоятельного изучения иностранного языка студентами;
- дать возможность студентам учиться дистанционно [Артамонова, Архипова и др. 2012: 32].

Таким образом, осуществление интерактивного обучения в вузе и использование мультимедийных технологий способствуют развитию творческого по-

тенциала студентов, их умения работать самостоятельно и в команде, стимулируют поиск необходимой информации и демонстрацию результатов поисковой деятельности.

Использование игровых технологий и Интернет-ресурсов на занятиях по иностранному языку помогает развить творческие способности и креативность, коммуникативные умения и навыки студентов, повышает их компетентность в области использования современных мультимедийных технологий и своей будущей профессии. Создание фоторепортажей, видеоисторий, мультимедийных презентаций, проведение онлайн-конференций могут отлично дополнить традиционные методы обучения иностранным языкам в вузе.

Сегодня мультимедийные технологии представляют собой одно из перспективных направлений информатизации обучения в неязыковом вузе. Перспектива успешного применения современных мультимедийных технологий в системе высшего образования может заключаться в совершенствовании методического обеспечения и материально-технической базы вузов и в повышении квалификации преподавателей иностранного языка.

Литература

1. *Артамонова Л. А., Архипова М. В., Ганюшкина Е. В., Делягина Л. К., Золотова М. В., Мартыанова Т. В.* Инновации в обучении английскому языку студентов неязыковых вузов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 2–1. – С. 28–33.
2. *Грейдина Н. Л., Миракян З. Х.* Как «Профессор Хиггинс» помогает изучать английский язык // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 6. – С. 94–97.
3. *Иванова С. Г., Дмитриева Е. В., Сахарова Н. С.* Методика использования подкастов в процессе обучения иностранным языкам в университете // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 2 (190). – С. 20–25.
4. *Канаева В. М., Агапова С. Г.* Из опыта творческой группы учителей по проблеме: «Компьютеризация учебного процесса» // Иностранные языки в школе. – 1992. – № 3–4. – С. 86–88.
5. *Карамышева Т. В.* Изучение иностранных языков с помощью компьютера. В вопросах и ответах. – СПб.: Союз, 2001. – 192 с.
6. *Котляренко Ю. Ю., Симонова О. Б.* Дидактические аспекты применения мультимедийных технологий в преподавании иностранного языка в вузе // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 4. – Выпуск 4. – С. 168–172.
7. *Саламатина Ю. В.* Использование интерактивных методов обучения английскому языку в неязыковом вузе / Валиев Н.Г. (ред.) // Уральская горная школа – регионам: сборник докладов Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2018. – С. 897–898.

Автор:

Ефанова Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, г. Орел, Россия; e-mail: sunny21@inbox.ru

Author:

Efanova Olga A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department, Orel State University, Orel, Russia; e-mail: sunny21@inbox.ru

ОБРАЗ КРАСАВИЦЫ НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье раскрываются особенности лексической сочетаемости лексемы «красавица» с прилагательными на материале Национального корпуса русского языка. В статье также приводятся наиболее частотные группы прилагательных.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, красавица, Национальный корпус русского языка, языковая картина мира.

I. A. Zhilina

THE IMAGE OF A BEAUTY BASED ON THE MATERIAL OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article reveals the peculiarities of lexical compatibility of the lexeme "beauty" with adjectives on the material of the national corpus of the Russian language. The article also provides the most frequent groups of adjectives.

Keywords: lexical collocation, beauty, national corpus of the Russian language, language world view.

Во все века людей волновали различные категории общечеловеческих ценностей, не является исключением категория красоты, в особенности женской красоты. Однако представления об идеальной красавице у разных людей существенно отличаются. Цель данной статьи – проанализировать лексическую сочетаемость лексемы «красавица» на основе материала Национального корпуса русского языка и понять, какие представления о красавице существуют у носителей языка. Использование корпусов дало толчок новым идеям о природе языка и овладении языком. На сегодняшний день корпусная лингвистика является развивающимся и перспективным направлением.

Для языковой картины мира важны не только научные знания о мире, но и заблуждения, ощущения мира, процесс и плоды созерцания мира, его оценки, вымыслы, фантазии и мечты о мире [Бартминский 2005; Болдырев 2014; Норман 2013].

Как известно, лексика является важным уровнем языка, в котором отражается не только окружающая человека реальность, но также его внутренний мир. Многие исследователи говорят об актуальности изучения семантики языковых знаков [Апресян 1995: 56; Степанов 2004: 74]. Словарное описание лексемы имеет важное значение в изучении сложной структуры различного вида языковых связей (парадигматических, синтагматических и ассоциативных) исследуемого слова [Кубрякова 2002: 15].

Для начала рассмотрим дефиниции лексемы «красавица» согласно толковому словарю русского языка А.П. Евгеньевой [СРЯ 1986]:

- 1) красивая женщина;
- 2) о ком-, чем-л. очень красивом.

Объектом нашего исследования будет являться первое значение (красивая женщина).

В статье будут использоваться следующие методы исследования: контекстуальный анализ, метод сплошной выборки с опорой на качественные и количественные показатели.

Национальный корпус русского языка содержит 7535 различных сочетаний лексемы «красавица» с прилагательными. Самое частотное из них – слово *первая* (93 примера). За ним следует *молодая* – 70 примеров; *русская* – 70; *писаная* – 54; *юная* – 39; *настоящая* – 38.

Рассмотрим наполнение наиболее весомых и информативных групп.

Класс градации красоты. К прилагательным, характеризующим степень красоты, относятся: *первая* (93), *писаная* (54), *настоящая* (38), *дивная* (10), *редкая* (10), *сказочная* (7), *признанная* (5), *несравненная* (3).

Возраст. В корпусе встречается целый ряд прилагательных, описывающих возраст: *молодая* (70), *юная* (39), *молоденькая* (7), *стареющая* (7), *пожилая* (4), *престарелая* (2), *старая* (2), *младая* (1).

Национальная специфика. С существительным красавица сочетаются прилагательные, имеющие указание на стороны света, национальность. Среди них *русская* (70), *восточная* (9), *южная* (6), *северная* (6), *испанская* (5), *петербургская* (4), *еврейская* (4), *польская* (3), *европейская* (2), *азиатская* (2), *французская* (2), *персидская* (2), *американская* (2), *западная* (1), *венгерская* (1), *немецкая* (1), *китайская* (1), *греческая* (1).

Место проживания. Стоит также отметить прилагательные, указывающие на место проживания: *московская* (11), *деревенская* (6), *лесная* (2), *киевская* (2), *парижская* (2), *столичная* (2), *местная* (1), *провинциальная* (1), *франкфуртская* (1), *заморская* (1), *самарская* (1).

Известность. *Знаменитая* (14), *известная* (7), *незнакомая* (4), *таинственная* (2), *знакомая* (1).

Цвет волос. К прилагательным, описывающим внешность, в частности цвет волос, относятся: *белокурая* (22), *рыжая* (16), *рыжеволосая* (10), *черноволосая* (9), *чернокудрая* (4), *темноволосая* (2), *золотоволосая* (2), *седая* (1).

Цвет глаз. *Черноокая* (9), *черноглазая* (9), *голубоглазая* (6), *сероглазая* (6), *зеленоглазая* (3), *синеглазая* (2).

Цвет кожи. *Смуглая* (15), *бледная* (7), *чернокожая* (1).

Телосложение/рост. К прилагательным, описывающим особенности телосложения и фигуры, относятся: *стройная* (12), *полная* (8), *дородная* (8), *пышная* (7), *рослая* (7), *высокая* (4), *миниатюрная* (2), *худая* (1).

Наличие / отсутствие одежды. В корпусе встречаются примеры, маркирующие отсутствие одежды: *обнаженная* (8), *голая* (3), *полуобнаженная* (2).

Эмоции. В корпусе встречается целый ряд прилагательных, описывающих эмоции: *гордая* (18), *веселая* (4), *несчастливая* (4), *жестокая* (4), *грустная* (3), *злая* (3).

Природа. Прилагательные в данной группе, как правило, имеют переносное значение, а не прямое значение: *небесная* (3), *лунолика* (2), *крылатая* (1).

Самым многочисленным оказался класс градации красоты (220 примеров). Как оказалось, важным аспектом является степень проявления красоты у красавицы.

Подведем итоги. Что же можно узнать о лексеме красавица из НКРЯ? Прежде всего то, что красота является зрительной ценностью, так как большая часть групп так или иначе связана с внешним описанием красавицы. Градация красоты рассматривается в следующих терминах: изумительная, удивительная, неземная, редкая. Красавица мыслится носителем языка молодой и юной, редко старой и пожилой. По национальному признаку лидирует русская,

Как мы видим, в НКРЯ существуют самые известные стереотипные представления о красоте и красавицах.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М., 2005. – 527 с.
3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: ТГУ, 2014. – 253 с.
4. *Кубрякова Е. С.* Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия Российской академии наук. Сер. «Лит. и яз.». – 2002. – Т. 61. – № 1. – С. 13-24.
5. *Норман Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. – М., 2013. – 251 с.
6. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. – М.: Рус. яз., 1986. – 736 с.
7. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. – 989 с.

Автор:

Жилина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия; e-mail: irina1985_2004@mail.ru

Author:

Zhilina Irina A. – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Voronezh State University, Voronezh, Russia; e-mail: irina1985_2004@mail.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ОСТРОВЕ ШРИ-ЛАНКА. ИЗ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В статье рассматриваются читательские предпочтения шриланкийских обучающихся русскому языку как иностранному. Наблюдения автора основаны на личном опыте преподавания в г. Гампах и г. Коломбо Республики Шри-Ланка летом 2023 года.

Ключевые слова: русская литература, Шри-Ланка, русский как иностранный, А. П. Чехов, А. М. Горький.

М. I. Zhurina

RUSSIAN LITERATURE ON THE ISLAND OF SRI LANKA. FROM THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article examines the reader preferences of Sri Lankan students of Russian as a foreign language. The author's observations are based on personal experience of teaching in Gampaha and Colombo of the Republic of Sri Lanka in the summer of 2023.

Keywords: Russian literature, Sri Lanka, Russian as a foreign language, A. P. Chekhov, A. M. Gorky.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева в течение четырех лет занимается реализацией проектов, направленных на продвижение русского языка за рубежом в рамках ведомственной целевой программы «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» подпрограммы «Совершенствование управления системой образования» государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». В 2020 году в Университете Яковлева был открыт Центр изучения русского языка и культуры, обеспечивающий обучение на русском языке по дополнительным образовательным программам граждан из стран Ближнего зарубежья. Создавая сеть центров открытого образования, Университет Яковлева при финансовой поддержке Министерства Просвещения Российской Федерации открывает центры изучения русского языка и культуры в школе № 32 имени Жолона Мамытова и Ошском государственном университете Республики Кыргызстан в 2021 году. В 2022 году центр изучения русского языка и культуры появляется в Андижанском государственном педагогическом университете Республики Узбекистан. География международной деятельности ЧГПУ им. И. Я. Яковлева ежегодно расширяется. Так, в 2023 году слушателями программ дополнительного образования по русскому языку как иностранному ста-

ли граждане Республики Шри-Ланка. Согласно условиям федерального проекта, обучение проходило в очной форме в течение пяти недель, так как «для достижения элементарного уровня общего владения русским языком требуется 100 – 120 учебных часов» [Госстандарт А1 2001: 4]. Занятия проводились в Русском доме г. Коломбо и Университете народной медицины Гампах Викрамараичи. Студенты с большим энтузиазмом откликнулись на возможность обучаться русскому языку, готовы были посещать уроки даже в воскресные дни. Устойчивый интерес к русскому языку и культуре сформировался у многих из них благодаря знакомству с произведениями русской литературы, переведенными на сингальский и тамильский языки. Круг чтения шриланкийцев довольно разнообразный. Приобретая навык элементарного речевого общения в процессе работы над темой «Свободное время, отдых, интересы», рекомендованной образовательным стандартом уровня А1 [Госстандарт А1 2001: 8], большинство инофонов говорили о чтении как своем хобби. Среди любимых книг назывались такие произведения, как «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Шинель» Н. В. Гоголя, «Первая любовь» И. С. Тургенева, «Война и мир» Л. Н. Толстого. Студент Думинда, прочитав роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в переводе на сингальский язык, решил выучить русский, чтобы познакомиться с текстом оригинала. В аудитории иностранных читателей традиционно преобладают прозаические произведения, легче транслируемые на другой язык, в большей мере, чем стихи, отвечающие требованию точности передачи смысла. В. А. Жуковский еще в 1809 году отмечал, что «переводчик *в стихах* – соперник» [Жуковский 1960: 410], подчеркивая оригинальность поэтического переложения на другой язык, возможность сотворчества с автором, а, следовательно, и некоторую вольность в передаче смысла. Русская литература XX века представлена произведениями А. П. Чехова, А. М. Горького, Ч. Т. Айтматова, К. Г. Паустовского. Особенно популярен в ланкийской читающей среде роман А. М. Горького «Мать». Определяя свои читательские предпочтения, именно этот художественный текст чаще всего называли и двадцатилетние студенты Университета народной медицины Гампах Викрамараичи и разновозрастные обучающиеся Русского дома. Созданный в начале XX столетия, роман М. Горького «Мать» (1907 г.) считается первым произведением социалистического реализма. Автор утверждает особую концепцию человека, взгляд на его место в окружающем мире. Человек мыслится творцом и преобразователем, неуклонно стремящимся к лучшему, способным изменить собственную жизнь и жизнь других людей. При этом источником преобразований у писателя становится книга как средоточие знания, мудрости, правды и истины. Мать Пелагея Ниловна видит, как сын её Павел «упрямо выплывает ... из темного потока жизни», как «долго читает свои книги», «употребляет ... новые слова, а привычные для нее грубые и резкие выражения – выпадают из его речи» [Горький 1979: 13], как старается облегчить ее труд, подметая пол в комнате и убирая постель, как все больше появляется книг на его полке. Однако более всего привлекают шриланкийцев общечеловеческие вневременные ценности, отраженные Горьким в романе. В разговоре о произ-

ведении выяснилось, что образ матери связывается, прежде всего, с родительской любовью, запоминается самоотверженностью, готовностью отдать и сделать все для сына. А. П. Чехов также является одним из самых знаменитых русских писателей на острове Шри-Ланка. Опрошенными инофонами называют и пьесу «Вишневый сад» (1904 г.), и повесть «Три года» (1894 г.), известную только знатокам наследия писателя, служащую предметом исследовательского внимания ученых-филологов. Интерес к творческой биографии А. П. Чехова обусловлен еще и тем фактом, что писатель стал одним из первых российских туристов. Он посетил Цейлон, возвращаясь с Сахалина на пароходе «Петербург». В ноябре 1890 г. Чехов приплыл в г. Коломбо и отправился в Канди, древний город в центральной горной части острова. О времени, проведенном здесь, Чехов писал издателю Алексею Сергеевичу Суворину: «Цейлон – место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами» [Чехов 1976: 140]. Восхищаясь необыкновенной природой тропического острова, Чехов вспоминает басню И. А. Крылова «Любопытный». В письме к драматургу Ивану Леонтьевичу Леонтьеву-Щеглову читаем: «Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне. Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки!» [Чехов 1976: 143]. Покидая Цейлон, Чехов не удержался и взял с собой «милых зверей»: «Это – мангусы, величиною с средних лет котенка, очень веселые и шустрые звери. Качества их: отвага, любопытство и привязанность к человеку. Они выходят на бой с гремучей змеей и всегда побеждают, никого и ничего не боятся; что же касается любопытства, то в комнате нет ни одного узелка и свертка, которого бы они не развернули; встречаясь с кем-нибудь, они прежде всего лезут посмотреть в карманы: что там? Когда остаются одни в комнате, начинают плакать» [Чехов 1976: 143–144]. Литератора Николая Александровича Лейкина писатель приглашает к себе, чтобы посмотреть на редких зверьков: «Из Цейлона я привез с собою в Москву зверей, самку и самца, перед которыми пасуют даже Ваши таксы и превосходительный Апель Апельч. Имя сим зверям – мангус. Это помесь крысы с крокодилем, тигром и обезьяной. Сейчас они сидят в клетке, куда посажены за дурное поведение: они переворачивают чернилицы, стаканы, выгребают из цветочных горшков землю, тормозят дамские прически, вообще ведут себя, как два маленьких чёрта, очень любопытных, отважных и нежно любящих человека. Мангусов нет нигде в зоологических садах; они редкость. Брем никогда не видел их и описал со слов других под именем “мунго”» [Чехов 1976: 142]. Впоследствии писатель оставил животных на попечении московского зоопарка. Пребывание Чехова на о. Цейлон «увековечено бронзовым бюстом писателя в вестибюле гостиницы «Grand Oriental Hotel» и памятной доской в отеле «Galle Face» городе Коломбо» [Головань].

Обращение к русской литературе, персоналиям русских писателей на уроках русского языка для достижения уровня А1 возможно при выполнении лексико-грамматических заданий.

К примеру, выберите правильный ответ.

Мой любимый поэт – Александр Пушкин. Я очень люблю ... стихи.

- (А) их;
- (Б) его;
- (В) её;
- (Г) ваши.

Мой любимый писатель – Максим Горький. ... очень нравятся его рассказы.

- (А) Мне;
- (Б) Я;
- (В) Он;
- (Г) Меня.

Тексты заданий субтеста 3. Аудирование также могут быть основаны на литературном материале. К примеру, когда обучающемуся нужно прослушать сообщение и выбрать из трех предложений то, что более точно передает смысл услышанного, можно использовать следующий текст:

В пятницу вечером в общежитии будет встреча с режиссером фильма «Первая любовь».

1. В субботу вечером в общежитие на встречу придет режиссер фильма «Первая любовь».

2. Режиссер фильма «Первая любовь» выступает в общежитии в пятницу вечером.

3. В пятницу вечером в общежитии состоится встреча с артистами из фильма «Первая любовь».

Таким образом, приобщение к русской культуре, ее ценностной системе осуществляется у ланкийских студентов через чтение художественных произведений, переведенных на родные языки, и служит стимулом для изучения русского языка. Обращение к русской литературе, составляющей фоновые знания иностранных обучающихся, несомненно способствует формированию лингвострановедческой и коммуникативно-речевой компетенций, позволяя в перспективе реализовать метапредметный подход в образовательной деятельности [Евдокимова 2023].

Литература

1. Головань М. И. А. П. Чехов на Цейлоне. История одного рассказа. – URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/bio/golovan-chegov-na-cejlone.htm?ysclid=lnfuonh1ih102706773> (дата обращения: 29.09.2023).

2. Горький А. М. Мать // Собрание сочинений: в 16 т. / сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова; вступ. статья Л. Леонова; Ил. П. Пинкисевича. Т. 4. – М.: Правда, 1979. – С. 5–320.

3. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Владимирова Т. Е. и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.; СПб.: «Златоуст», 2001. – 28 с.

4. Евдокимова О. К., Романова Т. Н., Горбунов В. И. Метапредметный подход в практике вузовского преподавания // Вестник Чувашского государственного университета.

ного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2023. – № 1 (118). – С. 103–110.

5. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. – М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. – С. 402–418.

6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. – М.: Наука, 1976. – 656 с.

Автор:

Журина Марина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: ds52556@chebnet.com

Author:

Zhurina Marina I. – Candidate of Philology, Associate Professor of Chair of Russian and Chuvash language, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: ds52556@chebnet.com

НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются словообразовательные неологизмы на базе ключевых слов в период проведения специальной военной операции. Делается вывод, что новые лексические единицы отражают социально-политические реалии.

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, ключевые слова, специальная военная операция, способы деривации, язык СМИ.

V. E. Zamaldinov, A. I. Naryshev

WORD-FORMING NEOLOGISMS BASED ON KEYWORDS DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. The article analyzes word-formation neologisms based on keywords during a special military operation. It is concluded that the new lexical units reflect socio-political realities.

Keywords: word-forming neologisms, keywords, special military operation, methods of derivation, language of mass media.

Тема специальной военной операции (СВО) на Украине активно освещается в мировых средствах массовой информации. Журналисты обращают внимание на расширение военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора (НАТО) к границам России, издевательства со стороны киевского режима над мирным населением Луганской Народной Республики (ЛНР) и Донецкой Народной Республики (ДНР), политику реваншизма в отношении Крымского полуострова.

События на Украине приводят к тому, что в медийных текстах появляется большое количество новообразований – словообразовательных неологизмов узуального и неuzuального происхождения. Новые лексические единицы создаются журналистами на базе ключевых элементов социокультурного пространства – социально значимых слов. К подобным элементам относятся следующие: *дрон, мобилизация, наступление, санкции, СВО, ЧВК «Вагнер»*, латинские буквы *Z* и *V*.

Цель исследования – выявить и проанализировать новые лексические единицы на базе ключевых слов в период проведения специальной военной операции.

Материал исследования – корпус словообразовательных неологизмов, составленный по результатам сплошной выборки из текстов современных СМИ за 2022–2023 гг.

Источниками фактического материала послужили тексты современных газет («Известия», «Коммерсантъ»), сетевых изданий («Правда.Ру», «ЯРСМИ», «Lenta.ru», «Yakutsk.ru»), информационных интернет-сайтов («News102.ru», «Tarohost.ru», «Лента новостей ДНР») и др.

В ходе работы использовались следующие методы и приёмы исследования: приём сплошной выборки, метод непосредственного лингвистического наблюдения, описательный метод, словообразовательный анализ, структурно-семантический анализ.

О важности и значимости изучения неологической картины мира свидетельствуют многочисленные публикации последних десятилетий [Касьянова 2021; Катермина 2023; Замальдинов 2016, 2020 и др.].

После начала спецоперации на Украине в медийных текстах востребованы новообразования узувального характера. Данные неологические единицы создаются без нарушения языковых норм.

Продуктивным способом создания новых лексических единиц является префиксация. В языке СМИ встречаются словообразовательные неологизмы со следующими приставками: *анти-*, *контр-* с семантикой противоположности, *псевдо-* со значением неистинности, *недо-* со значением неполноты. Приведём примеры: *Путин продлил действие **антисанкций** до конца 2023 года* (заголовок) («Известия». 11.10.22); *Жители Башкирии стали массово покупать **антидрон** ружья* (заголовок). *Но если в Москве и приграничных регионах покупают для личных нужд, то в Башкирии чаще для отправки на СВО* («News102.ru». 01.06.23); *Президент России Владимир Путин подписал указ, согласно которому будут введены **контрсанкции** против стран и юридических лиц, которые допустили «недружественные действия»* («Коммерсантъ». 03.05.22); *Стешин: пока ВСУ готовят **псевдонаступление**, РФ в Донбассе взяла паузу до зимы* (заголовок) («Правда.Ру». 31.08.22); *Что происходит с раскрученной **псевдо-ЧВК**, и какая судьба ждёт самого Пригожина?* («Tarohost.ru». 29.04.23); ***Недосанкции**: конгрессмены и сенаторы обрушились на Байдена* (заголовок) («Смотрим». 02.03.22); *Украинское **недонаступление** захлебнулось ещё на старте, когда ВСУ обнаружили себя и свои огневые позиции* («Лента новостей ДНР». 01.09.22). Журналисты активно используют новообразования как с заимствованными (*анти-*, *контр-*, *псевдо-*), так и с исконными (*недо-*) префиксами.

Зафиксированы в медийных текстах новые лексические единицы, созданные с помощью аффиксоидации (префиксоидации и суффиксоидации). Так, в языке СМИ широко представлены новообразования с такими префиксоидами, как *евро-* с семантикой ‘европейский’, *лже-* с семантикой ложности. Приведём примеры из нашей картотеки: *«**Евродрону**» выбрали двигатель* (заголовок) («Lenta.ru». 26.03.22); *Судя по всему, задуманная летом «**евромобилизация**» граждан Незалежной подходит к логическому концу <...>* («Правда.Ру». 05.02.23); *Стешин: пока ВСУ готовят **лженаступление**, ВС РФ в Донбассе берут паузу до зимы* (заголовок) («Yakutsk.ru». 02.09.22).

В медийной коммуникации активны новообразования с суффиксоидами - *гейт* с семантикой ‘политический скандал’, *-фоб-* с семантикой ‘боязнь чего-

либо': **Вагнергейт 2.0**: в Подмосковье военный захватил дом Януковича (заголовок) («Ifvtemya.ru». 23.07.23); **Дронофобия**: москвичи массово докладывают о подозрительных беспилотниках (заголовок) («БайкалИНФОРМ». 14.03.23); На фоне «вагнерофобии» Франции и США премьер-министр Нигера в изгнании Ухумуду Махамату опроверг информацию, что бойцы российской ЧВК могут быть в его стране («НСН». 08.08.23).

Как видно из примеров, при создании словообразовательных неологизмов журналисты используют различные префиксоиды (*евро-*, *лже-*) и суффиксоиды (*-гейт*, *-фоб-*). Новообразования аффиксоидного типа отражают социально-политические процессы, происходящие в обществе, обладают повышенной экспрессивностью.

Реакцией на специальную военную операцию являются новообразования неузального (окационального) характера. При их образовании журналисты сознательно нарушают нормы языка. В медийной коммуникации популярны новые лексические единицы, созданные с помощью графической гибридизации (графиксации): **Рязанцы СВОих** не бросают (заголовок) («Рязанские ведомости». 11.01.23) ← СВО + своих; «**Паровозы**» для **СВОих** (заголовок). <...> Парламентские партии со своими участниками в основном уже определились, и среди них оказалось немало «паровозов» («Коммерсантъ». 10.07.23) ← своих + СВО. Подобные новообразования возникают в результате такой разновидности графиксации, как капитализация (графическое выделение сегмента слова).

Другая разновидность графиксации – полиграфиксация (сочетание кириллицы и латиницы в одном слове): **Задача** будет **Выполнена!!!** Путин выступил с заявлением о ситуации на Украине (заголовок) («E-News.su». 16.03.22); **КАЗАХСТАН** или **КАЗАХСТАН** (заголовок). Прошёл ровно месяц с начала специальной военной операции на Украине. А я до сих пор не написала, что же по этому поводу думают и как реагируют в Казахстане («ANNA-News». 24.03.22); **ГероиZм** и мужество наших земляков-воронежцев (заголовок) («Северо-Донское казачье войско». 26.04.22); «**Закат** нацизма»: В ДНР выпустили почтовую марку в поддержку денацификации Украины (заголовок) («Донецкое Агентство Новостей». 24.05.22); В Тульской области начали выдавать региональную карту «**Забота**» членам семей военнослужащих, принимающих участие в СВО («Российская газета». 23.11.22); В канун 80-летия победы в Сталинградской битве на базе духовно-культурного центра имени Пророка Мухаммада по инициативе участников СВО создано движение «**Vera Za** наших» («Irp.news». 05.02.23); Волонтерское движение «**Защита18**. Маскировочные сети. Удмуртия» и активисты «Единой России» подготовили к отправке гуманитарную помощь для участников СВО («Единая Россия». 29.03.23); В Серпухове в рамках Всероссийской акции «**Верность. Любовь. Забота**» провели фестиваль адаптивных игр для семей участников СВО (заголовок) (т/к «ОТВ-Серпухов». 10.07.23). Журналисты активно включают в слова латинские буквы Z и V. С помощью данных графических компонентов носители языка поддерживают граждан, участвующих в специальной военной операции на Украине.

Подводя итог, отметим, что в медийных текстах значительное место занимают новообразования на базе таких ключевых единиц, как *дрон, мобилизация, наступление, санкции, СВО, ЧВК «Вагнер», Z и V*. Новые номинации отражают сложную политическую ситуацию в мире, помогают носителям языка осмыслить события, происходящие на Украине.

Литература

1. *Замальдинов В. Е.* Интернациональные словообразовательные морфемы как отражение социокультурных реалий // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 года. – Нижний Новгород: ООО «Издательство "Деком"», 2016. – С. 292–296.

2. *Замальдинов В. Е.* Экспрессивно-игровые окказионализмы в языке современных российских СМИ // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2020. – № 2(49). – С. 116–120.

3. *Касьянова Л. Ю.* Векторы неологизации русского языка в период пандемии // Русистика и современность. – Рига: Балтийская международная академия, 2021. – С. 102–106.

4. *Катермина В. В.* Соматические неологизмы англоязычного дискурса: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 1(52). – С. 267–272.

Авторы:

Замальдинов Владислав Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

Нарышев Александр Игоревич – курсант Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: naryshev07.a@yandex.ru

Authors:

Zamaldinov Vladislav E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Culture of the Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

Naryshev Alexander I. – cadet of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: naryshev07.a@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ВОДА» И ЕГО ТЕКСТОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена характеристике концепта «вода» в русской языковой картине мира, раскрытию особенностей его текстовой реализации. В процессе анализа выявлены различные коннотации, оценочная характеристика этого понятия в сознании носителя русской языковой культуры.

Ключевые слова: концепт, вода, когнитивная лингвистика, языковая картина мира, текстовая реализация, коннотация.

V. M. Ilyina, L. B. Pastukhova

CONCEPT OF “WATER” AND ITS TEXTUAL IMPLEMENTATION

Abstract. This article is devoted to the characterization of the concept of «water» in the Russian language picture of the world, the disclosure of the features of its textual implementation. In the process of analysis, various connotations and evaluative characteristics of this concept in the consciousness of a native speaker of the Russian language culture are revealed.

Keywords. Concept, water, cognitive linguistics, language picture of the world, textual implementation, connotation.

Большой интерес в современной лингвистике вызывает изучение содержания конкретных концептов. Ю. С. Степанов характеризует концепт как культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании. Исследователь рассматривает концепт как «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово. По мнению ученого, концепт является средством, с помощью которого человек умственно воспринимает культуру. С другой стороны, как считает Ю. С. Степанов, посредством концепта человек сам входит в культуру, иногда и оказывает влияние на нее [Степанов 2001: 43]. То есть концепт – это понятие когнитивной лингвистики, которое является связующим средством между культурой и человеком.

Концепт – не что иное, как многомерное смысловое образование, принадлежащее коллективному сознанию, выраженное посредством языка, включающее в свою структуру личный и народный культурно-исторический опыт, эмоциональный аспект слова. Он выполняет функцию носителя и передатчика смысла.

Языковая картина мира базируется на концептах, которые определяют способ мышления и восприятия окружающего мира. «Языковая картина мира – это взгляд народа на мир сквозь призму языка» [Воробьев 2006: 93].

Концепт «вода» имеет непреходящую ценность в русской языковой картине мира. Это подтверждается тем, что употребление данного понятия не только не теряет своей частоты, но и продолжает расширяться, обрастая новыми значениями и коннотациями.

В толковых словарях русского можно найти до 14-ти различных значений слова «вода». В исследовании были использованы следующие труды: Даль В. И. «Толковый словарь живого великорусского языка», «Современный толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова, «Толковый словарь ключевых слов русского языка» под. общ. рук. Г. Н. Скляревской, «Толковый словарь русского языка: школьное издание» С. А. Кузнецова.

На основе анализа лексикографических статей удалось выявить следующие наиболее общие значения лексемы «вода»:

– прозрачная, бесцветная жидкость, которая представляет собой химическое соединение водорода с кислородом. *Морская в.*;

– напиток для утоления жажды. *Газированная в., Минеральная в., Фруктовая в.*;

– водная масса реки, озера, моря – какого-либо водоёма. *Путешествие по воде. Высокая в.* (высоко поднявшаяся в берегах). *Большая в.* (в половодье).;

– в знач. нареч. водой, водою – как способ передвижения транспортных средств и грузоперевозки. *Ехать водой (водным путем)*;

– чистой воды что? (о драгоценном камне, обладающем лучшими характеристиками);

– курортная зона; чаще – использование воды в лечебных целях. *Минеральные воды.*

Исследование текстовой реализации концепта «вода» способствует обнаружению тех самых ассоциаций и культурных коннотаций, которые несут в себе все концепты. Своё исследование мы начали с произведений Василия Пескова, известного писателя-эколога, тексты которого наполнены любовью к природе и, безусловно, позволяют рассматривать любое природное явление как ментальное образование, заложенное в сознании народа.

Так, например, в его рассказе «Речка моего детства» содержится лингвокультурная информация, позволяющая раскрыть отношение народа к реке, воде: «Перебрав по пальцам знакомые села, я обнаружил: они все стоят на реке. В десять лет я думал, что эта река, делая бесконечные петли и повороты, считала нужным пройти как раз у села. Лет в тринадцать я понял: *не вода к людям, а люди тянулись к воде, вся жизнь ютилась возле воды*». Вода для народа – не просто жидкость, содержащаяся в атмосфере, она также является основным источником пропитания и жизни, без которого существование невозможно. Концепты «вода» и «река» в этом случае обладают схожими семантическими характеристиками: это система, которая снабжает всех (от крупного рогатого скота до человека) ресурсами для продолжения жизнедеятельности: «Возле воды, по лугам бродили коровы, к реке на ночь выгоняли пасти лошадей, в июне косяри валили над Усманкой травы, к реке шли с ведрами за водой»; служит местом, которое объединяет всех людей и наполняет их жизнь счастливыми и ра-

достными моментами: «у реки по вечерам деревенские девки собирались петь песни <...>. Купание летом, костры на берегах осенью, плавание в лодке по весеннему половодью... Только теперь понимаешь, сколько радости даёт человеку великое чудо – река, пусть даже маленькая» [Песков 1979: 189–190].

Концепт «вода» в данном произведении обретает ценностную характеристику и эмоционально-оценочные коннотации: «...рек незначительных нет! Надо беречь каждый ключик, каждый ручей. Только так можно уберечь Радость, которую нам дают текущие воды, и возможность в любую минуту утолить жажду. Ибо нет на земле напитка лучшего, чем стакан холодной чистой воды» [Песков 1979: 203].

Значимость воды в жизни раскрывается в следующих строках автора: «Последние годы во всем мире идет озабоченный разговор о воде. Вода становится одной из главных ценностей на земле <...>. Жизнь зародилась, осела и развивается около рек» [Песков 1979: 202–203].

В произведениях Пескова, кроме того, встречаются различные яркие эпитеты, также характеризующие концепт: «Название у реки древнее: Пра. Кажется, и вода в ней тоже *древняя*. Она настоена на торфах, имеет цвет чая даже в пригоршне» [Песков 1979: 28]; «Вода, поднятая ветерком, ломит зубы, свежий дубовый сруб сообщает «чайной воде» запахи коньяка» [Песков 1979: 29]; «Сама речка, таинственно текущая издалека и уходившая по осокам и лознякам неизвестно куда, будоражила любопытство. Откуда, зачем и куда плывет *задумчивая* вода?» [Песков 1979: 189].

Выразительные эпитеты, описывающие концепт «вода», во множестве представлены и в других текстах. Например:

Душа моя угрюмая, угрозная,
Живет в оковах слов.
Я – *черная* вода, *пенноморозная*,
Меж ледяных берегов [Гиппиус 1991: 144].

Ты слышишь — как в реке холодной
Поет *незвучная* вода, —
Она бежит струей свободной
И не устанет никогда [Русская 1993: 148].

Запал багровый день. Над *тусклою* водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью [Серебряный 1993: 261].

Ценным с точки зрения представления того, какие ассоциации рождает анализируемый концепт, является стихотворение Л. Мартынова «Вода»:

Вода
Благоволила
Литься!
Она
Блистая
Столь чиста,

Что – ни напиться,
Ни умыться,
И это было неспроста.
Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.
Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.
Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало –
Чистой,
Дистиллированной
Воде! [Мартынов 1986: 122–123]

Это стихотворение показывает, что в культуре исследуемый концепт имеет две формы: живую и неживую. Ассоциативный ряд с «живой водой» составляют такие компоненты, как ива, тал, горечь цветущих лоз, водоросли, рыба и т.д. – иными словами, все одушевленное, движущееся, «волнистое»; растительность и животный мир. Основной художественный прием, используемый автором, – антитеза, или противопоставление. Дистиллированная вода охарактеризована Мартыновым как *чистая*, но как бы неполноценная – «ей ни напиться, ни умыться», потому и эта характеристика на фоне «живой воды» имеет отрицательную окраску – здесь *чистый* значит *пустой*.

Такие метафоричные значения становятся довольно частыми спутниками концепта «вода», и нередко это происходит в условиях тесной связи с другими концептами, ведь вода, согласно данным лексикографических источников, являет собой толщу различных водоемов.

Так, связь концептов «родник» и «вода» позволяет анализируемому концепту обрести символическое значение. Это наглядно демонстрирует стихотворение «Родник» И. Северянина:

Восемь лет эту местность я знаю.
Уходил, приходил, – но всегда
В этой местности бьет ледяная
Неисчерпываемая вода.
Полнотруйный родник, полнозвучный,
Мой родной, мой природный родник,
Вновь к тебе (ты не можешь наскучить!)
Неотбрасываемо я приник.
И светло мне глаза оросили
Слезы гордого счастья, и я
Восклицаю: ты – символ России,

Изнедривающаяся струя! [Серебряный: 381-382]

Здесь родник – источник «неисчерпываемой» воды, которая представляет больше духовную ценность, чем материальную, становится символом чистоты, обновления и душевного восстановления. Концепты «родник» и «вода» обретают новую культурную коннотацию – «символ России».

Итак, в ходе исследования концепта «вода» мы обнаружили, что он содержит в себе различные значения и ассоциации, которые являются составляющими коллективного и личного культурно-исторического опыта.

Проанализировав лексикографические источники, мы определили наиболее общие значения лексемы «вода», включающие такие аспекты, как химическое соединение водорода с кислородом, напиток для утоления жажды, водная масса реки, озера или моря, способ передвижения транспорта, а также местность с минеральными источниками.

Анализ текстовой реализации концепта «вода» в произведениях Василия Пескова показал, что вода имеет особое значение для народа, она является не только важнейшим источником жизни, но и служит объединяющим людей объектом, представляя большую культурную значимость.

В художественных текстах русских писателей концепт «вода» сопровождается множеством выразительных эпитетов, приобретает необычные коннотации.

В целом, концепт «вода» является сложным и многомерным смысловым образованием, которое отражает не только физические и химические свойства воды, но и ее значение и роль в культуре и жизни людей. Анализ данного концепта позволяет более глубоко понять и оценить влияние воды на нашу жизнь и способствует формированию ответственности за ее сохранение.

Литература

1. Воробьев В. В., Саяхова Л. Г. Русский язык в диалоге культур: учебное пособие / элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: Ладомир, 2006. – 286 с.
2. Гиппиус З. Сочинения. Стихотворения. Проза / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. К. Азадовского, А. Лаврова. – Л.: Худож. лит., 1991. – 672 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1 / вступ. статья А. М. Бабкина, В. П. Вомперского. – М.: Русский язык, 1989. – 699 с.
4. Мартынов Л. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 768 с.
5. Песков В. М. Лесные глаза. – М.: Сов. Россия, 1979. – 256 с.
6. Русская поэзия «серебряного века», 1890 – 1917. Антология. – М.: Наука, 1993. – 784 с.
7. Серебряный век русской поэзии / сост., вступ. ст., примеч. Н. В. Банникова. – М.: Просвещение, 1993. – 432 с.
8. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.

9. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. – 2–е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

10. *Толковый* словарь ключевых слов русского языка / под общ. рук. Г. Н. Складчиковой. – Санкт-Петербург. : Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 672 с.

11. *Толковый* словарь русского языка: школьное издание : в 2 т. Т.1. А–О / авт.-сост. С. А. Кузнецов; отв. ред. С. И. Богданов. – М. : Русское слово – учебник, 2020. – 1504 с.

Авторы:

Ильина Виктория Михайловна – студент 3 курса факультета истории, филологии, управления и права профилей «Русский язык и литература» Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tori.ilina.04@inbox.ru

Пастухова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: lydmila.pastukhova.57@mail.ru

Authors:

Ilina Victoria Mikhailovna – 3rd year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law of the profiles "Russian language and Literature" of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tori.ilina.04@inbox.ru

Lyudmila Borisovna Pastukhova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: lydmila.pastukhova.57@mail.ru

**МЕДИЙНАЯ АГРЕССИЯ КАК ВЕДУЩАЯ СТРАТЕГИЯ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОК-ШОУ «ВЕЧЕР С В. СОЛОВЬЕВЫМ»)**

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу средств выражения медийной агрессии в современном русском языке. Материалом для исследования стали записи, сделанные во время просмотра политического ток-шоу «Вечер с В. Соловьевым». В статье приводится богатый иллюстративный материал, классифицированный как по объекту речевой агрессии, так и по разнообразным формам и способам проявления медийной агрессии. В результате установлено, что медийная агрессия представляет собой проявление субъектом речи враждебности к объекту коммуникации при помощи лексических, грамматических, словообразовательных, стилистических и интонационных языковых средств.

Ключевые слова: вербальная агрессия, медийная агрессия, агрессивное высказывание, речевое воздействие, средства массовой информации.

*М. V. Kalinina***MEDIA AGGRESSION AS A LEADING MEDIA STRATEGY
(BASED ON THE MATERIAL OF THE TALK SHOW «EVENING
WITH V. SOLOVYOV»)**

Abstract. The article is devoted to the study and analysis of the means of expression of media aggression in the modern Russian language. The material for the study was recordings made while watching the political talk show «Evening with V. Solovyov». The article presents a rich illustrative material classified both by the object of speech aggression and by various forms and methods of manifestation of media aggression. As a result, it is established that media aggression is a manifestation of hostility by the subject of speech to the object of communication using lexical, grammatical, word-formation, stylistic and intonational language means.

Keywords: verbal aggression, media aggression, aggressive utterance, speech effects, mass media.

В современной общественно-политической ситуации мы становимся свидетелями возрастания числа проявлений речевой агрессии в медиапространстве. Сегодняшние политические ток-шоу можно сравнить с военными действиями, в которых язык становится оружием, а вербальная агрессия – ведущей стратегией, направленной не только на уничтожение противника, но и на речевую самооборону, поскольку одной из причин агрессивного речевого поведения человека может стать раздражающее или возмущающее поведение противоположной стороны.

Изучение вербальной агрессии помогает лучше понять динамику конфликта и механизмы формирования враждебной риторики. Исследование процессов, приводящих к использованию агрессивной речи, может способствовать разработке эффективных мер, направленных на управление конфликтами, на поощрение мирного диалога, на создание условий для дипломатического урегулирования конфликтов.

Основой для данной статьи послужили отечественные и зарубежные исследования в области теории и практики речевого воздействия [Жельвис, 2001; Лакофф, 2014; Стернин, 2015, Сковородников, 2019], которые позволяют рассмотреть речевую агрессию как целенаправленную коммуникацию, основной задачей которой становится изменение поведения оппонента. Учитывались труды Щербининой Ю. В. (2008), Иссерс О. С. (2017), Красноперовой Е. В. (2021), Горелик П. Л., Русаковой М. М., Куценко Л. В. (2022), в которых представлены как классификации средств агрессивного коммуникативного поведения (средства и жанры речевой агрессии, ее лексические и стилистические формы), так и способы противодействия агрессии. Среди работ, посвященных исследованию агрессии в СМИ, на наш взгляд, заслуживает внимания статья Озюменко В. И., рассматривающего целесообразность в связи с напряженной политической ситуацией в мире замены термина «вербальная / речевая агрессия» на более широкое «информационная / медийная агрессия» [Озюменко 2017: 203]. Под медийной агрессией, широко представленной в российских ток-шоу, мы будем понимать враждебные высказывания, обусловленные общественно-политической ситуацией и направленные на причинение ущерба противнику.

Материалом для данного исследования стала авторская картотека высказываний, принадлежащих В. Соловьеву и гостям его программы. Источником формирования картотеки послужили записи, сделанные во время просмотра политического ток-шоу «Вечер с В. Соловьевым», в каждом выпуске которого можно найти элементы речевой агрессии, которые в основном связаны с темами, касающимися действий Украины и западных стран. Запись высказываний проводилась в период с 2022 г. по август 2023 г. Общая продолжительность просмотренных видео составила 8 ч. 50 мин. Общий объем выборки, связанной с проявлением медийной агрессии, насчитывает 280 высказываний, содержащих проявления агрессии. Мы будем рассматривать агрессию, осуществляемую средствами языка с помощью слов, форм слов, устойчивых выражений, предложений, текстов, интонации.

В работе применялись методы сбора и обобщения информации; описательный метод, который заключается в комментировании тех высказываний, которые содержат агрессивную тональность в отношении того или иного объекта; метод количественного подсчета, применяемый для интерпретации полученных данных.

В процессе анализа речевой деятельности выступающих обращает на себя внимание, в первую очередь, объект речевой агрессии:

1) Украина и Европа: *А мы что, искренне считали, что Запад будет осуждать своих шавок?* (В. Соловьев, 21.08.2022); *Европа утратила интеллектуальность. Это полный деграданс* (М. Евстафьев, 6.07.2023);

2) украинские и европейские политики в целом: *Сообщество мелких клоунов* (В. Соловьев об американском правительстве, 6.07.2023); *Европейские политики превратились в пигмеев* (В. Соловьев, 5.07.2023); *Американский народ замечательный: трудолюбивый, верящий в бога, весь на традициях. Но у американского народа есть особенность: он, как правило, выделяет в политику свою худшую часть. Если ты ни на что не способен, абсолютно продажный, ничтожный, то тебе в политику. А если ты и среди них отличаешься феноменальным уровнем идиотизма и отрицательным IQ, ты будешь заниматься международной политикой* (В. Соловьев, 1.08.2023); *Надо понимать. Этим можно все (очень тихо, понижая интонацию)* (В. Соловьев о выступлении американских политиков, говорящих о расследовании возможности разглашения государственных секретов Джо Байденом, 2.08.2023);

3) конкретные представители Украины и Европы: *Зеленский, как персонаж, особенно труслив* (В. Соловьев, 3.07.23); *Американская мразь, подонок Кирби, якобы адмирал – это ты виновен в гибели наших коллег* (В. Соловьев об атаке американскими кассетными боеприпасами, унесшей жизни военного корреспондента и мирных жителей, 23.07.23); *Смотришь на этих людей и думаешь: вы, правда, такие тупые? А потом смотришь в лицо Блинкена и понимаешь: но они реально, они просто феноменально не просто лживые, но и глупые люди! Дурак, но просто старый дурак! Ты хотя бы открой историю своей страны за последние 20 лет. Из тебя миротворец, как из дерьма пуля. Риторическое восклицание-призыв, выражающее крайнюю степень экспрессии, заканчивается уже ироничной радостью: Ну, очнись! Но зато я очень рад, что именно ему поручено выстраивать отношения с КНР* (В. Соловьев об Э. Блинкене, 2.08.2023);

4) различные общества и национальные группы, которые можно условно назвать «нерусские»: *Америка – это империя зла* (Д. Евстафьев, 3.07.2023);

5) русские, воспринимающиеся как предатели: *Лагодинский – типичная мразь, сбежавшая из нашей страны, эмигрировавшая и быстро предавшая свое прошлое. А что ж ты, негодяй, не возмущаешься по поводу уничтожения Сербии? А что ж ты, негодяй, не возмущаешься по поводу Ближнего и Среднего Востока? А, ты же себя к новоколонизаторам относишь. Ненавижу таких!* (В. Соловьев, 14.08.2022); *Наши либерасты. Мразь, выступившая против СВО. Есть такая певица ртом. Фамилия на А. (пауза)... Арбенина. Смердящая интеллектуальная дерьмо-позиция, вся эта мразь, сбежавшая из страны. Она же не способна зарабатывать. Плевочки либерального дерьма в спину воюющей страны* (В. Соловьев об отношении к СВО Д. Быкова, Д. Милохина, Д. Арбениной и др. медийных личностей, уехавших из России, 6.07.2023); *Они хорошо чувствуют падаль. Они и есть падаль* (М. Евстафьев о русских, оставшихся в стране, но не согласных с решением правительства и президента, «Вечер с В. Соловьевым», 6.07.2023); *Что такое? Чубайс недоработал? Все пра-*

вительство 90-х пилило, пилило, да не выпилило. Вернуть бы их всех сюда! Кочов! Козыревых! Всех сюда! Чубайсов! Сюда! Со всем награбленным и разворованным. Пусть посидят на дорожку, а лет через 25, кто сможет, обратно (пауза). На Колыму. Ну так. Доброта же должна побеждать. Добро же всегда побеждает зло! (В. Соловьев, 2.08.2023). В последнем примере оратор обращается к вопросительно-восклицательной риторичности предложений для повышения интенсивности речевой атаки и углубления емкости оценочного фона фразы.

Выступления ведущего и приглашенных на ток-шоу содержат большое количество фраз, построенных на сравнении поведения русских и враждебных европейских: *Пока в нашей стране президент выступает гарантом права, в Америке некто Байден, который не может справиться ни с велосипедом, ни с полом, ни с травой, ни с трапом и продолжает здороваться с невидимыми миру людьми, пытается полностью подмять под себя существующие законы* (В. Соловьев, 2.08.2023); что приводит к появлению высказываний, противоречащих нормам толерантного общения.

В результате анализа и систематизации высказываний мы смогли выделить следующие формы проявления медийной агрессии:

1) обвинение: *Ты забыл что ли, кусок британского дерьма, сколько у тебя их там погибло?* (В. Соловьев в адрес британского сотрудника спецслужб, главы МИ-6 Р. Мура, предложившего защиту тем россиянам, которые предадут свою страну); *Чубайс – предатель родины. Если хочешь, подай на меня в суд* (В. Соловьев, 23.07.2023);

2) угроза: *Идиотов, которые препятствуют, собрать в одну роту штрафную и забросить на фронт* (В. Соловьев о тех, кто против введения с сентября 2023 г. в качестве нового учебного предмета начальной военной подготовки, 23.07.2023); *Они пойдут до конца* (К. Шахназаров о западных противниках, 23.07.2023); *Если дернетесь, вопрос будет стоять о вашей государственности* (В. Соловьев передает слова В. Путина об Украине, 23.07.2023);

3) оскорбление: *Железный старик Джо Байден, из него сыплется кокаин* (В. Соловьев, 6.07.2023); *Тиньков, хорошо тебе, иудушка, радоваться, что с тебя британцы санкции сняли? Вкусненько тебе, гаденыш?* (В. Соловьев, 23.07.2023). Здесь мы кроме прямых оскорблений наблюдаем использование прецедентных феноменов: употребление имени литературного персонажа в нарицательном значении *лицемер* заменяет собой аргументацию, создается устойчивое метонимическое отношение «человек (Тиньков) – его характеристика (лицемер, подхалим)»;

4) ирония, колкость: *Мне Борреля жалко. Сад горит. Пытался сбежать в США. Его не пускают ни в один китайский ресторан. Может, он хотя бы «Дон Кихота» читал? Полностью отсутствует литературный вкус* (В. Соловьев, 5.07.2023).

Интонационная грубость также рассматривается нами как способ проявления медийной агрессии. В ток-шоу она представлена в использовании пренебрежительного тона или в резких восклицаниях, содержащих угрозу (*Они не*

очень верят, что мы жахнем, а мы жахнем! (Д. Евстафьев, 03.07.2023); Мы должны ответить симметрично, используя весь арсенал кассетных боеприпасов (В. Соловьев, 10.07.2023); в неоправданном повышении голоса; выделении частей слова (*эта премьерША или премьерКА* (В. Соловьев о Лиз Трасс, 23.01.2023); в пародировании языка отдельных личностей (*прибыля пойдут, новое мЫшление* (В. Соловьев пародирует М. Горбачева, 10.07.2023); в пародировании языка нации (это, как правило, немецкая и украинская речь): *Кайне идиотишен. Дас ист дибилитишен* (В. Соловьев, 3.07.2023), *Урсула фон дер Ляйен. Я, я* (В. Соловьев, 5.07.2023). Отметим, что В. Соловьев говорит преимущественно в высоком тоне. В своей речи он часто делает паузы, которые служат для выделения ключевых моментов, а также для того, чтобы дать аудитории время осмыслить сказанное. Все это сопровождается использованием закрытых поз (перекрывается зона контакта), сжатием кулаков.

В результате анализа высказываний можно выделить группы используемых языковых средств выражения агрессивности. Приоритетными средствами реализации медийной агрессии является: эмоциональная и оценочная лексика и фразеология (*марионеточный киевский режим, преступный террор, лживые сказки западных СМИ, продажные американские чинуши, пушечное мясо*), агрессивно маркированные аффиксы (*либерасты, премьерша, премьерка, чинуши*), различные стилистические средства: повторы, градация, риторические вопросы, риторические восклицания и обращения. Радует, что такое проявление агрессии, часто встречаемое в политических ток-шоу, как прерывание собеседника, которое мы фиксировали в других исследованиях [Калинина 2021: 378], не встречалось в изучаемом материале, что вселяет некоторый оптимизм.

Проведенный анализ показывает, что речевое поведение выступающих отражает общую тенденцию общественных взаимоотношений, а именно – возрастание агрессивности социума. Агрессия в современных политических ток-шоу выражается в навешивании словесных ярлыков, в иронии, оценочных номинациях, употреблении речевых клише т. п.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении сценариев речевой агрессии. Подобные исследования станут источником знаний, которые можно будет использовать во всех видах деятельности, связанных с эффективной коммуникацией.

Литература

1. Горелик П. Л., Русакова М. М., Куценко Л. В. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Том 15. – Выпуск 4. – С. 1242–1246.
2. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Ом. гос. ун-т. – Омск, 1999. – 284 с.
4. Калинина М. В. Коммуникативные неудачи: причины и следствия (на примере политических ток-шоу) // Известия Саратовского университета. Новая

серия. Серия Филология. Журналистика». – Т. 21. – Выпуск 4. – 2021. – С. 377–381.

5. *Красноперова Е. В.* Средства речевой агрессии, используемые в ходе предвыборной кампании // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2021. – №3. – С. 501–507.

6. *Лакофф Робин Т.* Вербальная агрессия vs. политкорректность // Жанры речи. – 2014. – №1–2 (9–10). – С. 69–73.

7. *Озюменко В. И.* Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. – 2017. – № 1 (21). – С. 203–220. [https://doi.org 10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220)

8. *Сковородников А. П.* О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антиподе // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3 (75). – С. 12–21.

Автор:

Калинина Маргарита Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы Волгоградского государственного института искусств и культуры, г. Волгоград, Россия; e-mail: kalinina_8181@mail.ru

Author:

Kalinina Margarita V. – PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian, Foreign Languages and Literature, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russia; e-mail: kalinina_8181@mail.ru

О. Ю. Кириллова, Н. С. Кириллова, А. С. Пушкин

**МИНИАТЮРА КАК ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА:
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ МИНИАТЮР РОБЕРТА ВАЛЬЗЕРА)**

Аннотация. В статье на материале коротких произведений швейцарского писателя Роберта Вальзера предпринята попытка определить жанровую специфику прозаической миниатюры. Сравнение с другими жанрами малых форм и комплексный анализ формальных, композиционных, содержательных и языковых особенностей произведений, опубликованных в сборнике «Kleine Dichtungen», позволяют определить прозаическую миниатюру как самостоятельный жанр символического характера о некотором аспекте жизни, выполненный с предельной точностью и детализацией изображения и представляющий собой цельное, завершенное произведение, основанное на авторских образах.

Ключевые слова: Р. Вальзер, жанр, малая проза, миниатюра.

O. Yu. Kirillova, N. S. Kirillova, A. S. Pushkin

**MINIATURE AS A GENRE OF LITERATURE:
THE PROBLEM OF DEFINITION
(BASED ON MINIATURES BY ROBERT WALSER)**

Abstract. In this article, based on the short works of the Swiss writer Robert Walser, the authors try to determine the genre specificity of prose miniatures. Comparison with other genres of small forms and a comprehensive analysis of the formal, compositional, content and linguistic features of the works published in the collection “Kleine Dichtungen” make it possible to define the prose miniature as an independent genre of a symbolic nature about some aspect of life, made with extreme accuracy and detail of the image and representing a complete finished work based on the author's images.

Keywords: R. Walser, genre, short prose, miniature.

Понятие миниатюры обладает широким смыслом и обычно связывается с объектами или произведениями искусства, имеющими малые размеры. Термин «миниатюра» часто употребляется в контексте театра, цирка, эстрады, где говорят о скетчах, разговорных сценках, хореографических или музыкальных номерах, эстрадных или клоунских постановках. В литературе долгое время «миниатюра» ассоциировалась с коротким рассказом, пьесой, интермедией и другими жанрами малых форм. Таким образом, устанавливалось равенство между термином «миниатюра» и понятием «малый». В Литературной энциклопедии 1929-1939 гг., под редакцией В. М. Фриче и А. В. Луначарского можно прочитать

следующее определение: «Миниатюра – термин, заимствованный из живописи и иногда используемый в литературоведении для обозначения небольшого драматического или лиро-эпического произведения» [Литературная энциклопедия 1929–1939].

Однако В. А. Дынник при попытке дать определение миниатюры применительно к произведениям художественного слова подчеркивает необходимость уточнения границ жанровых форм малых размеров, указывает на формальные, композиционные и содержательные отличия миниатюры. По ее словам, миниатюра отличается от других литературных форм, таких как рассказ или повесть, своим предельно малым объемом, который в количественном отношении идентичен авторской концепции. Это делает миниатюру уникальным случаем, когда авторская идея занимает все текстуальное пространство произведения. Миниатюры могут варьироваться от нескольких компактных предложений, как, например, миниатюра „Der Knabe“, состоящая из восьми предложений, до более развернутого текста.

В прозаической миниатюре в отличие от других жанров малых форм представлен лишь некий сюжетный элемент. В то время как в романе, повести, рассказе, пьесе действие является прагматикой текста, способом существования текста, действие в миниатюре имеет символический характер и часто представлено условно, штрихами, где детали играют роль не столько в смысловом плане, сколько для создания яркой картины. Законченность «фабулы» миниатюры не является сюжетной законченностью, а представляет собой смысловую завершенность символа, поэтому можно утверждать, что миниатюра основывается на символе, а не на действии. Элементы сюжета в миниатюре служат исключительно для формирования законченности символа и для его символической природы. Примерами таких символических сюжетов, где затрагивается некий аспект жизни, и являются миниатюры «Kleine Dichtungen» Роберта Вальзера.

В такого рода символическом сюжете преобладает восприятие автора внешнего мира, авторский анализ внешней ситуации на основе информации, полученной из окружающего мира, преимущественно природы, местности, как, например, в миниатюрах „Mittagspause“, „Fußwanderung“, „Nächtliche Wanderung“, „Spazieren“, „Die Einladung“, „Der nächtliche Aufstieg“, „Die Landschaft“, „Der Mond“, „Ein Nachmittag“, „Die kleine Schneelandschaft“, „Die Stadt“, „Das Gebirge“, „Sonntagmorgen“, „Eine Stadt“, „Spaziergang“, „Kleine Wanderung“, „Der Morgen“, „Der Ausflug“, „Schnee“, „Der Heidenstein“, „Der Waldberg“, „Herbstnachmittag“, „Der Felsen“, „Der Berg“, „Die Vaterstadt“, „Das Grab der Mutter“, „Abend“ и т.д. Свои наблюдения над людьми или их душевным состоянием, а также животными, живущими с людьми, Р. Вальзер запечатлел в миниатюрах „Der Nachen“, „Pierot“, „Frau von Twann“, „Die Insel“, „Der Kuß“, „Johanna“, „Der Bursche“, „Der Knabe“, „Rinaldini“, „Der Schäfer“, „Der Dichter“, „Das Liebespaar“, „Das Mädchen“, „Das Veilchen“, „Die Kapelle“, „Der Tänzer“, „Der Träumer“, „Der Pole“, „Der Doktor“, „Der Hanswurst“, „Ausgang“, „Die Millionärin“, „Die Schneiderin“, „Der Jagdhund“, „Das Kätzchen“ и др.

Воспринимающий внутренний мир практически не является предметом изображения. Динамика миниатюры отображает процесс формирования определенного явления, которое одновременно является проблемой и выводом. В этом смысле миниатюру можно сравнить с ускоренными кадрами рождения бабочки из кокона. В этом процессе рождения новой формы важнее не само движение сюжета превращения куколки в бабочку, а символическое значение этого перехода, которое оно выражает. В этом контексте стоит отметить, что в современном мире, характеризующемся постоянными социальными изменениями и ускорением восприятия времени, зафиксированный автором момент в миниатюре может быть наиболее точным и приближенным к истине.

Миниатюра, в отличие от байки, анекдота, короткого рассказа и других литературных форм, не является повествовательной или рассуждающей формой. Она не служит для воспоминаний или подведения итогов и выводов, как в случае с короткими мемуарами, афоризмами или высказываниями. Вместо этого миниатюра фиксирует значимое состояние или действие, содержащее конкретный и выразительный символический смысл. Именно присутствие этого символического значения отличает миниатюру от художественных зарисовок и описаний, таких как ритмическая проза или стихотворения в прозе. Однако важно отметить, что миниатюра позволяет автору выразить любую задуманную идею, будь то решение глобальных вопросов или изображение частной ситуации. Основная цель миниатюры – создание яркой и изящной картины с четким замыслом и одним сюжетно-семантическим рядом, который служит для передачи задуманного смысла. Так, при анализе миниатюр швейцарского писателя Роберта Вальзера можно заметить, что они содержат символы внутренних, преимущественно положительных состояний, таких как радость, восторг, воодушевление, легкая эйфория, и касаются широкого круга вопросов, таких как взаимоотношения человека с обществом или природой.

Несмотря на сверхкраткий объем, символический характер сюжета, миниатюра всегда сохраняет свои пропорции, является завершённым произведением. Несмотря на то, что она затрагивает глобальные темы, она не представляет собой урезанный фрагмент или какой-то отдельный момент произведения, а, наоборот, сжимается для того, чтобы сохранить свою сущность и пропорции. В миниатюре символизм позволяет увидеть в малом значимое, в случайном проявлении – закономерность, в крошечной детали – целый мир. Простым и характерным примером, который приводит В. Дынник, является необходимость показать «солнце в маленькой капле воды» [Дынник 1925]. Роберт Вальзер стремится в рамках миниатюры обратить внимание на закономерности целого явления. Он замещает образ всего лишь намеком на него, представляет некую часть вместо целого, извлекает экстракты жизни: человека в одной фразе, душевное переживание на одной странице, пейзаж в одном слове.

Малые размеры миниатюры приводят к ряду ее характеристик в художественном плане, где основное внимание уделяется «тщательности отделки и изящности», как отмечает В. Дынник [Дынник 1925]. Это аналогично миниатюрной живописи, где необходимы проницательный взгляд и уверенная рука

мастера. Кроме того, стоит отметить, что яркая стилистика, мелодика играют важную роль в миниатюрной прозе, подобно тому, как важны краски в миниатюрной живописи. В этом аспекте миниатюра схожа с поэтическими формами, но отличается от них наличием эпического составляющего.

Отличительными чертами миниатюры являются также полная замкнутость, завершенность и самодостаточность. Она не может быть продолжена и не является продолжением. Если вставить миниатюру в текст, ее границы не будут размыты, она останется отдельным и вставным куском. В итоге, суммируя эти два условия, можно сказать, что миниатюра – это некий атом в прозаическом мире, неделимый и не смешиваемый с окружающим.

Таким образом, миниатюра представляет собой компактное, неделимое и завершенное литературное произведение, основанное на авторских образах. Она не рассказывает, а демонстрирует, обладает динамикой мысли, которая не развивается по четкой сюжетной линии, а сфокусирована на определенной ситуации. Миниатюра обладает пропорциональностью композиции и изящностью в своем исполнении. Важной особенностью миниатюры является наличие знакового смысла, аллегории и доминирующего символического аспекта, а также общей темы, проблемы или конкретного вопроса. Эти элементы характеризуют миниатюру, делая ее уникальной и привлекательной формой словесности.

Литература

1. *Дынник В. А.* Миниатюра // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 1. А– П. – Стб. 443– 445. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4434.htm> (дата обращения: 30.08.2023)

2. *Литературная энциклопедия.* – В 11 т. – М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. – 1929–1939. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://rus-literature-enc.slovaronline.com> (дата обращения: 30.08.2023)

3. *Walser R.* Kleine Dichtungen. – Leipzig: Kurt Wolff – 1914. – 1. Aufl. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL : www.gutenberg.org/files/37128/37128-h/37128-h.htm (дата обращения: 30.08.2023)

Авторы:

Кириллова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: kirillowa@bk.ru

Кириллова Наталья Станиславовна – студентка 5 курса факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: kirillova.01@bk.ru

Пушкин Александр Сергеевич – студент 5 курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: 2001.sanya@mail.ru

Authors:

Kirillova, Olga Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of European Languages and Linguodidactics, Yakovlev University, Cheboksary, Russia, e-mail: kirillova@bk.ru.

Kirillova, Nataliia Stanislavovna – 5rd year student of the Faculty of Foreign Languages, specialization “Pedagogical education”, training profiles “English” and “German” of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia, e-mail: kirillova.01@bk.ru.

Pushkin Alexandr Sergeevich – 5rd year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law, specialization “Pedagogical Education”, training profiles “History” and “Social Science” of the Chuvash State Pedagogical University. I. Ya. Yakovleva, Cheboksary, Russia, e-mail: 2001.sanya@mail.ru.

Н. С. Кириллова, О. Ю. Кириллова, А. С. Пушкин

АФОРИЗМЫ АЛЬФРЕДА ПОЛЬГАРА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Данная работа посвящена анализу лингвостилистических особенностей афоризмов известного австрийского писателя, фельетониста, мастера малых форм Альфреда Польгара. В работе рассмотрены характерные черты и особенности афоризмов, понятие «индивидуальный стиль», исследованы примеры афоризмов и выделены основные стилистические средства, используемые писателем в своих афоризмах. В заключении выделены стилистические средства юмора и сатиры как проявление индивидуального стиля А. Польгара.

Ключевые слова: афористика, Альфред Польгар, стилистические средства юмора и сатиры, индивидуальный стиль.

N. S. Kirillova, O. Yu. Kirillova, A. S. Pushkin

APHORISMS OF ALFRED POLGAR AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Abstract. This article is devoted to the analysis of the linguistic-stylistic features of the aphorisms of the famous Austrian writer, feuilletonist, master of small forms Alfred Polgar. The work studies the characteristic features and peculiarities of aphorisms, the concept of “individual style”, examines examples of aphorisms and highlights the main stylistic means used by the writer in his aphorisms. In conclusion, the stylistic means of humour and satire are highlighted as a manifestation of A. Polgar’s individual style.

Keywords: aphorism, Alfred Polgar, stylistic means of humor and satire, individual style.

Афоризмы являются микротекстом, однако играют немаловажную роль в плане хранения и передачи информации. Во-первых, они обобщают определенные общественные явления, во-вторых, в такой емкой и лаконичной форме носитель языка выражает свое отношение к действительности. Более того, исследования показывают, что афоризмы довольно популярны среди носителей языка. Проблемам афористики посвящены работы многих отечественных и зарубежных лингвистов: Иванова Е. Е., Федоренко Н. Т., Кулишкиной О. Н., Х. Бальмера, Х. Фрике, Ф. Шпикера. Многие их работы посвящены определению лингвистического статуса афоризмов. Например, Ф. Шпикер пишет, что афоризм, являясь предметом афористической саморефлексии, долгое время не был объектом научных исследований [Spicker 2004]. Однако после публикации монографии Харальда Фрика в 1984 году родился серьезный интерес к опреде-

лению афоризма как отдельной лингвистической единицы. Несмотря на это, афоризмы все еще являются предметом живых споров в языковедческих кругах.

Если мы обратимся к различным лингвистическим энциклопедиям, таким как «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990, 2002), «Языкознание» (1998, 2000), то обнаружим, что в них вообще отсутствует термин афоризм. Согласно Герхарду Фигуту, причина этого кроется в том, что афоризмы обладают противоречивой структурой: противопоставление языковой краткости и мысленно-идейной широты или субъективной позиции и претензии на универсальность [Fieguith 1994]. Еще одна проблема заключается в том, что не все тексты, опубликованные под заголовком «Афоризмы», таковыми являются, и наоборот: авторы афоризмов обычно не обозначали так свои произведения, поэтому существует огромное множество терминов для того, что мы называем афоризмами: например, И. Г. Гердер называл их «мыслями», Ф. Шлегель – «фрагментами» или «идеями», а Канетти «записями» [Lamping 1991]. Итак, термин афоризм прошел несколько этапов развития и только к концу 18-го века он и его значение в немецком языке стали совпадать.

Х. Фрике одним из первых в немецкой лингвистике продемонстрировал намерение дать однозначное определение термину афоризм. По его словам, афоризм представляет собой „ein Nichtfiktionaler Text in Prosa in einer Serie gleichartiger Texte, innerhalb dieser Serie aber jeweils von den Nachbartexten isoliert, also in der Reihenfolge ohne Sinnveränderung vertauschbar; zusätzlich in einem einzelnen Satz oder auch anderweitig in konziser Weise formuliert oder auch sprachlich pointiert oder auch sachlich pointiert“ [Fricke 1984: 23]. Согласно Х. Фрике, афоризмы характеризуются несколькими облигаторными чертами: изолированность, прозаическая форма, нефикциональность, а также альтернативными чертами: однопредложность, краткость, языковая «изюминка» и фактическая «изюминка» [Fricke 1984: 24]. Однако С. Федлер считает, что таким образом любая фраза может быть афоризмом независимо от ее изолированности [Fedler 1992]. Обобщая подходы ученых к определению исследуемого лингвистического явления, можно сказать, что в наиболее общем смысле афоризм – это краткое изречение в форме законченного высказывания, в котором выражена обобщенная мысль теоретически значимого содержания.

Целесообразно выделить лингвистические признаки афоризма. Доктор филологических наук, профессор Е. Е. Иванов выделяет облигаторные и факультативные признаки афоризмов. К облигаторным он относит однофразовость: ограничивает максимальный линейный объем афоризма и характеризуется смысловой законченностью; универсальную обобщенность значения – данное свойство является также дифференциальным; номинативность: выражает универсальное всеобщее и вневременное утверждение; дискурсивную автономность: характеризуется способностью сохранить целостность формы и содержания и независимость от контекста в любых дискурсах. К факультативным, по его мнению, относятся сверхсловность: заключается в том, что афоризм состоит из слов и словосочетаний и воспринимается как целостная едини-

ца; текстовая форма: состоит в способности афоризмов существовать и воспроизводиться в речи как однофразовые тексты; идиоматичность: характеризуется как переосмысление одной части или отдельных компонентов афоризма; выразительность или эстетичность словесной формы. К факультативным свойствам в функциональном плане и облигаторным – в субстанциональном плане Е. Е. Иванов относит такие характеристики, как воспроизводимость: характеризуется тем, что афоризмы по своей природе повторяются в речи; устойчивость: способствует воспроизводимости и определяется как сохранение лексической организации и синтаксической структуры афоризма при его воспроизведении в речи [Иванов 2020].

Таким образом, афоризм является объектом пристального внимания многих лингвистов, так как характеризуется оригинальностью, лаконичностью и выражается в краткой и запоминающейся форме. Афоризмы представляют разные стороны жизни человека и мировоззрение автора. В связи с этим можно сказать, что анализ афоризмов того или иного автора позволит глубже понять как биографические моменты жизни писателя, так и его индивидуальный художественный стиль.

Индивидуальный стиль, или идиостиль, представляет собой систему содержательных фактических и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора. На практике индивидуальный стиль реализуется с помощью различных стилеобразующих средств, которые и отличают то или иное произведение от других ему аналогичных [Виноградов 1963]. Идиостиль отражает уникальную картину мира писателя и его понимание действительности посредством индивидуального использования языка.

Сюжеты произведений Альфреда Польшара включают в себя множество случайных эпизодов из жизни в Вене и Берлине. Польшар долгое время работал редактором в различных газетах. Его творчество отличается острым афористическим языком, который сформировался во время посиделок в венском «Централе». В «Theorie «des Café Central» Польшар описывает кафе как убежище, где люди «должны убивать время, чтобы время не убило их», как «организацию неорганизованных» [Polgar 1926]. Польшар, помимо прочего, писал ироничные и выразительные заметки в жанре фельетона. Легкий тон и афористическая краткость отражают его желание напрямую общаться с широкой публикой. Несмотря на это, во многих его пьесах, написанных в 1930-е гг., появляются размышления о насилии и новой политической реальности, которая Польшару казалась «печальным и покинутым богом» местом. Безусловно, это связано с приходом к власти национал-социалистов.

В работе Г. Ровольта «Das große Polgar-Lesebuch» Польшар выступает как беспощадно острый на язык театральный критик, за что его побаивались в начале 20 в. Г. Ровольт называет его мастером ядовитой похвалы [Rowohl 2003]. Такие замечания действительно имели место быть, так как Польшар умело формулировал свою критику. Даже его главная «жертва», драматург Артур Шницлер, признавал талант критика, несмотря на все возмущение, что он чувствовал вследствие постоянных замечаний со стороны критика-острослова.

Р. Мюллер в своем эссе «Interview mit Alfred Polgar» так пишет о А. Польгаре: „*Eine ernste Unterredung mit Alfred Polgar zustande zu bringen, ist für einen Mann von Literatur schwieriger, als eine Forelle mit der Hand zu fangen <...> Polgar lässt die Dinge laufen, wie sie behaupten es zu können; er sieht ihnen bloß zu und beschreibt sie. Aber seit Busch hat niemand ihre Misere so boshaft freundlich beschrieben wie er*“ [Müller 1926].

При жизни его оценивали как выдающегося автора и мастера малой формы. Стиль Польгара сразу привлекает внимание своим тонким юмором и простой формой изложения, словно он это делает для удобства цитирования. Но это вовсе не значит, что в его работах нет глубокого смысла. В своих работах Польгар освещает множество межличностных и социальных проблем, но все же так и не избавился от клейма писателя, от которого не стоит ожидать серьезного произведения. В письме к А. Нойману он жаловался на то, что его считают только фельетонистом: „*Ich bin seit Jahr und Tag als Feuilletonist stigmatisiert*“ [Polgar 1926].

Итак, язык Польгара отличается выразительностью, лаконичностью и афористическими выражениями, а главным оружием, которое использовалось писателем для критики тех или иных произведений или общественных проблем, являлись ирония и сатира, которые представляют наибольший интерес для данной работы. Именно эти средства выражают индивидуальный стиль Альфреда Польгара, его мировоззрение и понимание действительности.

Основным средством, на котором построены его афоризмы, является игра слов на основе амфиболии или, другими словами, двусмысленности. Например, „*Eine mit Schlagworten gehrfeigte Zeit produziert eine geschwollene Literatur*“ [Polgar. Zitate]. Здесь ирония строится на актуализации прямого и переносного значений слов *Schlagworte* и *geschwollen*. Первый элемент существительного *Schlagwort* образован от глагола *schlagen* (бить), что отражает прямое значение, переносное значение актуализируется в производном слове *Schlagwort* (слоган). Причастия *geschwollen*, которое выступает определением к существительному *Literatur*, можно перевести как «напыщенный», однако это причастие также имеет и прямое значение «распухший», что создает иронический эффект. Ирония подчеркивается, в том числе, и словосочетанием *gehrfeigte Zeit*. Так Польгар предпринял попытку высмеять время, когда серьезные тексты уходят на второй план, литература становится некачественной и утрачивает свою эстетическую функцию. Такая же игра слов возникает в следующем афоризме: „*Ich beherrsche die deutsche Sprache, aber sie gehorcht nicht immer*“ [Polgar. Zitate], где актуализируются два значения глагола *beherrschen*, который в прямом значении «править» предполагает, что кто-то должен повиноваться, в связи с чем Польгар и использует глагол *gehören*. В примере „*Außer dem Licht wird nichts auf Erden so häufig gebrochen wie das Recht*“ [Polgar. Zitate] актуализируются два значения глагола *brechen* – прямое «преломлять» и переносное «нарушать». В такой ироничной форме автор указывает на несправедливость, существующую в мире, когда нарушаются нормы права. Следующий афоризм „*Von andern Pflanzen unterscheiden sich Schauspieler dadurch, dass sie eintrocknen, wenn sie*

nicht in die Presse kommen“ [Polgar. Zitate] также строится на игре слов, в которой актеры сравниваются с растениями, которые засушивают под прессом. Именно в выражении „*in die Presse kommen*“ и реализуется амфиболия, так как актуализируется прямое значение «быть под прессом» и переносное – «попасть в прессу».

Рассмотрим следующее стилистическое средство – парадокс. В примере „*Das Plagiat ist vielleicht die aufrichtigste Form der Verehrung*“ [Polgar. Zitate]. Польгар с помощью этого средства иронично подчеркивает, что плагиат – это вовсе не некая форма уважения, это воровство. Также парадокс используется в афоризме „*Ohne Grund*“ *ist der triftigste Grund für das Aufhören einer Liebe*“ [Polgar. Zitate], где писатель иронизирует над людьми, которые не могут объяснить свои чувства к партнеру и сформулировать какой-то ясный ответ. Такие ситуации происходят так часто, что „*ohne Grund*“ становится веской причиной.

Антитеза, помимо прочего, также используется Польгаром, например, „*Liebe ist ein privates Weltereignis*“ [Polgar. Zitate]. Здесь противопоставляются два слова *privat* и *Weltereignis*. Этим автор хотел подчеркнуть, что любовь в личной жизни человека играет важную роль, возможно, роль мирового масштаба. На антитезе строится и афоризм „*Emigrantenschicksal: Die Fremde ist nicht Heimat geworden. Aber die Heimat Fremde*“ [Polgar. Zitate], где друг другу противопоставлены понятия *Heimat* и *Fremde*. Так Польгар не только освещает проблемы эмигрантов, но и указывает на свою биографию.

Еще одним стилистическим средством, вызывающим интерес, является климакс, например, „*Weibliche Fürsorge hat etwas Erschreckendes: heute geht sie ans Hemd, morgen an die Haut, übermorgen unter die Haut*“ [Polgar. Zitate]. Климакс построен на возрастании степени женской заботы.

Польгар также использует сравнения: например, „*Witz ist das Niesen des Gehirns. Dabei ist ein immer witziger Mensch genauso unausstehlich und unappetitlich wie ein Kerl mit chronischem Schnupfen, aber ohne Taschentuch*“ [Polgar. Zitate], где он говорит, что шутка – это чихание мозга, а люди, которые постоянно шутят, похожи на паренька с хроническим насморком. С помощью сравнения Польгар иронизирует над своими коллегами-писателями, которые во всем ищут некий глубокий смысл, даже если его там вовсе нет: „*Schriftsteller, die ununterbrochen nach Tiefgang suchen, kommen mir vor wie Taucher in einer Badewanne*“ [Polgar. Zitate]. Критик сравнивает таких писателей с водолазами, которые пытаются что-то найти в ванне.

Итак, Альфред Польгар критикует общество в целом, межличностные отношения, свое окружение, коллег, литературу, социальные проблемы и даже себя самого в частности. От такой искусной и ироничной критики никому не удалось скрыться. Среди стилистических средств юмора и сатиры в афоризмах Польгара можно выделить следующие: игра слов, а именно амфиболия; антитеза; парадокс; климакс; сравнение. Все эти средства используются с целью достижения юмористического эффекта, что подчеркивает индивидуальный стиль А. Польгара.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – Москва : Академия Наук СССР, 1963. – 251 с.
2. *Иванов Е. Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. № 4. – С. 659–706.
3. *Fedler S.* Der Aphorismus. Begriffsspiel zwischen Philosophie und Poesie. – Stuttgart : M. u. P. Verlag, 1992. – 229 S.
4. *Fieguth G.* Nachwort. Deutsche Aphorismen. – Stuttgart, 1994. – S. 352–392.
5. *Fricke H.* Aphorismus. – Stuttgart, 1984. – 184 S.
6. *Lamping D.* Der Aphorismus // Formen der Literatur: in Einzeldarstellungen. Hrsg. von Otto Knörrich. – Stuttgart, 1991. – S. 21–27.
7. *Meister des vergifteten Lobes* : Deutschlandfunk. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://www.deutschlandfunk.de/meister-des-vergifteten-lobes-100.html> (дата обращения: 30.08.2023).
8. *Müller R.* Interview mit Alfred Polgar. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL : <https://www.projekt-gutenberg.org/musil/essays/chap005.html> (дата обращения: 30.08.2023).
9. *Polgar A.* Theorie des «Café Central» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL : <https://www.yumpu.com/de/document/read/46583055/alfred-polgar-theorie-des-cafe-central-1926> (дата обращения: 30.08.2023).
10. *Polgar A.* Zitate – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: <https://1000-zitate.de/autor/Alfred+Polgar/> (дата обращения: 30.08.2023).
11. *Rowohlt H.* Alfred Polgar. Das große Lesebuch / H. Rowohlt. – Zürich : Kein & Aber, 2003. – 426 S.
12. *Spicker F.* Der Deutsche Aphorismus Im 20. Jahrhundert: Spiel, Bild, Erkenntnis / F. Spicker. – Berlin : Walter de Gruyter, 2004. – 1012 S.

Авторы:

Кириллова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: kirillowa@bk.ru

Кириллова Наталья Станиславовна – студентка 5 курса факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: kirillova.01@bk.ru

Пушкин Александр Сергеевич – студент 5 курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: 2001.sanya@mail.ru

Authors:

Kirillova, Olga Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of European Languages and Linguodidactics, Yakovlev University, Cheboksary, Russia, e-mail: kirillowa@bk.ru.

Kirillova, Nataliia Stanislavovna – 5rd year student of the Faculty of Foreign Languages, specialization “Pedagogical education”, training profiles “English” and “German” of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia, e-mail: kirillova.01@bk.ru.

Pushkin Alexandr Sergeevich – 5rd year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law, specialization “Pedagogical Education”, training profiles “History” and “Social Science” of the Chuvash State Pedagogical University. I. Ya. Yakovleva, Cheboksary, Russia, e-mail: 2001.sanya@mail.ru.

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений, произошедших в антропонимике российской телевизионной рекламы с 2020 г. Проведя исследование, автор подтверждает положение о том, что антропонимы – это ядро любого рекламного ономастического пространства.

Ключевые слова: антропоним, антропонимическое пространство, национальный ономастикон, рекламный текст.

O.V. Kirpicheva

ANTHROPONYMIC SPACE OF MODERN RUSSIAN TELEVISION ADVERTISING

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes which occurred in the anthroponymicon of modern Russian commercials since 2020. Having carried out the research, the author concludes that anthroponyms are the core of any advertising onomastic space.

Keywords: anthroponym, anthroponymic space, national onomasticon, advertising text.

Анализ материала, собранного в период с 2020 по 2023 гг., позволяет утверждать, что реклама на российском телевидении претерпела значительные изменения по сравнению с предыдущими периодами, начиная с 1990-х годов, которые мы исследовали в наших работах [Кирпичева 2007, 2012 и др.]. В связи с уходом с российского рынка большого количества зарубежных компаний на авансцену вышли российские поставщики и производители. Чаще всего на телевидении в настоящее время транслируется реклама банковских услуг и кредитных организаций (*Сбер, Тинькофф, Россельхозбанк* и др.), второй по численности группой выступает реклама мобильной связи (*МТС, Билайн, Мегафон, Tele2*), далее маркетплейсы и социальные сети (*Озон, Самокат, Вайлдбериз, VK, Яндекс*), продукты питания российского производства (*Петелинка, ИндиЛайт, Вкуснотеево, Сибирская коллекция*), магазины техники (*Эльдорадо, М. Видео*), аптеки (*Магнит аптека, Здравсити, ЕАПТЕКА*) и др.

Несмотря на все эти существенные изменения и трансформации российского рекламного рынка составители рекламных текстов все так же уверены, что «имена собственные являются мощнейшим орудием воздействия на человеческое сознание, потому что с их помощью можно добиться контролируемого, а самое главное прогнозируемого влияния не только на отдельную личность, но и на население целой страны» [Кирпичева 2012: 74].

В данной статье мы проанализируем антропонимы, которые были получены методом сплошной выборки из российских телевизионных рекламных роликов последних лет (2020 – 2023 гг.).

Отличительная черта современного рекламного текста, как особого лингвистического феномена, указывает на значительный объем его ономастического пространства, которое постоянно расширяется и пополняется все новыми единицами.

Самыми частотными онимами в телевизионной рекламе обозначенного периода, как выявил анализ 307 роликов, являются антропонимы. Под антропонимами мы понимаем словесные знаки, которые служат для индивидуализирующей номинации людей. Уточним, что антропоним – это не только имя собственное, официальное присвоенное отдельному человеку, но также и его дериваты – все это формирует антропонимическое пространство рекламного текста. По нашим наблюдениям, антропонимы в рекламных текстах представляют собой функционально нагруженные единицы. В этом можно убедиться на примере рекламных текстов, которые преимущественно представлены популярными именами из национального именника, а также их уменьшительно-ласкательными формами.

Это Люся. Люся давно в Яндекс Плюсе; Это Антон, который заказал все это на Ozon fresh, чтобы сделать сюрприз своей семье; Миша, здесь тебе не Испания. А во «Вкусно – и точка» – Испания!

По нашему мнению, чаще всего сейчас в рекламе акцент делается на образ обычного человека. Если раньше реклама была более товароориентированной и освещала его фактические свойства и характеристики, то сейчас особое внимание обращается на то, чтобы вызвать у потребителей эмоциональный отклик за счет ярких образов, запоминающейся мелодии и других креативных приемов. Следовательно, у потребителя формируется определенный комплекс чувств и эмоций, побуждающий совершить покупку / воспользоваться услугой.

В данном случае уместно будет упомянуть о том, что антропонимы в современной телевизионной рекламе, как и в предыдущие периоды, ассоциативно соотносятся со следующими когнитивными категориями «национальная самобытность», «достоверность/ надежность», «необычность/экзотичность».

Проведенный анализ отобранных роликов выявил, что наиболее частотной когнитивной категорией является категория «национальная самобытность». С ней ассоциативно связаны типичные и самые распространенные имена собственные, отражающие национальную самобытность. Преимущественно это однокомпонентные формы именования.

Серёжа, закажи. Здравсити – лекарство с доставкой; – Катя, смотри, это он. – Он самый, только теперь он Гранд. Ваш любимый Гранд с большой, сочной котлетой, тающим сыром, луком и огурчиками. Грандиозно. Вкусно и точка; О, горе мне! Продуктов дома нет, а за окном гроза! Придётся оплатить доставку. – Макс, хорош ломать комедию. Дешевле заказать всё впрок на неделю. Доставка бесплатно. Закупайтесь на Vprok.ru – это выгодно.

Вторым по распространенности однокомпонентным видом именованья является использование полного или паспортного имени, что свидетельствует о серьезности, формальности, тем самым рекламодатель создает официальную атмосферу. Было замечено, что в рекламе полные имена используются для номинации специалистов, как например, в рекламе услуг на сайте Авито. *Петр. Ремонт квартир под ключ.*

Также довольно часто встречается антропонимическая формула «имя + фамилия».

Борис Вильчицкий (керамист-гончар) – Раньше я работал в офисе и мечтал превратить любимое хобби в профессию. Было сложно решиться. Потом стал самозанятым и завертелось. Своё дело. Своя мастерская. И продолжаю расти. Заказов становится всё больше. Уже работаю с юрлицами. Оформите самозанятость в Сбер и пользуйтесь полезными сервисами для вашего дела — бесплатно. СберБизнес – видим возможности.

Как было установлено, имена собственные рекламных персонажей стали реже способствовать формированию когнитивной категории «*достоверность/надежность*». К этой категории чаще всего относят имена известных людей в данной лингвокультуре, что усиливает степень влияния на потребителя. В отличие от телевизионных рекламных роликов 2000-х – 2010-х, которые изобиловали прецедентными именами, в современной телевизионной рекламе нередки случаи их имплицитного / невербального употребления. В рекламном видеоряде представлены известные люди, что помогает реализовать важную рекламную стратегию: продвижение товара на рынке. Таким образом, потенциальный покупатель бессознательно ассоциирует себя со знаменитостью и готов приобрести товар / услугу. Примечательно, что в настоящее время известных актеров / певцов / шоуменов приглашают для рекламы не предметов роскоши, как это чаще всего было до 2020 г., а для рекламы самых распространенных / используемых в быту товаров и повседневных услуг.

К примеру, гимнастка Ляйсан Утяшева рекламирует услуги Газпромбанка, актер Вадим Галыгин – магазин техники «Эльдорадо», актер Сергей Гармаш – Почтабанк, актеры Константин Хабенский и Марина Кравец – банк «Открытие», актриса Марина Александрова – услуги связи «Мегафон», певица Надежда Бабкина – Россельхозбанк.

В приведенных случаях имена всех упомянутых выше знаменитостей не называются, а подразумеваются.

Однако есть рекламные ролики, в которых известные люди играют роль обычных потребителей, поэтому партнеры по рекламе обращаются к ним подружески, используя одиночное имя, что указывает на равенство статусов и довольно высокую степень близости отношений.

Например, в рекламе банка МТС снимаются ведущий Дмитрий Нагиев и актер Александр Петров.

– *Дима, я тут в МТС Банке. Ты же тут свой? Подсоби там, чтобы не ждать.*

– *Спасибо. Человечище.*

– *Дим*, балуешь. Заправился, мне тут такой кэшбэк пришел.

– *Сашиа*, хватит.

– *Добрые дела любят тишину*.

– *Дима*, ну снова кэшбэк. А ведь я сначала думал, что я тебе сильно не понравился.

– *Нет, Сашиа*, в начале ты мне меньше не понравился.

– *Понял, отстал. Спасибо за всё, что ты для меня сделал.*

– *Ничего я для тебя не сделал, это МТС.*

Приведем еще один пример. Певец Дмитрий Маликов рекламирует маркетплейс «Озон»:

Дима остался с ребенком. Заказал ему торт со сгущенкой, хлеб, колбасу, чипсы с солью, джойстик с игровой консолью. Всё это на Озон Экспресс.

Таким образом, гипокористические формы обращения известных людей друг к другу настраивают потребителей на установление особого эмоционального контакта.

В рекламных роликах из нашей картотеки также есть примеры, в которых в качестве специалиста становятся не знаменитости, а специалисты из определенной сферы.

Например, реклама кадрового центра «Работа России». Главными героями ролика выступают главный специалист отдела профориентации – *Анна Шуберт*, главный специалист отдела профориентации и обучения – *Светлана Егорова*, главный специалист центра занятости населения – *Мария Горобцова*.

По мнению В. В. Ученовой, эффективность подобных рекламных акций может оказаться действительно высокой, поскольку в подобных текстах используется психологический расчет на пиетет читателя перед интеллектуальным, знающим собеседником, профессионалом своего дела [Ученова и др. 2003: 24].

Из рекламных роликов удалось отобрать довольно мало примеров рекламы, которые соотносятся с когнитивной категорией «необычность / экзотичность», что, несомненно, связано с тем, что сейчас реклама стала направленной на формирование патриотических ценностей и отражение национально-культурных норм и традиций. С этой категорией тесно связаны прозвищные имена, действующие на суггестивном уровне, что создает эффект необычности и комичности.

– *Миша роза в целлофане. Продавала чёрный гриб. Илья Наташиного Саши. Пупырочка. Директор сладкой жизни. Бывший не брать.*
– *Неважно, кому вы переводите или платите, важно, что без комиссии и ограничений. Альфа Банк – лучший мобильный банк.*

И еще один пример в подтверждение того, что использование прозвищных имен делают рекламные ролики легко запоминающимися и придают им некий юмористический оттенок.

Это Таня. Хотя неделю назад её звали Таня-чайник. А это Дима, ранее известный как Дима-окно. Ещё они были Таня-свет. И даже Дима-увлажнитель. Но так их звали, пока не появился Умный дом с Алисой; Лишь

на четыре дня в году **Граф Ожидакула** превращается в Покупакулу. Чёрная пятница на Озон. Разбуди в себе Покупакулу.

Итак, проанализировав полученный материал, мы пришли к выводу о том, что несмотря на кардинальные перемены на российском рекламном рынке, имена собственные, являясь частотными знаками рекламного текста, как и прежде, обладают огромным прагматическим потенциалом. Вместе с тем рекламный ономастикон стал более национально самобытным.

Литература

1. *Кирпичева О. В.* Антропонимическое поле рекламы 90-х гг. // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 6. – С. 74–79.
2. *Кирпичева О. В.* Ономастическое пространство рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2007. – 222 с.
3. *Ученова В. В., Шомова С. А., Гринберг Т. Э., Конаныхин К. В.* Реклама: палитра жанров. – М.: РИП–холдинг, 2003. 100 с.

Автор:

Кирпичева Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград, Россия; email: kirpichoffa@bk.ru

Author:

Kirpicheva Olga V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia; email: kirpichoffa@bk.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ВЫРАБОТКИ НАВЫКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматриваются способы и средства развития мышления обучающихся в процессе подготовки к поступлению в высшие военные учебные заведения, в ходе совершенствования языковых навыков и культуры речи. Анализируются особенности дидактических материалов, применяемых в Академии гражданской защиты МЧС России на курсах по подготовке к сдаче единого государственного экзамена по русскому языку, где применяются упражнения не только репродуктивного, но и развивающего, творческого, проблемного характера, что способствует повышению качества таких мыслительных операций, как анализ, синтез, сравнение и обобщение.

Ключевые слова: мышление, мыслительные операции, русский язык и культура речи, алгоритмы, дидактические материалы, подготовка к единому государственному экзамену.

T. F. Krushinskaya

IMPROVING THE MENTAL ACTIVITY OF STUDENTS IN THE PROCESS OF DEVELOPING SKILLS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article discusses the ways and means of developing students' thinking in preparation for admission to higher military educational institutions in the course of improving language skills and speech culture. The features of didactic materials used in the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the courses on preparation for the unified state exam in the Russian language are analyzed, where exercises are used not only reproductive, but also developmental, creative, problematic nature, which contributes to improving the quality of such mental operations as analysis, synthesis, comparison and generalization.

Keywords: thinking, mental operations, Russian language and speech culture, algorithms, didactic materials, preparation for the unified state exam.

Актуальность обращения к проблеме развития мышления обучающихся в процессе совершенствования их правописных навыков и культуры речи обусловливается тем, что выпускнику среднего учебного заведения при сдаче единого государственного экзамена по русскому языку нужно уметь применять свои знания не только при выполнении стандартных тестовых заданий, но и при написании сочинения, причём с определённой аналитикой и проявлением достаточно высокого уровня развития мышления и речи.

Советский лингвист и психолог доктор психологических наук, профессор Н. И. Жинкин в диссертации «Механизмы речи» утверждал: «Речь – это канал развития интеллекта» [Жинкин 1958: 86], а доктор психологических наук А. А. Леонтьев подчеркнул тесную взаимосвязь и неотделимость речи и мышления как процессов [Леонтьев 2001]. Действительно, становление и развитие любой личности в социуме проходит через наблюдения за элементами объективной действительности, их осмысление, а также получение чьих-то и создание своих текстов и своего отношения к ним, а взаимодействие в обществе – через умение выстроить адресно ориентированный текст с той или иной субъективной (выраженной или невыраженной) модальностью. В этом контексте для нас особенно важно совершенствовать мышление обучающихся посредством системных языковых тренировок, в том числе по русскому языку.

Уже на первых занятиях курсов по подготовке к ЕГЭ в Академии гражданской защиты МЧС России (АГЗ МЧС России) обучающиеся, выполняя диагностические задания, показывают, умеют ли применять теоретические знания на практике в новой нестандартной ситуации, использовать изученные и усвоенные ранее понятия, правила. Абитуриенты, получившие высокие баллы по диагностическому тестированию, конструируют схемы предложений, сравнивают конструкции, правильно определяют главную мысль текста, проявляя при выполнении поставленной перед ними задачи как уровень обученности и обучаемости, так и степень развития мышления.

На занятиях по русскому языку слушатели курсов учатся правильно оценивать языковые факты и отбирать стилистические средства в зависимости от задач, содержания, сферы, условий общения, формируют языковую, речевую и коммуникативную компетенции.

В процессе освоения учебного материала по грамматике обучающиеся, дифференцируя грамматические свойства слов, конструкций, совершенствуют мыслительные операции. Занятия по морфологии и синтаксису предполагают осознание частей речи и синтаксических единиц не только самих по себе, но и их связей и отношений с различными сторонами языка, а это, в свою очередь, помогает осмысленному усвоению языка в целом.

Приведём для примера упражнение, которое выполняют на занятии слушатели курсов.

Выпишите из текста «В России создали шлем для спасателей с дополненной реальностью» [Академия 2022: 20] сначала предлоги, затем союзы, частицы, а потом модальные слова. Укажите и сравните их функции.

Анализ функций служебных частей речи в тексте развивает мышление обучающихся, так как при решении грамматических задач выполняются следующие логические операции: сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение и конкретизация.

Операция сравнения проходит, когда сопоставляется значение анализируемых слов: частицы вносят оттенки значения слов в предложение, а модальные слова помогают говорящему или пишущему выразить своё отношение к содержанию высказывания с точки зрения уверенности в реальности, достоверности,

точности того, о чём он сообщает; сравнивается и синтаксическая роль морфологических единиц: смысловые частицы членами предложения не являются, так как не отвечают ни на какие вопросы, модальные слова тоже не являются членами предложения, но по другой причине: употребляются в качестве вводных конструкций.

Анализируются при выполнении упражнения классификационные группы слов: *вроде бы* – частица смысловая, выражающая сомнение, *даже* – частица смысловая, усилительная, *именно* – частица смысловая, уточнительная, *только* – частица смысловая, выделительно-ограничительная; *допустим* – модальное слово, выражающее предположение, вероятность сообщаемой информации, *вообще* – модальное слово, выражающее в данном контексте уверенность, указывающее на приём оформления мыслей.

В ходе работы с текстом участвует в мышлении обучающихся и операция синтеза (когда они обобщают свои знания о частях речи и делают вывод о частеречной принадлежности каждого слова), проходит операция абстрагирования (при поиске слов абитуриенты абстрагируются от конкретного значения каждого слова другой части речи, то есть видят существительные, которые обозначают предметы в грамматическом значении, глаголы, которые обозначают действие, безлично-предикативные слова, которые выражают состояние или характеристику действий, нередко с модальной окраской и оценкой, но являются сказуемыми в предложении), обобщения (все характеристики слов обобщаются и делается вывод о том, какие слова в тексте – предлоги, какие – союзы, частицы, а какие – модальные слова) и конкретизации (каждое выписанное слово получает свою характеристику в ответе на занятия).

Важность данного упражнения заключается не только в том, что в результате правильного выполнения становится ясна расстановка знаков препинания в контексте, но и в том, что содержание задания требует активной мыслительной деятельности: обучающиеся сравнивают грамматические свойства частей речи, делают вывод о правильности выполнения задания, то есть развивают способность сознательно оценивать принятые решения.

Активизация мышления обучающихся осуществляется благодаря применению на занятиях заданий творческого характера, таких как составление предложений, в состав которых входят определённые морфологические или синтаксические единицы. Данный вид упражнений практикуется при работе с грамматическими категориями слов, например, даётся задание употребить в предложениях на заданную тему причастия, деепричастия, слова в определённой форме. Таким же способом дифференцируются слова с различными приставками, суффиксами или без них (например, слова *сказать*, *высказать* – *высказывать*, *предсказать* – *предсказывать*).

На этапе обобщающего повторения орфографии и пунктуации совершенствуется логическое мышление обучающихся: слушатели курсов оперируют систематизированными знаниями для получения вывода о правильном написании слов или постановке знаков препинания. Правильно построенным рассуж-

дениям присущи такие признаки, как обоснованность, последовательность и связность. Именно в таком случае пишущий создаёт грамотный текст.

На занятиях по орфографии применяются алгоритмы, которые нацеливают на «пошаговую» умственную деятельность при работе с орфограммой. Действия обучающихся при выборе правильного написания становятся логичными, и эти действия совершенствуются в каждой новой правописной ситуации.

При отсутствии упорядоченности умственных действий обучающиеся, например, при выборе слитного или раздельного написания НЕ с разными частями речи хаотично вычлениают различные признаки: то определяют часть речи, где это не требуется (например, в слове «нездоровится»), то ищут синоним к слову, что не помогает определить написание НЕ с причастиями, то определяемые слова называют зависимыми и т. д. Часто признак, определяющий написание, всё-таки изыскивается, но на это уходит много времени, которого просто нет в реальной речевой практике.

В процессе освоения предметного содержания лингвистической деятельности вырабатываются способы теоретического анализа языкового материала, благодаря чему создаются психологические предпосылки развития мышления обучающихся, необходимого как для написания сочинений, так и в целом для дальнейшего обучения. Достижению высокого уровня мыслительной деятельности, развитию способности к осознанному выполнению экзаменационных заданий по русскому языку способствует выполнение упражнений по классификации орфограмм. Для подтверждения данной мысли приведём пример упражнения из пособия «Орфоэпия, орфография и пунктуация», используемого на курсах в АГЗ МЧС России [Крушинская 2015: 36].

Вставьте пропущенные буквы. Укажите вид безударной гласной.

- 1. Смеяться над умными людьми – пр..в..легия глупцов. (Жан де Лабрюйер)*
- 2. Самое неоспоримое св..детельство бессмертия – это то, что нас к..тегорически не устраивает любой другой в..риант. (Ралф Эмерсон)*
- 3. Пусть нам звездою путеводной святая истина г..рит. (А. Н. Плещеев)*

Определяя вид безударной гласной в словах, обучающиеся занимаются классификацией, то есть операцией процесса мышления, которая требует умения выделять существенные признаки предметов. Важно убедить абитуриентов в том, что необходимым условием совершенствования знаний по орфографии и пунктуации является правильно построенное рассуждение, которое может быть создано на основе алгоритма, таблицы или лаконичного текста правила.

Работа по повышению грамотности слушателей курсов в АГЗ МЧС России на занятиях по русскому языку гармонично сочетается с работой по развитию мышления. Это возможно лишь при разумном использовании наиболее эффективных форм, методов и средств обучения. Активизации мыслительной деятельности обучающихся, формированию критического мышления, творческих способностей, самостоятельности способствует применение дидактических материалов, позволяющих реализовать проблемный метод обучения.

Литература

1. В России создали шлем для спасателей с дополненной реальностью // Академия гражданской защиты МЧС России. – 2022. – № 44. – С. 20.
2. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи / Н. И. Жинкин. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 370 с.
3. *Крушинская Т. Ф.* Русский язык: Орфоэпия, орфография и пунктуация: Для иностранных обучающихся : учеб. пособие. – Химки : АГЗ МЧС России, 2015. – 254 с.
4. *Леонтьев А. А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. – 448 с.

Автор:

Крушинская Татьяна Фёдоровна – кандидат педагогических наук, преподаватель отдела довузовской подготовки Академии гражданской защиты МЧС России, г. Химки, Россия; e-mail: krushinskaya_tf@mail.ru

Author:

Krushinskaya Tatyana Fyodorovna, candidate of pedagogical Sciences, teacher of the department of pre-university training of the Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, city of Khimki, Russia; e-mail: krushinskaya_tf@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы чувашской дериватологии. Среди них вопросы разграничения словообразовательных и словоизменительных значений, статуса форм с залоговыми значениями и так называемых сложных глаголов, создания универсального терминологического аппарата.

Ключевые слова: категория залога, словообразовательные значения, категория аспектуальности, терминологический аппарат.

ON SOME ISSUES OF WORD FORMATION IN THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. The article discusses some issues of Chuvash derivatology. Among them are the issues of differentiation of word-formative and inflectional meanings, the status of forms with voice meanings and so-called complex verbs, the creation of a universal terminological apparatus.

Keywords: voice category, word-formative meanings, aspectuality category, terminological apparatus.

Изучение вопросов, относящихся к уровню словообразования, сопряжено с определенными сложностями в связи с его особым положением в языковой системе. Именно это положение является причиной тех проблем, которые возникают при описании данного процесса в тюркских языках. В настоящей статье мы представим краткий обзор некоторых вопросов, существующих в чувашском языкознании в области словообразования, к которым относятся: 1) разграничение словообразовательных и словоизменительных значений и установление статуса форм с залоговыми значениями; 2) установление статуса так называемых сложных глаголов; 3) создание универсального терминологического аппарата. Конечно, список этих вопросов не является окончательным, так как тюркская дериватология в настоящее время представляет собой развивающуюся область исследования, границы которой еще не до конца установлены [Есипова 2011: 3].

О разграничении словообразовательных и словоизменительных значений и статусе форм с залоговыми значениями

Вопрос о том, какие значения мы считаем деривационными, или словообразовательными, и на каком основании мы отличаем эти значения от значений словоизменительных (реляционных), на наш взгляд, является одним из основных в словообразовании. Сам факт выделения словообразовательного значения стал «важным шагом в теории языкознания» [Земская, Кубрякова 1978: 114], и

к изучению этого уровня в системе языка, по нашему мнению, необходимо подходить именно с точки зрения семантики и функций формальных показателей. Такой подход поможет наиболее адекватно определить существующие в языке отношения между элементами его системы.

Среди критериев определения границ между словообразованием и словоизменением Н.А. Баскаков отмечал разграничения между «отношениями лексико-семантическими» (словообразование) и «отношениями чисто синтаксическими» (словоизменение) [Баскаков 1986: 5]. По мнению известного тюрколога В.Г. Гузева, все значения, передаваемые языковыми знаками, делятся на: вещественные, классифицирующие, в результате синтеза которых образуются знаменательные лексические значения, а также служебные и словообразовательные [Гузев 1987: 32–34]. При этом к грамматическим значениям (то есть к тем, которые передаются посредством технического преобразования слов) относятся – классифицирующие, служебные и словообразовательные значения.

Нам представляется, что выведение словообразовательных значений в отдельную группу оправданно, так как, во-первых, словообразовательные процессы происходят не только при помощи технического преобразования слов (случаи конверсии), а во-вторых, в семантическом плане они все же отличаются от собственно грамматических (словоизменительных) значений. Именно поэтому словообразование занимает отдельный уровень в системе языка.

В противопоставлении словоизменительных и словообразовательных значений нам важно выявить тот семантический фактор, который позволяет четко разграничить одни от других. Для начала отметим, что и те, и другие значения противостоят лексическим значениям вследствие выполнения ими чисто служебных функций. Но словоизменительные значения при этом не нарушают единства внутреннего содержания знаменательного лексического значения слова, они лишь дополняют его некой служебной информацией. Словообразовательные значения, напротив, преобразуют лексическое значение исходного слова таким образом, что оно «становится образом иных элементов объективной действительности, иных реалий» [Гузев 1987: 34].

Про отличительные признаки словообразования пишет Е.С. Кубрякова, выделяя среди них следующие: 1) создание производного как нового наименования с новой смысловой структурой происходит на базе уже существующих единиц языка; 2) создание производного завершается возникновением новой морфологической структуры, обладающей статусом слова; 3) в структуре производного наименования всегда повторяются знак или знаки, или части знаков, содержащиеся в исходной мотивирующей единице; 4) повторяемость знаков может иметь самую разную форму; 5) производное наименование представляет собой новое слово, поэтому его формальные характеристики не повторяют в своей совокупности тех, которые присущи исходному слову; 6) создание производного всегда осуществляется в ходе применения определенной формальной операции к источнику деривации и др. [Кубрякова 1981: 22–23].

Указанные отличия и особенности словообразовательных значений полностью подтверждаются на материале чувашского языка. Опираясь на эти функ-

ционально-семантические свойства, в каждом конкретном случае можно определить тип передаваемого значения, однако самым важным критерием все же необходимо считать способность создавать (или не создавать) новую лексическую единицу. Собственно, спорные случаи при определении типа значения могут возникнуть лишь тогда, когда техническое преобразование слова происходит в рамках одной части речи, так как факт перехода в разряд другой части речи уже сам по себе сигнализирует о словообразовательной природе совершенных над словом операций. При именном словообразовании, по нашему мнению, вряд ли вообще стоит утверждать о наличии таких спорных случаев, так как и при аффиксальном способе словообразования, и в процессе словосложения производные слова определенно представляют собой уже другую лексическую единицу: *хуҫа* «хозяин» + *-лӑх* = *хуҫалӑх* «хозяйство», *пулӑ* «рыба» + *-ҫӑ* = *пулӑҫӑ* «рыбак», *пай* «часть» + *-таш* = *пайташ* «соучастник»; *йёке* «веретено» + *хӳре* «хвост» = *йёке хӳре* «крыса», *сӗтел* «стол» + *пукан* «стул» = *сӗтелпукан* «мебель». Однако у глагольных форм подобные случаи имеются. В области аффиксального способа к ним обычно относят присоединение к основе залоговых аффиксов: *тат* «рвать» + *-ӑл* = *татӑл* «рваться», *палла* «знать, узнавать» + *-ш* = *паллаш* «знакомиться», а в области словосложения – сочетания двух и более глаголов по типу: деепричастие + личная форма глагола, традиционно называемые в чувашском языкознании *сложными* (или *сложно-составными*) *глаголами* [Егоров 1957: 177–182].

В истории изучения чувашского языка аффиксы со значениями залогов практически всегда рассматривались в качестве деривационных. Так, В.Г. Егоров в разделе «Глагол» коллективной монографии «Материалы по грамматике современного чувашского языка» также рассматривает формы залогов в качестве словообразовательных. При их описании он отмечает, что создаваемые в процессе присоединения залоговых аффиксов к основе производные глаголы «частично (выделено нами – Э.Л.) меняют свое основное значение и принимают новые формы, соответствующие русским залогам и частично арабским породам» [Егоров 1957: 166]. Однако по представленным автором формулировкам залоговых значений видно, что никакой речи о возникновении новых лексических единиц здесь не идет.

В труде В.И. Сергеева «Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке» категории залога посвящен отдельный параграф [Сергеев 2002: 232–238]. Интересно, что он включен автором в раздел «Словоизменение глаголов». Однако в ходе рассуждений ученый все же приходит к выводу, что возникновение залоговых форм больше относится к словообразованию, чем к словоизменению. Свои выводы он объясняет, во-первых, обусловленностью (или мотивированностью) семантикой исходной основы глагола, во-вторых, отсутствием тотального распространения этих форм, что, по сути, является следствием первого фактора.

В чувашском языке подобные формы действительно не обладают достаточной продуктивностью и распространенностью. Однако подобная зависимость (или мотивированность) и, вытекающая отсюда нетотальность данной

категории присутствует и в системах других тюркских языков. Так в татарском языке форма страдательного залога образуется от пятой части всех глаголов, а взаимно-совместного залога от третьей их части [Зиннатуллина 1997: 162]. Эти характеристики являются, если можно так выразиться, сущностными, определяющими само содержание понятия «залог» в тюркских языках. Не каждое действие может по определению принимать семантику страдательности, быть возвратным или совершаться более чем одним субъектом. Категория залога этим и отличается от других, «тотальных» категорий глагола.

Мы считаем, что вопрос о статусе форм с залоговыми значениями должен решаться, прежде всего, с учетом соотношения семантики исходной и производной основ, а не на основе формальных признаков. Главное, на что необходимо ориентироваться в определении этого статуса это факт возникновения (или отсутствия возникновения) в результате присоединения соответствующего аффикса к основе нового вещественного значения у производного слова. На наш взгляд, в случае с залоговыми аффиксами этого не происходит. Значение исходной основы лишь дополняется новыми субъектно-объектными характеристиками. Следовательно, можно говорить о наличии в чувашском языке отдельной словоизменительной глагольной категории залога.

О статусе так называемых сложных глаголов

Еще один вопрос в области словообразования чувашского языка – это определение грамматического статуса так называемых *сложных глаголов*, образованных по модели деепричастие + личная форма глагола: *вуласа тух-* «прочитать», *чирлесе ўк-* «заболеть», *юрласа яр-* «запеть» и т.д. Подобные сочетания широко распространены в речи чуваш и всегда вызывали интерес у исследователей. Большинство ученых закрепляют за ними словообразовательный статус.

Основными доказательствами этому служат: обусловленность грамматического значения сочетания лексическим значением знаменательного глагола; нетотальность распространения вспомогательных глаголов; зависимость значения, передаваемого вспомогательным глаголом от контекста. Однако, несмотря, на кажущуюся убедительность приведенных выше доказательств, на наш взгляд, они не могут служить достаточным обоснованием для непризнания словоизменительного статуса подобных сочетаний. Как справедливо указывал Д.М. Насилов, в процессе образования сложного глагола вещественное значение его знаменательного компонента остается неизменным [Насилов 1989: 106]. Прав и В.Г. Гузев, утверждая, что аспектуальные значения несут информацию «о второстепенных свойствах действий, и не вызывают нарушение тождества лексического значения исходной глагольной основы» [Гузев 1988: 4]. Такие свойства подобных акциосартовых форм (этот термин здесь более уместен, чем термин «сложные глаголы») как нетотальность и зависимость от лексического значения знаменательного глагола и контекста, не могут браться за основу при доказательстве их, якобы, словообразовательной природы. Они представляют собой сущностные особенности категории аспектуальности, так как наличие в значении формы семантики того или иного способа действия, не может не зависеть от лексического значения знаменательного глагола. В связи с

этим мы придерживаемся мнения о словоизменительной природе значений способов действий.

О создании универсального терминологического аппарата

Отсутствие унифицированных терминов при описании фактов глагольного словообразования в чувашском языке представляет собой определенную проблему. И если в целом в тюркологии в последнее время наметился определенный процесс унификации терминологии, используемой в области дериватологии [Есипова 2011: 57–120], то в чувашском языкознании в этом вопросе пока еще наблюдается некоторый разнобой. В связи с этим мы считаем необходимым дать основные термины и понятия, применяемые для изучения чувашской дериватологии.

Способ словообразования – под этим термином понимается взаимодействие производящей основы и словообразовательного средства. В тюркских языках выделяют следующие способы словообразования: морфологический, синтаксический и семантический.

Словообразовательное средство – данный термин тесно связан с предыдущим понятием. Словообразовательные средства служат для приведения в действие того или иного способа словообразования. К этим средствам в тюркских языках относятся – аффиксы, сложные слова и изменение значения слова.

Словообразовательное значение – это значение словообразовательного средства, которое при взаимодействии с лексическим значением исходной основы, образует новое лексическое значение производной основы.

Словообразовательная система представляет собой с одной стороны совокупность всех единиц словообразовательного процесса, включая словообразовательные модели, производящие и производные основы, словообразовательные средства и др., а также принципы и правила, по которым осуществляются словообразовательные процессы.

Словообразовательный процесс – процесс создания новых слов, протекающий по определенным, сложившимся на протяжении всего времени существования и развития языка правилам и моделям и включающий в себя использование различных способов словообразования.

Словообразовательный (деривационный) аффикс – наиболее продуктивное словообразовательное средство в чувашском языке. Представляет собой специальную служебную морфему, обладающую словообразовательным значением. Сочетание словообразовательного аффикса с производящей основой приводит к образованию нового слова.

Исходная (производящая) основа – знаменательная морфема, служащая для создания новой производной основы при помощи словообразовательных средств.

Производная основа – знаменательная морфема, созданная от производящей основы при помощи словообразовательного средства и связанная с производящей основой отношениями словообразовательной мотивации.

В нашей статье мы коснулись только небольшого ряда вопросов, стоящих перед чувашским языкознанием в области дериватологии. От того, как будут

решены эти вопросы, будет зависеть дальнейшее развитие исследований, посвященных словообразованию глагола в чувашском языке. Нам это развитие видится, с одной стороны, в накоплении новых языковых фактов, с другой стороны – в осмыслении и обобщении накопленного материала на базе современной теории языка.

Литература

1. *Баскаков Н.А.* О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. – 1986. – № 2. – С. 3–11.
2. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 143.
3. *Гузев В.Г.* О категории аспектуальности // Советская тюркология. 1988. № 1. – С. 3–11.
4. *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. – С. 151–239.
5. *Есипова А.В.* Тюркское словообразование как языковая система. – Новосибирск: Изд-во Сибир. Отд-ния РАН, 2011. – 201 с.
6. *Земская Е.А., Кубрякова Е.С.* Проблемы словообразования на современном этапе // Вопросы языкознания. – 1978. – № 6. – С. 112–123.
7. *Зиннатуллина К.З.* Залоги глагола // Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1997. – С. 161–184.
8. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
9. *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. – Л.: Наука, 1989. – 207 с.
10. *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2002. – 300 с.

Автор:

Лебедев Эдуард Евгеньевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия; e-mail: edlebed@gmail.com

Author:

Lebedev Eduard Evgenievich – Candidate of Philological Sciences, Leading researcher of the philological direction of Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia; e-mail: edlebed@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ЗНАКА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В настоящей статье показано, что специфика функционирования имени собственного в художественном тексте предопределяется акцентуируемым автором литературного произведения компонентом структуры этого знака. Теоретическим основанием исследования взята компонентная структура означаемого Г. Фреге, в частности, используются выделенные им три типа эквивалентности знака; четвертый тип описан на основании работ А. Барулина. Отмечено, что способ реализации типа эквивалентности знака (формальной, смысловой, референтной и экстенциональной), основанный на соответствующей стратегии проекции, аналогии, замещения или редукции, обуславливает использование в художественном тексте таких приемов, как эффект обманутого ожидания, абсурд, парадокс; аллюзия и намек; развенчание и переозначивание; антифразис.

Ключевые слова: знак, имя собственное, денотат, референт, интенционал, экстенционал.

H. Lugowska

REALIZATION OF PROPER NAME EQUIVALENCE SIGN TYPES IN A LITERARY TEXT

Abstract. This article shows that the literary text's proper name functioning specificity is predetermined by the component of the structure of this sign accentuated by the author. The study's theoretical basis is the component structure of the signified by G. Frege, the three types of sign equivalence he identified in particular. The fourth type we describe after A. Barulin's works. The sign equivalence implementing method for formal, semantic, referential and extensional types based on the corresponding strategy of projection, analogy, substitution and reduction determines the use of such techniques as the effect of deceived expectations, absurdity, paradox, allusion, debunking, redesignation and antiphrasis.

Keywords: sign, proper name, denotate, referent, intensional, extensional.

Настоящая статья рассматривает вопросы, находящиеся на стыке литературоведения и семиотики, в той части, которая связана с функционированием имен собственных в художественном тексте. Имя собственное исследуется не просто как языковой знак или маркер художественного хронотопа, но как знак особого пространства герменевтики текста, в котором замысел автора взаимодействует с интерпретационной потенцией читателя. Воплощенная таким образом коммуникация автор-читатель реализуется во всем множестве возможных миров, где способность реального или воображаемого объекта (как и представ-

ления о нем) быть обозначенным знаком, а выраженного им смысла – указывать на обозначаемое знаком значение, неоднозначна и изменчива. Вместе с тем любые вариации знаковой структуры остаются узнаваемыми и отождествляются с условным инвариантом знака (как совокупного качества всех его представлений в возможных мирах) до тех пор, пока то, что скрепляет означаемое и означающее (в терминах Ф. де Соссюра), обеспечивает устойчивость знака. Именно эта связь обеспечивает узнаваемость знака вне зависимости от того, какие трансформации претерпевает его структура. Последние же, в свою очередь, определяют его вариантность, которая для каждого из возможных миров переопределяется в зависимости от того, какие из компонентов структуры знака теряют свою эквивалентность относительно инварианта.

Для целей нашего рассуждения мы будем использовать интерпретацию теории знака Г. Фреге [Фреге 1977] А. Барулиным и его же терминологию. Согласно предложенным А. Барулиным определениям, денотаты – *объекты и события реального мира, взятые как целое, референты – их аналоги (модели) во внутреннем мире адресанта и адресата, также взятые как целое, как точка; типы эквивалентностей знака: 1) эквивалентность означающих при различных означаемых; 2) эквивалентность интенционалов при различии означающих и референтов (денотатов) (означающие разные, референты разные, а интенционал – один и тот же); 3) эквивалентность референтов (денотатов) при разных означающих и интенционалах; <...> множество референтов (денотатов), которые могут в разных контекстах обозначаться данным знаком, будут называться экстенционалом данного знака [Барулин 1994].*

Материалом для исследования выбран неоднозначный знак – имя собственное. Неоднозначность этого знака обеспечена таким его свойством, как способность одновременно иметь только одного референта и обозначать класс предметов без потери уникальной референтной соотнесенности. Особый характер лексического значения имени собственного позволяет утверждать, что один и тот же знак имени собственного может одновременно маркировать такие базовые когнитивные операции, как категоризация и концептуализация, а также обеспечивать метафоризацию как способ категоризации и концептуализации мира. Гибкость и подвижность плана содержания знака имени собственного делает его незаменимым средством структурирования картины мира (всех возможных – реальных или вымышленных – миров), а вариации плана выражения могут быть использованы для построения карты того или иного возможного мира.

Так, например, имя *Ли́за* может указывать в речи на конкретного человека, быть кличкой кошки (как конкретной так и рассматриваться как кличка животного вообще), определять целый класс одушевленных предметов реального мира (все особи женского пола с таким именем) или быть маркером художественного типа (например, *Лизавета* в творчестве Ф. М. Достоевского), быть связанным с историческим персонажем (императрица *Елизавета Петровна*) или относить к фольклорно-мифологической традиции (*Лизавета Патрикеевна*, *Маву-Лиза*) – весь объем соотнесенностей и значений этого имени может

быть описан как компонент картины мира. Вариации же плана выражения этого компонента (имя полное, производное, сокращенное, с уточняющими элементами и без, реализованное графическими или фонетическими средствами разных языков), отобранные для реализации в том или ином возможном мире или группе миров, позволяют сократить объем прагматической, энциклопедической или лингвокультурной информации до контекстно необходимой для понимания смысла высказывания, в котором используется имя собственное. Для художественного текста последнее особенно важно – именем собственным можно не просто маркировать такие значимые компоненты карты возможного мира, как время, место и состав участников, но и задать качественные характеристики этого возможного мира.

Используя имя собственное в художественном тексте – реальное или вымышленное, – автор с его помощью задает условия коммуникации с читателем; сюжет в этом случае мыслится как вербализованное тело коммуникации, идея (идеи) произведения как интенция коммуникации, а имена собственные, известные и неизвестные читателю, определяют процессуальную карту коммуникации и намечают модель хронотопа произведения.

Время и пространство художественного текста, обозначенные (или намеренно не обозначенные) именами собственными, с одной стороны, воспринимаются читателем как характеристики особой пространственно-временной области, особый воображаемый мир или его фрагмент, а с другой, легко проецируются на пространственно-временные представления картины мира читателя. Энциклопедическая информация, которую способен использовать читатель для интерпретации имен собственных художественного текста, обеспечивает полноту этих представлений.

Так, например, неизвестные читателю или известные своей редкостью, необычностью имена могут указывать на особое качество воображаемого мира текста – фантастический или абсурдный мир; имена, опознаваемые как исторические (как принадлежащие конкретным личностям, так и стилизованные под историю) могут указывать на то, что сюжет развивается в прошлом (реальном и воображаемом); лингвокультурные, социолингвистические характеристики имен собственных подскажут читателю, на какой территории (страна, городская/сельская, др. местность) происходит описываемое; способ представления имен, например, людей для русской культурной традиции, может характеризовать их возраст, социальное положение, что также формирует представление читателя о хронотопе произведения в целом и его фрагментах в частности. Организация имен собственных не только намечает карту воображаемого мира, но и дает общее представление об идее текста – интенция, реализованная писателем, в том числе и при отборе имен собственных, воплощается в сложном переплетении смыслов, актуализуемых знаками имен собственных.

Далее мы рассмотрим четыре типа эквивалентности знака имени собственного художественного текста, а именно: эквивалентность при идентичности означающих и несовпадении означаемых (формальная эквивалентность), эквивалентность при идентичности интенционала и несовпадении означающих

и референтов (смысловая эквивалентность), эквивалентность референтов и денотатов при несовпадении означающего и интенционала (референтная эквивалентность) и эквивалентность при идентичности означающих, совпадении интенционала и несовпадении референтов (денотатов) (экстенциональная эквивалентность).

Проиллюстрируем способы реализации эквивалентности знака имени собственного на примерах имен некоторых персонажей романа Терри Пратчетта «Going Postal» [Pratchett 2004].

Реализация формальной эквивалентности как стратегия проекции

Для этого типа эквивалентности используются знаки-омонимы: имя наемного убийцы баньши *Mr. Gryle* созвучно английскому grill, а в английском сленге есть словечко gry, которое означает особое (как правило, сильное) качество чего или кого бы то ни было (характер качества определяется речевой ситуацией). Читатель воспринимает знак «гриль», который ничего не говорит ему о персонаже ровно до тех пор, пока мистер наемный убийца не сгорает в пожаре (гриль).

Читатель при первом упоминании имени персонажа узнает, что это страшный наемный убийца, то есть принимает к сведению содержательное наполнение предложенного автором знака. Вместе с этим наивное сознание актуализует смыслы, подсказанные формой знака: убийца gry – не определен, но ужасен, grill – вероятно, имеет дело с огнем (на этом этапе читатель вправе предположить, что это орудие убийств для баньши). На поверку, баньши выписан автором гиперболизировано настолько, чтобы довести проявление всех отрицательных черт до абсурда, а когда он парадоксальным образом становится «грилем», сгорая в пожаре, возникает комический эффект.

Проекция формы знака возможного мира читателя (который условно совпадает с реальным для обоих – читателя и автора) на форму знака воображаемого мира художественного текста позволяет реализовать такие художественные приемы, как эффект обманутого ожидания, прием абсурда, парадокса, и обеспечить эффективность коммуникации между автором и читателем.

Реализация смысловой эквивалентности как стратегия аналогии

В романе фигурирует персонаж по имени *Lord Vetinari* – авторитарный и легитимный правитель города. Его фамилия образована по модели Медичи – Ветеринари (с гаплогогией). Формально такая переключка только угадывается, эквивалентности означающих нет и нет связи с референтом Медичи, зато смысл языковой игры вполне прозрачен. Кстати, в переводах фигурирует написание Витинари, что затрудняет и так непростую задачу по разгадыванию этой языковой игры, ведь понимание схожести моделей образования фамилий Медичи и Ветинари, соответственно от «медик» и «ветеринар», требует известной эрудированности.

В данном случае схватывание эквивалентности интенционалов знака реального мира (возможного мира читателя) и возможного мира художественного текста обеспечивает более глубокое понимание образа за счет использования приемов аллюзии, намека. Однако коммуникация между автором и читателем

будет эффективна только при условии глубокого вдумчивого прочтения и наличием достаточных фоновых знаний у читателя.

Реализация референтной эквивалентности как стратегия замещения

В этом случае, напротив, имеем дело с несовпадением смысла при достаточности оснований для опознавания денотата (референта). *Мистер Помпа* (голем), как указано и в самом романе, действительно был помпой до того, как смог «ходить под солнцем и чувствовать ветер на лице» [Pratchett 2004] – отсюда его имя, которое, тем не менее, ничего не может нам сказать о его характере и месте в сюжете, потому что референт, который обозначен этим знаком, представляет собой трудолюбивого, терпеливого, сочувствующего, справедливого человека. Представляя образ положительного Человека (не вещи), автор означает его как неодушевленный предмет и наделяет значением «надзирающий офицер», но представляет под этим образом индивидуальность.

Используя знак «помпа» в отношении к референту возможного мира художественного текста и соотнося его с узуальным значением, автор последовательно переозначивает референт воображаемого мира читателя – происходит своеобразное развенчание представлений читателя о бездушном механизме, способном только выполнять приказы, – трансформированный таким образом знак обеспечивается совершенно иным интенционалом и означающее *Mr. Pump* не совпадает с означающим «помпа». Успешности коммуникации в данном случае способствует и сущностная готовность читателя (как любого человека) к олицетворению вещей и предметов, особенно если речь идет о вымышленном, сказочном мире.

Реализация экстенциональной эквивалентности как стратегия редукции

Главным героем романа является *Moist von Lipwig* – в каком-то смысле можно посчитать это имя говорящим, но во весь голос (или точнее во все голоса) «заговорит» оно только к концу повествования. В начале романа герой – удачливый мошенник, и имя *Lipwig* в качестве сленгового наименования усов как средства маскировки очень подходит этому персонажу. Приставка *von* как указание на место (сферу, область) происхождения не дает абсолютно однозначно отнести героя к мошенникам – он ИЗ мошенников. *Moist* как апеллатив опознается как «влажный, слезоточивый», но есть и такое имя *Moist* (по данным Dictionary of American Family Names, *Moist* – English (Devon): variant of *Moyse* 2 with excrescent -t [Dict... 2022]). То есть нашего героя зовут Моисей, а интенционал этого знака включает в себя в том числе и то, что Моисей говорил с богом – так и наш герой обращается за помощью к богам (симулирует состояние измененного сознания и общение с ними). То есть для имени *Moist* мы имеем дело с одним из множества референтов (денотатов), которые могут в разных контекстах обозначаться знаком Моисей (его вариантом *Moist*).

Читатель не может при первом знакомстве с героем опознать референт ни по смыслу, ни по лексическому значению. Референт на начало повествования не плачет (*moist* как апеллатив слезоточивый), не праведен и не богобоязнен, хотя позже обстоятельства складываются таким образом, что он замечен и за тем, и за другим. Так, происходит как бы редукция объема содержания знака,

который опознает читатель («слезоточивый» – буквальное значение (кстати, само имя Моисей в переводе с древнееврейского означает «взятый (спасённый) из воды») и «говорящий с богом» – символическое значение) до контекстуального объема (плачущий и говорящий с богами), актуализованного в романе, с помощью чего реализуется прием переименования, антифразиса.

Эффективность коммуникации для ситуации использования данного знака обеспечивается определенным уровнем языковой (нужно знать значение английского слова *moist*) и культурной (необходимо иметь представление о другом референте – библейском Моисее) компетентности. Ирония (а кое-где и сарказм), возникающая в ситуации соотнесения таких разных референтов, помогает автору провести своего героя по пути от беспринципного и эгоистичного потребителя социальных благ и пороков до сочувствующего, заботливого, заинтересованного в восстановлении справедливости, ответственного члена общества.

Таким образом, в настоящем исследовании мы рассматривали типы эквивалентности знака (по А. Барулину) на примере их функционирования в качестве стратегий коммуникационного взаимодействия между автором и читателем, обеспечиваемых различными способами трансформации знака имени собственного. Было выделено всего четыре стратегии: стратегия проекции, аналогии, замещения и редукции, соответствующие способам реализации разных типов эквивалентности (формальной, смысловой, референтной и экстенциональной), которые обусловили реализацию таких тактик, как эффект обманутого ожидания, абсурд, парадокс; аллюзия и намек; развенчание и переозначивание; антифразис.

Литература

1. *Ахметзянова Л. М.* Проблема семантики имени собственного // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-semantiki-imeni-sobstvennogo>
2. *Барулин А.* О структуре языкового знака (On Sign Design. Russian version) // Знак. – М., 1994. [Электронный источник]. URL: https://www.academia.edu/1974878/О_структуре_языкового_знака_On_Sign_Design_Russian_version_Знак_М_1994_Авторы_Alexander_Barulin
3. *Барулин А.* Основания семиотики. Знаки. Знаковые системы, коммуникация. Ч. 1. Базовые понятия. Эволюционная теория происхождения языка (Foundations of Semiotics. Signs. Sign Systems. Communication. Draft). Изд-во «Спорт и культура-2000». – 2002. – 464 стр.
4. *Боровикова Н. В.* Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – С. 13-19. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-kak-znak-v-yazyke-i-rechi>
5. *Гузнова А. В.* Семантический аспект изучения онимов // Балтийский гуманитарный журнал. – №3 (12). – 2015. – С. 7– 9.

6. Новикова О. Н. Аспекты когнитивного изучения имени собственного – антропонима // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №3 (028). – С. 90–93
7. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – Вып. 8. – М. – 1977. – С. 181–211.
8. Dictionary of American Family Names. 2nd edition, 2022.
9. Kripke S. Naming and Necessity. [Электронный ресурс]. – URL: http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/k/kripke_1.htm
10. Pratchett T. *Going Postal: A Novel of Discworld*. – HarperCollins, 2004.

Автор:

Луговская Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье; e-mail: lugowska@spsu.ru

Author:

Helena Lugowska – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Cross-culture Communication Assistant Professor, Pridnestrovian State University; e-mail: lugowska@spsu.ru

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ИХ ФУНКЦИИ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА «ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ»

Аннотация. Данная статья посвящена изучению функционирования кулинарных мотивов в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи». В работе освещаются исследования, которые направлены на раскрытие гастрономической темы в произведениях русских писателей. Отмечается, что мотив еды, как правило, сопровождает женские персонажи. Мотив еды в цикле «Тёмные аллеи» выполняет следующие функции: может дополнять и определять сюжет, служить значимой деталью характеристики образа персонажа.

Ключевые слова: И. А. Бунин, цикл «Тёмные аллеи», гастрономические образы, семантика, функции.

E. N. Malova, E. Y. Kosyakova

GASTRONOMIC IMAGES AND THEIR FUNCTIONS IN THE CYCLE OF STORIES BY I. A. BUNIN «DARK ALLEYS»

Abstract. This article is devoted to the study of the functioning of gastronomic images in the cycle of stories by I. A. Bunin «Dark Alleys». The relevance of the research is determined by the importance of highlighting classical works of art related to such an area of human life as gastronomy, the study of which gives an idea of the Russian culture of the XIX–XX centuries. Analyzing and comparing the functions of culinary realities in I. A. Bunin's prose, one can come to the conclusion that gastronomic images are the favorite artistic form of the Russian writer. The functions of gastronomic details in the cycle «Dark Alleys» are quite diverse: they can complement and define the plot, serve as a significant detail of the character's image characteristics, etc.

Keywords: I. A. Bunin, cycle «Dark alleys», gastronomic images, semantics, functions.

Гастрономические образы, мотив еды в литературных произведениях вызывают большой интерес у многих исследователей, так как изображение еды может выполнять в литературном тексте разнообразные функции, обладать целым рядом дополняющих друг друга значений, которые формируют полноценную картину от прочитанного, а также делают подтекст выпуклым, «осязаемым».

Изучению гастрономических образов в произведениях И. А. Бунина посвящены работы Д. А. Ичкинеевой [Ичкинеева 2011] Р. А. Саркисян [Саркисян 2022], Н. А. Иманбердиевой [Иманбердиева 2019], Т. А. Газиной [Газина 2020], А. Б. Капас [Капас 2021] и др.

Нельзя не согласиться с Р. А. Саркисян, отмечающей, что название блюда у Бунина может «стать деталью, дополняющей и определяющей топос произведения», характеризовать персонажей, сопровождать отношения между героями, а также выражать авторскую позицию [Саркисян 2022: 182].

Действительно, большое место в поэтике цикла И. А. Бунина отводится описанию места приема пищи / обстановки как характеристика персонажа. Так, в рассказе «Тёмные аллеи» встречаются следующие атрибуты кулинарной темы: самовар как символ гостеприимства, уюта, а также кухонная печь. Главный герой произведения, Николай Алексеевич, проезжает по одной из тульских дорог в холодное осеннее время и останавливается в длинной избе, где хозяйка – женщина, давняя знакомая, к которой герой в молодости испытывал трепетные чувства.

Горница, в которую попадает Николай Алексеевич, служит тем местом, где проезжий человек может *«отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар»* [Бунин 1966]. Спросить самовар – действие, описывающее процесс ожидания горячей воды, заваривания крепкого чая, а также приятные светские разговоры с хозяевами жилища. Так, включение в содержание вышеупомянутого словосочетания подразумевает тот факт, что герои в случае сложившихся обстоятельств, проведут теплый вечер за чаепитием и диалогами о жизни друг друга.

Далее, уже описывая саму горницу, автор отмечает: *«В горнице было тепло, сухо и опрятно: новый золотистый образ в левом углу, под ним покрытый чистой суровой скатертью стол, за столом чисто вымытые лавки; кухонная печь, занимавшая дальний правый угол, ново белела мелом; ближе стояло нечто вроде тахты, покрытой пегими попонами, упиравшейся отвалом в бок печи; из-за печной заслонки сладко пахло щами — разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом»* [Бунин 1966].

Все перечисленные составляющие облика дома создают портрет героини, которая принимает проезжего мужчину. В самом начале предложения автор с помощью обобщающих слов «сухо и опрятно» формирует главные личностные черты описываемой женщины – чистоплотность и трудолюбие. Последующие ряды однородных членов расширяют представление о хозяйке. *Стол, покрытый скатертью*, символизирует стремление к созданию уюта, красоты, *недавно выбеленная печь* – усердие, *запах щей с разварившейся капустой, говядиной и лавровым листом* – зажиточность, наличие немалых средств к существованию, ведь щи не «пустые».

Женщина приветствует своего гостя и спрашивает о желании поесть, не узнав предварительно, кем является сам проезжающий, целей его визита: *«Добро пожаловать, ваше превосходительство, — сказала она. — Покушать изволите или самовар прикажете?»* [Бунин 1966]. Такое начало диалога хозяйки дома с посторонним мужчиной может дополнить портрет героини ещё одной характеристикой – гостеприимность. Однако, согласно содержанию рассказа, Николай Алексеевич был сразу признан Надеждой, которая даже спустя тридцать лет помнит свою первую любовь. Желание узнать, не голоден ли давний знако-

мый, можно расценивать здесь как заботу, еще не угасшие чувства по отношению к собеседнику.

В следующем рассказе «Стёпа» И. А. Бунина в экспозиции предстает небольшая характеристика героя Красильщикова. Он молод, рос и учился в Москве, окончил там университет. *«Когда приезжал летом в тульскую усадьбу, похожую на богатую дачу, любил чувствовать себя помещиком-купцом, вышедшим из мужиков, пил лафит и курил из золотого портсигара, а носил смазные сапоги, косоворотку и поддевку»* [Бунин 1966]. Употребление лафита, французского красного вина, одного из основных видов импортного алкоголя, дополняет характеристику героя, стремящегося предстать перед другими как лицо значимое, важное, хотя и не являющимся таковым, – одежда разоблачает простое происхождение Красильщикова.

Такое стремление выдавать себя не за того, кем являешься, лживость, хитрость, расчетливость и изворотливость действительно свойственны Василию Алексеевичу. И дальнейшее развитие сюжета произведения доказывает это. Молодой человек остановился у еще совсем юной девушки Стёпы и посмел воспользоваться её кроткостью, наивностью и доверчивостью. Красильщиков обещает девушке взять её в жёны, однако это оказывается ложью. Через два дня он уже уезжает в Кисловодск.

И. А. Бунин прибегает к использованию символической детали, фрукта, наделенной отрицательной коннотацией, и характеризующей главную героиню в рассказе «Муза». Девушка с ярким именем Муза ведёт себя бесцеремонно: напрашивается в гости к малознакомому мужчине и, войдя в комнату, просит снять с неё ботинки, подать носовой платок из её пальто, заявляя: *«И прикажите, если у вас есть деньги, купить у Белова яблок ранет, – тут, на Арбате»* [Бунин 1966]. Яблоко здесь выступает как запретный плод, вкусив который обретишь несчастье. Встреча героя с девушкой не приносит ему счастья. Спустя некоторое время возлюбленный бросает ученье живописи, «она свое продолжала кое-как».

Появление Музы в произведении всегда сопровождается введением гастрономического образа фруктов (возможно тоже яблоками), а также порою дополняется упоминанием алкогольного напитка. Когда главный герой снял дачу за городом, девушка приезжала к нему: *«Подходил поезд, вываливались на платформу несметные дачники, пахло каменным углем паровоза и сырой свежестью леса, показывалась в толпе она, с сеткой, обремененной пакетами закусок, фруктами, бутылкой мадеры»* [Бунин 1966].

Увлечение Музой Граф не привело к благополучной развязке. Девушка оказалась легкого поведения и в финале произведения предпочла Завистовского – друга главного героя.

«Темные аллеи» – сборник рассказов о любви, поэтому в цикле часты описания девушек – возлюбленных главных героев. Однако автор прибегает к характеристике героев через гастрономические образы.

В произведении «В одной знакомой улице» повествователь бродит весенней парижской ночью по бульвару и вспоминает прошлое: студенческие годы и первую любовь.

Рассказчик мысленно погружается в прошедшие годы, и перед его глазами предстают разные фрагменты молодости: *«Были эти слабые, сладчайшие в мире губы, были от избытка счастья выступавшие на глаза горячие слезы, <...> когда я расстегивал ее кофточку, целовал млечную девичью грудь с твердым незрелой земляникой острием»* [Бунин 1966]. Главный герой, размышляя о девушке, которую любил, вспоминает каждую деталь её образа и проводит параллель между девичьей грудью и незрелой ягодой.

В произведении «Зойка и Валерия» Левицкий подавал знаки внимания Валерии Остроградской, которая отличалась роскошной красотой: *«На была очень хороша: крепкая, ладная, с густыми темными волосами, с бархатными бровями, почти сросшимися, с грозными глазами цвета черной крови, с горячим темным румянцем на загорелом лице, с ярким блеском зубов и полными вишневыми губами»* [Бунин 1966]. Автор подробно передает внешность героини, описание наполнено прилагательными (цвета – темные волосы, глаза цвета черной крови, темный румянец; текстуры и формы – крепкая, ладная, бархатные брови), обобщающее оценочное прилагательное – *очень хороша*, и для того, чтобы подчеркнуть её яркость и выразительность, сравнивает губы с вишней. На протяжении всего повествования главный герой, думая о Валерии, всегда вспоминает именно губы: *«Но при этой мысли так пронзало воспоминанье о бархатистости ее вишневых губ, что отнимались руки и ноги»* [Бунин 1966].

В описании того, во что одеты герои произведений, также встречаются сравнения с едой. В рассказе «Зойка и Валерия» Левицкий, студент пятого курса, часто приезжал в дом Данилевских и работал ассистентом. Медицинский халат героя был белоснежного цвета, автор здесь проводит параллель с сахаром, который часто имеет такой же оттенок: *«Пациентам Данилевского открывала дверь пожилая женщина в больничном платье, они входили в просторную прихожую, <...> и там долго ждали вызова в соседний кабинет, на допрос и осмотр к молодому ассистенту в сахарно-белом халате, и только уже после этого попадали к самому Данилевскому»* [Бунин 1966].

Таким образом, мотив еды в цикле произведений И. А. Бунина «Тёмные аллеи» объединяется с мотивом любви. И в этом мы согласны с современным российским литературоведом Дмитрием Быковым, который отмечает три главные функции мотива еды: первая – символическая (метафорическая), вторая, по его собственному определению, «еда – это существенный штрих в образе персонажа» и третья – противопоставление искусственности [Быков 2015].

Упоминание еды и напитков присутствует почти во всех произведениях бунинского цикла, причем в некоторых из них на меню героев автор останавливается подробно, в других говорит об этом вскользь.

Изучая кулинарные мотивы в цикле «Тёмные аллеи», можно заключить, что во многих рассказах они связаны с образами женщин. Гастрономические детали часто дополняют портрет героев (*белая теплая печь, сладкий запах щей,*

разварившейся капусты, говядины символизируют трудолюбивую, чистоплотную женщину; *яблоко и алкоголь* демонстрируют легкомысленность), характеризуют их внешность или внутренний мир (вишневые губы, сахарно-белый халат), также атмосферу произведения.

Анализируя и сопоставляя функции кулинарных реалий в прозе И. А. Бунина, можно прийти к выводу о том, что гастрономические образы – излюбленная художественная форма русского писателя. Функции гастрономических подробностей в цикле «Темные аллеи» довольно разнообразны: могут дополнять и определять сюжет, служить значимой деталью характеристики образа персонажа и др.

Литература

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. Т. 7. Темные аллеи. Рассказы 1931-1952 / А. С. Мясников, Б. С. Рюриков, А. Т. Твардовский. – М.: Художественная литература, 1966. – 399 с.

2. Быков Д. Л. Символика еды в мировой литературе / Д. Л. Быков // Лекторий «Прямая речь». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libreed.ru/simvolika-edu-v-mirovoj-literature.html> (дата обращения 1.05.2023).

3. Газина Т. А. Бунинские тексты как отражение русских традиций (национальная кухня конца XIX – начала XX века) / Т. А. Газина // Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья (к 150-летию со дня рождения И.А. Бунина) : материалы Всероссийской научной конференции, Елец, 24–26 сентября 2020 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2020. – С. 258–270.

4. Иманбердиева Н. А. Символика в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / Н. А. Иманбердиева // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2019. – Т. 1, № 5. – С. 152–156.

5. Ичкинеева Д. А. Аналитическая и синтетическая стратегии членения семантического пространства текста / Д. А. Ичкинеева // Филология и человек. – 2011. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskaya-i-sinteticheskaya-strategii-chleneniya-semanticheskogo-prostranstva-teksta> (дата обращения: 02.05.2023).

6. Капас А. Б. Предметный мир и его художественные функции в рассказах И. А. Бунина 1890-1900-х годов / А. Б. Капас // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 11-7(79). – С. 256–260.

7. Саркисян Р. А. Функции мотива еды в цикле Ивана Бунина «Темные аллеи» / Р. А. Саркисян // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 2(41). – С. 179–198.

Авторы:

Малова Елена Николаевна – студент 4 курса факультета истории, филологии, управления и права, группы «Русский язык и литература» Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: lana.malova.02@mail.ru

Косякова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: KEY82@yandex.ru

Authors:

Malova Elena N. – 4th year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law, group «Russian language and Literature» of the Chuvash State Pedagogical University. I.Ya. Yakovleva, Cheboksary, Russia; e-mail: lena.malova.02@mail.ru

Kosyakova Elena Yuryevna – Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: KEY82@yandex.ru

**ДИСТРИБУЦИЯ СВИСТЯЩИХ И ШИПЯЩИХ
В ПОЗИЦИИ САНДХИ
В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Статья посвящена изучению консонантной дистрибуции свистящих и шипящих в белорусском литературном языке в позиции сандхи. Материалом послужили варианты произношения преимущественно заимствованных композитов и слов с побочным ударением. Приводятся данные инструментальной обработки сегментов звучащей речи с целью корректной идентификации реализуемых информантами коррелятов.

Ключевые слова: дистрибуция, узус, консонантизм, сандхи, ассимиляция.

V. A. Mandik

**DISTRIBUTION OF SIBILANT CONSONANTS
OF THE BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE
IN THE SANDHI POSITION**

Abstract. The article is devoted to the consonant distribution of sibilant sounds of the Belarusian literary language in the position of sandhi. The pronunciation variants of mainly borrowed composites and words with secondary stress served as the material. The data of instrumental segments processing of sounding speech are given in order to correctly identify correlates implemented by informants.

Keywords: distribution, usus, consonantism, sandhi, assimilation.

Дистрибуция согласных на сандхиальных границах заимствованных лексем, образованных по модели сложных и сложносокращенных слов, в узуальном аспекте может отличаться от правил, установленных для внутрисловной фонетики: «Анализ сочетаний звуков в их пределах представляет значительный интерес, поскольку они приближаются к тем, которые встречаются на стыке двух самостоятельных слов в фразах» [Выгонная 1989: 142]. В данной статье будут рассмотрены конкретные примеры узуальной дистрибуции свистящих и шипящих с представлением результатов компьютерной обработки соответствующих сегментов звучащей речи.

Позицией, наиболее способствующей дифференциации согласных, является их расположение перед гласными звуками. Сочетания «согласный + гласный» наиболее продуктивны в белорусском литературном языке и преимущественно не вызывают трудностей с их орфоэпической реализацией. В то же время консонатные сочетания согласных предусматривают комбинаторные изменения, вызванные ассимиляционными взаимодействиями звуков.

Среди таких изменений, зафиксированных в нормативных источниках, выделяется правило уподобления предшествующих свистящих последующим шипящим и предшествующих шипящих последующим свистящим. Это правило создает дистрибутивное ограничение: в нормативной белорусской речи могут произноситься последовательно два шипящих либо два свистящих звука: *прыя[жʒ]áў, ра[ш:]ыфраваны, перамó[сц]ы* (на письме – *прыяжджаў, расшыфраваны, пераможцы*). Однако всеми кодификаторами делается оговорка о возможной вариантной реализации шипящих перед свистящими: с сохранением качества первых и с их ассимиляционным изменением. Так, например, у А. И. Подлужного находим: «В дательном падеже многих существительных звуки [ж], [ш] оказываются перед [ц]. В полном стиле произношения звук [ш] сохраняется: [дóшцы], [нóшцы] (от *дошка* и *ножка*), [л́ышцы], [дзяру́шцы]» [Подлужный 1989: 327]. Замечания относительно вариантного распределения фонем перед свистящими дает Л. Т. Выгонная: «Существование в современном литературном языке двух стилистически обусловленных вариантов произношения сочетания шипящего со свистящим свидетельствует о том, что активные процессы в сфере орфоэпии не позволяют еще теперь говорить о завершении процесса нормирования» [Выгонная 1991: 213].

Проанализируем произношение сандхиальных консонантных сочетаний свистящего [з] с последующим шипящим [ш] (*стрыптыз-шоу*); свистящего [с] с последующим шипящим [ш] (*бізнес-школа*); шипящего [ж] с последующим свистящим [з] (*дзяржабеспячэне, міжзенаморскі*).

Сочетание *зи* очень ограничено в белорусской внутрисловной фонетике – оно встречается лишь в небольшом количестве деепричастий типа *падвёзшы, пагрызшы*. Его реализация предполагает двойную ассимиляцию [з] – по глухости и по шипячести, в результате чего на месте этого сочетания произносится удлинённый [ш:]. Однако на стыке основ лексемы *стрыптыз-шоу* подавляющее большинство информантов (записано было произношение 100 человек) реализовали только ассимиляцию по глухости – [стрыпты́сшóу] (78 %). В остальных случаях сегмент идентифицируется как удлинённый [ш:] – [стрыпты́шш:óу]. Его качество определяется на слух и по спектрограммам – так, на рисунке 1 видно, что участок, соответствующий комбинации *зи* (выделен двумя жирными вертикальными линиями), представлен отрезком с однородной по всей длине (200 мс) штриховкой. При этом наиболее интенсивный шум наблюдается в высокочастотном диапазоне – выше 2500 Гц.

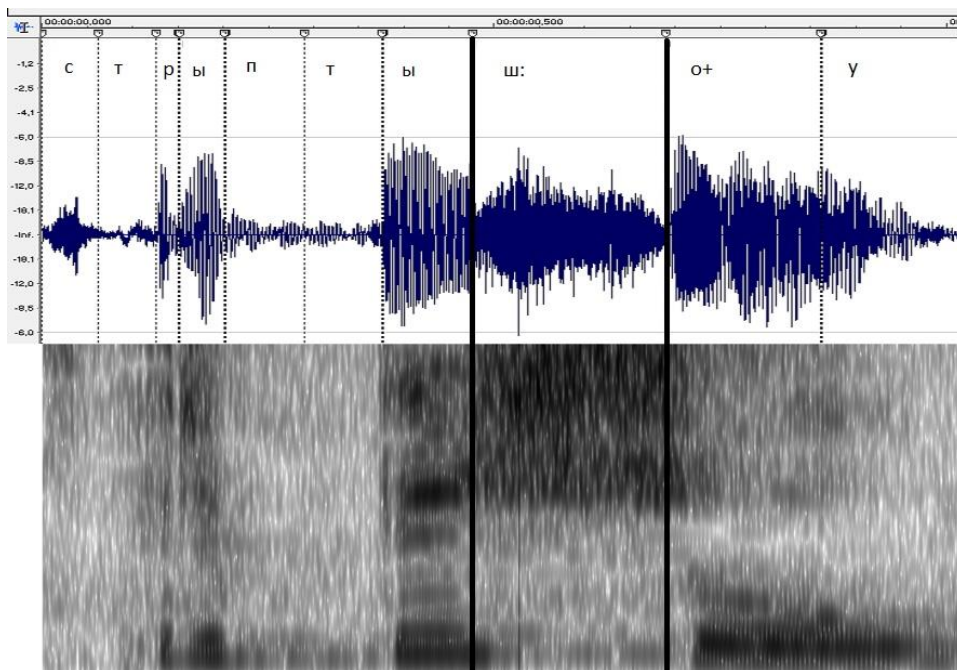

Рисунок 1. – Осциллограмма (вверху) и спектрограмма (внизу) слова *стрытышоу* с удлинением [ш:]

При сравнении со спектрограммой на рисунке 2 видим, что штриховка рассматриваемого сегмента неоднородная. Звуку [с] соответствует участок длительностью 105 мс с наличием достаточно интенсивных частотных составляющих в полосе выше 4000 Гц, звуку [ш] – участок длительностью 152 мс с отчетливым шумом в полосе 1000–1500 и 2000–3500 Гц.

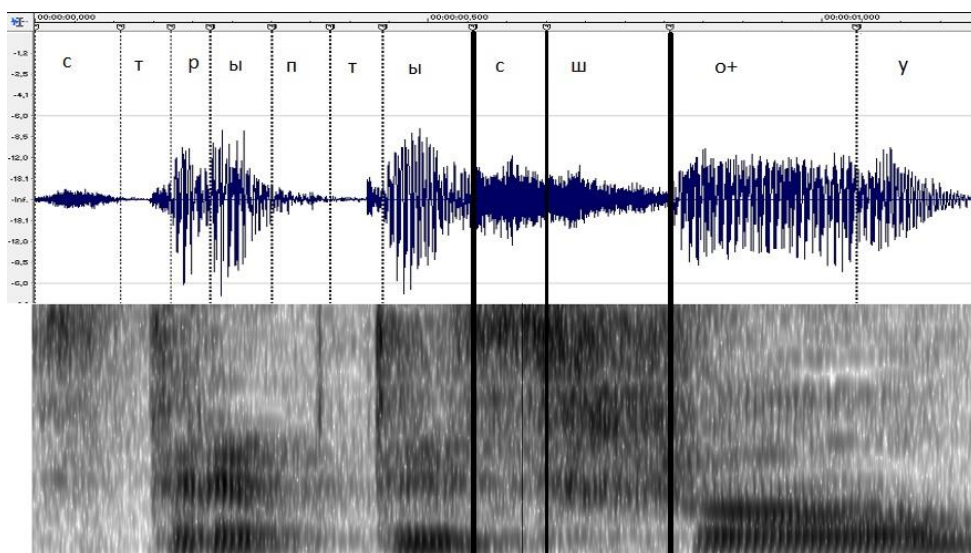

Рисунок 2. – Осциллограмма (вверху) и спектрограмма (внизу) слова *стрытышоу* с реализацией сочетания [сш]

Таким образом, сандхиальный стык свистящего и шипящего в данном композите может иметь разную узуальную реализацию: с полной ассимиляцией (реже) и с сохранением качества свистящего [с], что выходит за рамки норма-

тивного ограничения и расширяет дистрибутивные возможности шипящих и свистящих.

Данные относительно дистрибуции согласных на месте орфографического сочетания *си*, которое встречается в слове *бізнес-школа*, во многом коррелируют с вышеизложенными. В результате уподобления свистящего шипящему образовывался шипящий, который при продолжительности фрикативного сегмента до 110 мс воспринимается как [ш], а при большей продолжительности – как удлинённый [ш:]. Зафиксированы также случаи отсутствия ассимиляции, однако они встречаются не так часто, как в рассмотренной выше лексеме *стрыптыз-шоу* (34 % от общего количества реализаций): [б'ізнэсшкóла].

Рассмотрим дистрибуцию согласных на месте орфографического сочетания *жз* на примере произношения информантами лексемы *дзяржабеспячэнне*. Зафиксировано произношение этого композита с паузой между основами (9 случаев из 100), что объясняется возникновением побочного ударения в связи со специфической акцентно-ритмической структурой слова: вторая часть является многосложной, а ударение падает на четвертый слог. При слитном произношении [ж] сохранил качество в 92 % реализаций: [z'àржзab'эс'n'ачэн':э]. Наличие вариантов с оглушённым шипящим обусловлено той же причиной, что и случаев отдельного произношения: [z'àршзab'эс'n'ачэн':э]. На осциллограммах глухой [ш] распознается по непериодической штриховке, а звонкий [ж] – по периодическим колебаниям в начале звучания соответствующего сегмента. Ассимилятивной замены шипящих на свистящий не зафиксировано.

Слово *міжземнаморскі* шестеро информантов также реализовали с паузой после приставки *між-*, что свидетельствует о возможности восприятия этого стыка как межсловного. При слитном произношении звонкость [ж] сохранялась в 100 % случаев. Замена шипящего [ж] на свистящий [з] не осуществлялась.

Таким образом, узуальная консонантная дистрибуция свистящих и шипящих в позиции сандхи в белорусском литературном языке отличается от правил внутрисловной фонетики. С одной стороны, здесь наблюдаются случаи реализации сочетаний «свистящий + шипящий» без уподобления: [б'ізнэсшкóла], [стрыптысшóу]. С другой стороны, данная позиция полностью исключает произношение сочетаний «шипящий + свистящий» с ассимиляцией, то есть как «свистящий + свистящий», хотя для внутрисловной фонетики такие варианты характерны.

Литература

1. *Выгонная Л. Ц.* Інтанацыя. Націск. Арфаэпія. – Мінск: Навука і тэхніка. 1991. – 215 с.
2. *Выгонная Л. Ц.* Спалучэнні гукаў у межах слова // *Фанетыка беларускай літаратурнай мовы.* – Мінск: Навука і тэхніка. 1989. – С. 142–224.

3. *Падлужны А. І. Арфаэпія // Фанетыка беларускай літаратурнай мовы.* – Мінск: Навука і тэхніка. 1989. – С. 314–332.

Автор:

Мандик Вероника Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела современного белорусского языка Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь; e-mail: vieron9@mail.ru

Author:

Mandik Veronika A. – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Contemporary Belarusian Language of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus; e-mail: vieron9@mail.ru

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ МЕТАФОРЫ

Аннотация. В статье описывается явление метафоры, ее виды и рассматриваются различные средства ее создания. Выявлены сходства и различия метафоры с другими тропами.

Ключевые слова: метафора, перенос значения, тропы, сравнение.

D. V. Mironova, E. A. Danilova

MEANS OF CREATING A METAPHOR

Abstract. The article describes the phenomenon of metaphor, its types and considers various means of its creation. The similarities and differences of the metaphor with other tropes are revealed.

Keywords: metaphor, transfer of meaning, tropes, comparison.

Явление метафоры настолько многогранно, что исследование этого феномена продолжается уже более двух тысячелетий и давно уже переросло рамки литературоведения, поскольку роль метафоры в тексте не ограничивается только эстетической функцией. Библиография по этой проблеме практически не обзрима.

В лингвистике применяется следующее определение метафоры: «Метафора (метафорическая модель) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [Глазунова 2000: 177–178].

Метафора разного рода основывается на однообразии явлений и предметов. Метафора возникает из уподобления одного предмета другому, сопоставления нового предмета с уже известным и выделения у них общих признаков. Она образуется из разных случаев схожести.

Существует метафорический перенос значения, при котором само первоначальное понятие остается прежним, но меняется вещь. Можно обратиться к примерам метафорических терминов, у которых перенос происходит по сходству формы с названиями животных: *мушка на стволе ружья*, *утка* (медицинский сосуд), *гусеница трактора*, *собачка у ружья*. Названия частей тела: *шейка*, *горлышко*, *ручка*, *ножка* и т. п.

Некоторые имена собственные происходят от метафоры: кличка *Шарик* (по характеру движения), имена людей: *Вера*, *Надежда*, *Любовь* (устойчивое

выражение).

Существуют метафоры общеупотребительные и индивидуально-стилистические. В общеупотребительных метафорах образ более стертый, они применяются чаще. Индивидуально-стилистические обладают непредсказуемым характером и имеют высокую степень выразительности.

Античность определила четыре вида метафоры. Первый вид характеризуется заменой одного одушевленного существа на другое. Вторым видом предполагается употребление одной неодушевленной вещи вместо другой, а третьим видом показывается применение неодушевленных вещей вместо одушевленных. И в четвертом виде метафоры используются выражения одушевленных существ для характеристики неодушевленных.

Метафора обладает довольно сложной структурой и имеет множество разновидностей, которые сближают ее с другими тропами. Метафора схожа со *сравнением*, её часто называют «скрытым сравнением». Но отличительным признаком метафоры является отсутствие сравнительных союзов. Метафора представляет собой целостность, сохраняя прямое и образное значение слова.

Граница между сравнением и метафорой не всегда выражена четко. Существуют такие метафоры, которые с легкостью трансформируются в сравнения при использовании союза.

В некоторых случаях метафоры образуются из сравнений, тем самым развивая их. С помощью этого выявляется целый метафорический образ. Метафорическому образу может принадлежать одно или несколько целых предложений.

Метафора может становиться *аллегорией*. Это довольно сложный процесс, где целое произведение может состоять из развернутой метафоры.

В названиях некоторых художественных произведений нередко используется метафора. Она выражает основную идею произведения и становится неким обобщением. Метафора становится *символом*. Она использовалась именно для наиболее точного понимания содержания произведения. Символ существует сам по себе, и его нельзя назвать чисто лингвистическим явлением. Метафора и символ едины в создании ярких и эмоциональных образов, но значение символа гораздо глубже.

Можно выделить основные виды метафоры, к которым прибегало большинство авторов:

1. *Метафорические эпитеты*. Они показывают нереальный (заимствованный) признак предмета. Одновременно проявляют функции и эпитетов, и метафоры.

2. *Олицетворение*. Признаки живого переносятся на неодушевленные предметы, явления природы.

Также существует *перифраза (перифраз)*. Перифраза – это не прямое художественное описание предмета, который легко узнается по его характерным признакам. Она является разновидностью метафоры, в которой используется словосочетание, либо предложение вместо одного слова. Писатель использует перифразу для создания в нашем представлении более яркой жизненной карти-

ны, тем самым заменяя название предмета или явления описанием существительных присущими ему чертами и признаками (*голубая планета* (Земля), *чёрное золото* (нефть)).

Итак, можно обозначить следующие разновидности метафоры: метафора-эпитет, метафора-сравнение, метафора-перифраз, метафора-олицетворение, метафора-символ, метафора-аллегория.

Г. Н. Складарская выделяет несколько типов регулярных метафорических переносов:

- 1) с предмета на предмет («*гора книг*», «*водопад слёз*», «*лавина писем*»);
- 2) с предмета на человека («*поток посетителей*», «*волна демонстрантов*», «*море школьников*»);
- 3) с предмета на физический мир (*град ударов*, *волна света*, *поток звуков*);
- 4) с предмета на психический мир (*звезда удачи*, *болото невежества*, *остров доброты*);
- 5) с предмета на абстракцию (*гора времени*, *море проблем*, *жемчужина музыки*);
- 6) с животного на человека (*змея* – в значении «коварный, злой, хитрый человек»; *индюк* – в значении «глупый, заносчивый, надменный человек»; *баран* – в значении «глупый, бестолковый человек»);
- 7) с человека на человека (*барин* – человек, уклоняющийся от работы, перекладывая её на других; *клоун* – человек, кривляющийся с целью вызвать смех; *коновал* – невежественный врач);
- 8) с физического мира на психический мир (*весна любви*, *закат жизни*, *огонь ярости*) [Складарская 1993: 80–95].

Таким образом, можно сказать, что природа метафоры очень сложна и многогранна.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. В. Ярцева. 2-е изд., дополнен. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. – С. 296–297.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – Москва : Наука, 1979. – С. 147–173.
3. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург : Фил. фак. СПбГУ, 2000. – С. 177–178.
4. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складарская; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 152 с.
5. *Теория метафоры*: Сборник / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – 512 с.

Авторы:

Миронова Дарья Владимировна – магистрант 2 года обучения программы «Современное филологическое образование» Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, заведующий канцелярией центра финансового обеспечения МВД по Чувашской Республике, г. Чебоксары, Россия; e-mail: bogoslovskayadarya@yandex.ru;

Данилова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

Authors:

Mironova Darya V. – 2nd year master's student of the program "Modern philological education", I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: bogoslovskayadarya@yandex.ru;

Danilova Elena A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; e-mail: sergeymuratovo@mail.ru

КАЧЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ У ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ФОРМА ПРЕВОСХОДНОЙ СТЕПЕНИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые семантические условия образования у относительных прилагательных формы превосходной степени: вхождение в состав устойчивых синтаксических конструкций, сочетание с интенсификаторами различной морфологической природы, семантика эталонности у исходного существительного.

Ключевые слова: адъектив, относительное прилагательное, форма превосходной степени, эталон

S. L. Mikheeva

QUALITATIVE MEANING OF RELATIVE ADJECTIVES: SUPERLATIVE FORM

Abstract. The article discusses some semantic conditions for formation of superlative forms in relative adjectives: the inclusion of stable syntactic constructions, combination with intensifiers of various morphological nature, semantics of standard in the original noun.

Keywords: adjective, relative adjective, superlative form, standard

Способность образовать формы степеней сравнения является одним из морфологических признаков качественных прилагательных – эта аксиома излагается практически во всех грамматических описаниях имени прилагательного как части речи. Закономерным следствием этого является предположение о формах степеней сравнения как о маркерах семантики качества и соответственно лексико-грамматического статуса адъектива.

Семантические границы между разрядами имен прилагательных прозрачны и проницаемы: адъективы, попадая в специфические семантические условия, способны развивать разнообразные оттенки значения вплоть до перехода в иной разряд. Условия – семантические и синтаксические – такого перехода описываются и обобщаются в многочисленных исследованиях (см. в частности рекомендуемую литературу в [Кустова 2018]).

В настоящей работе рассматриваются составные формы превосходной степени нетривиальной природы – сочетания *самый* + исходное относительное прилагательное.

Возможность образования составной формы превосходной степени от относительного прилагательного во многом определяется прагматической установкой субъекта речи – его стремлением выразить дополнительные смысловые

акценты, важные, на его взгляд, для понимания передаваемого сообщения. Один из таких смысловых компонентов, который является базовой для более глубоких смыслов, – собственная семантика местоимения *самый*: подчеркивание превосходства определяемого объекта, его исключительности, «крайней степени количества или качества» [Ожегов URL] (о функционировании местоимения *самый* см. в частности [Сяоли 2022]). В качестве иллюстрации приведем следующий фрагмент (здесь и далее приводятся примеры из Национального корпуса русского языка – НКРЯ): *И президент, как опытный аппаратный игрок, не будет делать ставку только на одну партию, пусть даже самую пропрезидентскую на свете, считает политолог.* [Анастасия Матвеева. Спортивная Россия вместо Единой // «Газета», 2003.06.30]. Семантика «крайней степени» в данном контексте подчеркивается также использованием дополнительных усилительных компонентов – это усилительно-выделительная частица *даже*, само сочетание формы превосходной степени с локативным обстоятельством с максимально обобщающим смыслом *на свете*. Сама конструкция *самый* + прилагательное + *на свете / в мире* приобретает характер фразеосхемы: характеризуемый подобным сочетанием объект априори становится исключительным, а попадающий в него адъектив приобретает оценочный характер и соответственно способность выражать качественную семантику.

Схожую ситуацию наблюдаем в таком фрагменте: *Стало ясно, что пленников будут продолжать возить по мосту, пока они не сдадутся. Мужество покинуло иностранцев. Глухими голосами они поклялись, что: 1) Сиднейский Мост самый висячий и при этом самый длинный и красивый мост в мире <...>* [Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)]. Сложно представить прилагательное *висячий* в собственном смысле слова в ряду форм степеней сравнения, однако в данных контекстуальных условиях выражение *самый висячий* приобретает гиперболический и в то же время ироничный смысл. В следующем фрагменте семантика исключительности ограничивается или уточняется областью применения, обозначенной причастным оборотом: *Это озорное истолкование марксизма вполне удовлетворило тюремщика, и самая революционная книга из всех когда-либо существовавших на свете получила беспрепятственный доступ в камеры царской тюрьмы, куда не допускались даже романы Тургенева.* [К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940-1969)]. С одной стороны, причастный оборот усиливает значение «крайней степени количества и качества» (максимальное обобщение временных и темпоральных координат); с другой стороны, эти координаты конкретизированы значением адъектива *революционный*.

Следующая разновидность конструкций, способствующих выражению семантики исключительности и, как следствие, допускающих в состав форм превосходной степени нетривиальные образования, – сочетание *самый* + прилагательное + *из (всех)* Род. п. существительного: *Премьерой "Хованицины" Большой театр закрывает свой 226-й сезон. И это символично – обратиться к самой русской из отечественных опер и поставить с её помощью глобальный для России во все времена вопрос: «Камо грядеши?».* [Наталья Колесова. По

ком звонит колокол // «Вечерняя Москва», 2002.06.13]; *Эта формула комментирует первый и самый языческий из леонтьевских эпитетов: многообразный.* <...> [С. Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина (1998)]. Графическим средством акцентирования отстраненности субъекта речи от передаваемого в сочетании смысла становятся кавычки, которые позволяют подчеркнуть необычность создаваемой говорящим формы: *Пронзителен и прелестен очерк «Обратная сторона земли» Георгия Хоситашвили – может быть **самый «русский»** по своей поэтике и атмосфере фильм всего телецикла.* [Второе пришествие Рюрика // «Культура», 2002.04.01]; *В Германии часто можно услышать: эх, жить бы в Мюнхене! Действительно, даже чужестранец почувствует себя тепло и уютно в этом **самом «домашнем»** из крупных немецких городов.* [Владимир Гаков. Сказочными дорогами Германии // «Туризм и образование», 2001.03.15]; *Он сам узнавал руку провидения в том, что из всех планет у Тихо Браге ему достался именно Марс – **самый «эллиптический».*** [Вячеслав Шевченко. Демон науки: Космический кубок // «Знание – сила», 2003]. Интенсификатором значения исключительности становится также местоименный редупликат *самый-самый*: *До последнего года он даже активно участвовал в драмкружке, которым руководил заслуженный артист республики – добродушный пухлячок, вечно подшофе, но обязательно жаждущий **самых-самых последних ста грамм.*** [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)] (см. в частности [Михеева 2023; Панков, Овтина 2018]).

Среди относительных прилагательных можно выделить семантические группы, чье значение потенциально способно развивать качественный оттенок – это адъективы, производные от названий материалов, этнонимов и зоонимов. Такая тенденция может быть обусловлена системой стереотипов и основанной на ней оценочностью, наиболее ярко проявляемой в прилагательных.

Материал, из которого может быть изготовлено то или иное изделие, априори подвергается оценке с позиций пригодности / непригодности, прочности / хрупкости, пластичности / ригидности и других чисто физических оппозиций. Этот же комплекс оценочных суждений переносится в значение производного прилагательного, которое далее в силу своей категориальной семантики и нетипичной сочетаемости развивает качественный компонент. Особое место в этой группе будут занимать названия драгоценных, полудрагоценных, поделочных камней и металлов. В частности, *золото* как металл традиционно является эталоном ценности и качества – в силу особых физико-химических качеств. Это представление реализуется и в прилагательном, осмысливаемом метафорически: *Бродя по аллеям, Сеничкин-старший переживал, что его зря тут держат, что **самые золотые дни** уходят зря.* [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969-1971)]; *Веревкин для такого сорта поручений был **самый золотой человек**, потому что, несмотря на величайшие затруднения и препятствия при их выполнении, он даже не задавал себе вопроса, для чего нужен был Антониде Ивановне Привалов, нужен именно сегодня, а не в другое время.* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)].

Железо и камень – эталоны прочности, несгибаемости, выдержанности, устойчивости и незыблемости: *Все время нервы напряжены, все время жизнь бьет по этим нервам; чтоб безнаказанно переносить такое состояние, нужна громадная нервная сила, а между тем жить приходится так, что и самая железная устойчивость должна разрушиться.* [В. В. Вересаев. Записки врача (1895-1900)]; – *Против таких улыбок не может устоять самое каменное сердце.* [А. П. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции (1960)].

Стереотипы поведения и внешности, уклада жизни того или иного народа закреплены за этнонимами и производными от них адъективами: *Сергей Рахманинов, нередко называемый «самым русским композитором» (хотя с 1917 по 1943 г. он провел за границей), объединил в своем творчестве принципы петербургской и московской школ, создав собственный неповторимый стиль.* [Ольга Борисова. Царство клавиш и струн // «Наука в России», 2012]; *Он так и не узнал, что много-много московских ночей последнее, что я видела, прежде чем впасть в самый глубокий сон, были его черные, блестящие нефтью, самые итальянские глаза.* [Н. С. Слюсарева. На Первой Мещанской // «Волга», 2010]; *Если захочется попробовать все самое-самое немецкое, то заказ может выглядеть примерно так: свиная ножка по-берлински, овощной салат, светлое баварское пиво.* [Берлин – радушный город: тебя ждут в музеях и тавернах // «Даша», 2003].

Подобное наблюдаем в отношении зоонимов и их адъективных дериватов: <...> *но буду настаивать на всевозможных мерах предосторожности против напрасной уплаты денег каким-либо авантюристам, которые успели уже развить около этого дела самые волчьи аппетиты* <...> [В. Н. Коковцов. Из моего прошлого / Части 1-4 (1933)]; *Я отворил тяжелую дверь, сколоченную самым медвежьим образом из толстых дубовых досок.* [А. И. Левитов. Погибшее, но милое создание (1862)]. Примечательны примеры, в которых дериват образован от названий насекомых, олицетворяющих неизмеримо большое количество и реализует квантитативную оценочность: – *А трасса будущей дороги – почти наверняка самое комариное место на земле, – объясняет директор института академик С. С. Шварц.* [М. Казаков. Свердловск. Секреты «комариного рая» // «Огонек», 1975].

Представленные наблюдения позволяют предположить, что семантика эталонности [Кобозева 2010] является ключом к пониманию способности относительных (и притяжательных – если рассматривать их как самостоятельный лексико-грамматический разряд) прилагательных образовать форму превосходной степени, которая становится средством экспликации различных прагматических установок субъекта речи.

Литература

1. Кобозева И.М. Скрытая именная категория эталонности и эталоны формы в русском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2010. – Т. 69, № 6. – С. 31-39.

2. *Кустова Г.И.* Прилагательное [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 10.09.2023).
3. *Михеева С.Л.* Местоименный редупликат *самый-самый*: прагматические аспекты смысла // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 132-136.
4. *НКРЯ – Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.09.2023).
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27816> (дата обращения 10.09.2023).
6. *Панков Ф.И., Овтина Е.А.* Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики // Педагогический журнал. – 2018. – Т. 8. – № 1А. – С. 140-158.
7. *Сяоли С.* Слово *самый* в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская речь. – 2022. – №2. – С. 7-23.

Автор:

Михеева Светлана Львовна – доцент кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, кандидат филологических наук, доцент, г. Чебоксары, Россия; e-mail: mikhsveta@rambler.ru

Author:

Mikheeva Svetlana Lvovna – Associate Professor of the Department of Professional Psychology, Social Pedagogy and Primary Education of the Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Cheboksary, Russia; e-mail: mikhsveta@rambler.ru

ФРАУ, КАНЦЛЕРИН, МУТТИ: ИНОЯЗЫЧНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются прагматические свойства иноязычных номинаций лица в дискурсе российских СМИ на примере немецких именовании бывшего федерального канцлера Германии Ангелы Меркель. Делается вывод о прагматической направленности данных перифрастических единиц в речи, об их особой роли в формировании оценочного вектора как компонента аксиологической структуры медиатекста.

Ключевые слова: иноязычная номинация лица, слова-реалии, дискурс российских СМИ, прагматика, оценка.

L. A. Nefedova

FRAU, KANZLERIN, MUTTI: FOREIGN LANGUAGE NOMINATIONS OF PERSONS IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN MEDIA

Abstract. This article examines the pragmatic properties of foreign language nominations of a person in the discourse of the Russian media using the example of the German names of the former Federal Chancellor of Germany Angela Merkel. A conclusion is made about the pragmatic orientation of these periphrastic units in speech, about their special role in the formation of the evaluative vector as a component of the axiological structure of the media text.

Keywords: foreign language nomination of a person; words-realities; Russian media discourse; pragmatics; evaluation

Объектом данного исследования являются немецкие номинации лица, широко используемые в дискурсе российских СМИ в качестве наименований бывшего федерального канцлера Германии Ангелы Меркель. Материалом для исследования послужили главные новостные сайты России.

Цель работы заключается в выявлении прагматических свойств иноязычных в русском языке наименований женщины-политика в дискурсивном пространстве современной российской публицистики. В работе применяются описательный и интроспективный методы, основанные на приёмах рефлексивного наблюдения над языком российской прессы, компонентный анализ.

В современной лингвистике принято различать реалии и слова-реалии, т.е. обозначения реалий. Х.-Х. Дрёсигер пишет в своих работах о реалиях как явлениях, отражающих особенности жизни и быта определенного народа, и их наименованиях, представляя определенные приёмы обращения с наименованиями реалий в контексте перевода [Drößiger 2010, 2012]. Как правило, слова-реалии служат для объективной репрезентации чужих культур. До событий

2022-го года, завершивших глобализационные процессы в мире, наблюдался так называемый лингвокультурный трансфер реалий [Нефедова 2020; Nefedova 2022; Писаренко 2023]. Языки заимствовали слова-реалии, а культуры – реалии. Так, например, праздник Хэллоуин, восходящий к традициям древних кельтов Ирландии и Шотландии, стал современным международным праздником.

К словам-реалиям, или наименованиям реалий, можно отнести слова, в лексическом значении которых содержится сема, отсылающая к определённой лингвокультурной общности или определённой известной личности. Одной из работ, в которых лингвисты обращаются к описанию прагматических функций слов-реалий, является исследование Л. М. Бондаревой, в котором была показана релевантность таких слов для процесса языкового структурирования ретроспективного дискурса [Бондарева 2014].

Наиболее частотными в дискурсе российских СМИ о возглавлявшей немецкое правительство Ангеле Меркель являются гендерно маркированные слова, отсылающие к реалиям Германии. Это транслитерированные обозначения лиц женского пола немецкого языка *фрау* и *канцлерин* (часто в сочетании *железная канцлерин*, *первая канцлерин*, *вечная канцлерин*, *фрау канцлерин*), шутливо-ласкательное прозвище Ангелы Меркель у немцев *мутти*. Слово *фрау* (как *мадам*, *сеньора* и т.п.) давно вошло в словари русского языка. Согласно дефиниции словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, «*фрау* – наименование замужней женщины (обычно присоединяемое к фамилии или имени) **в Германии** и некоторых других странах. || Обращение к замужней женщине: *госпожа*, *сударыня*» (Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия)). Лексический маркер «в Германии» позволяет отнести слово к словам-реалиям.

На самом деле дефиниция нуждается в небольшой корректировке. В настоящее время *фрау* в Германии – это наименование не только замужней, но и незамужней женщины после того, как из словоупотребления в результате языковой критики представительницами феминисткой лингвистики исчезло слово *фройляйн*.

На страницах русскоязычного Интернета в контексте дискурса о бывшем канцлере встречаем часто как слово *фрау*, так и его производные:

(1) *Кто вы, фрау Меркель?* (<https://aspectpress.ru/buy/>);

(2) «**Фрау-эффект: о чем Меркель три часа говорила с президентом РФ**» (<https://iz.ru/1210368/dmitrii-laru-mariia-vasileva/frau-effekt-o-chem-merkel-tri-chasa-govorila-s-prezidentom-r>).

Слово *фрау* отсылает нас к понятию «немецкость», принадлежности к гражданству Германии, к немецкой национальности и немецкому менталитету госпожи Меркель, и, как следствие, необходимости «держаться дистанцию» с ней, что стало очевидным после её интервью одному из центральных германских СМИ – газете *Die Zeit* в декабре 2022-го года.

Ангела Меркель была политическим долгожителем, занимая пост канцлера Германии на протяжении 16 лет (2005 – 2021 гг.). В толковых словарях русско-

го языка зафиксировано слово *канцлер* (нем. *Kanzler*, лат. *Cancellarius* – секретарь у барьера, отделяющего суд от публики) ‘первый министр, премьер-министр в некоторых странах’. В русскоязычном дискурсе СМИ Ангелу Меркель называют *канцлерин* (нем. *Kanzlerin*), а не *канцлер*. В немецком языке *-in* является суффиксом существительных женского рода, с помощью которого образуются феминитивы от существительных мужского рода. Такой процесс словообразования называется в лингвистике мовированием [Неупокоева 2008]. Мовированные номинации лица по признаку пола получили распространение в современном немецком языке, феминитивы в настоящее время входят в толковые словари немецкого языка не как формы, производные от слов мужского рода, а как самостоятельные слова. Поменялись и дефиниции феминитивов в словарях. Ещё в словаре ДУДЕН 2015 года издания находим: *Kanzlerin, die: w. Form zu ↑Kanzler – канцлерин; женская форма к ↑канцлер*. Слово *Kanzler* ‘канцлер’ определялось посредством гиперонима *Beamter* ‘госслужащий’ со значением обобщающего рода. Это сокращённая форма слова *Bundeskanzler, der* ‘бундесканцлер’.

Современный словарь немецкого языка ДУДЕН отличается стремлением отразить изменения, происходящие с немецким языком в связи с распространением концепции гендерно справедливого языка. Дефиниции номинаций лиц мужского и женского пола стали симметричными: *Kanzler, der: Beamter* ‘госслужащий’ (мужчина); *Kanzlerin, die: Beamtin* ‘госслужащая’ (женщина). Слово *Kanzlerin* появилось в немецком языке, когда Ангела Меркель стала первым в истории страны канцлером. В русском языке слово *канцлерин* (реже *бундесканцлерин*) является наименованием немецкой реалии «женщина-канцлер», изменённой графически формой слова-прототипа. В русском языке номинация *канцлерин* ощущается как нечто чужеродное:

(3) *канцлерин Меркель – Накануне своей отставки канцлерин Меркель, бессменный вождь Германии на протяжении шестнадцати лет, дала большое прощальное интервью газете Sueddeutsche Zeitung* (<https://ria.ru/20211025/merkel-1756032645.html>);

(4) *бундесканцлерин Меркель – «Бундесканцлерин Ангела Меркель, соответственно, остаётся на четвёртый срок на высоком посту»* (<http://alleuropa.ru/?p=14705>);

(5) *Российский лидер поблагодарил экс-канцлерин ФРГ за плодотворное сотрудничество* (<https://www.trud.ru/tag/156948/page/1/>)

(6) *первая канцлерин в истории страны – Первая канцлерин в истории страны, она руководит Германией вот уже 16 лет. О жизни и карьере железной фрау – корреспондент «МИР 24» Надежда* (<https://news.rambler.ru/politics/47047197-zheleznaya-frau-zhizn-i-karera-kantslera-frg-angely-merkel/>);

(7) *фрау канцлерин – Будущая фрау канцлерин родилась в семье пастора Хорста Каснера и Герлинды Каснер в Гамбурге* (<https://www.forbes.ru/forbes-woman/368565-zheleznaya-frau-kak-doch-pastora-vozglavila-stranu>);

(8) *вечная канцлерин* – *Пионерка из страны соцлагеря и «вечная канцлерин»* (<https://ria.ru/20170921/1505218026.html>) (намёк на почти 16 лет непрерывного правления);

Чужеродность номинации *канцлерин* особенно очевидна при сравнении её с привычной для русского языка номинацией *женщина-канцлер Германии*.

Наряду с наименованиями Ангелы Меркель «железная леди Германии» и «железная фрау» по аналогии с железной леди Маргарет Тэтчер в обиход вошла оценочная метафора *eiserne Kanzlerin* ‘железная канцлерин’, отражающая твёрдый, жёсткий характер женщины-политика. Именно в форме полукальки с немецкого языка словосочетание стало часто употребляться в русскоязычной прессе:

(9) *железная канцлерин: «Девочка Коля», «госпожа «нет»» (Frau «Nein»), «мамочка» (Mutti), «железная канцлерин», человек года, самый сильный лидер Европы – лишь небольшая часть эпитетов обычно употребляемых в отношении Ангелы Меркель»* (https://www.gazeta.ru/comments/2018/11/04_a_12046549.shtml);

(10) *железная канцлерин Германии: «Железная канцлерин Германии Ангела Меркель, которую Путин, по всей видимости, боится и уважает, после долгих лет пребывания в должности уступила»* (<https://inosmi.ru/20211207/251072692.html>).

Контекст употребления некоторых примеров показывает негативную коннотативную окраску номинации. Акцент делается на прямом значении атрибута «железный», и тем самым выражается критика внешней политики Ангелы Меркель, срывающей мероприятия «Петербургского диалога»:

(11) *«Ангела Меркель – «ржавчина железной канцлерин»* (<http://forum.rusbeseda.org/index.php?topic=15189.190;wap2>).

Ещё одно слово дискурса СМИ является в немецком языке одним из самых распространенных прозвищ Ангелы Меркель [Шпар 2017]. Это слово *Mutti* ‘мамочка’, ‘матушка’. В немецком языке у слова два значения: *Mutti, die a) (fam.) Mutter b) (ugs.) mütterlich, hausfraulich wirkende Ehefrau* – (в семейном кругу) уменьшительно-ласкательное слово ‘мама’ и ‘жена-домохозяйка’. Это прозвище экс-канцлер получила за присущее ей обаяние обычной немецкой женщины, которая ездит на доступном автомобиле Volkswagen Golf, выращивает за городом овощи и хорошо готовит.

Русскоязычные СМИ употребляют слово *мутти*, структурно совпадающее с иноязычным прототипом, которое является исконно немецким словом. Так как слово является чужим для русского языка, оно пишется в кавычках. Чужеродность слова дополняет его лексическое значение в русском языке оценочными коннотациями, авторы статей приносят в нарратив оттенок иронии.

В некоторых примерах слово сопровождается переводом и авторским комментарием:

(12) *«Типичная «мутти», мамочка-домохозяйка»* (<https://ria.ru/20211025/merkel-1756032645.html>).

(13) «Эпоха **«мутти»** (нем. «мамочка») запомнилась опрошенным «Известиями» местным жителям прагматичным подходом, но теперь все они ждут перемен» (<https://iz.ru/1225509/mariia-vasileva/merkel-peremen-kakimi-byli-16-let-pravleniia-kantclera-frg>).

Но часто авторы статей не объясняют значение слова, апеллируя к фоновым знаниям читателя:

(14) «**Мутти** на пенсии: о чем теперь мечтает Ангела Меркель» (<https://kr.ua>);

(15) «Вскоре после ухода **«Мутти»** с поста канцлера в Европе начался большой конфликт...» (<https://inosmi.ru/20221213/merkel-258805583.html>);

(16) *Прагматичные немцы, пока «мутти» по-прежнему в статусе, решили пустить ее на сувениры* (<https://lv.sputniknews.ru/20210921/kantslerin-plyush-angela-merkel-pustili-suveniriy-18503766.html>).

Иногда авторы статей даже не меняют графического облика слова, оно выступает иноязычным вкраплением в тексте, что создаёт определённый колорит, акцентируя внимание на том, что женщине-канцлеру не чужда роль домохозяйки:

(17) *Mutti* *выбрала панк-рок* (<https://www.kommersant.ru/doc/5100978>).

Таким образом, иноязычные в русском языке немецкие наименования бывшего канцлера Германии Ангелы Меркель в дискурсе российских СМИ употребляются как своего рода перифрастические средства, речевые синонимы к регулярно употребляемым языковым единицам. Выбор этих чужеродных номинаций лица связан с их прагматической функцией в дискурсивном пространстве современной публицистики: они способствуют изменению вектора оценки деятельности политика. Посредством использования таких иноязычных единиц авторы публикаций оказывают влияние на способы восприятия информации представителями русского лингвокультурного сообщества.

Литература

1. *Бондарева Л. М.* Прагматические функции слов-реалий в ретроспективном дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2. – С. 15–21.

2. *Неупокоева А. В.* Мовирование номинаций лиц по признаку пола как способ словообразования в немецком языке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 74–1. – С. 368–371.

3. *Нефедова Л. А.* Заимствование реалий как одна из форм лингвокультурного трансфера (на примере заимствования реалий из немецкоязычных стран) // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1 (36). URL: <https://tl-ic.kursksu.ru/#new-number> (дата обращения: 09.09.2023).

4. *Писаренко Н. Н.* Заимствования из иврита в венском диалекте как способ лингвокультурного трансфера // Языковое образование сегодня: культура, коммуникация и предметно-языковая интеграция. Материалы V Студенческой конференции. Отв. редактор Пескова И.М. – М.: МПГУ, 2023. – С. 21–25.

5. *Шнар Т.В.* Прозвищные именованя канцлера Германии Ангелы Меркель в свете семантической мотивации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (71): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 188–190.

6. *Drößiger, H.-H.* Realien, ihre Bezeichnungen und Aspekte der Interkulturalität. In: *Studies about languages*. – 2012. – № 20. – S. 5 – 11.

7. *Drößiger H.-H.* Zum Begriff und zu Problemen der Realien und ihrer Bezeichnungen // *VERTIMO STUDIJS*. – 2010. – № 3. – S. 36–52.

8. *Nefedova, L.* Realien als kulturübergreifendes Phänomen. In: Szilvia Szatzker / Anikó Szilágyi-Kósa (Hrsg.) *Deutsch im interlingualen und interkulturellen Vergleich*. Band 37. Schriften zur Vergleichenden Sprachwissenschaft. Hamburg: Dr. Kovač, 2022. – S. 183–201. <https://www.verlagdrkovac.de/978-3-339-13104-1.htm>

Автор:

Нефедова Любовь Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; e-mail: la.nefedova@mpgu.su

Author:

Nefedova, Lyubov A. – Dr Sci. in Philology, Professor, Head of the German Language Department, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, e-mail: la.nefedova@mpgu.su

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Сегодня двумя наиболее популярными областями текстообразования являются литература и кино, которые бытуют как самостоятельно, независимо друг от друга, так и совместно, породив альянс в виде феномена художественной интерпретации литературных произведений средствами кинематографа. В данной статье содержится обзор научной разработанности данной проблемы, дается краткая историческая информация о возникновении самого явления интерпретации литературного произведения средствами киноискусства.

Ключевые слова: интерпретация, литература, кино.

A. Y. Nikolaeva

INTERACTION BETWEEN LITERATURE AND CINEMA: PROBLEM OF INTERPRETATION

Abstract. Today, the two most popular areas of text formation are literature and cinema, which exist both separately, independently of each other, and together, giving rise to an alliance in the form of the phenomenon of artistic interpretation of literary works through the cinema's point of view. This article contains an overview of the scientific development of this problem and provides brief historical information about the emergence of the very phenomenon of interpreting a literary work through the means of cinema.

Keywords: interpretation, literature, cinema.

Отличительной чертой кинематографического искусства является феномен достоверности, благодаря которому создается иллюзия вовлеченности зрителя в канву повествования, он как бы проживает совместно с героями их жизни. При этом не имеет значения, к какой эпохе принадлежат киногерои. Гораздо важнее, чтобы коллизии переживаний вписывались в культурную матрицу, с которой соотносит себя зритель. Как видно из истории кино, отношения между языком кинематографа и литературы складывались весьма сложно. Особенно уязвим кинематограф в попытках переложить на свой язык произведения литературы, входящие в золотой фонд мировой классики. Если литература разбирает бесконечные возможности проявления человеческой активности, пересекая в воображении столетия и необъятные пространства, то кинематограф пытается решить задачу вовлечения зрителя в драматическую ситуацию сопереживания персонажам фильма здесь и сейчас. Выходит, что режиссер как бы должен по-

пасть в точку бифуркации, когда герой повествования и зритель полностью совпадают по своему внутреннему содержанию.

Интерпретация произведения литературы, особенно классической, посредством языка киноискусства подразумевает не просто перевод книги на пленку, а создание самостоятельного произведения. Поэтому кинематограф позволяет себе вольную трактовку оригинального текста, вызывая сложные ощущения у читателя знакомого с первоисточником. Дело в том, что и экранизация, и литературное произведение имеют характерные культурные метки своего времени, социальную и культурную историю. Кроме этого, и акт творчества, и акт восприятия его результатов также зависят от культурных контекстов, в которые встроены участники обмена.

Кинопроизведения, основой которых является литературное произведение, благодаря использованию уникальных средств киновыразительности могут превзойти по значимости воздействия на сознание зрителей иные виды искусства. Изучения данного процесса необходимо, чтобы проследить значимость феномена кино в современной культуре.

Как только появилась экранизация, перед создателями встал вопрос, как соединить разрозненные картины одного кадра с другим, так чтобы создать единую законченную конструкцию. К тому времени у литературы уже был накоплен достаточный опыт и в реализации линейной пространственно-временной структуры, и в реализации авторского замысла при условии их дискретного дробления. Поэтому основоположники кинематографа Ж. Мельес, А. Кларк, Д. Смит в 1895–1900 гг. основой сценария для своих фильмов использовали произведения И. В. Гете, Ф. Шиллера, А. Дюма, Ж. Верна и др. Так, 1902 г. впервые в истории кинематографа Фернаном Зекка был снят немой короткометражный художественный фильм «Жертва алкоголя» или «Поджигатели» по роману Э. Золя «Западня». При этом необходимо отметить, что источником для экранизаций зарубежных режиссеров служили не только местный материал, но и отечественные русские писатели. Например, 1900-х гг. ряд режиссеров, – датчанин Вигго Ларсен, американец Дэвид Уорк Гриффит, француз Андре Кальметт, – поставили фильмы по роману «Воскресение» Л. Н. Толстого. Таким образом, к началу 1916 г., согласно справочнику «Вся кинематография», было экранизировано около 250 литературных произведений.

Таким образом, литература становится неотъемлемым материалом для экранизаций. Все это приводит к тому, что в первой половине XX в. возникает и теоретическая база изучения процесса воплощения литературных произведений в киноискусстве. Однако, несмотря на то что литература пользовалась популярностью в качестве материала для сценариев фильмов, первые теоретики крайне негативно оценивали стремление кинематографистов переносить на экран литературные образы. Например, Б. Балаш [Балаш 1935] в 1930-х гг. говорит, что киноискусство требует создания оригинальных киносюжетов, и требует удалить из киносценариев литературный материал; или В. Б. Шкловский пишет: «Если нельзя выразить романа другими словами, чем он написан, если нельзя изменить звуков стихотворения, не изменив его сущности, то тем более

нельзя заменить слова мельканием серо-черной тени на экране» [Шкловский 1923: 27].

В 1932 г. выходит в свет книга «Кино как искусство» Р. Арнхейма [Арнхейм 1960], в которой автор характеризует кинематограф как новый вид искусства, отличающийся рядом условностей, которые ограничивают воспроизведение реальности на экране, такими как двухмерность пространства, отсутствие цвета, нарушение пропорций и пр., но только благодаря им оно может именоваться искусством.

В то же самое время, советский режиссер С. М. Эйзенштейн [Эйзенштейн 1964] был категорически не согласен с мнением большинства теоретиков кино и считал, что не только возможно адаптировать литературный текст для воспроизведения в кино, но и утверждал, что приемы, используемые в литературе, являются ключевыми принципами киновыразительности.

Главенствующая в начале XX в. негативная оценка фильмов, основанных на литературном материале, была пересмотрена во второй половине столетия.

Е. П. Левин [Левин 1994] утверждает, что экранизация литературного произведения является частным случаем интерпретации, в которой режиссер стремиться, как можно больше соответствовать тексту произведения, оригиналу, но при этом еще и учесть желания зрителя, удовлетворить его ожидания.

По мнению Б. МакФарлейна, не стоит противопоставлять литературу и кино, тем более говорить о главенстве одного из видов искусств. Он говорит, что и у фильма, и у литературного произведения есть общие сюжетные «ядра».

Б. Гройс [Гройс 2003] в своих трудах сравнивает работу режиссера с деятельностью медиума. Главная задача медиума – быть посредником между мирами, реальным, материальным и ирреальным, духовным. Автор фильма – как бы, связующее звено между зрителем и писателем, тот, кто донесет до кинозрителя идеи художественного произведения, найдя для этого необходимые средства, при этом оставаясь незаметным.

Проанализировав историю вопроса, мы можем утверждать, что в случае текста киноискусства и текста литературного можно говорить о существовании определенной иерархии, а точнее о первичности второго по отношению к первому. Несмотря на то, что многие киноведа сегодня говорят о самостоятельности и независимости кинематографа, о том, что неправильно сравнивать экранизацию с литературным произведением, на основе которого оно снято, первое, что делает зритель, когда выходит фильм, это тщательно его изучает на предмет фактического соответствия.

Следует отметить, что экранизация, основанная на литературном материале, является не вторичным материалом, а самоценным. Когда автор создает какое-либо художественное произведение, он формирует совершенно новое художественное пространство. Это довольно трудоемкий процесс, в котором художник пытается соотнести внешние событийные пласты с художественной образностью. Если при создании нового произведения искусства опираться на сюжетно-образный ряд литературного произведения, автор может облегчить для себя эту задачу, потому что при этом он будет использовать внутреннюю

организацию и строгую систему устойчивых образных единиц оригинала. Однако это может привести и к дополнительным сложностям: создать уникальный текст, опираясь на готовый материал и пытаясь его не исказить. Какова бы ни была интерпретация, она никогда не будет полным отражением оригинального литературного текста, прежде всего потому, что интерпретация и первоисточник говорят на разных культурных языках. Более того, за всеми этими интерпретациями теряется, прежде всего, автор первоисточника, а потом и сам текст.

Следует отметить, что современный потребитель довольно часто знакомится с произведениями классической литературы через интерпретации, нередко ограничиваясь только ими, поэтому само качество перевода классики на язык кинематографа и телевидения остается проблемой, требующей серьезного изучения и исследования.

Литература

1. *Арнхейм Р.* Кино как искусство / Р. Арнхейм. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. – 208 с.
2. *Базен А.* Что такое кино? [сб. статей] / А. Базен. – Москва: Искусство, 1972. – 382 с.
3. *Балаш Б.* Дух фильма / Б. Балаш; пер. с нем. Н. Фридланд, ред. Н. А. Лебедева. – Москва: Художественная литература, 1935. – 200 с.
4. *Гройс Б.* Комментарии к искусству / Б. Гройс. – Москва: Художественный журнал, 2003. – 344 с.
5. *Левин Е. П.* Экранизация: историзм, мифография, мифология. (К типологии общественного сознания и художественного мышления) / Е. П. Левин // Экранные искусства и литература: Звуковое кино. – Москва: Наука, 1994. – С. 72–97.
6. *Шкловский В. Б.* Литература и кинематограф / В. Б. Шкловский. – Берлин: Русское универсальное изд-во, 1923. – 59 с.
7. *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения: в 6 т. Т. 2 / С. М. Эйзенштейн. – Москва: Искусство, 1964. – 593 с.
8. *Эйхенбаум Б. М.* Поэтика кино: Перечитывая «Поэтику кино» / Б. М. Эйхенбаум; [под общ. ред. Р. Д. Копыловой]. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: РИИИ, 2001. – 135 с.

Автор:

Николаева Анастасия Юрьевна – старший преподаватель кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: anastasija.nickolaewa2012@yandex.ru

Author:

Nikolaeva Anastasia Yuryevna – Senior Lecturer of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University; e-mail: anastasija.nickolaewa2012@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ОДНО ИЗ ТРЕБОВАНИЙ МОДЕРНИЗИРОВАННОГО ФГОС

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросу организации процесса обучения иностранному языку в русле реализации принципа преемственности. Автором рассмотрены основные положения данного дидактического принципа, а также проанализированы и обобщены факторы, влияющие на необходимость его реализации в образовании. Была представлена взаимообусловленность целей обучения иностранному языку и проведено сопоставление задач обучения иностранному языку в системе «школа-вуз». Руководствуясь идеями, положенными в основу концепции развития универсальных учебных действий учащихся средней школы, автор данной статьи предлагает использовать термин «учебные умения» для описания автоматизированных учебных действий студентов вузов.

Ключевые слова: принцип преемственности в обучении, иностранный язык, учебные умения, формирование компетенций, ФГОС.

Yu. M. Orekhova

REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF CONTINUITY IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AS ONE OF THE REQUIREMENTS OF A NEW EDUCATIONAL STANDARD

Abstract. The paper is devoted to the question of realization of the principle of continuity in teaching a foreign language. The author considers its key idea. Factors affecting the need to use the principle of continuity in education are analyzed and summarized. The interdependence of the goals of learning a foreign language in system «secondary school-university» is presented. The comparison of goals is also made in the context of new Educational Standard. Guided by the ideas of the concept of development educational activities of schoolchildren the author proposes to use the term «educational skills» which can help to describe students' skills.

Key words: principle of continuity, foreign language, educational activities, educational skills, forming of competencies, FGOS.

Повышение качества подготовки будущих специалистов требует активного поиска эффективной модели организации практической подготовки, обеспечивающей возможность интеграции теоретических знаний и практической деятельности [Горячев 2012: 596]. Государственная политика РФ в области образования направлена на создание системы непрерывного образования, базирующегося на принципах преемственности, систематичности и последовательности. Важность их реализации подчеркивается в «Национальной доктрине образова-

ния в Российской Федерации на период до 2025 года», в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего и высшего профессионального образования, в Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и ряде других нормативных документов.

При этом все более очевидными становятся факторы, определяющие новые требования к качеству образования по дисциплине «Иностранный язык», а именно [Покасов 2012: 5]:

- развитие у обучающихся способности к постоянному овладению новыми знаниями и умения применять их на практике (life-long education);
- информационно-технический прогресс во всех сферах человеческой деятельности;
- создание цифрового пространства и развитие виртуального общения;
- нацеленность политики государства на развитие человеческого потенциала: участие обучающихся в олимпиадах, исследованиях, проектах разного уровня, национальных конкурсах и т.д.;
- разработка единых требований к качеству образования и возможность эффективного управления процессами, обеспечивающими исполнение в полном объеме предъявляемых требований;
- соблюдение преемственности и единства обучения на разных образовательных ступенях (в системе школа-ВУЗ).

Категория преемственности является одним из принципов дидактики и понимается как связь между явлениями в процессе развития в природе, обществе и познании, когда новое, сменяя старое, сохраняет в себе некоторые его элементы [Вишнякова 1999]. Таким образом, реализация данного принципа подразумевает установление связи каждого последующего знания и умения с предшествующим, при этом новое должно продолжать старое. Так получаемые на каждом уровне обучения знания и умения помогают обучающимся глубже и сознательнее изучать языковой и культурологический материал.

Школа	ВУЗ
<i>формирование коммуникативной компетенции, отвечающей за способность обучающихся осуществлять общение посредством иностранного языка с носителями языка и культуры для решения социально-коммуникативных задач в бытовых и культурных сферах общения</i>	<i>повышение исходного уровня коммуникативной компетенции, достигнутого на предыдущей ступени образования (в средней школе), и достижение необходимого уровня владения компетенцией для решения социально-коммуникативных задач в различных областях бытовой, культурной, профессиональной и научной деятельности в процессе общения с зарубежными партнерами, при подготовке научных работ и для дальнейшего самообразования</i>

Рисунок 1. Цели обучения ИЯ в средней школе и ВУЗе

Если рассматривать процесс преподавание иностранного языка, то можно отметить, что меняется его содержание (тематическое наполнение), в то время как цели, задачи, аспекты и способы (технологии) проведения учебного занятия меняться не будут.

Невозможно стать конкурентоспособным специалистом, готовым к непрерывному профессиональному и личностному росту, без достижения определенного уровня сформированности всех составляющих иноязычной коммуникативной компетенции. Целенаправленная работа по формированию данной компетенции начинается со второго класса школы и длится на протяжении всего периода обучения в школе, а затем в ВУЗе. Сопоставительный анализ требований ФГОС ООО и ФГОС ВО 3++ применительно к обучению иностранным языкам позволил сделать вывод о том, что аспекты, над которыми необходимо работать, остаются теми же, однако степень проработки изучаемого материала и направленность обучения изменяются (см. таблица 1).

Таблица 1. Сопоставление задач (аспектов) обучения иностранному языку в средней школе и вузе

Аспект	Школа	Вуз
<i>Речевой аспект</i>	развитие умений в четырех видах речевой деятельности (аудирования, чтении, письме и говорении) в соответствии с содержанием обучения, указанным во ФГОС НОО и ООО	обучение практическому владению английским языком, критерием которого является умение использовать наиболее употребительные языковые средства в разных видах речевой деятельности
<i>Языковой аспект</i>	овладение языковыми средствами в соответствии с содержанием обучения, а также освоение базовых знаний о языковых явлениях иностранного языка, разных способах выражения мысли в родном и изучаемом языке	расширение словарного запаса и формирование терминологического аппарата на иностранном языке в пределах профессиональной сферы, знакомство с теоретическим материалом, имеющим отношение к изучаемым языковым явлениям (словообразование, переводческие трансформации и др.)
<i>Социокультурный аспект</i>	приобщение обучающихся к новой культуре, традициям и реалиям страны изучаемого иностранного языка, а также отвечающей за формирование умения представлять свою	развитие социокультурной компетенции для успешной коммуникации в поликультурном мире, что предполагает формирование представления об основах межкультурной коммуникации

	страну, ее культуру в условиях иноязычного межкультурного общения	
<i>Учебно-познавательный аспект</i>	развитие общих и специальных УУД: - личностных УУД и регулятивных УУД (на основе которых формулируются воспитательные задачи); - познавательных УУД и коммуникативных (на основе которых формулируются развивающие задачи)	формирование учебных умений: - развитие умения самостоятельно приобретать знания; - повышение уровня учебной автономии и способности к самообразованию; - расширение кругозора и повышение общей и информационной культуры

Реализация перечисленных выше аспектов обязательна как на уроке иностранного языка в средней школе, так и на занятиях иностранного языка в ВУЗе. В противном случае концепция непрерывного языкового образования не может быть реализована в полной мере.

Особого внимания заслуживает работа по развитию универсальных учебных действий (термин впервые был использован российским ученым А. Г. Асмоловым). Овладение школьниками УУД создает возможность самостоятельного усвоения новых знаний. Совершенствование УУД продолжается в вузе: из автоматизированных действий они постепенно становятся учебными умениями, необходимыми для повышения уровня владения иностранным языком. Под учебными умениями будем понимать наличие у обучающегося способности самостоятельно ставить цели обучения, искать оптимальные пути их достижения, а также уметь планировать свою работу для решения учебных задач (выполнение заданий для самоподготовки, реализация проектно-исследовательской деятельности, успешного прохождения промежуточной и итоговой аттестации и т.д.) [Орехова 2018]. Понятие «учебные умения» может включать в себя более широкий спектр явлений в зависимости от постановки конкретной учебной задачи.

Подводя итог, следует отметить еще раз, что вопрос обеспечения преемственности в обучении иностранному языку особенно актуален в наши дни: изучение языка не заканчивается в школе, оно продолжается на разных ступенях обучения в вузе (бакалавриат-магистратура-аспирантура). Преемственность в содержании обучения придает динамический, перспективный характер образовательному процессу. Реализация данного принципа способствует формированию познавательной активности обучающихся, воспитывает и создает творческую саморазвивающуюся языковую личность, потребностью которой стано-

вится постоянное совершенствование иностранного языка в рамках профессионально ориентированного общения.

Литература

1. *Вишнякова С. М.* Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика [Текст] / С.М. Вишнякова. – М.: НМЦ СПР, 1999. – 538 с.

2. *Горячев М. Д., Горячев М. М.* Профессиональная подготовка студентов – будущих учителей в процессе педагогической практики (исторический аспект) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 2 (3). – Т. 14. – С. 593-596.

3. *Орехова Ю. М.* Технология формирования социокультурной компетенции через применение учебных Интернет-ресурсов при обучении иностранному языку в средней школе: дис. ... канд. пед. наук / Ю. М. Орехова. – Ярославль, 2018. – 270 с.

3. *Покасов В. Ф.* Управление качеством образования современной школы (методические материалы) / под ред. В. Ф. Покасова. – Ставрополь: СКИРО ПК и ПРО, 2012. – 145 с.

Автор:

Орехова Юлия Михайловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Ярославль, Россия, e-mail: nikitina_89@bk.ru.

Author:

Orekhova Yulia M. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of Foreign Languages Department, Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense, Yaroslavl, Russia, e-mail: nikitina_89@bk.ru.

ИЗУЧЕНИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ В 8 КЛАССЕ МЕДИЦИНСКОГО ПРЕДУНИВЕРСАРИЯ

Аннотация. В статье предлагается методика изучения юмористических рассказов М. М. Зощенко «История болезни» и Н. А. Тэффи «Доктор Коробка» в аспекте деонтологии. Анализируются ключевые эпизоды, детали текста, речевые портреты персонажей, особенности композиции. Целостному изучению произведений способствует сопоставительный анализ с произведениями, посвященными медицинской тематике, и обращение к историческим реалиям.

Ключевые слова: юмористические рассказы, деонтология, анализ эпизода, детали текста.

N.I. Pavlova

STUDY OF HUMOROUS STORIES IN THE 8TH GRADE OF THE MEDICAL PRE-UNIVERSITY

Abstract. The article offers the study methodology of humorous stories by M. Zoshchenko “The Medical Record” and N. Teffi “Doctor Box” in terms of deontology. The key episodes, text details, characters’ speech portraits, composition peculiarities are analyzed. The comparative analysis with the stories, devoted to medical sphere, and reference to historic realia contribute to the integral study of the stories under study.

Keywords: humorous stories, deontology/ medical ethics, episode analysis, text details.

Включенные в качестве внеклассного чтения на уроках в 8 классе произведения Аверченко, Тэффи, Зощенко [Литература 2009: 114–135] вызывают интерес у школьников необычностью изображенных в нем ситуаций. Основное содержание уроков рекомендуется посвятить изучению сатиры и юмора в рассказах и способам создания комического [Беляева 2017: 201]. Принимая во внимание методические рекомендации, мы акцентируем внимание учащихся на деонтологической составляющей произведения – на отсутствии у медперсонала больницы элементарных норм культуры общения. Для восьмиклассников медицинского предуниверсария рассказ М. М. Зощенко «В больнице» в немалой степени является профессионально ориентированным, так как поднимает многие проблемы здравоохранения, в частности, этики взаимоотношения врача и пациента. Рассказ интересен и с точки зрения межпредметных связей с историей медицины – с именем древнегреческого врача Гиппократ, провозгласившего важнейшие этические и моральные принципы врачевания; с борьбой врачей с инфекционными заболеваниями и связанными с ней мероприятиями в России в 1920–1930-е гг.

Достижению предметных результатов способствует анализ произведения в единстве формы и содержания. Только целостное изучение дает понимание проблем, которые волновали писателя. С этой целью мы обращаемся к особенностям построения сюжета и композиции, анализу системы образов, речевым характеристикам персонажей, деталям описания, способам выражения позиции автора с учетом художественных особенностей произведения и отраженных в нем реалий, а также к таким теоретическим понятиям, как сатира и юмор, служащих элементом анализа текста, помогающих выявить пороки людей и общества.

Методическая модель Flipped classroom (Перевернутый класс), которую мы используем на уроках литературы, позволяет каждому ученику выбрать подходящий для изучения объем необходимых заданий – от освоения обязательного «ядра знаний» до самостоятельного поиска и обработки информации. За 7–10 дней до проведения урока учитель формулирует вопросы и задания, выделяет минимум, которым должен овладеть каждый, и максимум, с которым справятся сильные, мотивированные ученики.

Как вы понимаете слова древнегреческого врача: «Не навреди!» Соблюдается ли данный принцип в больнице, описанной Зоценко? В поисках ответа на вопрос учащиеся читают клятву Гиппократата и комментарии к ней. Соотнесение же с рассказом Зоценко приводит восьмиклассников к выводам: все, что ни делает медперсонал, вредит больному, случайно выжившему после всех злоключений, которым он подвергся в больнице.

Найдите в словаре литературоведческих терминов понятие комического и способы его выражения. Отметьте в рассказе Зоценко ситуативно обусловленную иронию, комическое преувеличение, проклятия, ругательства, угрозы, вульгаризмы, профессионализм и ответьте на вопрос: помогают ли сатира и юмор бороться со сложившейся в больнице ситуацией? Можно ли надеяться на изменения в данном медучреждении и здравоохранении в целом?

Выделите в рассказе основные события, происходящие с больным (ключевые эпизоды), проанализируйте их по плану: что изображается, как изображается, какое место отводится эпизоду в структуре рассказа, как выражается в нем позиция автора.

Отметьте детали описания приемного отделения (плакат на стене: «Выдача трупов от 3-х до 4-х»), обмывочного пункта (старуха в ванне, куда собираются поместить и следующего пациента), палаты и больничной одежды («больничное клеймо» «у кого на спине, у кого на груди, что морально унижало человеческое достоинство»). Подумайте, выражается ли в деталях позиция автора. Можем ли мы сказать, что писатель специально гиперболизирует мытарства своего персонажа? Может ли такое быть на самом деле? Свой ответ аргументируйте.

Развитию творческих и театральных способностей восьмиклассников служат такие задания, как поиск или создание своих иллюстраций к ключевым эпизодам рассказа: найдите или создайте свои иллюстрации к эпизодам. Найдите

те первое издание рассказа (журнал «Крокодил»), рассмотрите иллюстрацию. Можно ли догадаться, не читая рассказ, о чем в нем повествуется?

Прослушивание аудиозаписей выдающихся мастеров слова (И. Ильинского, А. Филиппенко, С. Юрского), читающих рассказ Зощенко, сопоставление содержания двух произведений – стихотворения Я. Смелякова «Если я заболею...» и рассказа Зощенко «В больнице» – развивают в юных читателях любовь к слову, желание повторно прочитать произведение после его изучения в классе.

Чтобы понять финал произведения, учитель вводит новое теоретическое понятие – кольцевая композиция: текст заканчивается тем же, с чего начался. Если первым испытанием героя стала надпись в приёмном покое: «Выдача трупов с 3-х до 4-х», то последнее – извещение из больницы жене с просьбой забрать труп. Композиция, таким образом, замыкается. Учитель помогает понять, что герой побеждён системой, относящейся к нему как к будущему трупу. А когда это случится – вопрос времени.

Параллель с рассказом А. П. Чехова «Палата № 6», где душевнобольных кулаком успокаивал больничный сторож Никита, и введение нового понятия – литературный процесс – в еще большей степени приводят к осознанию глобальности проблемы, поднятой писателями, заставляют задуматься о возможности изменения ситуации, как делал это доктор Чехов, проштудировавший «Отчет по осмотру русских психиатрических заведений...», написанный врачом П. А. Архангельским, и создавший свое произведение.

Сильным ученикам можно предложить индивидуальное задание – проведите сопоставительный анализ эпизодов, в которых описывается поведение больных в палате № 6 (1892 г.) и в советской больнице (1936 г.). Изменилась ли ситуация за полвека? Случайно ли герой Зощенко приходит к выводу, что он в больнице для душевнобольных?

«Первый от двери сидит, подперев голову, и глядит в одну точку. День и ночь он грустит, покачивая головой, вздыхая и горько улыбаясь; в разговорах он редко принимает участие и на вопросы обыкновенно не отвечает. Ест и пьет он машинально, когда дают.

Мойсейка днем прогуливается по палате от окна к окну или сидит на своей постели, поджав по-турецки ноги, и неугомонно, как снегирь, насвистывает, тихо поет и хихикает. Детскую веселость и живой характер проявляет он и ночью, когда встает за тем, чтобы постучать себя кулаками по груди и поковырять пальцем в дверях» [Чехов 1962: 124-125].

В медицинском предуниверситетском актуален поиск информации, связанной с историческими реалиями России 1930-х гг.

Так, восьмиклассники находят материал о распространении инфекционных заболеваний в России в период с 1918 по 1930-е гг., о борьбе врачей с тифом. Созданная вакцина помогла победить натуральную оспу, эпидемический возвратный тиф, начала снижаться заболеваемость сыпным и брюшным тифом. Возросло число врачей и медицинских учреждений, большое внимание уделялось подготовке санитарных врачей, на медицинских факультетах ввели социальную гигиену, гигиену труда и гигиену воспитания. Учитель предлагает будущим врачам познакомиться с эпидемиологической ситуацией в Саратове,

найти имена врачей, посвятивших себя борьбе с инфекционными заболеваниями. Один из них – И. К. Сухостав [Городнева 2016, Еремин 2017].

Узнают восьмиклассники и о том, что каждого поступившего в инфекционное отделение больного подвергали санобработке в санпропускнике, который именуется медперсоналом больницы обмывочным пунктом. Это одно из средств комического в рассказе, свидетельствующее не только о низкой речевой культуре медсестры. Вспомним медсестричкино словечко «набуруемим». В данном эпизоде речь идет и о нарушении санитарных норм, поскольку в санпропускнике может находиться лишь один больной.

Какие еще нарушения больничного отделения описываются в рассказе? Почему пациент заболел еще одним инфекционным заболеванием?

Учащиеся, анализирующие язык рассказа, делают вывод, что на его страницах много грубой лексики, которая характеризует тех, кто посвятил себя медицине. Герой же выходит из себя только в крайнем случае, когда его пытаются искупать вместе со старухой. Только тогда он называет медперсонал собаками, а старуха-пациентка, которую забыли в ванной, намеревается «распатронить» всех врачей. «Распатронит» ли? Задумаемся, изменит ли гнев пациентов систему? Вывод печален: Петр не пошел ругаться не только после выписки, но и тогда, когда узнал, что его жена получила ошибочное извещение о его смерти. Ему стало «немножко неприятно».

Как видим, больничные порядки представляются как проявление бездушия, цинизма и непрофессионализма по отношению к беспомощным, больным людям. Есть ли у писателя надежда на изменение положения в сложившейся ситуации? Задумаются ли медицинские работники об этических принципах непричинения вреда пациенту и этических нормах традиционной медицинской этики Гиппократова?

Такую же профессионально значимую направленность имеет рассказ Н. А. Тэффи «Доктор Коробка» [Тэффи 2011: 204–207]. Целостному восприятию произведения служит анализ речи персонажей и композиции.

Один из самых эффективных способов изучения – театрализация рассказа. Чтобы раскрыть характер каждого персонажа, определить его внутренний мир и склонности, необходимо проанализировать содержание и манеру речи, используемую лексику, излюбленные слова, обороты речи, синтаксические конструкции. Много о героях говорит и их эмоциональное состояние.

Наиболее эффективная модель урока – работа в группах. Выступления с последующим обсуждением не только интересны, но и полезны. Юные артисты отмечают удачные находки в выступлении, недостатки и способы их устранения.

Учитель формулирует вопросы, нацеленные на понимание характера доктора Коробки. Какое впечатление складывается о человеке, к которому обратились за медицинской помощью? Как он характеризует своих предыдущих пациентов – консьержку и роженицу? Каков результат его врачевания? Как это характеризует врача? Что его действительно интересует в жизни? Как вы понимаете выражение «сел помещиком»?

Размышления восьмиклассников о компетентности доктора, о его отношении к своей профессии приводят к выводу, что с деонтологической точки зрения «Доктор Коробка» – рассказ о плохом докторе. Узость его интересов, бедность языка, дубиноголовость – все нашло отражение в его фамилии. Читая «Мертвые души» в 9 классе, ребята познакомятся с Коробочкой – помещицей, чей смысл жизни сводится к накопительству. Чем-то Коробка напоминает и Манилова (страсть к собакам). Персонаж Н. А. Тэффи далек от медицины, но он потирает руки от удовольствия, предвкушая развитие практики. Предлагаем задуматься о нравственных ценностях доктора.

Какое впечатление сложилось у вас о матери мальчика? Проанализируйте содержание ее первой фразы – ответ доктору: «Консьержка рекомендовала. Здесь, говорит, доктор живет, только вы, говорит, к нему не ходите. Ну, а где нам по дождю болтаться из-за пустяков, потому что...» [Тэффи 2011: 204]. Как вы думаете, почему она все же привела сына к этому доктору? Как это ее характеризует? Почему убегает сломя голову?

Проанализируйте заключительные слова доктора Коробки. На кого и против чего направлен его гнев? Можно ли сказать, что в кольцевой композиции рассказа выражается позиция автора? На что направлена сатира Тэффи?

«Консьержка к вам послала!» Да она вас к черту пошлет, так вы к черту пойдете? Куда же вы? Эй! Полощите борной кислотой эту вашу ерунду. Да не надо мне ваших денег, я с русских не беру, а с болванов в особенности. И не пойте на морозе! Эй! Вы там! Не свалитесь с лестницы! Куда вы лупите-то! Я ведь вас не бью!» [Тэффи 2011: 207].

В результате анализа мы приходим к следующим выводам. Доктор Коробка, вспомнив свою былую практику и возомнив себя врачом, ведет себя крайне грубо, о болезни мальчика судит, скорее всего, по собственному опыту («Здорово коньяк хлещете, молодой человек, вот что. Нельзя так. Все горло себе ободрали»). Ряд односложных вопросительных и восклицательных предложений, назидательный тон свидетельствуют не только о низкой речевой культуре, но и о нарушении деонтологических норм.

Чтение классических юмористических рассказов дает богатую пищу для размышления о том, например, чем вызвано обращение писателей к подобным темам. Задумаемся и над тем, почему стали популярны телешоу и комедийные сериалы о врачах?

Литература

1. *Беляева Н. В.* Уроки литературы в 8 классе. Поурочные разработки: учеб. пособие для общеобразоват. организаций. 2-е изд. М.: Просвещение. 2017. – 256 с.
2. *Городнева А. В.* Иосиф Карлович Сухостав – первый преподаватель эпидемиологии. // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2016. – Том 6. – № 5. – С. 687.
3. *Еремин В. И.* Иосиф Карлович Сухостав – страницы биографии. // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 564-567.

4. Литература. 8 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 частях. Ч. 2. / авт.-сост. Коровина В.Я. [и др.]. 8-е изд. – М.: Просвещение. 2009. – 399 с.

5. *Тэффи Н. А.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Все о любви. Городок. Сборник рассказов. / Сост. И. Владимиров. – М.: Книжный клуб Книговек. 2011. – 416 с.

6. *Чехов А. П.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. Повести и рассказы (1892-1895). М.: ГИХЛ. 1962. – 549 с.

Автор:

Павлова Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского Минздрава России, г. Саратов, Россия; e-mail: n_i_pavlova@mail.ru

Author:

Natalia I. Pavlova – Associate Professor in the Department of Russian and Latin Languages, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, Saratov, Russia; e-mail: n_i_pavlova@mail.ru

Ю. А. Петрова, С. А. Петров, Т. В. Денисова

ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ СЛОВА «КĂМĂЛ»

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа словарей различных типов с целью описания семантических, сочетаемостных, фразеологических, стилистических свойств слова «кăмăл». В качестве источников анализа были использованы толковые, этимологические словари, словари синонимов, фразеологизмов и др.

Ключевые слова: лексикографический портрет, чувашский язык, словарь, «кăмăл», слово

Yu. A. Petrova, S. A. Petrov, T. V. Denisova

THE EXPERIENCE OF LEXICOGRAPHIC PORTRAITURE OF THE WORD "KĂMĂL"

Abstract. The article attempts to analyze dictionaries of various types in order to describe the semantic, combinable, phraseological, stylistic properties of the word "kămăl". Explanatory, etymological dictionaries, dictionaries of synonyms, phraseological units, etc. were used as sources of analysis.

Keywords: lexicographic portrait, Chuvash language, dictionary, "kămăl", word

Чăваш чĕлхи – «çĕр пин сăмахлă» чĕлхе. Вĕсенчен нумайăшĕ тĕрлĕ словарьте хайĕн вырăнне тупнă. Эпир ку ёçре *кăмăл* сăмах пирки çырас терĕмĕр.

Кашни сăмахра хайне евĕр пĕлтерĕш пытаннă. *Кăмăл* сăмах пĕлтерĕшне словарьсенче çапла аңлантарса панă:

КĂМĂЛ 1. Çыннăн ас-тăнпа сисĕм-туйăм хайне евĕрлĕхĕ; талай. *Ашă кăмăл. Хытă кăмăл. Çемçe кăмăл. Йывăр кăмăл. Тўрĕ кăмăл.* □ *Петокан ыра кăмăлĕ мана иментерсе пăрахрĕ.* Г. Ефимов. *Тĕлĕнмелле кăсăклă этем вăл, кăмăлĕ ылтăн.* П. Чичканов. *Вылянчăк кăмăл ана [хĕре] урăх сулла чуптарнă.* Капкăн.

2. Çын хайне епле туйни, сисĕм-туйăмне сĕмлени; хавхалану шайĕ, чун екки, хавал. *Кăмăла çемçет. Кăмăла хăпарт. Кăмăла хуç. Тулли кăмăл. Пусăрăнчăк кăмăл. Кăмăлсăр сасă. Халăх кăмăлĕ.* □ *Савăк шухăш кăмăла сĕклерĕ, лайăх кăмăл шăм-шака сăмăллăх кўчĕ.* И. Лисаев. *Анна Филипповна сăнĕнчен салху кăмăл сирĕлет, вăл хай сисмесĕрех хаваслăн кулса илет.* А. Ёсхĕл.

3. Пёр-пёр ёс тавас туртам (сунам); екки килни, чун выртни. *Мёнле, хёрём, кямалу сук-и мана пулайшмашкан?* Н. Максимов. *Манан та сула тухас кямал сук.* А. Емельянов. *Пёрре улах выранта кямал туличчен ларасчэ санна.* В. Алентей.

◇ **Кямала кай (кил)** Килёш, тивёстер, сырлахтар; юра. Ашшёне мухтани *Кёркурин кямалне каять.* В. Игнатьев. *Самрайсем чавашла каласни Лаврус мучие сав тери кямала килчэ.* А. Артемьев.

◇ **Кямал патранни 1.** Аш патранни, хасас килни; лёклен(тер)ни. *Борис стакана тытрэ кана, кямалэ патранса килчэ.* Д. Гордеев.

2. Аш вярканни; палханни, пашарханни, каняссарланни. *Олесьян кушёнчи куссуле курсан Иванан та кямалэ патранчэ.* А. Афанасьев [Чаваш 2016: 209.]

Чёлхесёсемшён самахан лексика пёлтерёшэ кана мар, самах астан пулса кайни те кясакля. М.Р. Федотов **кямал** самах этимологине сапла усса парать: **Кямал** сердце (в переносном смысле); средоточие человеческих чувствований; желание, сердечное предрасположение; настроение; удовольствие.

Производные формы: *ман кямал* гордость: *ман кямал пусса илнэ сын* человек, которого обуяла гордость; **кямал кил-** нравиться; **кямал кай-** нравиться; **кямал тулни** удовлетворение полностью, во всех отношениях; **кямал ус-** развлекать; **кямал укни** влюбленность; **кямал кур-** угодить; **кямалла-** одобрять, принять, симпатизировать; оказать внимание, сочувствие; **кямалля** добрый, симпатичный, приятный; **кямаллях** милость, щедрость, доброта, добродушие; **Кямал писни** охлаждение; **кямал патранни** тошнота; **кямалсәр** неприятный; неприветливо; недовольный, обиженный; **кямалсах** приветливый и др. (Ашм. Сл. VII, 129–139).

Тюркские соответствия: тар., кирг., ком., уйг., чаг., вт., др.-тюрк. *конул* дух; сердце; мысль; тур. *Гонул*= *конул*, аз. *гойул* сердце; душа; душевное настроение (Радл. Сл. II, 1236, 1587-1588); тат., башк. *кунел* внутренний мир, психика, чувства человека; настроение; расположение духа; душа, сердце (какместилище чувств); сердечный, душевный и др. От *кунел*: тат. *кунелчэк* разг. веселый, радостный, благодушный, приветливый (см. чув. *кямалсах*); тат. *кунелсез* скучный, невеселый, неинтересный (см. чув. *кямалсәр*); тат. *кунеллек* веселость, радостность; добродушие (см. чув. *кямаллях*); тат. *кунелле* веселый, оживленный, интересный, забавный; приятный, радостный (см. чув. *кямалля*) и другие. Ср. як. *кобул* ~ *конул* свободный, вольный; свобода, воля, желание; *кобулла-* *конулла-* освобождать, позволять. Эвенк. *кунул* (< як.) воля, желание; эвенк. *көнүллэ-* (< як.) разрешать (ТМС 1, 434).

Чув. **камал** > марЛ, кумыл, марГ, кымыл настроение; вдохновение, воодушевление; желание; расположение; чув, **кямалля** > марЛ. кумылло, марГ, кымыллы приятный; чув, **кя-маллан-** (кямал + -лан) > марЛ. кумылан, марГ, кымылан сделаться веселым, снисходительным; чув. **кямалсах** (кямал+ -сах) > мар. кумылзак веселый, добродушный (- тат, *кунел* +-чэк) (Федотов ЧМЯВ, 192), Согласно М. Рясену, пратюрк. **könjül* (Räsänen EWb., 291a). См. Егоров ЭСЧЯ, 98. [Федотов 1996: 251–252].

Егоров В.Г. *анлантаравэ сапларах: Кямал* 'сердечное расположение',

'настроение', 'желание'; **кәмәллә** 'приветливый'; **кәмәлсәр** 'неприветливый', 'неудов-летворённый'; др. тюрк., КБ, МК, Зол. бл., кирг., уйг. коңул, Замахш. көнгул, АФТ, азерб. көнүл, тур. гонул, казах. көңил, к. калп. кеуил, тат. күңел, желт. уйг. күңүл 'сердце', 'настроение', 'расположение духа', 'желание'; узб. кунгил 'сердце', 'душа'; 'сердечный', 'душевный'; кунгилсиз 'неприятный', 'унылый', 'невесёлый' [Егоров 1964: 98].

Нумай япала ячён **антонимпа синоним** пур. **Кәмәл** сәмахән антонимё тупәнмарё. Синонимне вара Е.Ф. Васильевән «Чаваш чөлхинчи синонимсен словарё» кёнекинче тупрамәр: **Кәмәл, хавал** настроение. **Кәмәл** *вылян хысқан ан сүре* (Ваттисен сәмахё). *Еплерех хавалпа сүретён-ха ку чухне?* (Н.И. Ашмарин. Чаваш сәмахёсен кёнеки). [Васильева 2014: 52–53].

Кәмәл сәмахпа **пёр тымарлә сәмахсем** шутне саксене кертме пулать: *кәмәл-ла, кәмәл-лан, кәмәл-лә, кәмәл-лә-н, кәмәл-ләх, кәмәл-сәр, кәмәл-сәр-ла, кәмәл-сәр-лан, кәмәл-сәр-лан-тар, кәмәл-сәр-ләх, кәмәл-сәрр-ән, кәмәл-сах, кәмәл- туй-әм, кәмәл-ча, кәмәл-шухайи* [Желтов 2016: 32]. Вёсем пурте Скворцов М.И. редакциленё «Чавашла-вырәсла словарьте» тел пулацсё: **Кәмәлла 1.** Любить кого-что-л., симпатизировать кому-чему-л., благоволить к кому-л.; ~**малла сын** симпатичный человек; ~**са вула** читать с удовольствием; **вёсем пёр-пёрне ~ссё** они любят друг друга; **эпё йна ~мастәп** он мне не симпатичен, я его не люблю 2. Пожелать; соблаговолить (что-л. сделать) ирон.; **вәл пирён пата пыма ~мё-и?** не соблаговолит ли он прийти к нам? 3. Предпочитать, выбирать; **хёрсем сёвёс е текстильщик ёсне ытларах ~ссё** девушки предпочитают специальность швей или текстильщицы 4. Облюбовать; **эпё сак чечеке ~рәм** я облюбовал этот цветок

Кәмәллан становиться добрым, радушным, ласковым; **ыря** ~ становиться добрым

Кәмәллә 1. Ласковый, любезный, сердечный, душевный; радушный, приветливый || ласково, любезно, сердечно, душевно; радушно, приветливо; ~ **хуса** радушный хозяин; ~ **калаç** говорить приветливо 2. Приятный, привлекательный, симпатичный || приятно, привлекательно; ~**сән-пит** привлекательная наружность; ~ **санталәк** приятная погода; ~ **курән** выглядеть привлекательно; **кама мён ~: йытта – шәмә, тилле – пулә** посл. Кому что нравится: собаке – кость, лисице – рыба; соотв. На вкус, на цвет товарища нет. 3. довольный, удовлетворённый | Довольно, с удовлетворением; **эпё унән отечёпе** ~ я доволен его ответом; ~ **пул** быть довольным, довольствоваться 4. С опр. Выражает разные по характеру чувства: **йшә (вашават)** ~ ласковый; приветливый, радушный; **йәваш** ~ кроткий, с мягким характером; **йывәр** ~ с тяжёлым характером; **кәра** ~ вспыльчивый; **мән** ~ гордый по характеру; **сәпай** ~ скромный; корректный; **Семсе** ~ мягкий, с мягким характером; **сирёп** ~ стойкий, с твёрдым характером; **түрө** ~ 1) честный, искренний 2) прямой, с прямым характером; **усә** ~ 1) щедрый 2) открытый, доступный; **усал** ~ злой, злобный; **хытә** ~ 1) жестокосердный, бессердечный 2) скупой; скаредный прост. **Пёр** ~ единодушно

Кәмәллән 1. Ласково, любезно, сердечно, душевно; радушно,

приветливо; ~ **хуравла** любезно ответить; ~ **пәхса** ил ласково взглянуть 2. Приятно, привлекательно, симпатично; ~ **курән** выглядеть привлекательно 3. Довольно, удовлетворённо; ~ **кулса** ил довольно улыбаться 4. С опр. Выражает разные по характеру чувства: **әшә (вашават)** ~ радушно, приветливо; **йәваш** ~ кротко; **пёр** ~ единократно; **сирёп** ~ твёрдо, стойко; **таса** ~ чистосердечно; **тулли** ~ удовлетворённо, с удовлетворением; **түрө** ~ честно, искренне; **уә** ~ 1) щедро 2) с открытой душой

Кәмәлләх свойство характера, уточняемое определением: **әшә (вашават)** ~ ласковость; приветливость; скупость. **Йәваш** ~ кротость; **савәк** ~ жизнерадостность; **сивё** ~ холодность, неприветливость; **Семсе** ~ мягкосердечие; **сирёп** ~ твёрдость, принципиальность; **таса** ~ чистосердечность; **түрө** ~ честность, искренность; **түрккес** ~ грубость; **уә** ~ 1) щедрость 2) откровенность; **хытә** ~ 1) жестокость, бессердечность 2) скупость; **скаредность** прост.

Кәмәлсәр 1. Неприветливый, нелюбезный, неласковый || неприветливо; нелюбезно, неласково; ~ **сын** неприветливый человек; ~ **калаç** разговаривать нелюбезно 2. Недовольный, неудовлетворённый || недовольно, неудовлетворённо; ~ **юл** остаться недовольным 3. Обиженный обиженно; ~ **хәвар** причинить обиду

Кәмәлсәрлә то же, что **кәмәлсәррән**

Кәмәлсәрлан 1. Становиться неприветливым, нелюбезным, неласковым; **вәл темшён** ~са кайнә он почему-то стал неприветливым 2. Становиться недовольным, неудовлетворённым; ~ **са хуравла** отвечать недовольным тоном 3. Обижаться; **ан** ~! Не обижайся!

Кәмәлсәрлантар вызывать недовольство, портить настроение, огорчать; **асу-аннүне ан** ~ огорчай своих родителей

Кәмәлсәрләх 1. Неприветливость, нелюбезность, неласковость, холодность 2. Недовольство, неудовлетворённость 3. Обида

Кәмәлсәррән 1. Неприветливо, нелюбезно, неласково,

Кәмәлсәх добрый, радушный, приветливый, сердечный, душевный; ~ **чөреллә** с добрым сердцем; ~ **карчәк** приветливая старушка

Кәмәл-туйәм собир. Настроение; чувства, эмоции || эмоциональный; **йывәр** ~ тяжёлые чувства; ~ **паләрни** проявления чувств

Кәмәлча уст. то же, что **пәлчав**

Кәмәл-шухәш то же, что **шухәш-кәмәл** [Скворцов 1985: 158–159].

Кәмәл сәмах **фразеологи единицисенче** чылай тел пулать. Вёсенчен хәшне-пёрне илсе кәтартатпәр: *кәмәл вёсерёнет, кәмәл выртать, кәмәл каять, кәмәл пәлханать, кәмәл пәсәлать, кәмәл пәтранать, кәмәл пур, кәмәл пусәрәнать, кәмәл саврәнать, кәмәл семсе, кәмәл семсәлет, кәмәл сәкленет, кәмәл ту, кәмәл тулать, кәмәл тулли, кәмәл тупәнать, кәмәл туртать, кәмәл уә, кәмәл уәлать, кәмәл уәси, кәмәл хуәлать, кәмәл юлать, кәмәла асла хур, кәмәла вәрәт, кәмәла йәпат, кәмәла йывәр ил, кәмәла кай, кәмәла кил, кәмәла пәс, кәмәла пәтрат, кәмәла пусар, кәмәла савәр, кәмәла семсет, кәмәла сәкле, кәмәла тат, кәмәла тултар, кәмәла туп, кәмәла уә, кәмәла*

хавар, кăмăла хуç, кăмăла хытар т. ыт. те [Федоров 2017: 166–167].

Кăмăл сăмах ытти сăмахсемпе епле çыхăнава кĕнине тĕпчесе çакна калама пулать. Ку сăмах сăмах майлашăвĕсенче тĕп сăмах та, пăхăнакан сăмах та пулать. Тĕп сăмах пулнă чухне ытларах паллă ятне (*артак кăмăл, вĕчĕх кăмăл, пусăрăнчăк кăмăл, йăваши кăмăл, йăпшака кăмăл, йÿçек кăмăл, йывăр кăмăл, йшă кăмăл, вылянчăк кăмăл, йывăр кăмăл, çемçe кăмăл, тÿрĕ кăмăл, усал кăмăл, уçă кăмăл, хытă кăмăл, ыра кăмăл, тулли кăмăл, хаваслă кăмăл, кĕрĕ кăмăл, кунĕ кăмăл, лăпкă кăмăл, тунсăх кăмăл, найкашуллă кăмăл, пăтравлă кăмăл, пăтранчăк кăмăл, пикенчĕксĕр кăмăл, савăк кăмăл, савăклă кăмăл, савăксăр кăмăл, савăнчăклă кăмăл, салху кăмăл, сапăр кăмăл, севĕрĕнкĕ кăмăл, сĕлкĕш кăмăл, сÿрĕк кăмăл, сÿрĕнкĕ кăмăл, таптанчăк кăмăл, тараватлă кăмăл, тăкăс кăмăл, тăнăç кăмăл, тулашуллă кăмăл, туртăнкă кăмăл, хаваллă кăмăл, хавас кăмăл, хаяр кăмăл, хивре кăмăл, хирĕлчĕк кăмăл, хирĕнчĕк кăмăл, хирĕç кăмăл, хурланчăклă кăмăл, шанăçсăр кăмăл, ынатлă кăмăл, эрленчĕк кăмăл, юмарт кăмăл, юнтармайши кăмăл, ÿркевлĕ кăмăл, çăтăр-çăтăр кăмăл, çĕкленÿллĕ кăмăл, çĕкленчĕк кăмăл, çĕткеленчĕк кăмăл, çилĕсĕр кăмăл, çиллес кăмăл, çирĕп кăмăл, çутă кăмăл, ймăр кăмăл, йçтиçук кăмăл, йметлĕ кăмăл, черчен кăмăл, тÿлек кăмăл, авăк кăмăл, вут-çиçĕмлĕ кăмăл), причастие (*çăмăлланнă кăмăл*) пăхăнтарать. Пăхăнакан сăмах пулнă чухне япала ячĕпе (*кăмăл ачаишлăхĕ, кăмăл екки, кăмăл патварлăхĕ, кăмăл салхулăхĕ, кăмăл тайăнĕ, кăмăл туртăмĕ, кăмăл хăй евĕрлĕхĕ, кăмăл чăрсăрлăхĕ, кăмăл çĕкленĕвĕ, кăмăл çемçелĕхĕ, кăмăл çырлахăвĕ, кăмăл йăвашилăхĕ*).*

Çапла вара, *кăмăл* – чăваш чĕлхинче анлă сарăлнă сăмах. Вăл ку таранччен пичетленсе тухнă чылай словарьте тĕл пулать.

Литература

1. *Васильева Е. Ф.* Чăваш чĕлхинчи синонимсен словарь. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2014. – 208 с.
2. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чуваши. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
3. *Желтов П. В.* Морфемный словарь чувашского языка: ок. 40000 слов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 72 с.
4. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т 2. С–Я. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.
5. *Федоров Г. И.* Чăваш фразеологийĕн анлантаруллă сăмах кĕнеки. 2 томлă. 1-мĕш том: А–С. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2016. – 271 с.
6. Чăваш чĕлхин анлантаруллă сăмах кĕнеки: 7 томлă. 2-мĕш том: Й–К (Кулачă). – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2016. – 368 с.
7. Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. – Москва : Русский язык, 1985. – 712 с.

Авторы:

Петрова Юлия Александровна – студентка 3 курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета

им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: Yuliapetrova2003@mail.ru

Петров Сергей Александрович – студент 3 курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: Sergeypetrov@mail.ru

Денисова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

Authors:

Petrova Julia Alexandrovna – 3rd year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law of I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: Yuliapetrova2003@mail.ru

Petrov Sergey Aleksandrovich – 3rd year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law of I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: Sergeypetrov@mail.ru

Denisova Tatiana Vitalievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies of I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИДЕОВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ НЕМЕЦКИХ АВИАКОМПАНИЙ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей употребления лексических единиц в видеовербальных текстах. Проводится анализ немецкоязычных рекламных текстов. Особое внимание уделяется вербальной составляющей. В результате были установлены специфика употребления и функции различных стилистических средств в рекламе немецкой авиакомпании.

Ключевые слова: рекламный текст, видеовербальный текст, лексика, средства выразительности.

V. S. Plakhtyria
Scientific supervisor: *A. I. Khloпова*

LEXICAL FEATURES OF VIDEO VERBAL TEXTS

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the use of lexical units in video verbal texts. The analysis of German-language advertising texts is carried out. Special attention is paid to the verbal component. As a result of the study, the frequency of use and functions of various means of expression in the advertising of German airlines were established.

Keywords: advertising text, creolized text, vocabulary.

В современном мире реклама становится объектом не только маркетинговых, но и лингвистических исследований. Рекламный текст причисляют к видеовербальным или креолизированным текстам. Согласно Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову, креолизированные тексты – это тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990]. То есть целостный образ текста составляют в равной степени как языковые, так и неязыковые элементы, к которым можно отнести цвет, шрифт, изображение и т. п. Как правило, при рассмотрении негомогенных текстов особое внимание уделяется невербальной части или взаимодействию элементов разных семиотических кодов. Мы же сосредоточимся на вербальной части, а именно на лексике, так как именно она в совокупности с невербальной частью выполняет аттрактивную функцию, являющуюся ключевой для рекламного текста.

При создании рекламы того или иного товара маркетологи прибегают к разным стратегиям. Это касается и стилистических приемов. Рассмотрим рекламу немецких авиакомпаний. Основой для исследования послужат рекламные плакаты Lufthansa Group, так как в отличие от других перевозчиков они имеют широкий ряд рекламных кампаний.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

На рисунке №1 мы видим следующую фразу: „Darf man sich beim Selberfinden auch mal verlieren?“. Это можно перевести следующим образом: «Можно ли в поисках себя потерять?». Данный пример построен на антитезе. Такой же приём мы видим на рисунке №2 „ORDENTLICHER JETLAG AUSSERORDENTLICH GÜNSTIG“. Составить русский перевод, который бы полностью отражал игру слов, не получится, так как немецкие слова „ordentlich“ и „außerordentlich“ являются однокоренными антонимами и имеют множество значений, среди которых очередной, постоянный и исключительный, необыкновенный, чрезвычайный. На антитезе построены и рекламные слоганы, представленные на рисунках № 3 и № 4 „DIE WEITE WELT FÜR SCHMALES GELD“ «Широкий / далекий мир за скромные/небольшие деньги». „Wann wird ein Tagebuch zum Bestseller?“ «Когда дневник становится бестселлером»? Использование противоположных понятий не просто усиливает экспрессивность текста, но и подчеркивает преимущества рекламируемой продукции, товаров или услуг. Компания предлагает путешествия по всему миру и заверяет клиента в том, что за небольшие деньги он получит незабываемые впечатления.

Рис. 5

Рис. 6

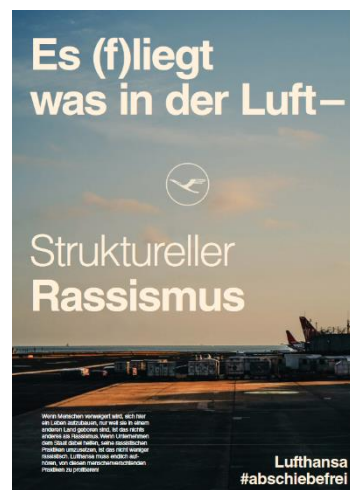

Рис. 7

Рекламные плакаты № 5, № 6, № 7 основаны на игре слов. Фраза на рисунке №5 „GEPFEFFERT IST BEI UNS NUR DER TOMATENSAFT“ «Острый (перченый) у нас только томатный сок» представляет собой каламбур, основанный на полисемии. Слово «острый» в совокупности с изображением отсылает к фразе «острые ощущения». Слоган на плакате № 6 „VON A NACH BADEN GEHEN“ переводится следующим образом: «Из А в Баден» и соотношится с фразой «из пункта А в пункт Б», в качестве пункта Б выступает Баден, так как название города начинается на соответствующую букву. В обоих случаях авторы рекламных плакатов прибегают к использованию устойчивых выражений и адаптируют их с целью заверить потенциальных клиентов в своей надежности и дать гарантии безопасного полета. В отличие от антитезы игра слов используется не с целью подчеркнуть преимущества продукции, а с целью привлечь внимание потребителя ярким и запоминающимся текстом. Автор старается удивить и заинтересовать реципиента. Особый интерес представляет плакат № 7. Он относится к постер-кампании против депортации, которая была запущена в 2020 году. Фразу „Es (f)liegt was in der Luft – Struktureller Rassismus“ следует перевести так: «Что-то витает(летает) в воздухе – структурный расизм». Игра слов строится на схожем звучании и написании слов „fliegen“ и „liegen“. В данном случае такой прием используется не чтобы прорекламировать услуги авиакомпании, а чтобы привлечь внимание к проблеме расизма по отношению к иностранцам.

Рис. 8

Рис. 9

Фразы на плакатах № 8 и № 9 содержат в себе гиперболу. „3 MILLIONEN GRÜNDE EUROPA ZU ENTDECKEN“ – «3 миллиона причин открыть Европу», „WIR HABEN ALLES, UM MENSCHEN, KULTUREN UND MÄRKTE ZU VERBINDEN. AUSSER DICH“ – «У НАС ЕСТЬ ВСЁ, ЧТОБЫ ОБЪЕДИНИТЬ ЛЮДЕЙ, КУЛЬТУРЫ И РЫНКИ. КРОМЕ ТЕБЯ.». «3 миллиона» и «всё» говорят не о реальных цифрах и количествах, а используются для создания экспрессивного, эмоционально окрашенного текста, который будет иметь большее влияние на реципиента.

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

На плакате № 10 мы видим следующий слоган: „Findet es die Welt schade, wenn wir sie uns nicht anschauen?“ – «Будет ли мир чувствовать себя плохо, если мы не будем на него смотреть?» В данном случае можно говорить об олицетворении, которое используется с целью пробудить эмоции у реципиента, эффект усиливает риторический вопрос, который так же придает экспрессивности тексту. На рисунке № 11 представлен перифраз. „Wir fliegen Sie in Ihr Klimachaos“ – «Мы доставим Вас в Ваш климатический хаос». В данном случае «климатический хаос» заменяет слово город. На это указывает и изображение покрытого смогом Парижа в иллюминаторах. Перифраз, как и олицетворение, придает эмоциональную окраску тексту. Плакат № 12 демонстрирует нам эпитет. „MIT ABSTAND ENTSPANNTER FLIEGEN“ – «лететь более непринужденно с расстоянием». Слово «спокойнее» подчёркивает преимущества рекламируемой услуги.

Рекламные тексты отличаются использованием экспрессивной лексики и различных средств выразительности, среди которых эпитеты, метафоры, гипербола, олицетворение и т. п. Такая лексика направлена на привлечение потребителя, воздействие на реципиента, ее задача – представить продукт, рассказать о

нем. Средства выразительности помогают создать яркий и запоминающийся образ.

Проанализировав ряд рекламных плакатов авиаконцерна Lufthansa Group, нельзя однозначно сказать, что какой-либо стилистический приём является доминирующим. Многие рекламные слоганы строятся на основе антитезы, однако, как показал анализ, другие средства выразительности, например, игра слов, гипербола, также являются частотными. Реклама авиакомпаний не строится по единому образцу с преобладанием какого-либо одного стилистического средства, используются разные схемы и стратегии.

Литература

1. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 80–186.

Автор:

Плахтыря Вера Сергеевна – студент факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Россия; e-mail: vera.plakhtyrya@yandex.ru

Научный руководитель:

Хлопова Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского Лингвистического Государственного Университета, г. Москва, Россия; e-mail: chloпова_anna@mail.ru

Author:

Plakhtyrya Vera Sergeevna – student of the German language faculty of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; e-mail: vera.plakhtyrya@yandex.ru

Scientific supervisor:

Anna Igorevna Khloпова – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Moscow Linguistic State University, Moscow, Russia; e-mail: chloпова_anna@mail.ru

**ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ
Б. БОЧАГОВА «БЕССМЕРТНИК И РОМАШКА»:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье представлена интерпретация стихотворения приднестровского поэта Б. Бочагова «Бессмертник и ромашка». Применяемые автором статьи методы лингвистического, семантического, лингвокультурологического анализа текста приводят к доказательству его идеи в трактовке лирико-патриотического стихотворения.

Ключевые слова: Б. Бочагов, художественный текст, анализ, интерпретация, названия растений.

S. S. Polezhaeva

**THE EXPERIENCE OF INTERPRETING THE POEM BY B. BOCHAGOV
"IMMORTELLE AND CHAMOMILE":
LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT**

Abstract. The article presents an interpretation of the poem by the Pridnestrovian poet B. Bochagov "Immortelle and chamomile". The methods of linguistic, semantic, linguoculturological analysis of the text used by the author of the article lead to the proof of his idea in the interpretation of a lyric-patriotic poem.

Keywords: B. Bochagov, literary text, analysis, interpretation, names of plants

Введение. Исследования проблематики филологического анализа текста свидетельствуют о глубоком проникновении специалистов-филологов, лингвокультурологов, когнитологов в сущность понятия «текст» (из современных отметим работы Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина [Бабенко, Казарин 2005], Н. С. Болотновой [Болотнова 2009], Н. А. Николиной [Николина 2003] и др.). Вместе с тем акцентируется внимание на художественный текст как на «чрезвычайно сложный объект исследования» [Бабенко, Казарин 2005: 25], потенциально предполагающий множественность исследовательских интерпретаций, в которых элемент субъективности, безусловно, есть. С точки зрения стилистики декодирования, в концепции И. В. Арнольд [Арнольд 2014], художественный текст, допускающий варианты интерпретации, содержит некий инвариант, отступление от которого является уже искажением, фантазированием по поводу текста. Не уйти исследователю в сторону фантазирования помогает сам текст, предлагающий читателю «сигналы» эстетической информации, которые способствуют раскрытию не только поверхностного, но и глубинного смысла текста.

В указанном ключе обратимся к стихотворению приднестровского поэта Б. Бочагова «Бессмертник и ромашка» [Литература Приднестровья 2011: 10] с целью описать опыт анализа и интерпретации этого поэтического текста. Анализ и интерпретация понимаются нами как взаимосвязанные процедуры, находящиеся в отношениях взаимодополнения. Не ставя задачи полной и всесторонней характеристики данного художественного произведения (тем более в контексте всего творчества Б. Бочагова), мы будем использовать *элементы* лингвистического, семантического, лингвокультурологического его анализа, которые подтверждают мысль немецкого филолога Эриха Ауэрбаха: «В истории цветов заключается часть истории человечества» [Вокруг книг]. О значимости цветов свидетельствуют стихотворения, представленные в Поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в которых бессмертник и ромашка отмечены следующей частотностью: *бессмертник* – 48 примеров употребления леммы в 36 текстах; *ромашка* – 266 примеров употребления леммы в 240 текстах (отметим, что анализируемое нами стихотворение Б. Бочагова в этом корпусе не зафиксировано) [НКРЯ]. Сформулируем **гипотезу**: через лингвокультурологическую проекцию двух цветов (бессмертника и ромашки) поэт призывает читателя не забывать о величии подвига солдата, отдавшего на войне жизнь за счастье потомкам жить на земле.

Основная часть. Приведем текст стихотворения Б. Бочагова «Бессмертник и ромашка».

*Давно (люди, верно, об этом забыли)
Вот здесь, на пригорке, упал человек, умирая.
В солдатской шинели, пропитанной кровью и пылью,
Прошедший за счастьем всю землю – от края до края.*

*Из капельки крови, что в землю последней упала,
Родился цветок, неприметный на вид, неказистый.
Бывает он розовым, белым, бывает и алым,
На тоненьком стебле упругом, чуть-чуть серебристом.*

*Ни ветры его не сломили, ни бури не смяли,
Ни солнце дыханьем на нем не оставило метки.
И люди с любовью, в глубокой и светлой печали,
Назвали бессмертником этот цветок незаметный.*

*А имя того, кто упал, до сих пор неизвестно.
Одна лишь любовь по ночам это имя шептала,
Тревожно искала людьми позабытое место
И лишь через годы над ним наклонилась устало.*

*Растет на пригорке бессмертник, суровый и горький.
Прносятся ветры, вздыхая порывисто, тяжело...
Скупую слезу уронила любовь на пригорке,
И там, где упала она, появилась ромашка.*

Лингвистический анализ. На первый взгляд, заглавие стихотворения говорит о том, что оно относится к пейзажной лирике и описывает двух предста-

вителей растительного мира – цветок бессмертник и цветок ромашку. Однако повторное прочтение текста способствует формированию глубины его понимания: открываются иные смыслы, способствующие осознанию читателем задуманных автором многих граней идей и эмоций.

Опишем особенности взаимоотношений «героев» стихотворения Б. Бочагова, которые проецируют авторское мировидение и его отражение в художественном тексте.

В стихотворении, помимо названных двух главных персонажей (бессмертник и ромашка), есть еще один под номинацией «люди». Именно этот персонаж упоминается трижды в тексте (бессмертник – два раза, ромашка – один раз). Лексема «люди» появляется в самом начале стихотворения, в первой строфе. Являясь вторым словом первой строки, оно вызывает интерес читателя; по всей видимости, автор намеренно выделяет этот персонаж. Слово «люди» употребляется дважды в контексте с лексемами одного понятийного ряда: *забыли, позабытое* – и один раз с лексемой *любовью*. Показательно, что лексема «люди» представляет собой грамматическую форму множественного числа существительного «человек» и, таким образом, символически выражает идею типичности описываемой в тексте «сюжетной линии». Автор представляет временные и пространственные координаты происходящих в тексте событий языковыми единицами: *давно, через годы, до сих пор; пригорок, место, земля, от края до края*. Стихотворение построено на контрасте, ср. следующие оппозиции: *давно – до сих пор; люди – человек; умирая – родился*. Среди них есть контекстные антонимы: *упала – появилась*. Отдельно выделяются образы *крови* (капелька крови) и *слезы*: из последней капли крови солдата вырастает бессмертник, а из слезы любви (девушки) – ромашка. Читателю несложно догадаться, что в тексте повествуется о глубоком чувстве любви между солдатом (олицетворяет его цветок бессмертник) и его девушкой, которую олицетворяет сама любовь. Номинация «ромашка» появляется в самом конце стихотворного текста, являясь собой ударную, ключевую позицию. Автор как будто специально обрывает повествование, выводя «на сцену» этот образ. Почему Б. Бочагов использует номинации этих двух цветов? Что они символизируют в русской культуре?

Лингвокультурологический анализ. Название цветка «бессмертник» восходит к французскому слову *immortelle* (иммортель). Из-за того, что, и сорванный, он долго не увядает, в народе этот цветок называют по-разному: *неувядка, живучка* [Легенды о бессмертнике]. Характерно, что он, предпочитая песчаную почву, растет на холмах, курганах, нередко на могилах. Обратим внимание, что Б. Бочагов местом локации этого цветка (а затем и ромашки) называет пригорок. В природе этот цветок встречается в разнообразной цветовой гамме: желтой, белой, сиреневой, фиолетовой, розовой, красной, оранжевой. Поэт в стихотворении использует три цвета – розовый, белый, алый. Любопытны многочисленные легенды, связанные с этим цветком. Одна из них следующая: однажды в Индии молодожены после свадьбы отправились к родственникам мужа, они шли через лес, где на них напали звери и жестоко растерзали. Жители селения похоронили молодоженов, а весной на месте захоронения вырос красивый

светло-сиреневый цветок. Охотник, проходя мимо, воскликнул, глядя на него: «Живи вечно!» [Красиков 1990: 78]. Вот так и появилось название цветка – бессмертник.

В стихотворении Б. Бочагова прослеживаются *интертекстуальные связи* с целым рядом текстов и легенд. Так, строка «А имя того, кто упал, до сих пор неизвестно» вызывает ассоциацию со словами на Могиле Неизвестного Солдата «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен» (автор надписи С. Михалков).

В молдавской (и приднестровской) культуре известна легенда о Гиочеле – маленьком подснежнике. В конце зимы цветок пытался пробиться сквозь снег, и Весна стала раздвигать колючие ветки терновника, чтобы дать ему возможность появиться на поверхности. Но разъяренная Зима разбушевалась, препятствуя этому, подняла сильный ветер. Слабый цветок поник под жестоким ветром. Весна, спасая подснежник, прикрыла его рукой, но укололась терновником, и капля ее горячей алой крови окропила белые лепестки появившегося подснежника и оживила его. Эта легенда говорит о победе добрых сил, ведь Гиочел и Весна победили коварство, подлость, зло. С тех пор мэрцишор («маленький март» – весенний первоцвет), в котором переплетены белый и красный цвета, люди с любовью дарят друг другу в первый месяц весны как символ счастья и радости. В конце месяца мэрцишоры принято развешивать на деревьях и при этом загадывать желание, которое обязательно сбудется. Эта прекрасная история служит основой для создания многих художественных произведений, например, стихотворения приднестровской поэтессы Н. Бычковой «Легенда о подснежнике» [Литература Приднестровья 2010: 171]. Похожие легенды о нежном весеннем цветке есть и у славянских народов, например, у болгар. Этот цветок они называют мартеничка / мартиничка.

О цветке бессмертнике как символе жизни писала другая приднестровская поэтесса – О. Сизова – в стихотворении «Бессмертник» [Сизова 1997: 125]. А в четверостишии советского российского поэта и прозаика С. Красикова налицо прямая переключка с текстом стихотворения Б. Бочагова «Бессмертник», ср.: *«Где насмерть сраженный солдат упадет, / Теряя последние силы, / Горящей звездой бессмертник взойдет / Над холмиком братской могилы»* [Красиков 1990: 77].

В анализируемом стихотворении Б. Бочагова выписан образ еще одного цветка – ромашки. Почему же именно этот цветок «соседствует» с бессмертником? Интересно происхождение слова «ромашка»: когда-то это растение называли пупавкой (по-латыни – "Anthemis romana" – пупавка римская). «Поляки описали "ромашку" в XVI веке и назвали "Романов цвет". Постепенно название менялось на "Романова трава", затем – "Романа" и, наконец, "Ромашка". Первым назвал "пупавку" "ромашкой" русский ученый, ботаник, агроном, художник и писатель Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) в конце XVIII века» [Выгодский 2021]. Согласно легенде, ромашки, цветы которых по форме напоминают зонтики, в давние времена были прикрытием от дождя, служили зонтиками для маленьких степных гномиков. Сила оберега у ромашки колоссальная:

она защищает растения от тлей, гусениц, даже от полевых мышей. Она также врачует раны, поскольку обладает антисептическими свойствами [Красиков 1990: 234]. Кроме того, известно, что ромашка издавна служила цветком для гадания о любви («любит-не любит»). Все эти факты свидетельствуют о том, что для художественного представления описываемого автор стихотворения выписал образ именно ромашки – цветка, аллегорически символизирующего любящую девушку, защищающую своего погибшего любимого от невзгод («*Ни ветры его не сломили, ни бури не смяли, Ни солнце дыханьем на нем не оставило метки*»). Показательно, что у ромашки есть еще одно название – *невесточка* [Красиков 1990: 235]. Таким образом, роль двух «персонажей» (бессмертника и ромашки) понятна.

Какова же роль третьего персонажа, которого автор называет «люди»? Мы предполагаем, что она неоднозначна. Как отмечено выше, синтагматическое окружение лексемы «люди» (*забыли, позабытое (место); с любовью*) свидетельствует о следующем: автор с сожалением констатирует тот факт, что **люди сегодня проявляют недостаточное внимание к павшим героям, к памяти о них**. (Это наша интерпретация анализируемого стихотворения Б. Бочагова, и мы попытаемся обосновать свою точку зрения). Собственно, слова *забыли, позабытое* используются в описании павшего солдата, места его гибели, а словоформа *с любовью* – в описании цветка бессмертника. Вместе с тем приложение *в глубокой и светлой печали* позволяет усмотреть оптимизм автора: ведь печаль светлая, память о погибшем солдате как символе множества павших героев будет у людей сохраняться, она – свет, путеводитель для последующих поколений.

Представляется, что доминирующей семантической линией в тексте Б. Бочагова является противопоставление двух начал: люди (смертны) – любовь (бессмертна, вечна). Ср.: *...люди, верно, об этом забыли; людьми позабытое место*. А любовь (как высшая субстанция мироздания) в вечности хранит память об отданной жизни, ср.: *через годы* (пронесла любовь свое чувство).

Семантический анализ. Обратим внимание на, с нашей точки зрения, ключевое слово для понимания авторской концепции стихотворения – слово *верно*. Оно использовано в функции вводного слова в составе вводного предложения в первой строке стихотворения. Обратимся к семантике этой лексемы, зафиксированной в ряде словарей русского языка, и применим метод ступенчатой идентификации (в концепциях Д. Н. Шмелева, Э. В. Кузнецовой и др. лексикологов) в описании семантической структуры слова. **Верно** – 2. *в знач. ввод. сл.* Должно быть, вероятно (*разг.*). **Вероятно** – *в знач. вводн. сл.* По-видимому, по всей вероятности [Ожегов 1975: 70]. У конструкции *по всей вероятности* имеются синонимы – вводные слова *наверное, наверно, верно* [Словарь синонимов]. **Наверно** – 1. *Вв. слово*. То же, что *наверное* [Ожегов 1975: 340]. **Наверно** – *нар. разг. 3. употр. как вв. сл., соответствуя по значению словам: вероятно, по-видимому* [Ефремова 2000]. Как видим, слова *верно* и *наверное (наверно)* семантически близки (если не идентичны!). Вместе с тем, как представляется, наличие развернутого иллюстративного материала могло бы дать

основание для более глубоких и тонких выводов относительно специфики актуализации семантических признаков в каждой из этих лексем, и эти выводы, думается, могли бы быть не столь однозначными.

Однако мы предполагаем (обосновывая нашу точку зрения), что в анализируемом контексте стихотворения «Бессмертник и ромашка» вводное слово *верно* (синоним – *наверно*) актуализирует грамматическую семантику модального слова, а именно утверждение (а не сомнение), что можно доказать, обратившись к этимологическим словарям. Ср.: *наверно* – искон. Из *наверное*, возникшего в XIX в. арго картежников на базе оборота (*идти*) *на верную* (*ставку*)... Исходное (противоположное) значение «наверняка» отмечается sporadически и сейчас [Этимологически словарь Шанского]; *наверно* – восходит к выражению картежников *идти на верную*. Первоначально означало «наверняка» [Крылов 2005]. Наречие *наверняка* (разг.) реализует значение «несомненно, обязательно» [Ожегов 1975: 340]. Именно таким образом, на наш взгляд, автор стихотворения «Бессмертник и ромашка» Б. Бочагов выражает свою гражданскую позицию. И именно таково доказательное суждение нашей гипотезы.

Выводы. Сформулированную трактовку подтвердим словами В. Г. Адмони: «Художественный текст – это возникающее из **специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника** (выделено нами. – С. П.) душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания...» [Цит. по: Бабенко, Казарин 2005: 26]. В этих словах подчеркивается значимость роли автора, отражающего действительность вербальными средствами, образ которой представлен через его, авторское, индивидуальное, восприятие и адресует его мировидение читателю / слушателю. Как представляется, **Б. Бочагов нацеливает читателя на мысль о том, что сегодня, в современном мире, необходимо уделять большее внимание формированию достойной памяти о подвиге солдата, отдавшего свою жизнь на войне за счастье последующих поколений.** К такому выводу приводит вербализованное в стихотворении представление поэтом главной его идеи.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М.: Флинта: Наука, 2014. – 384 с.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
3. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4 е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520 с.
4. Вокруг книг: [Электронный ресурс]. URL: <http://vokrugknig.blogspot.com/2018/06/45.html>. (Дата обращения: 03.09.2023).
5. Выгодский В. С. К этимологии русских названий растений, встречающихся в Израиле. Ч. I. Ашкелон, 2021. Режим доступа: <https://proza.ru/2021/07/19/1318>. (Дата обращения: 10.08.2023).

6. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%BD/%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE>. (Дата обращения: 05.09.2023).
7. *Красиков С. П.* Легенды о цветах. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 303 с.
8. *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/%D0%BD/%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE>. (Дата обращения: 05.09.2023).
9. Легенды о бессмертнике. [Электронный ресурс]. URL: <https://vortexflowers.net/legendyi-o-tsvetah/legendyi-o-bessmertnike-gelihrizume/#more-3416>. (Дата обращения: 30.08.2023).
10. Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 7 – 9 классы. Учебник для организаций общего образования / Авт.-сост.: Т. А. Арабаджи, И. Л. Павловская. – Тирасполь: ПГИРО, 2011. – 188 с.
11. Литература Приднестровья. (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 5 – 6 классы. Учебник для организаций общего образования / Авт.-сост.: Т. А. Арабаджи, Т. Г. Цыгуля. – Тирасполь: ПГИРО, 2010. – 182 с.
12. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 27.08.2023).
13. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. Высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
14. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Около 57000 слов. 11-е, стереотипн. М., «Русский язык», 1975. – 846 с.
15. *Сизова О.* Бессмертник / Три возраста души: Сборник. – Бендеры, 1997. – 152 с.
16. Словарь синонимов. [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org/s/по%20всей%20вероятности>. (Дата обращения: 03.09.2023).
17. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%BD/%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE>. (Дата обращения: 05.09.2023).

Автор:

Полежаева Светлана Серафимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова, Приднестровье; e-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

Author:

Polezhaeva Svetlana S. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova, Pridnestrovie; e-mail: svetlanapolejeva1506@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЙ АВТОРИТЕТ УЧИТЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Аннотация. Рассматривается природа и сущность учительства в широком смысле этого слова. В качестве материала для анализа и иллюстрации общих положений избрано творчество А. А. Зиновьева, выдающегося российского ученого и писателя. В результате автором сделан вывод о том, что необходимо учиться у Зиновьева творческому, критическому мышлению и нравственному самоустроению личности.

Ключевые слова: А. А. Зиновьев, учитель, этика, мышление, личность.

A. D. Pokhilko

MORAL AUTHORITY OF THE TEACHER IN RUSSIAN CULTURE: THE EXAMPLE OF A.A. ZINOVIEV

Abstract. The nature and essence of teaching in the broad sense of the word is considered. The work of A.A. was chosen as material for analysis and illustration of general provisions. Zinoviev, an outstanding Russian scientist and writer. As a result, the author concluded that it is necessary to learn from Zinoviev creative, critical thinking and moral self-development of the individual.

Key words: A. A. Zinoviev, teacher, ethics, thinking, personality.

Актуальность темы несомненна, поскольку речь идет не только о передаче знаний, но и о формировании у новых поколений нравственных ценностей и идеалов. По этому поводу автору уже приходилось высказываться, поэтому не будем повторяться. Следует только сказать, что учительство как персоналистическая миссия в России касается не только школьного учителя или вообще профессионального преподавателя, но и всякой личности, которая становится нравственным авторитетом и просвещает народ [Похилько 2023: 32–35]. В качестве такого нравственного авторитета нам приходилось брать в качестве примера поэта. В данном случае речь пойдет об ученом и мыслителе – логике, философе, социологе Александре Александровиче Зиновьеве. Столетний юбилей Зиновьева и тот факт, что 2022 год был объявлен Годом Александра Зиновьева еще раз подчеркивает актуальность темы.

Следует поставить проблемные вопросы о том, чему нужно учиться у Зиновьева? Нужно ли учиться? И начать можно с самого простого и важного вопроса: является ли он учителем.

Научное творчество и житнетворчество Зиновьева производит необычное впечатление – оригинальности, смелости и масштабности. Зиновьев может быть образцом мыслителя и ученого, который чем-то напоминает М. В. Ломо-

носова. Может быть, своей универсальностью, может быть, любовью к научной мысли. Как и Ломоносов, он может быть представлен в образе своего рода учителя Логике в российской науке. Учительство понимается в данном случае как понятие, соотносительное с ученичеством. Ученичество и учительство выступают как противоположные и дополнительные интенции российской и советской духовной культуры. Зиновьева также породила наша земля с ее духом и культом учительства. Эта культура учительства, наверное, связана с поздним наступлением в России эпохи Просвещения, с ее противоречиями и особенностями. И Зиновьев не мог избежать участи и одновременно чести стать таким Учителем. И не случайно Ольга Мироновна Зиновьева характеризовала его как учителя: «Главным для него было – еще одна возможность объяснить свою позицию, воспользоваться очередной трибуной. Александр Зиновьев был в первую очередь учитель, что многое объясняет» [Зиновьев 2022: Предисловие]. Сразу же оговоримся, он учитель необыкновенный.

Попробуем найти образ Зиновьева как учителя в широком смысле этого слова в его творческом наследии и в его жизнетворчестве. Конечно, оговоримся, он не учитель начальных классов и даже не простой профессор вузовского уровня. Он бы никогда не справился с ролью учителя начальных классов. Это слишком трудная задача для такого крупного мыслителя. Он бы попробовал учить детей широко мыслить, а их нужно учить читать, писать и считать. Лозунг о том, что «Школа должна учить мыслить» остался нереализованным. А он это требование реализовал, но в отношении уже мыслящих. Он учитель уже мыслящих и уже ученых людей. Он учил и учит их мыслить. Что это значит? Мыслить по законам многозначной логики? Возможно, потому что надо мыслить инаково, не так, как все, находить парадоксальные повороты мысли. Учитель диалектической логики? Тоже неплохо. Однако есть и другой возможный ответ – он учит смелости и мужеству мысли. Смелости мысли, доходящей до безрассудной отваги. Это способность быть личностью на основе рациональной автономии, на основе создания суверенного пространства мысли даже в обществе тотального контроля.

Можно задать вопрос: чему мы можем поучиться у Зиновьева? Однако еще лучше задать вопрос так: Чему я, именно я, а не абстрактное «мы», чему я могу поучиться у Зиновьева? Я могу поучиться жизнетворчеству на основе мыслетворчества. Культуре общения индивидуалиста в коллективистском обществе и коллективиста в обществе индивидуалистов. Поучиться экспериментировать с правилами зиновьйоги [Зиновьев 2011]. Слово «зиновьйога» трудно произносится. А следовать ее правилам еще труднее.

Зиновьйога как нравственное кредо предполагает соблюдение многих правил, но основным является Главное правило — отказ от действия, направленного на собственную выгоду, если оно принесёт вред другому. Законы и правила зиновьйоги облегчают конструирование моего Я как суверенного государства, в котором я сам даю себе законы и сам же их исполняю. Личностная автономия строится на основе автономного мышления. Однако чем более совершенным становится этот внутренний автономный мир, тем более хрупким

он становится, тем большее давление на него оказывают внешние силы. Автономия как независимость в чистом виде оказывается невозможной, она дополняется зависимостью от других людей, компромиссами с ними, автономия самораскрывается в виде диалога.

Диалог выступает как самораскрытие личностной автономии. Подлинный диалог как порождение новых смыслов становится возможным при условии достаточной степени автономности мышления и личностной автономии соответственно. С другой стороны, такой диалог укрепляет личностную автономию, способствует личностному саморазвитию. В итоге строится личностная этика как диалогическая этика персоналистической ответственности и разумного компромисса. Если хотите, разумного эгоизма, плавно переходящего в разумный альтруизм. Нет никакой универсальной этики. Есть только этики во множественном числе, среди которых и моя личная этика. Что препятствует личностной автономии и диалогу? Непосредственно препятствует страх. Этот страх можно назвать «ноофобией», страх перед разумом, логикой, мышлением, наукой, страх перед творчеством, перед всем новым.

Что бы сказал Зиновьев по поводу моих соображений? Не исключено, что он сказал бы, что слишком усердных учеников надо «убивать» за их догматизм. Такое парадоксальное отношение к ученикам мы видим в дзен-буддизме. В обучении как приобщении к творчеству и самотворчеству суть учителя как философа. Философ – это великий спорщик. Если ему говоришь «да», он тут же отвечает тебе «нет», а если говоришь «нет», то он отвечает тебе «да». Это похоже на софистику, но на самом деле это плодотворная дискуссия, в которой ты учишься мыслить. Не исключено, что на утверждение о том, что глобальный человек – это плохо [Зиновьев 2019], он мог бы сегодня спокойно возразить нам, что глобальный человек – это не плохо и не хорошо, это закономерность исторического процесса.

Вопрос об учительстве поставлен нами в широком смысле. Можно ли приблизиться к ответу на него в каком-то более узком, конкретном смысле? Попробуем найти такой ответ у самого А. А. Зиновьева. Обратимся к книге «Затее». Как раз в его «Затее» есть оригинальное мнение по поводу сущности учительства. «Учитель, – отмечает он, – это значит: я пошел, всякий желающий может идти со мной, за мной, рядом. Я мог бы быть лидером такого братства» [Зиновьев 2000: 89]. Очевидно, что учителя здесь он противопоставляет вождю, для которого обязательно требуется организация. В организации действует авторитет власти, а в единстве (братстве) – добровольно объединяются личности, в котором лидером является учитель как первый среди равных и действует власть морального авторитета, власть знания. Единство в объединении означает добровольную координацию действий сильных духом. По мнению А. А. Зиновьева, организация объединяет посредственностей, нездоровых и неполноценных индивидов, подавляет личность. В единстве же человек сохраняет и развивает личность. Позволим себе процитировать важную мысль А. А. Зиновьева достаточно полно. «В организации, – пишет он, – человек отчуждает имеющиеся у него крохи личности в личностное начало целого или получает эти крохи

от организации как единой личности. Организация в целом есть личность, и представляет это личностное ее начало ее руководитель. Организация есть удовлетворение тщеславия, жажды силы и власти и т. п. Единство не тщеславно, не властолюбиво. Организация цинична и жестока. Единство добро и свято» [Зиновьев 2000: 89–90].

Эти мысли очень серьезные, глубокие: настоящий учитель помогает личности развиваться, просвещая ее и подавая нравственный пример сохранения в себе человеческого бытия. Надо поразмышлять еще о том, почему все-таки с учителем можно идти рядом, т. е. «слева» или «справа», можно идти «сзади». Но нельзя идти «вперед». Наверное, это потому, что учительство и вождизм чем-то похожи. На деле не все так просто, потому что вождей называли Учителями, а учителей – вождями, организации – единством, а единство превращалось в организацию и т. д. И различать их не так-то просто. В русской философии истина онтологична, но онтологичным является и заблуждение, иллюзия, ложь. Для их различения надо и думать, и действовать, и учитывать исторический опыт великих просветителей.

Таким образом, учиться можно и отдельным сторонам наследия Зиновьева, Однако лучше всего вникать в его творческую развивающуюся суть и смотреть на отдельные детали широко, в перспективе, исходя из этой сути, т. е. творческого мышления как жизнетворчества. Особенностью наследия Зиновьева является то, что он учит мыслить нашу интеллигенцию. Им движет любовь к науке и к своему народу.

Литература

1. *Зиновьев А. А.* Глобальный человек: избранные произведения. – Москва : Канон-плюс, 2019. – 367 с.
2. *Зиновьев А. А.* Затея. – Москва : Центрполиграф, 2000. – 553 с.
3. *Зиновьев А. А.* Зиновьюга. 10.05.2011 . URL: Александр Зиновьев: ЗИНОВЬЮГА — Зиновьев.Инфо / Zinoviev.Info
4. *Зиновьев А. А.* Новый век. Я мечтаю о новом человеке : сборник избранных интервью. – Москва : Родина, 2022. – 236 с.
5. *Похилько А. Д.* Универсальная интенция просветительства в российской духовной культуре // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 18 июля 2023 года / Чувашский республиканский институт образования Министерства образования Чувашской Республики. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – С. 32-35.

Автор:

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета им. г. Армавир, Россия; e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Author:

Pokhilko Alexander Dmitrievitch – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities, Armavir State Pedagogical University named after Armavir, Russia; e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ДЕРИВАЦИИ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается лексико-семантический способ образования терминов. Отмечается, что переход общеупотребительной лексики в научную сферу общения неизбежно связан с семантическими сдвигами и преобразованием первичного значения слов. По соотношению специального понятия и общеизвестного предмета выделены такие виды лексико-семантического способа образования терминов лесного хозяйства, как специализация общеупотребительного слова, метафоризация, метонимические переносы. Показаны семантические различия между омонимичными общеупотребительными словами и специальными лесохозяйственными понятиями, выделены основания для возникновения метафорических и метонимических переносов.

Ключевые слова: терминология лесного хозяйства, специализация значения общеупотребительного слова, терминологизация, метафоризация, метонимический перенос.

O. V. Rusak

SEMANTIC METHOD OF DERIVATION OF FORESTRY TERMS IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

Abstract. The article examines the lexical-semantic way of forming terms. It is noted that the transition of commonly used vocabulary into the scientific sphere of communication is inevitably associated with semantic shifts and the transformation of the primary meaning of words. According to the relationship between a special concept and a well-known subject, such types of lexical-semantic way of forming the terms of forestry and forest industry as specialization of a commonly used word, metaphorization, metonymic transfers are distinguished. The semantic differences between homonymous common words and special forestry concepts are shown, the reasons for the emergence of metaphorical and metonymic transfers are highlighted.

Keywords: terminology of forestry and forest industry, specialization of the meaning of a commonly used word, terminologicalization, metaphorization, metonymic transfer.

Формирование научного словаря в любой области знаний в немалой степени происходит за счет использования профессионально дефинированных слов общего языка. Рассмотрение семантического (лексико-семантического) способа образования терминов вызывает большой интерес, так как, по наблюдениям исследователей, «с его помощью удовлетворяются все

возрастающие потребности науки в новых терминах» [Даниленко 1977: 98]. Как отметил Сусов И. П., «инвентарь номинативных единиц огромен, но, тем не менее, его рост в определенной степени регулируется ограниченными возможностями человеческой памяти. Вероятно, этим мотивируется тенденция не к изобретению новых слов, а к использованию словообразовательного механизма и механизма семантических переносов» [Сусов 2007: 125].

По соотношению признаков специального понятия и общеизвестного предмета выделяются следующие виды семантического способа терминообразования в области лесного хозяйства: специализация значения общеупотребительного слова, метафорические и метонимические переносы.

Специализация значения происходит в случаях, когда общеупотребительные слова используются в сфере специальной коммуникации и приобретают специальное терминологическое значение. Еще В. В. Виноградов отмечал, что «путь приспособления общенародных слов в качестве терминологических наименований проходил через семантическую специализацию, которая начиналась с использования их в особых контекстах» [Виноградов 1952: 147].

Как правило, специализация происходит в многозначных по своей семантической природе словах. В области лесного хозяйства они используются для выражения одного из присущих им значений, которое выделяется контекстуально. Термины, образованные таким способом, обладают не всеми приметам терминологической лексики. В частности, в них отсутствует примета ограниченности использования в языке специалистов, ограниченность сферы номинации. Омонимические общеупотребительные слова и специальные лесохозяйственные термины различаются объемом информации. Подтверждение этому – характер толкования значения общеупотребительных слов в лингвистических словарях и дефиниции в терминологических словарях и энциклопедических справочниках. Если первые дают минимум информации о предмете, а потому ограничиваются кратким объяснением, то вторые наполняют эти слова элементами соответствующей теории, требующей более широкого, тематически связанного контекста: *лес* – ‘массив земли, заросший деревьями’ [Глумачальны 2016: 396] и *лес* – ‘один из основных типов растительности, состоящий из совокупности древовых, кустовых, травянистых и других растений (мхов, лишайников), включает животных и микроорганизмы, биологически взаимосвязанные в своем развитии и влияющие друг на друга и на внешнюю среду’ [Міксюк, Ражкоў 1992: 34].

Метафора в современной лингвистической литературе трактуется, с одной стороны, как ментальный, а с другой стороны, как языковой механизм, в основу возникновения и функционирования которого положено существование у объектов языковой действительности набора сходных признаков, на основании которых эти объекты могут быть сопоставлены друг другу. Метафоризация в языке науки – это семантический процесс выбора наименования на основе предметного, качественного или функционального сходства двух разнообразных объектов. По мнению Дудецкой С. Г., терминологическая

метафоризация является закономерным явлением и занимает важное место в формировании терминологических систем [Дудецкая 2007: 5].

Метафорический перенос как один из видов семантического словообразования возможен благодаря «способности человека улавливать и создавать сходства между очень разными объектами. Ассоциируя специальное понятие с общеизвестным, метафора тем самым облегчает понимание нового понятия» [Чернышова 2010: 131].

Терминология лесного хозяйства иллюстрирует активность метафоризации как способа терминообразования. Среди лесохозяйственных терминов-метафор зарегистрированы как моноксемные, так и полилексемные единицы.

В качестве примеров моноксемных терминов-метафор можно привести следующие: *крупы* ‘твердые осадки в виде мелких частичек с прозрачной ледяной оболочкой или непрозрачных кругловатых снежных матово-белых частичек диаметром около 2-5 мм’; *ложка* ‘подушкообразное сплетение мицелия гриба’; *вочки* ‘следы почек, которые не развились в росток’; *слонікі* ‘жуки надсемейства Curculionidae’.

подавляющее большинство белорусских лесохозяйственных терминов-метафор представляет собой составные двухкомпонентные (реже трех- или многокомпонентные) термины, образованные сочетанием семантического и синтаксического способов. В зависимости от характера этого взаимодействия можно выделить следующие их структурно-семантические группы:

1) термины, аналогичные в семантическом отношении фразеологизмам-сращениям (в них с метафорическим значением употребляются все компоненты): *ведзьміны мётлы* ‘болезни растений, вызываемые действием грибов, вирусов, насекомых’; *мучністая раса* ‘болезнь растений, которая связана с появлением белого налета’;

2) термины, в которых сравнение выражается через определение (на подобие предметов указывает метафоризированное определение): *спелы дрэвастой*; *матчын дрэвастой*; *дрэва сахатае*; *дрэва атласнае*; *бяроза жалезная*; *рэчыва жывое*; *жывая агароджа*;

3) термины, в которых метафоризированным является существительное, от которого зависит определение, выраженное или прилагательным (*ланцуг харчовы*; *ніша экалагічная*; *піраміда экалагічная*; *мука хваёвая*; *лясны квартал*) или существительным в косвенном падеже (*ружса вятроў*; *кучаравасць лісця*; *крок трасіравання*; *стрыжань дрэва*; *дыван дрэвавай масы*; *кола біятычнага абмену*).

Для терминологии лесного хозяйства наиболее характерен перенос по внешнему сходству: *снежныя зерні* ‘непрозрачные матово-белые палочки или крупинки диаметром менее 1 мм (сравним с общеупотребительным *зерне* ‘плод злаков, обычно округлой формы’); *мука драўняная* ‘древесные частицы заданного гранулометрического состава, полученные путем сухого механического размола древесины (сравним с общеупотребительным *мука* ‘продукт размола зерна’); *акно (у дрэвастой)* ‘прогалина, равная среднему диаметру горизонтальной проекции кроны господствующих деревьев, не

превышающей половины высоты древостоя' (сравним с общеупотребительным *акно* 'проем в стене здания для света'); *дрэва бутэлькавае* (ствол дерева напоминает по форме бутылку, что и стало основанием для названия); *сцяна лесу* 'часть насаждения, приближенная к вырубке' (сравним с общеупотребительным словом *сцяна* 'вертикальная часть здания, помещения').

Перенос по сходству ассоциаций, впечатлений встречается гораздо реже, чем перенос по внешнему подобию: *пасынак* 'вторая вершина дерева, которая отмерла или отстала в росте' (сравним с общеупотребительным *пасынак* 'неродной сын'); *стомленасць матэрыялу, стомленасць драўніны* 'деградация механических свойств в результате постепенного накопления повреждений под действием переменных напряжений с образованием и развитием трещин' (сравним с общеупотребительным *стомленасць* 'утомленность тяжелой работой'); *экалагічная пластычнасць* 'свойство организмов приспосабливаться к диапазону факторов среды' (сравним с общеупотребительным *пластычнасць* 'способность менять форму').

Термины-метафоры, в которых перенос связан со сходством функций, также встречаются редко: *адзенне дарожнае* 'многослойная конструкция в пределах проезжей части'; *куліса* 'полоска леса, оставляемая для защиты соседней вырубки от ветра или для лучшего осеменения'.

Коннотации, наслаивающиеся на лексическое значение термина, выполняют вместе с сигнификатом номинативную функцию. Само их наличие в терминах-метафорах – дискуссионный для специалистов вопрос. По мнению некоторых ученых, коннотации, существующие в момент создания термина, при его функционировании с течением времени ослабевают. Как полагает Шмелев Д. Н., при метафоре один предмет уподобляется другому, но «образность» такого метафорического наименования в разных случаях оказывается разной. По его мнению, один из факторов, оказывающий существенное влияние, – это устойчивость, частотность данного метафорического словоупотребления [Шмелев 1977: 94].

Важно отметить, что коннотация эмоциональности, представляющая собой выражение отрицательного или положительного отношения к специальному понятию, присутствует в терминах-метафорах как результат выбора носителями терминологии в качестве объектов сравнения ценных и нужных или, наоборот, вредных и ненужных вещей (или характеристик). В терминологии лесного хозяйства терминами-метафорами с коннотацией эмоциональности являются, например, *мёртвы лес, дрэва прыгнечанае, дрэва змарнелае, здзічэнне глебы, плач раслін*.

Метафора дает возможность создавать термины, доступные для осознания и запоминания. Как иллюстрируют результаты исследования, терминологическая метафора представляет собой единство профессиональных, рационально-логических и языковых знаний в деятельности специалиста. Выявленные термины-метафоры сформировались под влиянием элементов

жизненного опыта, специфики профессиональной деятельности и культуры белорусского народа.

Метонимический перенос, при котором «наименование того или иного предмета или явления перенесено на другой предмет или явление по смежности» [Шмелев 1977: 97], так же, как и метафоризация, является разновидностью семантического словообразования. Однако метонимия в отличие от метафоры отражает те реальные связи окружающей действительности, в которых находятся сами денотаты. Метонимический перенос функционирует как в общелитературном языке, так и в терминосистемах белорусского языка на основе общих закономерностей, согласно которым одним и тем самым словом можно назвать действие и его результат, действие и средство его осуществления, действие и деятеля и др. Как показало проведенное исследование, в лесохозяйственной терминологии метонимические переносы прежде всего актуальны для отглагольных существительных. Зафиксированы следующие модели метонимических переносов:

1) название действия – название места, где происходит действие: *высечка* ‘лесная площадь, на которой древостой вырублен, а молодые деревья еще не образовали сомкнутого пола’, *насаджэнне* ‘саженные участки леса или естественные лесные фитоценозы’, *пакрыццё* ‘часть поверхности, непосредственно занятая основами растений’;

2) название действия – название результата действия (количество продукта): *усушка* ‘количество утраченного товаром веса при высушивании’, *усадка* ‘уменьшение линейных размеров и объемов материалов в связи с утратой ими влаги, уплотнения, затвердевания и других процессов’, *прырост* (древесины) ‘количество древесины, приросшей за год в лесном сообществе’;

3) название действия – название результата действия (болезнь, состояние): *налёт* ‘тонкая плёнка грибницы или спороношения на поверхности листьев или ростков’, *паляганне* ‘болезнь молодых сеянцев, характеризующаяся пожелтением и дальнейшим их полеганием’, *паражэнне* ‘наличие признаков заболевания растением’.

Случаи метонимических переносов в терминах-существительных, не являющихся отглагольными, иллюстрируют перенос названия предмета на название материала (например: *ліпа*, *сасна*, *дуб* – это и названия деревьев, и названия древесины).

Приведенные примеры демонстрируют, что семантический способ является продуктивным в сфере лесного хозяйства. Он дает возможность создавать термины, доступные для осознания и запоминания в соответствии с историческими и национально обусловленными особенностями развития языка.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 99 –152.

2. Даниленко В. П. Русская терминология (Опыт лингвистического анализа). М.: Наука, 1977. – 246 с.
3. Дудецкая С. Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 23 с.
4. Сусов И. П. Введение в языкознание. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 382 с.
5. Міксюк Р. В., Ражкоў Л. М. Тэрміналагічны тлумачальны беларуска-рускі слоўнік па экалогіі і лесазнаўству. Мн.: БТІ імя С.М. Кірава, 1992. – 65 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І. Л. Капылоў [і інш.]. Мн.: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с.
7. Чернышова Л. А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы. М.: Изд-во МГОУ, 2010. – 206 с.
8. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. – 336 с.

Автор:

Русак Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской филологии учреждения образования «Белорусский государственный технологический университет», г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: rusakolga@tut.by

Author:

Rusak Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Belarusian Philology, Educational institution «Belarusian State Technological University», Minsk, The Republic of Belarus; e-mail: rusakolga@tut.by.

КОНЦЕПТ «РЕКА» В ПОЭЗИИ БЕЛОРУССКИХ КЛАССИКОВ ЯНКИ КУПАЛЫ И ЯКУБА КОЛАСА

Аннотация. В статье рассматривается символическое значение образа реки в лирических произведениях народных поэтов Беларуси Янки Купалы и Якуба Коласа. Отмечается, что в творчестве этих авторов нашло отражение народное мифопоэтическое и обыденное восприятие реки как символа жизни, чистоты, источника радости и вдохновения, вечного движения, стремления к свободе.

Ключевые слова. Этнокультурный образ, мифопоэтика, образ-символ, текст, семантика, антропоморфизм природы.

О. V. Rusak

THE «RIVER» CONCEPT IN THE POETRY OF BELARUSIAN CLASSICS YANKA KUPALA AND YAKUB KOLAS

Annotation. The article discusses the symbolic meaning of the image of the river in the poetic works of Belarusian poets Yanka Kupala and Yakub Kolas. It is noted that in the works of these authors, the folk mythopoetic and everyday perception of the river as a symbol of life, purity, a source of joy and inspiration, perpetual motion, and the desire for freedom is reflected.

Keywords. Ethnocultural image, mythopoetics, image-symbol, text, semantics, anthropomorphism of nature.

Беларусь называют краем с голубыми глазами. Такое образное наименование возникло не случайно: в стране насчитывается более 20 000 рек и около 11 000 озёр. Издревне белорусы, как и многие другие народы, селились рядом с водными объектами. Источники воды оберегались, воспринимались как живые, наделённые человеческими качествами, им приписывались различные чудодейственные свойства. По наблюдениям исследователей, в славянской мифологии природа воспринималась поэтически-одухотворенно, потому что в ней человек находил «живое существо, всегда готовое отозваться и на скорбь, и на веселье» [Анисимова 2004: 7]. Вполне естественно, что такие представления нашли отражения в традициях, праздниках, а также в фольклорных произведениях и в художественной литературе.

Объектом нашего исследования стали этнокультурные символические значения образа реки в поэзии двух классиков белорусской литературы Янки Купалы и Якуба Коласа. Обращение к творчеству этих авторов закономерно: Янка Купала и Якуб Колас – народные поэты Беларуси, выходцы из крестьянских семей, прекрасно знавшие быт и культуру белорусов; в творчестве обоих по-

этов отражено народное мифопоэтическое и обыденное восприятие действительности.

Янка Купала и Якуб Колас писали о Беларуси и о белорусах, поэтому не удивительно, что на страницах их произведений встречаются упоминания и развёрнутые описания конкретных белорусских рек: Немана, Вилии, Свислочи, Днепра, Буга, Берёзы, Сожа, Двины: *З-над сонных вод Нёмна, з-над хвой Белавежы // Суседзі, суседкі вітаю я вас!* (Я. Купала «Ужо днее»); *Там, дзе Нёман, Дзвіна, Буг // Точаць наша поле, луг* (Я. Купала «Я нясу вам дар...»); *Дняпро і Сож, Дзвіна, Вілля і Нёман // Шмат могуць што ў памяці збудзіць* (Я. Купала «Свайму народу»); *Плыве ў свет рака Бяроза, // Плыве сягоння, як і ўчора* (Я. Купала «Барысаў»); *Льецца Нёман паміж гораў* (Я. Колас «Нёман»); *Дзе з Віллёю Нёман льецца // Між прыгожых берагоў* (Я. Колас «Ой, скажы мне, вецер вольны...»); *Унізе пад ім, нібы сок-янтар, // Свіслач родная павівалася* (Я. Колас «Дуб»). Реки становятся своеобразными топографическими ориентирами, указывающими на конкретные географические объекты, которые стали предметом описания.

Обратим внимание, что чаще других в произведениях Якуба Коласа описывается Неман, силой и красотой которого автор искренне восхищался. Всё дело в том, что Неман – главная река в жизни Якуба Коласа. Поэт родился в местечке Акинчицы, расположенном рядом с этой рекой, здесь прошли счастливые детские годы его жизни. Такой момент биографии не ускользнул от внимания Янки Купалы, который в стихотворении «Якубу Коласу» так и написал: *Над Нёманам пісаць пачаў ты // У хаце курнай, загібелай* (Я. Купала «Якубу Коласу»).

Однако чаще всего в проанализированных текстах встречается обобщённый образ реки. Прежде всего, река показывается как источник жизни. Так, Янка Купала метафорически назвал реки жилами, сосудами Земли, а воду в них – кровью Земли: *Рэчкі – гэта зямлі жылы, // Вада ў іх – кроў зямлі тваёй* (Я. Купала «Брату-беларусу»). А Якуб Колас написал, что реки несут с собою жизнь: *Унь там рачулка срэбрам літым // Бяжыць на жолабе размытым // І цэлы свет жыцця нясе* (Я. Колас «Мой дом»). Кроме того, лексемы *река*, *вода* часто сопровождаются такими эпитетами, как *жыватворная*, *жывучая* («животворящая»): *Быў бы рэчкай жыватворнай для старонкі ўсёй* (Я. Купала «Каб я князем быў...»); *Малюся жывучай вадзіцы – разводдзю* (Я. Купала «Пад крыжам»); *Жыві і красуйся нам вечныя векі, // Як вечна плывуць жыватворныя рэкі* (Я. Купала «Аб Сталіне-сейбіту»); *Жыватворных крыніц // не было для сястрыц, – // Яны вялі і сохлі націнай* (Я. Купала «Дзве сястры»); *Масква-рака і Волга шумам // Збіраюць да сябе крыніцы – // Усе з жыватворнаю вадзіцай* (Я. Купала «Шляхі»).

Река – это природный объект, где вода не застаивается, а течёт. Видимо, поэтому у многих народов река – символ бесконечного движения, а значит, и свободы. В анализируемых произведениях образ свободной, вольной, бурной реки не единичен: *О, наш чысты, наш свабодны // Нёман, быстрая рака* (Я. Колас «Нёман»); *Ціха і плаўна коцяцца воды // Вольнага Нёмана ў цёмную*

даль (Я. Купала «Над Нёмнам»); *Ой, плывеш ты, рэчка // Бурна і прасторна, // А я прыкавана // Да зямелькі чорнай!* (Я. Купала «Коціца крыніца...»); *Край абудзіўся. Жыццё забурліла, // Глянулі ў неба палацы свабоды. // Бурныя рэкі – жывая іх сіла // Выйшлі на службу герою-народу* (Я. Купала «Грузія»); *Над быстрым Днепрам, // Дзе сягоння...* (Я. Купала «Магіла льва»); *Бурлівая рэчка і млын гутарлівы* (Я. Купала «Мая навука»).

По наблюдениям учёных, в культурах разных народов существует восприятие реки как символа борьбы [Кунгурцева 2009: 138]. Такое символическое значение зафиксировано и в поэзии белорусских классиков. Борьба за независимость, за новый социальный уклад и политическое устройство показывается аллегорически через образы бурного течения рек и ручьёв, а также разливающихся рек, выходящих весной из берегов: *Забурліла сіне мора // Ад віхроў, // Выйшлі Волгі, Дняпры выйшлі // З берагоў* (Я. Купала «Здаецца ж, было гэта ўчора»); *Эх ты, разводдзе! Эх ты, бурлівае! // Ты аднаўляеш, купаеш зямлю; // Вынесі ж, вынесі хваляй жычліваю // К лепшаму і часцю людскую сям'ю!* (Я. Купала «Паводка»); *З гор пальюцца перавалы, // Раскуюцца рэчкі з шумам, // Выйдзе з хаты стар і малы // Гаманліва дружным тлумам* (Я. Колас «Вясна»); *Мы [ручаі – О.Р.] імчым, мы гонім воды, // Затанілі мы брады. // Дружнасць – першы крок свабоды, // Згода – сіла грамады* (Я. Колас «Песні вясны»).

Контексты, в которых говорится о реках, ручьях и родниках, в произведениях Купалы и Коласа наполнены радостью. Река – источник хорошего настроения, жизненных сил, веры в счастливое будущее. Подтверждение этому – частотность в описании водных объектов таких слов, как *вясёлы* ('весёлый'), *радасць* ('радость'), *смяецца* ('смеётся') и под.: *Вясёлы спеў, // Прыветлівы // Вады ў ручках // пачуецца* (Я. Колас «Вясна»); *Падарожнаму здаецца, // Што крыніца там ліецца, // Хвалі ў радасці пяюць* (Я. Колас «Мара»); *Так весела у каменьчыках балбоча ручаёк* (Я. Колас «Думкі»); *Радасць, як хваля на рэцы, // Радасць плыве маладая* (Я. Колас «Час быў тады...»); *Нясецца весела вадзіца* (Я. Купала «Рэчка»); *Плюскатам рэчка смяецца ў вочы* (Я. Купала «3 летніх малюнкаў»).

Как уже отмечалось ранее, мифологическое восприятие объектов природы связано с их одухотворением и олицетворением. В исследуемых текстах такая особенность проявляется в обращении к антропоморфной метафоре – образному описанию, основанному на представлении окружающей действительности в ассоциативной связи с качествами и характеристиками человека. Частотной является модель, где источником метафоризации выступает деятельность человека, то есть река наделяется способностью мыслить, говорить, веселиться: *Між гор шапталіся крыніцы* (Я. Купала «Урывак з паэмы»); *А пад гарой Дняпровы хвалі // З вясны да восені шумяць // І штось гавораць цёмнай далі, // А што? – нам грэшным не паняць* (Я. Купала «Магіла льва»); *А хвалі крынічныя – хто іх там знае – // Аб чымся, знаць, важным шумяць* (Я. Колас «Увосень»); *Свіслач <...> шушукае з кусцікам ніцым* (Я. Колас «Дуб»); *Маўчаць невядомыя далі, // Шуміць неўгамонны Салар*

(Я. Колас «Салар»); *Чуць балбоча ручаёк* (Я. Колас «Раніца вясной»); *Рэчка ўеца і смяецца // Да зялёных лоз і вольх* (Я. Купала «Летам»).

Олицетворение связано и с созданием мифопоэтического образа реки-матери: *І ўсхліпвае рэчка ў пясках залатых, // Як маці на дзецях сваіх* (Я. Колас «На рэчцы»); *І вяршаліну, і гняздо на ёй // Абняла Свіслач, маці старая* (Я. Колас «Дуб»).

Река – источник воды, которая, в религиозном и мифологическом восприятии многих народов, в том числе и белорусов, обладает очищающей силой. В поэтическом контексте Купалы и Коласа не встречается образ тёмной, мутной, пугающей реки. Наоборот, река привлекает чистотой и прозрачностью, что иллюстрируется употреблением таких слов, как *ясная* ('ясная'), *светлая* ('светлая'), *шклістая* ('стеклянная'), *люстраная* ('зеркальная'), *срэбная* ('серебряная') и т. п.: *Сееш ты слёзы, думак уроду, // Слёзы-брыльянты яснай крыніцы* (Я. Купала «Гэй ты, дзяўчына, кветка-лілея...»); *Джамбулава песня ад ясных крыніц* (Я. Купала «Джамбулу»); *Плюскату шклістай крыніцы* (Я. Купала «Явар і Каліна»); *Разлівайся люстранай крыніцай // Між даламі, гарамі, людзьмі* (Я. Купала «Песня сонцу»); *Шкода светлай ручайкі ў берагах пясчаных* (Я. Колас «Сохну марна я ў астрозе...»); *К светлым рэчкам-стужкам, // К срэбным крыніцам* (Я. Колас «У дарогу»); *Срэбрам адбівае, як люстэрка, Нёман* (Я. Колас «Плытнікі»); *Гожа звіваецца ў лозах зялёных, // Бы срэбра жывое, рака* (Я. Колас «На лузе»); *Струменіць Нёман срэбнаводны* (Я. Колас «Высокі Бераг»); *Свіслач дзень і ноч гоніць срэбра хваль* (Я. Колас «Дуб»).

Как показало наше исследование, поэтические произведения Янки Купалы и Якуба Коласа как лингвокультурологические накопители информации наследовали и развивали этнокультурный образ реки, сформировавшийся в сознании белорусского народа. Образ реки для белорусов – это, прежде всего, источник жизни, радости, символ чистоты, вечного движения, свободы, стремления к воле.

Літаратура

1. Анисимова М. С., Захарова В. Т. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе русского Зарубежья: монография. – Н. Новгород: НГПУ, 2004. – 154 с.
2. Кунгурцева Н. А. Этнокультурный образ реки Чусовой в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // [Известия Уральского государственного университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2009. – N 3 \(65\). – С. 137 – 143.](#)

Аўтор:

Русак Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской филологии учреждения образования «Белорусский государственный технологический университет», г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: rusakolga@tut.by; rusak@belstu.by.

Author:

Rusak Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Belarusian Philology, Educational institution «Belarusian State Technological University», Minsk, The Republic of Belarus; e-mail: rusakolga@tut.by; rusak@belstu.by.

МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются медицинские термины-метафоры, анализируются различные метафорические модели, применяемые для их образования в татарском языке.

Ключевые слова: медицинские термины-метафоры, метафорические модели, источники метафоризации.

F.K. Sagdeeva

MEDICAL TERMS-METAPHORS IN THE TATAR LANGUAGE

Abstract. The article deals with medical terms-metaphors, analyzes various metaphorical models used for their formation in the Tatar language.

Keywords: medical terms-metaphors, metaphorical models, sources of metaphorization.

Формирование терминологии в медицине в целом происходило на основе метафорического осмысления предметов и феноменов, окружающих человека в жизни. В данном случае образ медицинской метафоры – это сложная подвижная система многообразных и многоярусных компонентов. Здесь в единое целое объединяются вербальные и невербальные, осознаваемые и неосознаваемые компоненты и преобладают те или иные составляющие образа в силу разнящегося внутреннего контекста. При этом ни одна из составляющих не может выступить сама по себе. Эти процессы протекают на эмоционально-оценочном фоне ситуации. Чувственный образ, являющийся основой образа медицинской метафоры, представляет собой субъективное отражение мира в сознании человека. Это есть продукт жизненных, практических связей и отношений субъекта с предметным миром. Одним из механизмов создания терминов, необходимых для языковой фиксации новых, ранее не существовавших в медицине реалий, процессов и понятий, а также переосмысления ранее принятых терминов является метафорическая номинация. Термины-метафоры прочно обосновываются в медицинской терминологии [Залевская 2005; Лебедева, Зубкова 2006].

С целью выявления основных моделей метафоризации медицинской терминологии из различных словарей татарского языка, учебников по медицине методом сплошной выборки были отобраны термины-метафоры. В татарском языке существует значительное количество метафорических моделей [Сагдеева 2021: 87], применяемых для образования новых терминов в сфере медицины. К примеру, одной из моделей метафоризации является использование лексем из сферы-донора *война*. Употребительность данной модели метафоризации объясняется следующим образом. Процессы, происходящие в организме человека в

период болезни, с точки зрения ассоциативного восприятия, сопоставляются с боевыми действиями, разрушительными явлениями военного характера. К примеру, изоляция блокируемого объекта посредством нарушения его внешних связей – это военная блокада. В данном случае путем концептуализации семантического поля *война* образован термин-метафора – *йөрәк блокадасы* (блокада сердца). Как медицинский термин обозначает нарушение ритма сердца, причиной которому стало нарушение проведения в миокарде импульса к сокращению. В данном случае мы наблюдаем совпадение метафорической модели терминообразования в русском и татарском языках.

Болезнь может вызвать *сугышчан вирус* (боевой вирус). Ассоциация с боевыми действиями – *вирус атакасы* (атака вируса). Вирус убивают, уничтожают – *вирусны үтерү* (убить вирус), *вирусны юк итү* (уничтожить вирус). Болезнь в татарском языке представляется в качестве убийцы: – *коронавирус – иммунитетны үтерүче* (коронавирус – убийца иммунитета); причина смерти – *үлем вирусы* (вирус смерти); конечный результат – *үлем* (смерть). Борьба с болезнью ассоциируется с наступлением на болезнь – *коронавирууска каршы һөҗүм* (наступление на коронавирус, борьба с коронавирусом); убивающие средства – *микробларны үтерүче хирургия чаралары* (хирургические средства, убивающие микробы) и др. Здесь мы также наблюдаем совпадение метафорической модели терминообразования в татарском и русском языках.

В татарском языке существуют примеры других способов образования медицинских терминов, а именно использование лексем из сферы-донора *цвет* для номинации болезней и явлений. В медицинских словарях татарского языка зафиксированы следующие метафоры-термины, имеющие в своем составе слово, обозначающее цвет: *ак кан* (белая кровь), *күз агы* (белок глаза), *ак бизгәк* (белая горячка), *ак кан тәнчеге* (белое кровеносное тельце, лейкоцит), *бронза чире* (бронзовая болезнь), *кара су* (букв. черная вода, о глаукоме), *күк йүтэл* (синий кашель (о коклюше)) [Кадирова 2021:16], *кызыл кан тәнчеге* (красное кровеносное тельце), *кызылча* (краснуха), *кызыл тимрәү* (красный лишай), *кызыл мускул* (красные мышцы), *кызыл бизгәк* (красная лихорадка), *кызыл йөрәк өянгә* (красный инфаркт), *сары бизгәк* (желтая лихорадка), *сары авыруы* (желтуха), *саргаю* (желтушность), *төсле катлау* (радужная оболочка), *төсле тимрәү* (разноцветный лишай) и др.

Анализ языкового материала показывает, что источниками метафоризации являются: **артефакты** (*предметы быта человека*) – к примеру, *баиш капкачы* (букв. крышка головы (крыша черепа), в данном случае значение слова *капкач* – *верхняя, закрывающая часть какого-нибудь сосуда, вместилища*), *бөөр капкасы* (почечные ворота), здесь слово *капка* имеет следующее значение: место входа в какой-либо орган и выхода из какого-либо органа кровеносных, лимфатических сосудов), *нерв төене* (нервный узел) и т.п.; **природа** – *колак яфрагы* (букв. ушной лист (о ушной раковине)), *упкә кәүсәсе* (легочной ствол), *бронхиаль агач* (бронхиальное дерево), *кабырга үсентесе* (реберный отросток) и др.; **геометрические фигуры** – *сыртара яссылык* (межгребневая плоскость), *үсентеара яссылык* (межостевая плоскость), *кан тамыры-буын*

түгәрәге (сосудистый суставной круг), *кабырга почмагы* (муен *кабыргасы*), *үпкә кәүсәсе синусы* (синус легочного ствола), *бөөр пирамидалары* (почечные пирамиды) и др.; **строение** – *IV карынчык түбәсе* (крыша IV желудочка), *карынчык стенасы* (стенка желудка), *борын куышлыгы бусагасы* (порог полости носа), *үтә күренмәле бүлге куышлыгы* (полость задней перегородки), *борынның арткы латераль һәм бүлге артерияләре* (задние носовые латериальные и перегородочные артерии) и др.; **география** – *экәм-төкәм каналы* (улитковый проток) и др.

Анализ медицинских терминов-метафор в татарском языке позволяет выделить тематические группы, связанные с **частями человеческого тела**: *йөрәк колакчыгы* (ушко сердца), *күз оясы* (впадина глаза), *күз алмасы* (глазное яблоко), *яшь капчыгы* (букв. слезный мешок), *яшь юллары* (слезные пути), *теш куышы* (дупло зуба), *теш муентыгы* (шейка зуба), *күз пыяласы* (о глазном хрусталике), *күрү юллары* (зрительные пути) и мн.др.; **внутренними органами**: *вена капкасы* (ворота вены), *гизүче бөөр* (блуждающая почка), *бөөр баганалары* (почечные столбы), *бөөр касәсе* (почечная чашка), *бөөр куенсасы* (почечная пазуха), *бөөр лаканы* (почечная лоханка), *борын юлы* (носовой ход), *йөрәк нигезе* (основание сердца), *йөрәк очы* (верхушки сердца), *йөрәк борылмасы* (завиток сердца), *йөрәк төене* (сердечный узел), *йөрәк капчыгы / букчасы* (околосердечная сумка (перикард)), *кан тамырлары йомгагы* (сосудистый клубок), *кан депосы* (кровяное депо *капилляр стенасы* (капиллярная стенка), *ми бүрәнкәсе* (воронка мозга), *нерв төене* (нервный узел), *сәйяр нерв*, *гизүче нерв* (блуждающий нерв), *күкрәк стенасы* (грудная стенка), *күкрәк тартмасы* (букв. грудной ящик – *вместилище* (о грудной клетке)), *мускул башы* (головка мышцы), *мускул койрыгы* (хвост мышцы), *су балансы* (водный баланс), *ашкайнату аппараты* (пищеварительный аппарат), *үпкә буразнасы* (легочная борозда), *үпкә кәүсәсе тишеме* (отверстие легочного ствола), *орчык сөяк* (в татарском языке слово *орчык* имеет значение *веретено*, *орчык сөяк* (букв. веретённая кость (лучевая кость), *сукыр эчәк* (слепая кишка является начальным отделом толстой кишки и представляет собой слепой мешкообразный участок длиной от 3 до 8 см, как правило, она полностью покрывается брюшиной. Атлас анатомии человека), *орчык бүлеме* (веретено деления – временная структура, которая образуется во время процессов митоза и мейоза и обеспечивает сегрегацию хромосом и деление клеток. Оно отличается биополярностью: система микротрубочек, образованная в пространстве между полюсами, по форме напоминает веретено. Большой медицинский словарь), *төрөк ияре* (турецкое седло – образование в теле клиновидной кости черепа человека в виде углубления, напоминающего по форме седло. Большой медицинский словарь), *Лангерганс утраучыгы* (островки Лангерганса – участки эндокринной ткани неправильной формы, расположенные внутри поджелудочной железы большинства позвоночных. Большой медицинский словарь) и др.; **состоянием здоровья человека, заболеваниями**: *адреналин сагышы* (адреналиновая тоска – подавленное душевное состояние, спровоцированное избыточным количеством адреналина в крови), *дуңгыз яңагы* (букв. свиная щека (свинка)), *аю авыруы* (букв.

медвежья болезнь), *жил чәчәге* (ветряная оспа), *су чәчәге* (водяная оспа), *зыяндаш авыруы*, *бума захмәте*, *үз чире* (букв. своя болезнь (эпилепсия) , *күкрәк бакасы* (букв. грудная жаба (стенокардия), *йөрәк туктау* (остановка сердца), *сару кайнау* (букв. кипение желчи (изжога)), *кояш сугу* (солнечный удар - болезненное состояние, расстройство работы головного мозга вследствие интенсивного или продолжительного воздействия солнечного света на поверхность головы) и *таш кеше синдромы* (синдром каменного человека – заболевание соединительной ткани, в которой волокнистые соединительные ткани, такие как мышцы, сухожилия и связки, превращаются в костную ткань), *паралич сугу* (апоплексический удар), *чәчәк* (оспа), *таш авыруы* (каменная болезнь – воспаление желчного пузыря, спровоцированное наличием в нем камней), *тамак бакасы* (букв. горловая жаба (ангина), *тимгелле кычиткан бизгәге* (крапивница пигментная), *фил авыруы* (слоновая болезнь (слоновость), *эч үкерү* (букв. рёв в животе), *эч кычкыру* (букв. крик в животе) и др.; **видами боли:** *яндырып авырту* (жгучая боль), *кисеп авырту* (кинжальная, режущая боль), *уратып алынган авырту* (опоясывающая боль), *кире кайткан авырту* (отраженная боль), *тупас авырту* (тупая боль), *ялган авырту* (букв. ложная боль (фантомная боль) и др.; **помощью в избавлении от боли:** *шифа табу* (букв. находить / найти исцеление) [Валиева 2022: 20], *беренче ярдам күрсәтү* (оказать первую помощь), *ясалма сулыш* (искусственное дыхание), *салкын кую* (букв. ставить холод), *жылы кую* (букв. ставить тепло) и др.

Как видим, образование медицинских терминов-метафор в татарском языке является активным когнитивным процессом, позволяющим выделить различные модели их метафоризации и тематические группы.

Литература

1. Валиева М. З. Специфика функционирования языковых антонимов в письменных памятниках татарского языка XVII – XVIII вв. (на примере лексических единиц со значением “сәламәтлек” – “чир” («здоровье» – «болезнь»)) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – №1. – С. 17–23.
2. Залевская А. А. Общенаучная метафора «живое знание» и проблема значения слова // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2007. № 12 [40]. – Вып. 7 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 18–33.
3. Лебедева С. В., Зубкова О. С. Медицинская метафора в современном языке: Монография. – Курск: Изд-во КГУ. 2006. – 129 с.
4. Сагдеева Ф. К. Ассоциативные ряды и модели метафорических переносов в татарском языке // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. – Казань. 2021. Том 1. – С. 87– 89.
5. Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х. Чебургинские мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX веков. – Казань: Отечество. 2021. – 130 с.

Автор:

Сәгдеева Фаузия Кабировна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Россия; e-mail: fauzija.sagdeewa@yandex.ru

Author:

Sagdeeva Fauzija K. – Candidate of Philology, senior research scientist of the Department of General linguistics, Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; e-mail fauzija.sagdeewa@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИИ НОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация. В статье анализируются новые лексические единицы, неологизмы, которые широко распространены в современном мире. Исследование неологизмов способствует изучению современных тенденций развития общества, так как они являются отражением культуры и ценностей.

В работе рассматриваются классификации новых лексических единиц. Знание и представление классификаций неологизмов облегчает понимание их значений и также позволяет свободно употреблять их в повседневной жизни.

Ключевые слова: неологизмы, новообразования, новые слова, способ образования неологизмов, классификации новых лексических единиц.

L.A. Sidorova

CLASSIFICATIONS OF NEW LEXICAL UNITS

Abstract. The article analyzes new lexical units, neologisms that are widespread in the modern world. The study of neologisms contributes to the study of modern trends in the development of society, as they are a reflection of culture and values.

The paper considers classifications of new lexical units. Knowledge and presentation of classifications of neologisms facilitates understanding of their meanings and also allows you to use them freely in everyday life.

Keywords: neologisms, new words, method of formation of neologisms, classification of new lexical units.

В настоящее время словари постоянно обновляются, представляют собой огромные языковые базы данных. В них появляются новые слова, термины и определения, отражающие новые значения в словарном запасе языка и то, как общество их используют.

Автором ранее были рассмотрены неологизмы современного английского языка [Сидорова 2022], их функционирование в англоязычном интернет-дискурсе [Ярунова, Сидорова 2023], исследованы экстралингвистические и лингвистические факторы появления неологизмов в интернет-ресурсах [Сидорова 2015]. В данной статье остановимся на классификации неологизмов английского языка.

Из-за огромного количества лексических новообразований классификация неологизмов может быть сформирована с учетом различных характеристик, свойственных данным единицам.

По мнению советского и российского лингвиста-русиста Н. М. Шанского, неологизмы делятся на:

- лексические неологизмы (*workcation* – рабочий отпуск);

- семантические неологизмы (*an umbrella* 1) зонтик от дождя; 2) авиационное прикрытие; 3) политическое прикрытие).

Лексические неологизмы обычно образуются заимствованиями из других языков или новыми словами, образованными на базе существующих языков. Семантические служат конкретным стилистическим целям (ранее названное приобретает новое наименование) [Шанский 1959: 57].

В. И. Заботкина предлагает классификацию неологизмов, основой которой является критерий номинации:

1) собственно неологизмы (и обозначающее, и обозначаемое имеют признак новизны):

bleisure – business trip with leisure (поездка по работе, совмещенная с отдыхом);

copy pasta – use a block of text that has been copied (использование материала путем копировать – вставить);

2) трансноминации, сочетающие новизну обозначающего с обозначаемым, передававшимся ранее другой формой:

broigus – angry or irritated (злой, раздраженный);

nascent – the beginning; being born (начало, зарождение)

3) семантические инновации, или переосмысления (новое значение обозначается формой, уже имевшейся в языке):

woke – alert to racial or social discrimination and injustice (внимание к расовой или социальной дискриминации и несправедливости);

meat – the principal part of something (e.g., the meat of the matter) [Заботкина 1991: 112].

Критерии отбора неологизмов варьируются в зависимости от их характеристик. Одними из наиболее распространенных и общепринятых критериев отбора новых слов в лингвистике на сегодняшний день являются следующие:

- 1) по виду языковой единицы;
- 2) по длительности существования;
- 3) по степени новизны;
- 4) по отношению к языку и речи;
- 5) по цели создания;
- 6) по способу образования.

Рассмотрим эти критерии. В зависимости от того, что является основой будущего нового выражения, лингвисты различают: лексические неологизмы; семантические неологизмы; фразеологические неологизмы.

Лексические неологизмы (или неолексемы) создаются по продуктивным моделям словообразования или в результате заимствования, семантические (или неосемемы) возникают в результате присвоения новых значений уже известным словам и фразеологические (или неофраземы) представляют собой новые устойчивые сочетания слов, семантика которых не поддается значению входящих в них единиц [Котелова 1978: 7].

Далее рассмотрим классификацию по степени долговечности. Современные лингвисты выделяют следующие типы: единицы минимального употребления на уровне речь/текст;

- единицы, полноценно вошедшие в словарный состав языка;
- неологизмы, существующие определённое время в языке, а затем пропадающие из поля зрения (так называемые «историзмы современности») [Алаторцева 1998: 50].

По степени новизны неологизмы делятся на абсолютные и относительные (сильные и слабые). Абсолютные неологизмы – это слова, которые никогда ранее не встречались в языке, а относительные неологизмы – это слова, которые на самом деле не являются новыми, а лишь приобретают новое или дополнительное значение.

По принципу отношения к языку и речи неологизмы делят на: узуальные и незуальные.

Узуальные неологизмы (языковые, общенародные, неологизмы первой степени) – это лексические единицы, возникшие в результате общественной потребности в новой номинации, восприятие и понимание данных единиц не зависит от определенного контекста.

Незуальные или окказиональные неологизмы – это, в свою очередь, единицы, употребленные отдельными авторами, художниками слова, публицистами для усиления выразительности текста, для придания уникальности и свежести художественного текста. Их также называют авторскими, речевыми, ситуативными словами и др.

По мнению А. А. Брагиной, к группе незуальных неологизмов относятся потенциальные слова и окказионализмы [Брагина 1973: 76].

Классификация неологизмов с учетом продуктивности способов словообразования была предложена французским лингвистом Луи Гильбер в работе “La créativité lexicale”. Он выделяет фонологические неологизмы, семантические, заимствованные, синтагматические, то есть созданные комбинацией знаков, уже существующих в языке (словообразование, аббревиатуры) [Gilbert 1975].

Фонологические неологизмы представляют собой сочетания отдельных звуков, впредь выступающие как целое слово (*whee* – выражение радости, счастья; *buzz* – телефонный звонок (схожесть со звуком телефонного гудка).

В семантических неологизмах происходит доминирование нового значения над старым, вследствие чего известная форма слова понимается только в своем новом семантическом варианте (*to Google* – «искать информацию в интернете с помощью одноименной поисковой системы»).

Современный английский язык продолжает заимствовать слова из разных языков и культур. Среди заимствований выделяют варваризмы, ксенизмы, кальки (*zazen* (из японского) – медитации, практикуемые в дзен-буддизме; *gliding time* (от нем. *gliestzeit*) – скользящий график).

По принципу образования неологизмы делятся на синтагматические или морфологические неологизмы, созданные по словообразовательным моделям языка и с помощью морфем, существующих в данной языковой системе.

Лингвисты выделяют несколько подгрупп: в зависимости от употребления той или иной морфемы.

Аффиксальные неологизмы являются преобладающим способом создания морфологических неологизмов. Они делятся на префиксальные и суффиксальные.

Рассмотрим примеры суффиксальных единиц:

-able: googlable; *-ize*: enemize; *-ism*: ageism, lookism, masculinism; *-ic*: pesticidal, villagistic; *-ous*: naturous; *-ist*: obesist.

Префиксальные новообразования созданы с помощью продуктивных префиксов *anti-*, *co-*, *de-*, *non-*, *post-*, *pre-*, *ne-*, *sub-*, *un-*: antivirus, by-catch, de-extinction, delicense, re-beating, superdelegate, uncap и др.

Примеры неологизмов, образованных путем словосложения:

slow-walk – медленные действия для предотвращения продвижения;

weak sauce – которому не хватает силы, содержания или авторитета; жалкий, никчемный; глупый.

Конвертированные неологизмы (переход единицы одной части речи в другую):

to google – искать информацию в поисковой системе Google;

to butterfly (бродить по городу без цели подобно бабочке).

Сокращения:

WFH (working from home): удаленная работа, работа на дому;

Intel (from Intelligent) – торговая марка широко известной компьютерной программы.

Итак, мы рассмотрели классификации неологизмов английского языка. Их знание может облегчить понимание значения новых слов, а также позволит свободно употреблять их в повседневной жизни.

Литература

1. Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С. И. Алаторцева. – Санкт-Петербург, 1998. – 317 с.

2. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке: пособие для студентов и учителей / А. А. Брагина. – Москва : Просвещение, 1973. – 224 с.

3. Заботкина В. И. Семантика и прагматика нового слова (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук / В. И. Заботкина. – М., 1991. – 377 с.

4. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 5–26.

5. Сидорова Л. А. Неологизмы современного английского языка // Успехи гуманитарных наук. 2022. – № 11. – С. 194–197.

6. *Сидорова Л. А.* Экстралингвистические и лингвистические факторы появления неологизмов в интернет-ресурсах // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, - Чебоксары, : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2015. – С. 272–275.

7. *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 239 с.

8. *Ярунова Э. С., Сидорова Л. А.* Функционирование неологизмов в англоязычном интернет-дискурсе // Актуальные вопросы современной иноязычной филологии : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева [Электронный ресурс]. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2023. – С. 380–385.

9. Gilbert, L. *La créativité lexicale* / L. Gilbert. – Paris : Larousse, 1975.

Автор:

Сидорова Лариса Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: lara1357@mail.ru.

Author:

Sidorova Larisa Alexandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Translation Studies of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: lara1357@mail.ru

СРАВНЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ НАРИНЭ АБГАРЯН

Аннотация. В статье раскрываются особенности функционирования художественных сравнений в прозе Н. Абгарян.

Ключевые слова: сравнение, Наринэ Абгарян.

T. A. Sirotkina

COMPARISONS IN THE FINE PROSE OF NARENA ABGHARYAN

Abstract. The article reveals the peculiarities of the functioning of artistic comparisons in the prose of N. Abgharyan.

Key words: comparison, Narine Abgharyan.

Прозу Наринэ Абгарян современный читатель ценит и любит. Темы ее произведений, казалось бы, совершенно разные, но «главным предметом изображения... всегда является человек в его неразрывном единстве с родной страной» [Саргсян 2022: 166].

Язык прозы писательницы ярок и выразителен, и одним из актуальных выразительных средств, на наш взгляд, является художественное сравнение.

Исследователи, занимавшиеся изучением сравнительных конструкций в русской прозе, отмечают, что «сравнение не только выразительная стилистическая фигура, но и художественный прием, способный адекватно отражать различные авторские установки и задачи. Это становится возможным благодаря функциональному потенциалу сравнения, не ограниченному постоянными функциями, а включающему широкий спектр переменных функций, зависящих от эстетических задач текста и идиостиля писателя» [Камышова 2006: 19].

Рассмотрим, какие функции выполняют сравнительные обороты в прозе Наринэ Абгарян.

Одна из важных функций, выполняемых сравнительными оборотами, – характеристика человека. Они характеризуют:

– взгляд героя: «Такое впечатление, *словно кто-то злой сидит в ее голове и через зрачки следит за тобой*» [Абгарян 2022: 11]; «От того, как она смотрела, делалось холодно в животе – взгляд ее *словно гипнотизировал* и, вкрадываясь куда-то совсем внутрь, опасно притихал, свернувшись ядовитой змеей: *шевелинешься – ужалит*» [Абгарян 2022: 40];

– его поведение: «Если человека хотят оскорбить, говорят – он как турок, если кто-то совершает что-то нехорошее, говорят – *бессовестный, как турок*» [Абгарян 2022: 11];

– особенности внешнего вида: «Худая, почти прозрачная – старый пиджак болтался на плечах, *словно на вешалке*» [Абгарян 2022: 55]; «Уста Саро

смахивал на выкорчеванный из земли засохший корень – темный, шероховатый, скрипучий» [Абгарян 2022: 72].

Другая функция сравнительных оборотов – описание объектов живой природы, растений и животных. Писательница использует сравнения для:

– описания внешнего вида и свойств растений: «Весной литовская груша невестилась, покрываясь, *словно густой гипюровой фатой*, снежно-кремовыми цветками» [Абгарян 2023: 28]; «Ты лучше погладь мох. Смотри, какой он мягкий. *Словно котеночек*» [Абгарян 2022: 123];

– передачи внешнего вида и поведения реальных и вымышленных животных: «Жук такой большой, что подпирает спиной небо. Он топчет наш дом своими тяжелыми лапами, и каждая его лапа *как большая гора*» [Абгарян 2022: 218]; «Лает так, *словно за каждый «гав» ему десять копеек платят*, – заключила нани» [Абгарян 2022: 205]; «Он [пес] огромный, *как медведь*, если захочет – в один прыжок через деревянный частокол забора перелетит» [Абгарян 2022: 196].

Сравнению подвергаются не только конкретные объекты и события, но даже состояния природы: «Только что вроде бы щебетали довольные ласточки и склочно чирикали воробьи, – а вот уже наступила вязкая деревенская тишина, густая и непроходимая, *словно илистый берег водоема*» [Абгарян 2023: 46].

Еще одна группа объектов, описываемых с помощью сравнений, – небесные светила. Эти далекие объекты сопоставляются по внешнему виду и свойствам с хорошо знакомыми людям бытовыми реалиями, делая их более близкими и понятными: «Девочки взбирались с ногами на кушетку, укутывались пледом, Анна Николаевна садилась рядом, вязали или штопала и долго, с подробностями, рассказывала сказку о трех братьях-бездельниках, которые однажды решили взобраться по высокой лестнице на небо, чтобы забрать оттуда луну – *уж очень она напоминала им большой круг вкусного, жирного сыра*» [Абгарян 2022: 183].

Еще одна функция художественных сравнений – вербализация чувств и переживаний героев. Так, обладая такой же хорошей памятью, как и сама писательница, героиня романа «Симон» сравнивает события одного из дней своей жизни с много раз просмотренным фильмом: «Прошло уже почти полвека, в жизни произошло много всего, что могло навсегда заслонить собой тот пронзительно-беззаботный день, но Сильвия запомнила его, *словно многожды пересмотренный фильм*, и часто переживала заново, восстанавливая в памяти мельчайшие подробности и радуясь всплывающим из небытия деталям» [Абгарян 2023: 27].

Наконец, объектами сравнений становятся абстрактные понятия, также играющие большую роль в жизни человека, например:

– имя: «Имя у мальчика должно быть современным. А главное, звонким и стремительным, *словно выпущенная из лука стрела*» [Абгарян 2023: 22];

– дружба: «С Илией же сложилась настоящая мужская дружба – бесхитростная и верная, *словно нерушимая клятва*» [Абгарян 2023: 341];

– музыка: «Гер Маттеос сам косвенно это подтвердил, обмолвившись однажды, что музыка, *подобно математике*, считающейся королевой наук, является высшей формой искусства» [Абгарян 2023: 339];

– впечатления: «Сусанна предавалась привычному созерцательному процессу с особым рвением и тщательностью, собирая новые впечатления, *словно красивые камушки*, чтобы потом, уже дома, подолгу их вспоминать и разглядывать» [Абгарян 2023: 282].

Данные сравнительные конструкции делают абстрактные понятия более осязаемыми и реальными, что дает читателю возможность более глубокого погружения в текст, прикосновения к происходящим в нем событиям.

Таким образом, сравнения в прозе Наринэ Абгарян – это ключ к разгадке многих образов ее произведений. Человек, природа, события, жизненные впечатления – все это путем сопоставления с другими яркими образами делает тексты писательницы яркими и запоминающимися, а ее героев – близкими и понятными современному читателю.

Литература

1. *Абгарян Н.* Люди, которые всегда со мной. – Москва: Изд-во АСТ, 2022. – 314 с.
2. *Абгарян, Н.* Симон. – Москва: Изд-во АСТ, 2023. – 349 с.
3. *Камышова А. Е.* Сравнение и его функции в структуре прозаического текста (на материале прозы В. Брюсова): Автореф. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 24 с.
4. *Саргсян Л. В.* Женская русскоязычная проза XXI века // Молодой ученый. – 2022. – № 13 (408). – С. 166–167.

Автор:

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут, Россия; e-mail: sirotkina71@mail.ru.

Author:

Syrotkina Tatna A. – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philological Education and Journalism of the Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia; e-mail: sirotkina71@mail.ru.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье описывается один из приёмов геймификации, помогающий освоить курс латинского языка (домино клинической терминологии Марины Игоревны Носачёвой), анализируется материал рабочих листов этой игры. Игровой метод сопоставляется с традиционным методом «закончи предложение», изложения с элементами сочинения в преподавании русского языка.

Ключевые слова: геймификация, латинский язык, клиническая терминология, домино, культура речи, борьба с клиповым мышлением, русский язык.

I.V. Solovyova

GAMIFICATION AND TRADITIONAL METHODS OF TEACHING LATIN AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. The article describes one of the gamification techniques that helps to master the Latin course (Dominoes of Clinical Terminology by Marina Igorevna Nosacheva) and analyzes the material from the worksheet of this game. The game method is compared with the traditional "finish the sentence" method, presentation with elements of composition in teaching Russian.

Keywords: gamification, Latin language, clinical terminology, dominoes, culture of speech, fight against clipping thinking, Russian language.

Согласно К. Каппу (амер., автор термина), геймификация – это «внедрение игровых технологий в неигровые процессы, в том числе в образование» [Титова, Чикризова 2019]. Оксфордский словарь даёт следующее определение понятию геймификация: «Применение типичных элементов игры (например: очки, элементы соревнования, правила игры) в других областях деятельности».

Медицинский вуз знакомит своих студентов с прекрасным древним латинским языком, вводящим студентов в сферу профессионального общения. Кроме того, в клинической терминологии используются преимущественно греческие корни, латинские приставки и окончания, комбинирующиеся как пазлы. Это объясняет сложность работы с клинической терминологией.

Для более наглядного представления о структуре клинических терминов доцент нашей кафедры М. И. Носачёва разработала домино с терминоэлементами клинической терминологии. Студенты делятся на команды, получают правила игры и карточки.

1. Игра начинается с выкладывания дубля – карточки, по обеим сторонам которой написан один и тот же терминологический элемент.

2. Карточки перемешиваются. Далее каждый из игроков вытягивает по 9 карточек (если играют 2 человека) / по 6 карточек (если играют 3 человека).

3. Человек, делающий первый ход, определяется по решению играющих.

4. Карточки выкладываются таким образом, чтобы каждый раз из терминологических элементов образовывался клинический термин, т. е., например к корневому ТЭ gastr- можно добавить карточку с ТЭ –ectomy, ae, f, чтобы получился термин gastrectomia, ae, f. Полученный термин игрок записывает в рабочий лист и разбирает по ТЭ, указывая их значение.

По результатам, вписанным в рабочие листы, в конце игры выступает представитель команды. Победителем становится та команда, которая составит больше терминов. Отдельно поощряются интересные терминологические находки. Игра вызывает большой эмоциональный отклик и занимает целое занятие, поскольку мы проводим ещё и обсуждение результатов.

Автором было заложено тематическое единство наборов: «Методы исследования», «Хирургические операции», «Патологии». Студенты преодолевали сопротивление разрозненных отрезков и радовались узнаванию термина, когда удавалось его сложить. При этом они вспоминали слова из домашних заданий, тренировали память. Стоит отметить, что, даже получив стандартный набор, многие комбинировали неизвестные ранее термины или обращались к возможностям интернета, что будет показано ниже. Но иногда команде доставались карточки, оставшиеся от разных тем, и из них студенты чаще собирали новые термины, создавали методы исследования, не существующие в медицине. Такие находки вызывали особенно бурный всплеск эмоций, авторы доказывали вероятность появления новых методов исследования и лечения.

Для выяснения структуры полученного массива нами были проанализированы 22 отчётных листа, которые заполняют команды во время игры. В них записаны 311 слов. Большая часть примеров воспроизводит лексику, отработанную ранее на занятиях. Интересными представляются те 40 слов (примерно 12,5%), которые являются плодом творчества студентов. Даже если в энциклопедическом словаре обнаруживается этот пример, мы относим его к новообразованиям, поскольку студенты создают его непосредственно во время игры в классе и выделяют в нём особенное, отличное от словарного значение.

Примеры, выходящие за границы учебного материала, можно разделить на 4 основные группы.

Первая группа: моделирование не изученных, но предполагаемых методов исследования. Rhinostomia – создание отверстия в носу (существует описание особой операции в интернете, но студенты создали его непосредственно в классе, путём сложения известных им значений, что и зафиксировали); myelologia – наука, изучающая заболевания спинного мозга; stethogramma – снимок груди; otogramma – снимок уха; lymphogenus – вызванный лимфой;

hydrogenus – вызванный водой; histogenus – вызванный тканью; – не имеют аналогов, чистый плод словотворчества. Pneumoscopia – инструментальное исследование лёгких, keratoscopus – инструмент для исследования роговицы. Последние примеры также явились результатом сложения предложенных карточек, и их значения не соотносятся с предлагаемыми на сайте некоторых клиник особыми операциями.

Вторая группа: использование интернет-ресурсов (телефоны не отбирались). Pelviographia – рентгенологическое исследование таза; pelvioplastica – восстановительная операция таза; osteologus – специалист по лечению заболеваний костной системы; keratogramma – снимок роговицы; hydrodermia – косметическая процедура глубокого увлажнения кожи; haemocytus – клетка крови. Эта группа примеров не сопровождалась собственным толкованием. Примеры приводились для увеличения количества слов и победы в игре. Обращение к интернету как источнику знаний в этом случае для нас допустимо, поскольку способствует расширению сферы профессиональной лексики, показывает новые методы диагностики и лечения, варианты развития клинической терминологии.

Третья группа: буйный полёт фантазии с некоторым словесным хулиганством. Logographia – рентгенологическое исследование речи; geroscopia – инструментальное исследование пожилого человека; hysterologia – учение о заболеваниях матки; odontoiatria – раздел мелицины, изучающий лечение зубов; stomatopaedia – исправление дефектов полости рта; encephalologus – специалист по лечению заболеваний мозга; hydroscopus – прибор для инструментального исследования воды; hydrographia – рентгенологическое исследование воды; palacetographia – рентгенологическое исследование пальцев; puocholia – наличие гноя в желчи; hydrocytus – клетка воды; haemocholia наличие крови в желчи; hydrotonus – тонус воды; hydrotonia – давление воды; haemotonia – давление крови; histuria – наличие тканевых клеток в моче; adamantogenus – вызванный алмазным; cardiotherapia – лечение сердцем; odontotherapia – лечение зубом; angiotherapia – лечение сосудом. Эта группа менее осмысленна и профессиональна, чем первые две, соотносится скорее с детскими шалостями, цель создания – увеличение количества примеров и победа любой ценой.

Четвёртая группа: использование терминов, не относящихся к клинической терминологии: astrologia², astrologus², melanochoia, paedologia, pharmacologus. Эти примеры шли без комментариев авторов. В классе мы разобрали значение термина «педология», остальные – интуитивно понятны. Примеры этой группы также не способствуют профессиональному росту, но показывают возможности сочетаемости греческих и латинских корней в любых сферах знания.

Студенты, принимавшие участие в таких игровых занятиях, подтверждали, что материал стал им понятнее и ближе. Зачёт по клинической терминологии они сдали легко. «При внедрении геймификационных элементов реализуется принцип прочности усвоения материала за счет задействования эмоциональных центров студентов.» [Титова, Чикризова 2019]. Кроме того, создавая термины

самостоятельно, будущие медики учились видеть внутренние связи между частями слов и возможности их сочетаний.

В преподавании русского языка (изначально наша кафедра специализировалась на преподавании русского как иностранного) сейчас наиболее актуальным представляется сохранение чистоты русского языка и восприятия причинно-следственных связей, в частности, в тексте. Один из предметов нашей кафедры называется «Информатизация научной деятельности», на нём мы занимаемся развитием навыков чтения и понимания научного текста по специальности. Для студентов из дальнего зарубежья сложно разобраться с грамматикой, с ними мы отрабатываем наиболее частотные конструкции научного текста и даём необходимый минимум профессиональной лексики. Но студенты из ближнего зарубежья, часто иностранцы только по документам, владея грамматикой, не желают самостоятельно вникать в суть текста объёмом 2–3 страницы. Это естественный результат клипового мышления, привычки к тестам и мессенджерам.

«Человек с клиповым мышлением воспринимает мир не целостно, а как череду почти не связанных между собой частей, фактов, событий. Он не способен анализировать какую-либо ситуацию» [Семеновских 2014: 1]

Но в профессии врача жизненно необходимо видеть правильные причинно-следственные связи во всём, поэтому мы обучаем всех студентов конспектированию, реферированию и созданию собственных связных текстов. Во время занятий по культуре речи мы видим, что связи между частями информации теряются даже на уровне грамматики, особенно в предложениях с причастными и деепричастными оборотами. Для развития понимания и навыка использования таких конструкций мы используем задания типа «Продолжи предложение»: «Купая ребёнка, ...», «Входя в корпус, ...», «Узнав прогноз погоды, ...» – продолжая их, студенты закрепляют правило единства действующего лица в обеих частях предложения [Практический курс 2021: 182]. Для развития навыка правильного применения причастий среди прочих заданий мы просим студентов описать своё утро, наш университет и т. д. Полученные работы радуют оптимизмом и чувством юмора: «При входе в корпус нас встречает *запасливая бахилами вахтёрша*».

Метод написания изложений раньше ассоциировался со школой, но сейчас поколение клипового мышления с трудом воспроизводит даже последовательность событий, не говоря уже о психологических особенностях персонажей. Поэтому мы регулярно проводим изложение с элементами сочинения (используя отрывки из «Записок врача» В. Вересаева, рассказы цикла «Записки юного врача» М. Булгакова, другие тексты о специфике работы врачей). При этом студенты, даже те, у кого текст получается в результате связным и осмысленным, жалуются, что им тяжело излагать свои мысли. Многие допускают фактические и смысловые ошибки. К сожалению, это тоже результат клипового мышления и постоянного общения в формате смс. «Ввиду фрагментарности подачи информации и разнесению связанных событий по времени, мозг просто не может осознавать и постигать связи между событиями.

И, как результат, клип превращается в информационный шум. В действительности он (современный человек) имеет в своей голове набор разрозненных фактов, которые практически невозможно объединить в общие цепочки событий и связать между собой» [Семеновских 2014: 3]

Поэтому для сохранения полноты человеческого общения, богатства и красоты русского языка, развития профессиональной эмпатии на занятиях по русскому языку мы постоянно даём различные задания на чтение и осмысление художественных текстов, создание собственных произведений любого формата. Игровые задания в процессе изучения латинского языка, в частности, домино М. И. Носачёвой, способствуют осознанию внутренних связей между различными частями терминов.

Таким образом, преподаватели нашей кафедры используют как игровые методы, геймификацию преподавания, так и классические методы работы с различными текстами, чтобы преодолеть недостатки клипового мышления современных студентов и выработать у них навык осмысления информации и логичного мышления.

Литература

1. *Практический курс русского языка для иностранных студентов-медиков из ближнего зарубежья. В двух частях. 1 часть: учебное пособие / Прокофьева Л. П., Павлова Н. И., Давлатова М. М. [и др.]; под ред. Л. П. Прокофьевой. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 190 с.*

2. *Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Науковедение. 2014. Вып. 5 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede>.*

3. *Титова С. В., Чикризова К. В. Геймификация в обучении иностранным языкам: психолого-дидактический и методический потенциал // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-psihologo-didakticheskiy-i-metodicheskiy-potentsial>*

Автор:

Соловьёва Инна Владимировна, старший преподаватель кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского, email: titus-s-i-v@mail.ru

Author:

Inna Solovyova, Senior Lecturer of the Department of Russian and Latin Languages of the Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, email: titus-s-i-v@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются морфологические средства актуализации стратегии дискредитации, используемые англоговорящими интернет-пользователями при вербализации стратегии дискредитации в рамках гендерно обусловленного интолерантного дискурса.

Ключевые слова: английский язык, стратегия дискредитации, коммуникативная стратегия, язык вражды, интолерантный дискурс.

E. D. Stepanova

MORPHOLOGICAL FEATURES OF ACTUALISING THE DISCREDITING STRATEGY

Abstract. The article deals with the morphological means of actualising the discrediting strategy used by English-speaking Internet users when verbalizing the discrediting strategy within gender-based intolerant discourse.

Keywords: English, discrediting strategy, communicative strategy, hate speech, intolerant discourse.

Современные тенденции к дигитализации открывают все больше возможностей для перехода от живого общения к интернет-коммуникации. Последствия этого процесса носят как положительный (облегчение поиска и хранения информации, ускорение процесса глобализации), так и негативный (увеличение количества дискриминирующих высказываний за счет анонимности общения) характер. Для вербализации данных дискриминирующих высказываний коммуникант использует различные некооперативные речевые стратегии.

Стратегия дискредитации выступает одним из основных способов вербализации враждебности в рамках интолерантного дискурса, представляющего собой «тип дискурса власти, репрезентирующий межгрупповой конфликт ценностей и основанный на враждебности как отражении социальных стереотипов в сознании его субъектов» [Василенко 2021а: 12]. Избирая данную речевую стратегию, адресант выражает свое коммуникативное намерение поставить дискредитируемое лицо на непривлекательное место в социальной/деловой системе ценностей или задеть чувства самого адресата (обидеть, унижить человека, выставить его в смешном либо неприглядном свете) [Сиворакша 2007: 453].

Стратегия дискредитации является широко исследуемой в рамках межличностного повседневного общения, официально-делового взаимодействия и СМИ. Данная коммуникативная стратегия представляет интерес для лингвистической экспертизы текстов по делам о защите чести и достоинства, деловой

репутации и др. [Vasilenko 2020; Василенко 2021б; Василенко 2022; Кусов 2011; Плотникова 2017; Тарба 2020].

Фактическим материалом исследования послужили 253 комментария, отобранные методом целевой случайной выборки из тематических подразделов сайта Reddit и направленные на выражение негативной оценки по отношению к женщинам как социальной группе.

Реализация стратегии дискредитации происходит за счет средств разных языковых уровней, а также различных приемов графического и стилистического планов.

Среди морфологических средств при актуализации стратегии дискредитации используются экспрессивно окрашенные частицы и междометия, категория наклонения, слова-модификаторы, эпистемические глаголы, вводные слова и обороты, указательные местоимения.

Модальные частицы *just, merely, only, even, still, yet* используются для преуменьшения значимости действий, достижений и др., а также могут понижать категоричность высказывания: *It **only** takes 18 guys to do the job of 35 women?; And **yet**, the millennial women **still** demanded diamonds, and **still** largely do now.* Использование этих модальных частиц может свидетельствовать о том, что утверждение не имеет большого значения, что, в свою очередь, может привести к снижению уровня принятия рассказываемой информации или отрицанию ее правдивости.

Эмоциональную сторону высказывания могут также выражать **междометия**, например *huh, oh, hm, nah, yeah: So when you tell your employees that they need to work harder, all the women leave, and all the asians stay...**huh**...; **Yeah**, the solution is always "Do what a woman would do to be happy and you'll be fine!"*. Эти междометия могут актуализировать различные эмфатические эффекты в зависимости от контекста: сомнение, недоумение, сожаление, удивление и др.

Использование **сослагательного наклонения** глагола может выражать гипотетичность высказывания: *The coincidence is also highly probable. If there were any signs of struggle from the victim, it would have been much easier to say she was assaulted. But there was none.* Также использование сослагательного наклонения глагола в высказывании может обозначать нереальность действия: *Even if I were to get a pretty woman, which wouldn't be fair because I don't look that good, they come with a lot of drama and problems.* **Повелительное наклонение** глагола может говорить о побуждении, пожелании, просьбе или указании, например: *There are women you marry and women you date. **Don't** get them mixed up.*

Слова-модификаторы используются в рамках стратегии дискредитации для усиления негативного воздействия на целевую аудиторию. Они могут быть направлены на усиление либо смягчение эмотивности высказывания. Так, слова-интенсификаторы включают такие лексические единицы, как *very, really, whole, too, absolute, completely, incredibly, extremely: Accordingly fidelity is **very** important for any male human with a sense of self-respect. It's not as important for women; Being pleasant and agreeable goes a **really really** long way too. I don't want to get off work and meet a woman for dinner and argue little insignificant things the*

whole time Данные лексические единицы могут использоваться коммуникантами для подчеркивания эмоциональной стороны высказывания, а именно раздражения, уверенности, недостижимости и др., а также для создания эффекта гиперболизации.

«Смягчающие» модификаторы представлены такими единицами, как *quite* и *a little bit* и призваны понизить степень критичности и негативности высказывания: *It's quite difficult finding a woman who's interests aren't pop culture related or hobbies are consumerist in nature; Women tend to like drama, which on itself is a little bit crazy to be honest.*

Для подчеркивания мнения и негативной оценки могут использоваться эпистемические глаголы мнения и знания, предполагающие ментальную активность, например *to think, to seem, to assume, to feel, to consider*: *I think a sub called Askmen which is meant for men answering question should mainly if not exclusively be moderated by man who can relate to comments; I feel bad for men because hatred towards them is more socially acceptable than hatred towards women.* Помимо глаголов мнения и знания также могут использоваться иные средства выражения эпистемической модальности: вводные слова и обороты, а также модальные частицы [Костюченко 2017: 233].

Вводные слова представлены такими единицами, как *personally* и *frankly*: *Personally, because most women have no idea what they want...; Because quite frankly they are often more work then their worth...*

Вводные обороты представлены такими фразами, как *as harsh as it may sound* и *to be honest*: *The prostitute doesn't have to say yes to that anymore than I have to accept a DoorDash order. As harsh as it may sound, again, I go to DoorDash. I don't have to accept every order; To be honest, a relationship is a lot of work and it feels like women put no effort into making it easier.*

Указательные местоимения создают эмфазу и могут использоваться для передачи чувства пренебрежения, а также отчуждения от аутгруппы: *Think about the collective mentality of that gender, still wanting and demanding diamonds despite knowing what it wrought...*

Таким образом, для реализации стратегии дискредитации используются различные средства морфологического уровня языка: модальные частицы и междометия, сослагательное и повелительное наклонения глагола, слова-модификаторы, эпистемические глаголы, вводные слова и обороты, а также указательные местоимения. Вышеописанные языковые средства призваны создать определенный перлокутивный эффект (уничижительный, насмешливый и др.) в рамках стратегии дискредитации.

Литература

1. Василенко Е. Н. Интолерантный дискурс в общей парадигме дискурса // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021а. – № 4. – С. 6–14.

2. *Василенко Е. Н.* Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагмалингвистический аспекты / Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 236 с.

3. *Василенко Е. Н.* «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах / Е. Н. Василенко // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. – 2021б. – № 2(244). – С. 90–97.

4. *Костюченко В. Ю.* Эпистемические глаголы в сетевых-ток шоу в русском и английском языках: лексико-семантическое разнообразие и количественная представленность / В. Ю. Костюченко // Гуманитарные технологии в образовании и социосфере : сб. науч. статей / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2017. – С. 232–239.

5. *Кусов Г. В.* Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы / Г. В. Кусов // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 5. – С. 217–224.

6. *Плотникова А. М.* Графические средства выражения антивежливости и их интерпретация в лингвистической экспертизе текста / А. М. Плотникова // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23–24 октября 2018 г. / редкол.: Г. Е. Крейдлин, Л. Л. Федорова, И. А. Шаронов (сост. и отв. ред.). – М. : Ин-т лингвистики РГГУ, 2018. – С. 45–52.

7. *Сиворакша М. А.* Дискредитация как разновидность конфликтного общения / М. А. Сиворакша // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 44. – С. 452–457.

8. *Тарба К. Г.* Особенности реализации стратегии дискредитации в интернет-изданиях: коммуникативно-прагматический аспект / К. Г. Тарба // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2020. – № 6. – С. 115–120.

9. *Vasilenko E. N.* Sexist hate speech: topical organization of intolerant discourse / E. N. Vasilenko // *Językoznawstwo*. – 2020. – № 1(14). – S. 47–60.

Автор:

Степанова Елизавета Дмитриевна – преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени А.А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь; e-mail: stsiapanava.ld@gmail.com

Author:

Stepanova Elizaveta D. – Lecturer of Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus; e-mail: stsiapanava.ld@gmail.com

НАИМЕНОВАНИЯ ДОРОГ И ТРОП В ВЯТСКИХ ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются обозначения путей передвижения по местности, представленные в вятских диалектах. Выявляется комплекс идеограмм, связанных с семантикой дороги. Производятся ономаσιологическая и этимологическая интерпретация диалектных лексем. Определяются источники заимствованных слов, входящих в лексическую группу.

Ключевые слова: апеллятив, лексика, вятские диалекты, русский язык, праславянский язык, тюркские языки, прибалтийско-финские языки.

О. А. Teush

NAMES OF ROADS AND TRAILS IN VYATKA DIALECTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE: INTERPRETATION OF THE INNER FORM

Abstract. The article discusses the designations of the ways of movement in the area, presented in the Vyatka dialects. A complex of ideograms related to the semantics of the road is revealed. Onomasiological and etymological interpretation of dialect lexemes is performed. The sources of borrowed words included in the lexical group are determined.

Keywords: appellative, lexis, Vyatka dialects, Russian language, Proto-Slavic language, Turkic languages, Baltic-Finnish languages.

Основным апеллятивным наименованием дороги в вятских говорах является производное от русск. литер. *путь* ‘полоска земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения’ [ТСРЯ: 780] *пути́на* (Киров.) [ТСВ: 16]. Синонимичное образование *изво́з* [ТСВ: 16] описательно: дериват глагола *извози́ть*, образованного от русск. литер. *вози́ть* ‘перемещать, доставлять куда-нибудь на себе (также о транспортных средствах)’ [ТСРЯ: 104]. Фольклорным обозначением дороги служит слово *бродя́жка* (Киров.: Крв.) [ТСВ: 16], производное от *бродя́га* ‘человек, который любит странствовать, жить в разных местах’ [ТСРЯ: 61].

‘Узкая протоптанная дорожка’, именуемая в русск. литер. языке лексемой *тропа́* (связана чередованием гласных с *трепа́ть*) [ТСРЯ: 1002], в вятских диалектах носит название *верея́* ‘тропа’ (Киров.: Орл.) [ТСВ: 16]: образовано от корня *вер-*, представленного в глаголе *верте́ть*. Вятское диалектное *доло́бка* ‘тропа’ [ТСВ: 16] – дериват от **долоб* – субстантивного образования от *долби́ть* ‘ударами делать в чем-нибудь углубление’ [ТСРЯ: 207]. Близко по внутренней форме *затопча́* ‘тропа’ (Киров.) [ТСВ: 16]: производно от *затопма́ть*

‘топча, заровнять или вдавить во что-нибудь’ [ТСРЯ: 269]. Вятское *залóжница* ‘тропа’ [ТСВ: 16] является субстантивным дериватом от *залегать* – несов. к *залечь* ‘расположиться, поместиться’ [ТСРЯ: 254].

Особо ценится жителями Вятского края возможность передвижения по прямой: на это указывают многочисленные образования от корня *прям-* (*прямік* ‘прямой путь, дорога, тропа’ (Киров.: Ун.) [ТСВ: 28], *прямотрón*, *пряміца*, *прямніца*, *пряміха*, *прямүша*, *прямүшка* ‘то же’ [ТСВ: 28]).

‘Крутой поворот дороги’ носит название *изгібок* (Киров.: Снч., Яр.) [ТСВ: 22], ср. также однокоренные *изгібина*, *загібина*, *загибуля*, *загибулина*, *загібок* [ТСВ: 22]. Имеющее то же значение *излүк* (Киров.) [ТСВ: 22] имеет корень *лук-*, восходящий к праслав. **lōk-*, связанному чередованием с глаголом **lękti*, отраженным в ст.-слав. *лаци* ‘сгибать’ [ТСРЯ: 291]. Место на дороге с ‘крутым подъемом, спуском или поворотом’ обозначается лексемой *крутік* (Киров.: Арб., Флн.) [ТСВ: 22].

Ряд наименований содержит в лексическом значении указание на местоположение относительно других объектов ландшафта: *подгóрица* ‘тропинка в поле’ (Киров.: Нлн., Орч.) [ТСВ: 25], *прилүжка* ‘прямая дорога вдоль луга’ (Киров.: Свт.) [ТСВ: 27]. ‘Дорога около пашни’ обозначается лексемой *развál* (Киров.: Ун.) [ТСВ: 28], производной от глагола *развалить* – сов. к *развáливать* ‘расчищать что-либо, освобождая пространство’, ср. контекст: «Развалил поле великое» (Олон.: Пуд.) [СРНГ 33: 279].

Состояние дорог является различным в зависимости от сезона. Передвижение по различным участкам местности может определяться временем года: *зимняк* ‘зимняя дорога, пролагаемая по водам и болотам’ (Киров.: Вшж.) [ТСВ: 21]; *вешняк* ‘окольная весенняя дорога’ (Киров.: Опр., Юр.) [ТСВ: 16]. ‘Первый зимний путь на санях’ (Киров.: Лз.) обозначается *первопүт* [ТСВ: 25], в отличие от ‘торного зимнего санного пути’, который именуется *полозніца* (Киров.: Зв.) [ТСВ: 26].

Зимой передвижению по дорогам препятствуют *хохрякі* ‘смерзшиеся комья земли на дороге’ (Киров.: Бхл.) [ТСВ: 30]. Апеллятив может рассматриваться как образование с архаическим префиксом *хо-* от звукоподражательного корня *хряк-* [ТСРЯ: 1074]. В весеннюю погоду езде по дорогам препятствует таяние снегов: *распүта* ‘грязная, непроезжая дорога’ (Киров.: Вкм., Онт.) [ТСВ: 28], *тáлец* ‘непроезжая дорога’ (Киров.: Лз.) [ТСВ: 29].

При длительном использовании на дорогах образуются ямы, препятствующие передвижению: *вы́колдобина* ‘выбоина, ухаб, рытвина на дороге’ (Киров.: Арб.), *колдóба* ‘то же’ (Киров.) [ТСВ: 17] (< с метатезой праслав. **kodьlba*, сложению префикса **ko-* и корня *dьlb-*, отраженного в русск. *долб́ить* [ТСРЯ: 347]). Экспрессивное озвончение корня отражено в синонимичном *голдóбина* (Киров.) [ТСВ: 17]. Описательным наименованием (ср.: *прокатить* ‘быстро проехать’ [ТСРЯ: 755]) является *прока́тина* (Киров.) [ТСВ: 17].

Дериватом русск. литер. *буера́к* ‘рытвина, выбоина или промоина’ (заимствовано из тур. *bajyr* ‘склон, обрыв, холм, поросший деревьями’) [ТСРЯ: 64] является вятское *буера́ковина* ‘выбоина, ухаб, рытвина на дороге’ (Киров.)

[ТСВ: 17]. Тюркским по происхождению (ср. казах. *sokpa* (из *sokta*) ‘дорожка, тропинка’, чагат. *soktak* ‘дорога, тропа’ от **sok-* ‘бить’ [Фасмер 3: 547]) считается и слово *сакма́* ‘дорожная колея’ (Киров.: Кчп., Орч.) [ТСВ: 29], имеющее вариант *со́кма* [ТСВ: 29]. Синоним *козма́* (Киров.) [ТСВ: 29], напротив, считается прибалтийско-финским по происхождению [Kalima 1919: 121; Фасмер 2: 275], ср. фин. *kohma*, *kohme* ‘твердость, вызванная холодом’ [SKES 2: 205; SSA 1: 382].

В целом, апеллятивные наименования дорог в вятских диалектах представляют собой группу лексических обозначений, семантика и форма которых обусловлены спецификой передвижения по местности в зависимости от рельефа или погодных условий.

Литература

1. Словари (с используемыми сокращениями).

СРНГ– Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

ТСВ – Тематический словарь вятских говоров / отв. ред. З. В. Сметанина. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. 311 с.

ТСРЯ– Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. 1175 с.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981. 2293 s.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000. 486 s., 470 s., 503 s.

2. Исследования.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919. 265 s.

Сокращения

1. Названия областей и районов.

Арб. – Арбажский район Кировской области

Бхл. – Белохолуницкий район Кировской области

Вкм. – Верхнекамский район Кировской области

Вшж. – Верхоижемский район Кировской области

Зв. – Зуевский район Кировской области

Киров. – Кировская область

Крв. – Красновишерский район Кировской области

Кчп. – Кирово-Чепецкий район Кировской области

Лз. – Лузский район Кировской области

Нлн. – Нолинский район Кировской области

Омт. – Омутнинский район Кировской области

Опр. – Опаринский район Кировской области

Орл. – Орловский район Кировской области

Орч. – Оричевский район Кировской области
Свт. – Советский район Кировской области
Снч. – Санчурский район Кировской области
Ун. – Унинский район Кировской области
Флн. – Фаленский район Кировской области
Юр. – Юрьянский район Кировской области
Яр. – Яранский район Кировской области

2. Языки и диалекты.

казах. – казахский язык
праслав. – праславянский язык
русск. – русский язык
ст.-слав. – старославянский язык
тур. – турецкий язык
фин. – финский язык
чагат. – чагатайский язык

3. Прочие

диал. – диалектное
обл. – область
с. – село
ср. – сравни
тыс. – тысячелетие

Автор:

Теуш Ольга Анатольевна – старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации департамента «Филологический факультет» Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, УрФУ (Екатеринбург), e-mail: olga.teush@yandex.ru

Author:

Teush Olga A. - Senior Researcher, Candidate of Philological Studies, Associate Professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the «Faculty of Philology», Ural Federal University named after The First President of Russia B. N. Yeltsin, UFU (Yekaterinburg), e-mail: olga.teush@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. Авторы статьи предлагают углубить знания обучающихся в области русской грамматики с помощью изучения грамматики современного поэтического текста. Обращение к творчеству поэтов-постмодернистов, содержащему яркие примеры грамматических аномалий (девиаций, аграмматизмов), поможет школьникам увидеть возможную неоднозначность объяснения некоторых фактов русского языка и научит их сравнивать существующие мнения о языковых феноменах, сформирует у них практические навыки детального и обоснованного лингвистического комментария.

Ключевые слова: грамматика, лингвокреативная деятельность, креативный потенциал, языковая игра, лингвистическая компетенция.

E. G. Tonkova, L. G. Kuklina

STUDYING THE GRAMMAR OF A MODERN POETIC TEXT AT SCHOOL AS A MEANS OF FORMING THE LINGUISTIC COMPETENCE OF SCHOOLCHILDREN

Abstract. The authors of the article propose to deepen the students' knowledge in the field of Russian grammar by studying the grammar of a modern poetic text. The appeal to the works of postmodern poets, containing vivid examples of grammatical anomalies (deviations, agrammatism), will help schoolchildren to see the possible ambiguity of explaining some facts of the Russian language and will teach them to compare existing opinions about linguistic phenomena, will form their practical skills of detailed and grounded linguistic commentary.

Keywords: grammar, linguocreative activity, creative potential, language game, linguistic competence.

В первые десятилетия XXI века не ослабевает интерес исследователей к изучению поэтической грамматики. Ученые обсуждают перспективы дальнейшего исследования лингвопоэтики на основе анализа работ представителей различных школ, во многом предопределивших векторы её развития. Как устроен поэтический текст, как на основе анализа произведения поэта проникнуть в глубину его образной мысли, чем синтаксис поэзии отличается от синтаксиса прозы, как поэтический язык используют творцы разных эпох – все эти давно стоящие перед лингвистами вопросы требуют дальнейшего исследования и описания.

По нашему мнению, изучение языка современного поэтического текста может заинтересовать обучающихся в силу того, что они получают возможность познакомиться с неординарными литературными произведениями, имеющими яркие грамматические особенности.

В первую очередь школьникам необходимо осознать то, что изучение русской грамматики – занимательный и плодотворный процесс. Вначале обучающимся рекомендуется изучить монографию Е. Н. Ремчуковой «Креативный потенциал русской грамматики» (2016) [1]. Автор этого научного труда последовательно и всесторонне рассматривает нетривиальные факты русской грамматики, характерные и для разговорной речи, и для научно-публицистического стиля и языка СМИ, и для текстов художественной литературы. Затем школьники могут перейти к самостоятельному изучению неконвенциональных способов выражения грамматических значений в поэтических текстах, что, безусловно, поможет им получить расширенное представление о креативных возможностях русской грамматики и сформировать у них аксиологическое отношение к отбору языковых средств.

Материалом для исследования могут стать стихи современных поэтов: Михаила Айзенберга, Николая Голя, Нади Делаланд, Андрея Коровина, Александра Левина, Льва Лосева, Ольги Пановой, Дмитрия Пригова, Генриха Сапгира, Виктора Сосноры, Владимира Строчкова и др. Это поэты-постмодернисты, чьё творчество переживало бурный расцвет в конце 1990-х гг. Словотворчество в условиях определённого исторического контекста, эпатаж, балагурство, намеренные грамматические аномалии, выбор темы поэтического текста – всё это вызывало любопытство читателей и интерес исследователей. До сих пор привлекают внимание тонкая языковая игра и свобода самовыражения, проявляющаяся в поэтическом словообразовании, морфологии, синтаксисе, возникающие в связи с этим интертекстуальные связи и т. д. Несомненно, молодое поколение должно иметь представление об этих талантливых поэтах и их творчестве. Современный учитель может разработать соответствующую программу внеурочной деятельности и внедрить её в образовательный процесс. В нашем случае школьникам предлагается программа «Креативная грамматика современной русской поэзии».

Выбранные нами поэты эпатажируют читателя не только темами, изображением «непоэтических» ситуаций, «непоэтической» лексикой, но и намеренно вызывающими грамматическими аномалиями. С лингвистической точки зрения вызывает интерес разнообразие способов проявления лингвокреативного мышления. Рассмотрим следующий пример: каждому образованному носителю русского языка известны слова Аполлона Григорьева «Пушкин – наше всё» и известно, кто такой Дантес. Соответственно, каждому говорящему на русском языке будет понятен смысл этих строк:

... А потом Дантес в кольчуге
Из Парижа своего
Как пульнет под пенё вьюги
В тело нашего всего!

Наше всё со смертью бился,
но терял с пространством связь,
и к друзьям он обратился,
к стеллажам оборотясь.

Николай Голь

В данном случае мы видим аграмматизм строки «*Наше всё со смертью бился...*» (субстантивированные местоимения среднего рода и глагол прош. вр. в форме мужского рода). Скорее всего, школьники смогут сами прокомментировать авторский замысел, приведший к креативному нарушению грамматики.

Часто за внешней несерьезностью, вульгарностью и неопрятностью речи стоит настойчивое стремление автора осмыслить сущность бытия через некие житейские подробности. В свою очередь за нарочитым искажением грамматики может скрываться потребность постигнуть язык в его противоречиях и познать себя в языке, передать через слово и его форму уникальную информацию.

Как представляется, включение намеренных аграмматизмов в поэтический язык прямым образом связано с креативным, нестандартным мышлением авторов. Несовершенство мира заставляет поэтов творить, неидеальность языка даёт им возможность выйти за рамки того, что предлагается нормативными словарями и правилами русского языка.

Автором поэтического текста создается игровая ситуация, которая подразумевает ответное моделирование текста читателем. Чтение таких произведений требует активной перцепции и сопричастности, оно будит и внимание, и эмоции. См., например:

Стул – бродячее дерево,
которому приделали ноги,
двоюродный брат пиджака,
который висит на нём
как родной (кто на ком?)
Кресло – **двоюродное сестро** стула,
но не родственник пиджаку

А. Левин

Сначала читателю кажется, что средний род существительного *сестро* (вместо ж. р. *сестра*) – грамматическая ошибка. Однако углублённые изыскания приведут школьников к тому, что в слове *сестро* не окажется ничего невероятного. Во-первых, это звательная форма в языке православной церкви. «*Сестро стула*» – предикативное определение кресла (в контексте – в сочетании с формой среднего рода прил. *двоюродное*), а определения должны принимать форму определяемого. Стул, согласно логике текста, «*бродячее дерево*», а дерево – существительное среднего рода. Прежде в языке бытовала форма «*стуло*», равно как и форма «*кресло*», но дальнейшая судьба этих слов сложилась по-разному. Форма «*стуло*» в настоящее время утрачена. Этот пример помогает нам установить, что в действительности то, что считается феноменом языковой игры, окказионализмом, некогда реально существовало в языке, и,

наоборот, то, что раньше бытовало в качестве нормы языка, сейчас может считаться лингвокреативным приёмом автора.

В этой языковой игре очень важен читатель: только от него зависит, вступает он в эту игру или нет, осознаёт игровую ситуацию или принимает намеренную девиацию за грамматическую ошибку. В рамках разработанной нами программы внеурочных занятий по русскому языку обучающимся предлагается стать участником подобной языковой игры. Мы предлагаем для изучения следующие темы: 1) «В облаке цвета пепла мелкий набор свинцов» (М. Айзенберг). Грамматическая трансформация форм числа имени существительного в поэзии современных авторов; 2) «Лесов таинственный осень ...» (Н. Делаланд). Изменение категории рода существительного в современной поэтической речи; 3) «...пахнет раскаленной тенью / спит волосы заплетены на асфальте ...» (А. Коровин). Особенности синтаксиса современной русской поэзии; 4) «За окном моим летали две весёлые свистели ...» (А. Левин). Переход слов из одной части речи в другую; 5) «Кресло – двоюродное сестро стула ...» (А. Левин). Использование в поэтической речи грамматических архаизмов; 6) «Вот как Помпея проросла ...» (Л. Лосев). Противоречие между грамматическим родом и основным словообразовательным типом склонения в образцах современной русской поэзии; 7) «За то ли я в глуши Молдавы / Гиб и страдал» (Д. Пригов). Грамматическая категория времени у окказиональных глаголов; 8) «Мира смысл и структуру я зиждю» (Д. Пригов). Личные формы окказиональных глаголов; 9) «Да и лежащий, и сидящий, и пьющий, любящий, едящий...» (Д. Пригов). Грамматические особенности образования действительных и страдательных причастий в современной русской поэзии; 10) «Овечьи поблеивают балалайки» (В. Соснора). Примеры изменения грамматической категории вида глагола в современной русской поэзии; 11) «Живет в нетопленном подвале, полузабытый от людей» (М. Степанова). Аграмматизмы в современной поэтической речи и норма современного русского языка.

Языковая игра активизирует скрытые возможности языка, обязывает размышлять о противоречиях и парадоксах его функционирования. В ней активно проявляются стремления языковой личности к переосмыслению старых форм и созданию новых, что отражается в большом количестве окказиональных словоформ в поэтических текстах. Иногда то, что представляется современному читателю авторской новацией, является архаизмом.

Кроме того, необходимо объяснить ученикам практический смысл осуществляемого исследования: оно поможет лучше узнать систему грамматических норм русского языка. Можно собрать картотеку нетривиальных грамматических форм, обнаруженных в поэтических текстах, которая будет использоваться для написания научных работ и докладов. В итоге обучающиеся могут заняться проектной деятельностью и участвовать в научных конференциях и конкурсах.

В процессе изучения лингвокреативной составляющей языка современной поэзии обучающиеся смогут составить собственное представление о специфике художественного стиля речи. Это тем более важно, потому что подрастающее

поколение практически не демонстрирует навыков сформированной читательской грамотности, являющейся важной частью функциональной грамотности.

Если заинтересованность школьников в изучении темы окажется стабильной, можно продолжить исследовательскую работу, посвятив её изучению грамматических контрастов в языке прозы.

Литература

1. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 224 с.

Авторы:

Тонкова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия; e-mail: eltonkova@yandex.ru

Куклина Лариса Геннадьевна – учитель русского языка и литературы МБОУ «Медведевская средняя общеобразовательная школа № 2», г. Йошкар-Ола, Россия; e-mail: lara.kuklina.76@mail.ru

Authors:

Tonkova Elena G. – Candidate of Philological Sciences, Assistant of Professor of Chair of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia; e-mail: eltonkova@yandex.ru

Kuklina Larisa G. – Teacher of Russian Language and Literature, Medvedevo's Secondary School № 2, Yoshkar-Ola, Russia; e-mail: lara.kuklina.76@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЛЕКСИКЕ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. Применение цифровых технологий при обучении лексике в практике преподавания русского языка как иностранного имеет множество преимуществ. Они делают обучение более интерактивным, доступным, мотивирующим и эффективным. Онлайн-ресурсы, приложения, программы и игры позволяют обучающимся расширить словарный запас и развить навыки понимания и использования лексики в контексте.

Ключевые слова: цифровые технологии, русский язык как иностранный, обучение лексике русского языка.

O. S. Ukhleikina, A.D. Akhvanderova

USING DIGITAL TECHNOLOGIES WHEN TEACHING VOCABULARY IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The use of digital technologies in teaching vocabulary in the practice of teaching Russian as a foreign language has many advantages. They make learning more interactive, accessible, motivating and effective. Online resources, applications, programs and games allow students to expand their vocabulary and develop skills in understanding and using vocabulary in context.

Keywords: digital technologies, Russian as a foreign language, teaching Russian vocabulary.

В современном мире образовательный процесс должен осуществляться с использованием цифровых технологий, так как они позволяют нам расширить возможности преподавания и обучения, делая его более доступным, интерактивным и увлекательным.

Цифровые технологии в настоящее время проникают во все области жизнедеятельности человека. В процессе преподавания русского языка как иностранного применение цифровых технологий имеет огромное значение, поскольку они позволяют повысить мотивацию учащихся и являются одним из основных способов добычи полезной информации. Современные устройства (компьютеры, планшеты и смартфоны и т.д.), основные возможности сети «Интернет», электронные средства обучения, современные цифровые образовательные платформы позволяют обучающимся иметь постоянный доступ к разнообразным и актуальным материалам на русском языке с целью повышения качества, эффективности учебного процесса [Загуменникова 2023].

При обучении иностранных студентов русскому языку выработка лексических навыков является первостепенной задачей каждого преподавателя РКИ. Слово выступает как важнейший инструмент для коммуникативных потребностей и строительным материалом нашей речи. Обучающийся должен не только запоминать лексические единицы, но и овладеть их значением, формой (фонетической и грамматической характеристикой слова). Предъявление лексической единицы происходит не изолированно, а в контексте, так как именно при включении слова в предложение, им приобретаются статус и значение [Сычёва 2017].

Процесс запоминания лексического материала напрямую зависит от возрастных особенностей обучаемого. В более раннем возрасте свойственно механическое запоминание новых слов и выражений, подросткам и взрослым – логическое и более осмысленное запоминание новой информации. Безусловно, при усвоении новых лексических единиц большую роль играют как ассоциативные и смысловые связи, так и индивидуальные особенности обучающихся.

Очень важно научиться пользоваться всеми новыми технологиями. Это задача номер один не только для учащихся, но и для учителей – вся переподготовка должна быть ориентирована на использование современных технологий. Действительно, с развитием технологии изменяются требования, предъявляемые к содержанию учебного процесса. Сегодня педагог должен не только давать знания, но и научить обучающихся самостоятельно находить источники пополнения знаний. В этой связи возникает необходимость в новой модели смешанного обучения, построенной на основе современных информационных технологий, с помощью которых обеспечивается доступ к информации, что позволяют по-новому построить образовательную систему.

В настоящее время создано множество различных коллекций цифровых образовательных ресурсов, включающих специально разработанные наборы разнообразных ЦОР, тематические коллекции, инструменты, программные средства для организации учебного процесса [Солонцова 2015]. Мы остановимся на часто используемых ресурсах в преподавании РКИ.

1. *Интерактивные упражнения и игры.* Существует множество онлайн-платформ («Russian on-line» [<http://www.rus-on-line.ru/index.html>], «Юна» [<https://youna.ru/about>] «LearningApps.org» [<https://learningapps.org>] и т.д.), приложений и программ, предлагающих различные интерактивные упражнения и игры при обучении лексике. Эти инструменты позволяют учить новые слова, повторять их и проверять свои знания в интересной и захватывающей форме.

На сайте «LearningApps.org» с помощью шаблонов легко создавать свои тематические упражнения, которые помогают запомнить и закрепить полученные знания. Мы создали лексический материал на соответствие по теме «Профессия».

С помощью интерактивных программ и приложений обучающиеся могут не только учить новые слова, но и практиковать их использование в контексте.

2. *Видео и аудиоматериалы.* Применение цифровых материалов, таких как видеоролики, аудиозаписи и подкасты, эффективно влияют на процесс запоминания новых слов в контексте, а интерактивные упражнения помогают закрепить полученные знания.

3. *Онлайн-словари и приложения.* Существует большое количество онлайн-словарей и приложений, позволяющие более подробно узнавать значения новых слов и их переводы, а также дополнительную информацию о них. Эти ресурсы используют для быстрого и удобного доступа к словарной информа-

ции, а также для правильного использования слов. Это особенно полезно для тех, чей родной язык имеет существенные отличия в лексике от изучаемого языка. Применение онлайн-словарей способствует развитию у обучающихся навыков самостоятельного исследования и обработки информации. Всем известно, что лексический запас русского языка находится в состоянии динамического равновесия. Хотя в пространстве интернета много различных сайтов, где легко найти значение того или иного слова, но, к большому сожалению, не все сайты предоставляют достоверную информацию, так как не следят за изменениями лексики русского языка.

На сайте «Грамота.ру» во вкладке «Словари» [<http://gramota.ru/slovari>] можно найти любое слово и его значение. Это справочный портал адресован русскоязычным обучающимся, но, тем не менее, даже иностранным слушателям несложно будет научиться пользоваться словарём на этом сайте. Здесь даны определения слов из «Большого толкового словаря русского языка» с примерами употребления, с указанием ударения и основных форм.

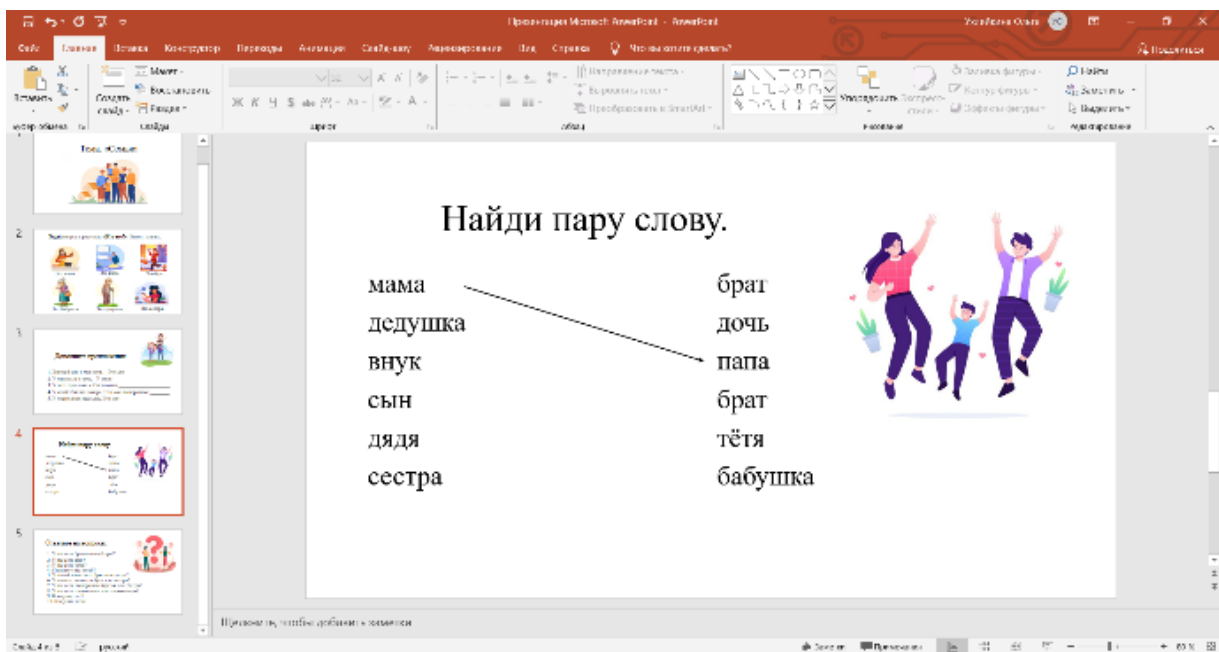
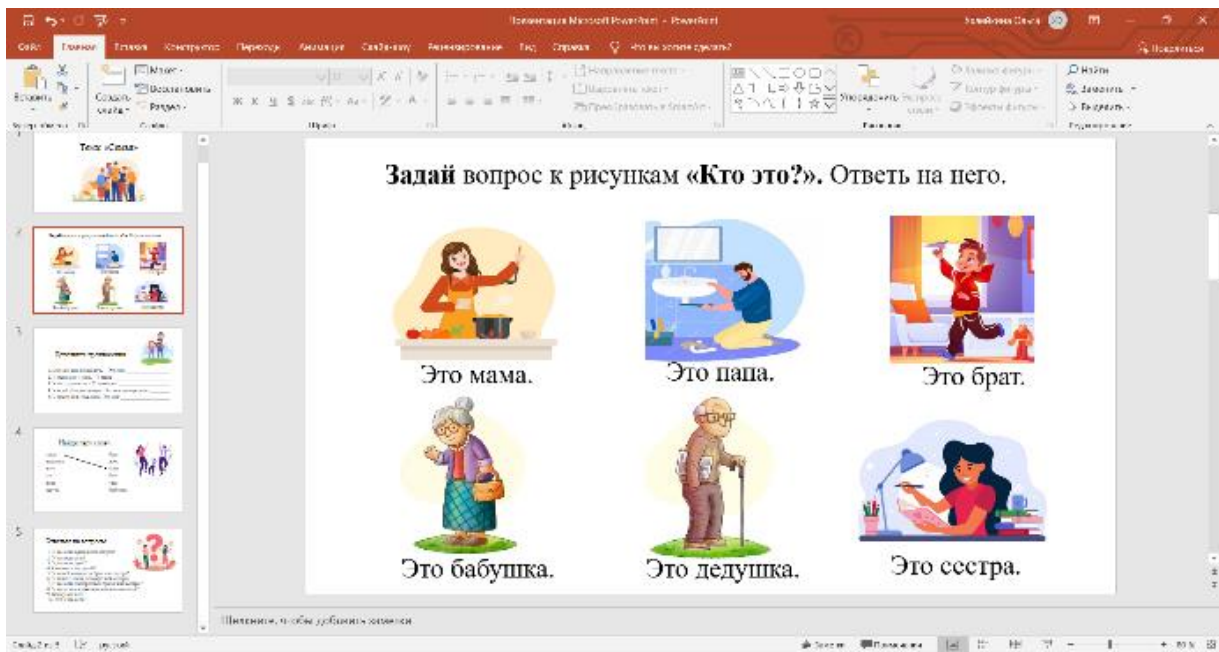
«Национальный корпус русского языка» [<https://ruscorpora.ru>], где собрано большое количество самых разных текстов на русском языке (в том числе из сети «Интернет»). Здесь через поиск можно посмотреть примеры употребления того или иного слова. Для того, чтобы найти слова с заданными грамматическими или семантическими свойствами, можно использовать лексико-грамматический поиск.

На сайте «Академик» [<https://academic.ru>] представлено огромное количество словарей и энциклопедий. При обучении лексике русского языка данный сайт является хорошим помощником: здесь можно найти определение слова в разных словарях, его синонимы, примеры употребления одновременно.

Кроме этих можно выделить переводные словари (русский ↔ другой язык). Например: Dict.com [<https://dict.com/ru>] – многоязычный словарь, который отлично подходит для начинающих. Он удобен тем, что в нем представлена транскрипция, примеры словосочетаний, наглядная таблица с формами слова. Также можно послушать произношение слова.

4. *Презентации.* Использовать их можно при прохождении новой лексики, при закреплении знаний, выполнении творческих заданий и т.д. Для создания презентаций к уроку не нужны какие-то особые программы, хватит и стандартных средств типа PowerPoint.

Мы предлагаем следующую презентацию по теме: «Семья».

Всем известно, что современные ученики стали частью цифрового мира, так как они пользуются всеми возможностями Интернета, но, к сожалению, недостаточно обладают навыками в области применения информационных технологий в учебных целях. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы обучающиеся использовали гаджеты на занятиях по русскому языку в целях повышения своей коммуникативной компетентности. Конечно же, нужно признать, что новые возможности, которые дают цифровые технологии, позволяют стимулировать интерес к предмету, повышать учебную мотивацию учащихся, их интеллектуальный уровень, творческое мышление, совершенствовать коммуникативные навыки и практические умения. В целом повышается эффективность учебного процесса и экономится время [Савельева 2021: 70].

Таким образом, использование цифровых технологий при обучении лексике в практике преподавания русского языка как иностранного имеет множество преимуществ. Они делают обучение более интерактивным, доступным, мотивирующим и эффективным. Преподаватели могут использовать различные онлайн ресурсы, приложения, программы и игры, чтобы помочь ученикам расширить свои словарные запасы и развить навыки понимания и использования лексики в контексте.

Литература

1. *Загуменникова Н. В.* Цифровые технологии как способ оптимизации обучения русскому языку как иностранному // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 1. Часть 1. – С 165–178.
2. *Савельева Ю. И.* Цифровые технологии в практике учителя русского языка // Научный поиск: личность, образование, культура. – 2021. – № 3. – С. 70–78.
3. *Солонцова Л. П.* Современная методика обучения иностранным языкам (актуальные вопросы): учебное пособие для студентов языковых специальностей педагогических вузов и преподавателей иностранных языков средних и высших образовательных учреждений различного типа. – Алматы: Эверо, 2015. – 208 с.
4. *Сычёва Л.В.* Особенности работы с лексикой при изучении РКИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2017. – №2 (25). – С. 25–29.

Авторы:

Ухлейкина Ольга Сергеевна – студент 5 курса факультета истории, филологии, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева;

Ахвандерова Алина Давыдовна – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Authors:

Ukhleikina Olga Sergeevna – 5th year student of the Faculty of History, Philology, Management and Law of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University;

Akhvanderova Alina Davydovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University.

КИТАЙСКИЙ «РИС» ПО СРАВНЕНИЮ С УКРАИНСКИМ «ХЛЕБОМ»

Аннотация. В статье рассматривается тема кулинарных культурологических кодов в китайском и украинском языках. Предмет нашего исследования представляет важнейшие для китайцев и украинцев концептуальные понятия *рис* и *хлеб*. В нашем исследовании данные понятия анализируются на материале фразеологизмов и идиом, поскольку в них отражаются едва ли не самые главные факты существования любого народа, его культуры и картины мира. Актуальность настоящей статьи заключается в сопоставлении выражений совершенно разных культур по принципу схожести их посыла и содержания, что иллюстрирует их универсальность. Нами был проведен лингвистический анализ, который, с культурологической точки зрения, помогает расширить представление о месте таких концептуальных стержней, как *рис* и *хлеб*, а также показывает в целом роль анализируемых кулинарных концептуальных лексем в культуре Китая по сравнению с их восприятием украинцами.

Ключевые слова: китайский язык, украинский язык, поговорка, пословица, концепт «еда», концепт «рис», концепт «хлеб».

Yun-Chu Fan

THE CHINESE “RICE” COMPARED TO THE UKRAINIAN “BREAD”

Abstract. The article examines the topic of food in Chinese and Ukrainian languages. The subject of the study is the concepts of rice and bread, which are most important for the Chinese and Ukrainians. For the most part, in this article, these concepts are considered in idioms, since they are part of the language, which is one of the main factors of the existence of any nation and its culture. The concepts of rice and bread are studied here by comparing proverbs and sayings of the two studied languages. The relevance of the article lies in the comparison of sayings of the two cultures that seem almost opposite from one another, based on the principle of similarity in their message and content. The carried out work expanded the understanding of the role of rice and bread, and in general the role of food in Chinese culture in comparison with the perception of food by Ukrainians.

Keywords: Chinese language, Ukrainian language, proverb, idiom, Concept “Food”, Concept “Rice”, Concept “Bread”.

Китай, несомненно, богат своей историей, культурой и философией, которым уже 5000 с лишним лет. Несомненно, культура древних концептов китайской картины мира включает в себя широкий диапазон сфер бытовой жизни (еда, одежда, жилье, перемещение, образование, развлечение): 食衣住行育乐 (*shí yī zhù xíng yù lè*), а в особенности – еды, стоящей на первом месте этой по-

говорки, которая, безусловно, немало значит для китайского культурологического мировосприятия.

Китайская кухня прославилась своим разнообразием: она, по разным версиям, может разделиться либо на 4 традиционные кухни (Лу, Чуань, Юэ, Хуайян) или на 8 кухонь (Сян, Юэ, Су, Лу, Чжэ, Чуань, Хуэй), а иногда даже и больше [世界粵菜廚皇協會, 2021]. Несмотря на неоднородность китайских кухонь, рис, как этнокультурологический концепт, всегда играет важную и основную составляющую в том смысле, что большинство китайских блюд почти всегда сочетаются с рисом.

Если украинцы говорят *хліб – усьому голова*, то китайцы в аналогичном контексте считают, что «всему голова» – рис. В то же время достаточно трудно найти точный эквивалент украинской поговорке *хліб – усьому голова*, но по многим китайским фразеологизмам, поговоркам и даже пословицам легко понять вес этой, скажем, «белой крупы». Китайскую лексему *吃饭 (chī fàn)* можно перевести на украинский как «їсти», то есть букв. «потреблять пищу; завтракать; обедать; ужинать», а *饭 (fàn)* – имеет прямое значение «рис». То есть совершенно неважно, что у китайца имеется на завтрак, он всегда может сказать, что он «ест рис» в значении, что он принимает любую пищу.

Подобное мы наблюдаем в таких устойчивых выражениях, как *早饭 (zǎo fàn)*, *中饭 (zhōng fàn)*, *晚饭 (wǎn fàn)*, а также *煮饭 (zhǔ fàn)* – «завтрак, обед, ужин, готовить». Если интерпретировать значение китайского иероглифа *饭 (fàn)* в прямом смысле, то его буквально можно перевести как «ранний рис, дневной рис, вечерний рис, готовить рис». Правда, что *饭 (fàn)* уже воспринимается как повседневная пища (ср. укр. *Манна небесна*, русск. *Манна небесная*), но его исконное значение заслуживает особого внимания, что подтверждает незаменимость и значимость этого концепта в китайской повседневной жизни.

Украинская идиома *заробляти на хліб* известна благодаря этой поговорке, но в разговорной речи также не менее известно и употребимо выражение *не єдиним хлібом живе людина* [Котова 2000: 168]. Согласно нашим исследованиям и научным наблюдениям, немногие из современных украинцев часто используют этот фразеологизм в разговорном языке, поскольку он маркируется отнесенностью к высокому стилю. Суть украинской поговорки *заробляти (собі) на хліб* состоит в том, что хлеб в украинском быту стал такой основой, и украинец не может себе представить, как без него жить. «Украинский хлеб» – это фундаментальный элемент для культурологического кулинарного контекста, потому что это источник жизни, откуда, по общеславянским представлениям, люди черпают силы или «зарабатывают на жизнь» [Добролежа 2012: 130]. В китайском языке в аналогичном смысле часто употребляется выражение *讨一口饭吃 (tǎo yī kǒu fàn chī)* – букв. «выпросить кусок риса на еду», а самый частотный вариант данной фразы – букв. *я так усердно работаю только, чтобы выпросить риса на еду* [午后看历史21, 2018]; [墨尽言, 2022], смысл которой мало отличается от фразы *я стараюсь заработать на хлеб*.

Одновременно отметим, что далеко не многие китайцы едят только один рис: семья может быть несостоятельной, однако рис надо есть хотя бы с квашеной капустой. Любопытно, что несмотря на то, насколько богат китайский стол, без риса китайцу трудно начать процесс еды, поскольку он ждет, пока не подадут на стол рис, чтобы потом приступить к другим блюдам – букв. «положить в рот». Правда, жители Северного Китая иногда предпочитают блюда из пшеницы перед употреблением риса (например, лапша, маньтоу, баоцзы и т.п.), но ни одно из них так не распространено в Китае, как самый простой рис на пару, и ни один концепт так не проник в разные речевые уровни и не стал компонентом идиом, фразеологизмов, паремий, как концепт «рис».

Украинское выражение *Не одним хлібом живе людина* является известной цитатой из Библии, где подразумевается, что человек живет не только мыслями о еде, но еще и верой [Кузнецова 2021: 214]. В наши дни эта пословица интерпретируется необязательно в ассоциативной соотнесенности к религии, а в основном в значении того, что человек должен не только стремиться к материальным благам, но еще и заботиться о своей духовной жизни.

Естественно, христианство и христианская культура так глубоко не вошли в китайское этническое сознание, поэтому довольно сложно найти точный эквивалент для данного выражения. Однако китайцам не безразлична и их собственная духовность – поговорка *不为五斗米折腰* (*bú wèi wǔ dòu mǐ zhé yāo*) – букв. «не кланяться за пять доу риса» [唐房玄齡 и другие, 648], очень ярко иллюстрирует вышесказанное. Данная поговорка является цитатой из стихотворения выдающегося древнего китайского поэта Тао Юаньмина (365–427), который не желал ради финансовой выгоды служить в правительстве, поскольку там он должен был бы заниматься тем, что противоречит его принципам. Для него служба в правительстве означала бы «загрязнение» своих рук, поэтому его отказ от служения властям также можно трактовать как заботу о духовной жизни. *Рис* присутствует в данном выражении, потому что при жизни Тао Юаньмина зарплату выдавали не деньгами, а рисом (а «доу» – это расчетная единица, эквивалентная приблизительно 10,35 литров). Вследствие этого мы видим, как рис играет важную роль в жизни древнего Китая и как концепт риса в китайском языке является символом источника материальной жизни и быта. В современном языке данное выражение часто употребляется исключительно в положительном значении и является похвалой принципиальности человека, стремящегося к своей цели, даже несмотря на нехватку материальных ценностей. Итак, здесь мы видим, как *хлеб* и *рис* параллельно символизируют повседневную пищу и даже обычную повседневную жизнь в украинском и китайском языках и концептуальных языковых контекстах, они уже давно обрели положительное значение, став символами стремления человека к духовному благополучию в картинах мира двух народов.

Украинская пословица *де хліб-сіль-каша, там домівка наша* хорошо иллюстрирует украинский быт: в данном выражении показаны элементы, от которых украинец не может отказаться, то есть лишиться одной из этих трех основополагающих составляющих повседневной жизни, того, без чего украинец

вряд ли может представить себе свое существование, потому что не будет чувства *дома* [Хмелевский, Савченко 2016: 235]. Если сравнивать только данный фразеологизм с аналогичным выражением в китайском языке, можно заключить, что китайцы живут «прихотливее», чем украинцы, потому что в китайскую поговорку входит больше концептуальных компонентов – *柴米油盐酱醋茶* (*chái mǐ yóu yán jiàng cù chá*), т. е. дрова, рис, масло, соль, соевый соус, уксус и чай. Конечно, это не означает, что китайцы более придирчивы и нуждаются в большем разнообразии в быту, это лишь взгляд на другой мир китайской повседневности. Факт того, что в данной пословице рис является единственной пищей, говорит о его основополагающем статусе в жизни любого китайца. Эта поговорка чаще всего служит отражением понятия повседневного быта в китайском языке, она часто используется в таких языковых ситуациях, как, например, когда мужчина и женщина долго живут вместе и темы их разговоров сводятся уже исключительно к обсуждению бытовых вопросов.

Еще одна китайская пословица – *样米养百样人* (*yí yàng mǐ yǎng bǎi yàng rén*) – букв. «одним рисом питаются сто типов людей», аналог которой трудно найти в украинском языке, хотя в украинском существует много выражений о важности хлеба, но отсутствует паремия. Данное выражение, скорее всего, является подчеркиванием факта разности людей, то есть под этим подразумевается, что характер любого человека отличается несмотря на то, что все едят ту же самую крупу – рис. В данном выражении не говорится о важности риса, но он ярко показывает преобладание этого концепта в повседневной жизни китайцев.

В Украине не одобряется пустое расходование пищи, потому что, как говорит украинская пословица, – *не кожен хліб приробляє, а кожен його їсть* [Добролежа 2012: 131]. Таким образом, украинец знает, что нужно беречь как пищу, так и время, когда можно наесться, потому что он понимает, что продукты «не падают з неба», их нужно зарабатывать и они рано или поздно могут закончиться. Очевидно, хлеб в данной пословице означает не только хлеб, но и любую пищу, которая может закончиться (это ярко иллюстрирует украинская примета – ни в коем случае нельзя оставлять недоеденный хлеб на столе, т. к. – это к голоду, беде, несчастью). В китайской культуре, соответственно, рис также символизирует труд и занимает «священное» место в повседневной жизни. Продолжая тему труда для получения пищи, приведем отрывок стихотворения китайского писателя Ли Шеня: *谁知盘中餐粒粒皆辛苦* (*shuí zhī pán zhōng sūn lì lì jiē xīn kǔ*) – букв. «каждый должен знать, что каждая рисинка в тарелке является плодом труда), которая стала весьма известной пословицей и является хорошим свидетельством данного убеждения. Поэт, сочиняя эти слова, укорял тогдашних богачей, не понимавших ценности пищи и сложности работы для ее получения. Сегодня китайцы, когда объясняют детям сложность добывания пищи, всегда цитируют эту прецедентную фразу из произведения Ли Шеня, даже зачастую не зная, кто ее автор. С детства китайцам говорят не оставлять ни одной рисинки в тарелке (сравним украинскую примету – не оставлять недоеденный хлеб), потому что их выращивают фермеры в поте лица под солнцем,

и нужно ценить еду, которая есть у человека. Конечно, китайцы ценят не только рис, поэтому, говоря своим детям 粒粒皆辛苦 (*lì lì jiē xīn kǔ*) – букв. «каждая рисинка плод труда», на самом деле они имеют в виду пищу вообще, из чего тоже несложно заключить, что китайцы уже подсознательно отождествляют концепт «рис» с более общим концептом «еда».

Говоря о ценности риса, китаец употребляет еще одну поговорку, которая часто встречается в повседневной жизни – 吃米不知米价 (*chī mǐ bù zhī mǐ jià*) – букв. «есть рис, не зная цены риса», чем, кстати, даже бранят детей, не доедающих свой рис и оставляющих его на тарелке. Аналогично данное выражение говорит не только о ценности риса, а вообще обо всем, что имеет ту или иную цену. Данная поговорка достаточно употребима в разговорном китайском узусе, поскольку рис является одним из продуктов питания, которые чаще всего приобретают китайцы, поэтому она легко узнаваема, и ее значение не требует дополнительного объяснения, что иллюстрирует главенствующую и основополагающую роль риса в китайском быту и кулинарной культуре.

Нельзя обойти вниманием такие китайские устойчивые выражения, как, например, 米虫 (*mǐ chóng*) – букв. «рисовое насекомое» или 饭桶 (*fàn tǒng*) – букв. «рисовое ведро». В качестве их украинского аналога может выступить лексема *дармоїд*, русск. *дармоед*. Рисовое насекомое – это на самом деле долгоносик, жук, несущий яйца в рисе, а когда потомство вылупляется, они начинают поедать рис. Таким образом, китайцы связывают концепт «дармоед» с тем насекомым, которое для них ничего полезного не дает, а всего лишь портит важный для жизни ресурс (т. е. рис).

Одновременно с этим можно привести и китайское выражение 饭桶 (*fàn tǒng*) – букв. «рисовое ведро», то есть это сосуд для хранения риса (китайцы помещают рис в ведро, потому что им много риса нужно), но уже в переносном значении это слово означает, во-первых – человека, который много ест, во-вторых – дармоеда, то есть человека, который букв. «(поглощает) как ведро», в которое нужно класть много риса, но при этом сам он не работает. Вышеперечисленные лексические единицы воспринимаются китайцами как довольно оскорбительные, для них употребление этих слов в качестве характеристики человека уже мало чем отличается от серьезной и глубокой языковой формы обиды. Видимо потому, что для семьи или вообще для общества неприемлемо оставлять даже рисинку в тарелке, то есть тратить плоды труда.

Таким образом, можно заключить, что *рис* ничуть не менее значим для китайца, чем *хлеб* для украинца как в буквальном, так и в этнокультурологическом смысле. Хотя аналогичной пословицы *хліб усьому голова* в китайском языке нет, но из языковых элементов, которые мы рассмотрели, достаточно, чтобы понять, что для китайцев «*усьому голова*» – это рис.

В украинском языке трудно найти аналоги некоторым китайским выражениям, например: – 样米养百样人 (*yí yàng mǐ yǎng bǎi yàng rén*), 吃米不知米价 (*chī mǐ bù zhī mǐ jià*), 米虫 (*mǐ chóng*), 饭桶 (*fàn tǒng*) и т.д.. Это не означает, что концепт «хлеб» в украинском языке не так широк, как концепт «рис» в китай-

ском, что вполне нормально, поскольку украинский и китайский языки и культуры, естественно, развивались обособленно и без взаимовлияний. Однако заслуживает внимания то, что эти абсолютно различные нации, живущие на совершенно разных континентах и имеющие совершенно разные представления об окружающем их мире, который также во многом у них различен, так сильно сблизили концепты «рис» и «хлеб» по своему значению. И в украинской, и в китайской культурах эти концепты несут под собой драгоценное значение пищи и уважения к труду, которым эта пища добывается.

Литература

1. *Доброльожа Г. Хліб та борошняні вироби в польській фразеології: історичний та етнокультурний коментар* // Мовознавчий вісник. – 2012. – Вип. 14–15. – С. 128–134.
2. *Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц.* – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2000.
3. *Кузнецова И. В. Славянские устойчивые сравнения с компонентом-названием хлебобулочного изделия* // *Jezykoznaawstwo.* – 2021. – № 15. – Łódź. – S. 211–230.
4. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок.* – Москва, 2007.
5. *Северенюк В. М. Тематичний словник популярних українських прислів'їв та приказок.* – Тернопіль: Навчальна школа, 2014. – 176 с.
6. *Словник української мови. Т. 7* – Київ: Наукова думка, 1976.
7. *Хмелевский М. С., Савченко А. В. Меню у славян как отражение культуры («под фразеологическим соусом»)* // *Гуманитарные ценности в славянских языках и культурах.* – Тайбэй, 2016. – С. 234–346.

Электронные ресурсы

世界粵菜廚皇協會 (2021): 舌尖上的中國：八大菜系 // 世界粵菜廚皇協會 URL: <https://web.archive.org/web/20210512193425/http://wmacc.org/?p=2135> (дата обращения: 14.08.2023).

午后看历史21 (2018): 千古绝对！上联：忙忙碌碌争得一口饭吃，下联经典到爆！！ // 新浪网 URL: https://k.sina.cn/article_6418955088_17e997b500010028xn.html (дата обращения: 14.08.2023).

墨尽言 (2022): 追求 // 简书 URL: <https://www.jianshu.com/p/3f2e59c4186c> (дата обращения: 14.08.2023).

唐房玄齡 і інші (648): 晋书 // 中国哲学书电子化计划 URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=294550&remap=gb#p77> (дата звернення: 14.08.2023).

李紳 (799): 古风二首 // 中国哲学书电子化计划 URL: <https://ctext.org/dictionary.pl?if=en&id=202842> (дата обращения: 14.08.2023).

汉典 (2004) // 汉典 URL: <https://www.zdic.net/> (дата обращения: 14.08.2023).

Автор:

Фань Юнь-Чжу – магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: 115@goldensvar.ru

Author:

Fan Yun-Chu – Master degree, St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: 115@goldensvar.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПАРЕМИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу некоторых определений пословиц, представленных российскими учеными-лингвистами. Связь лингвистики и культурологии неоспорима. Национальная картина мира может быть отражена в языке. Прикладным материалом могут быть именно пословицы как краткое изречение с региональным смысловым компонентом.

Ключевые слова: паремии, лингвокультурология, пословица, регион

E.G. Khitarova, T.A. Khitarova

PAROEMIAS IN MODERN RUSSIAN

Abstract. This article is devoted to the analysis of some definitions of proverbs presented by Russian linguists. The connection between linguistics and cultural studies is undeniable. The national picture of the world can be reflected in the language. The applied material can be proverbs, as a short saying with a regional semantic component.

Keywords: paremia, linguoculturology, proverb, region

Многих ученых-лингвистов привлекает научная сфера изучения паремий. И это оправдано. Тема составных единиц паремиологического фонда поистине многогранна. Научное сообщество рассматривает пословицу под разными углами зрения. Исследователи проводят многоуровневый анализ пословиц, дифференцируют и систематизируют их в соответствии с многими факторами. В данном исследовании целью статьи является генерация определения пословицы с учетом ее регионального содержательного компонента.

Обратимся к определению пословицы. О. С. Ахманова предлагает данное определение: "образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонетическое оформление" [Ахманова 1966: 341] По мнению А. Н. Афанасьева, "пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта" [Афанасьев 1996:15].

Стилистические особенности, содержательная часть, сравнение пословиц на разных языках – это база для исследователей. Важен перевод как одна из тем исследований: "пересекаясь и трансформируясь географически, паремии сохраняют свой костяк по содержанию, и, несмотря на разные языковые системы, перевод в данном случае играет подкрепляющую роль в процессе лингвокуль-

турологического исследования" [Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А. 2021: 209] Стоит отметить адекватный и эквивалентный виды перевода, а также наличие аналогов в разных языках.

Исследователи Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М. считают пословицы "упаковкой опыта" вследствие своей емкости и насыщенности [Бредис 2019: 34]. Авторы приводят различные определения пословиц, обращая свое внимание и на современный вектор их развития. Анализируется термин "анти-пословица", который используется в научных работах сегодняшнего дня. Анти-пословица – это трансформированная традиционная пословица, смешение двух пословиц. Например, "дареному коню кулаками не машут". Узнаваемая и известная пословица приобретает актуальный характер и с помощью синонимических элементов наполняется ироническим смыслом. Соединение народной мудрости и сегодняшних реальных событий не всегда представляет однозначную оценку

Кроме прочего, подчеркнем важность лингвокультурологического компонента, ведь связь лингвистики и культурологии неоспорима. Для осознанного и глубокого изучения иностранного языка учебная дисциплина "Лингвокультурология" имеет особый смысл. Национальная картина мира может быть отражена в языке. Например, пословицы о животном мире могут по сути, по сюжетной линии совпадать, а по лексическому наполнению различаться. Например, в творчестве северных народов чаще всего упоминается олень, россомаха, куропатка, медведь, гагара и т.д. *"Чем метели над тундрой злее, тем в снегу куропатке теплее"*. *"Оленьята бодаются, силами наливаются"*. *"Как олень гордо несёт голову свою, так же высоко держи своё имя"*. *"Будешь оленя беречь, он сбережёт тебя в пургу"*. Сравним с кубанскими пословицами *"Спит и курей бачит"*. *"Бороде честь, а усы и у кота есть"*. *"Казак без коня, что воин без ружья"*. *"Казак с конём и ночью и днём"*. *"Конь познаётся в езде, а друг – в беде"*. *"В бою казак себя славит не языком, а конём да клинком"*. *"Добрый конь в беге, что сокол в небе"*. И русские пословицы. *"Видит волк козу – забыл и грозу"*. *"Без труда не вытащишь и рыбку из пруда"*. *"Глядит лисой, а пахнет волком"*. Отражение национальной культуры, житейских ситуаций, атрибутов культуры, близости к домашним животным того или иного народа. А присутствие тропов: гипербол, метафор, эпитетов, метонимий, аллегорий, олицетворений – свидетельствует как о частных, уникальных явлениях определенного этноса, так и об общих, архетипических чертах нравственных характеристик человека.

В данном исследовании уместно сравнение пословиц на английском и русском языках. *"Every dog is a lion at home"*. *"Every bird likes its nest"*. *"To teach the dog to bark"*. *"Never offer to teach fish to swim"*. *"Never fry a fish till is caught"*. *"An old dog will learn no new tricks"*. *"The dog barks but the caravan goes on"*. К приведенным здесь примерам имеются эквиваленты в русском языке. *"Всяк кулик свое болото хвалит"*. *"Не учи ученого"*. *"Яйца курицу не учат"*. *"Стар пёс, да верно служит"*. *"Собака лает, а караван идет"*.

В русле рассматриваемой темы обязательно следует упомянуть фольклориста Петра Ткаченко. Известный писатель, собиратель народного творчества, сам истинный кубанец, родился на Кубани. Все его творчество пропитано любовью к малой Родине, а через нее и к Отчизне. Кроме пословиц и поговорок автора вдохновляют и кубанские песни. В 2001 году была издана книга "Кубанские песни". Кубанские пословицы обладают особенностью – многие из них звучат на кубанской балачке. Следует привести примеры некоторых кубанских пословиц. *"Казак скорей умрет, чем с родной земли уйдет". "И один в поле воин, если он по-казацьи скроен". "Казан проверяют по звону, а казака по слову". "Казак молодой, а сноровка старая". "Казаком быть – не разиня рот ходит". "Казацья смелость порушит любую крепость". "Веселы привалы, где казаки запевалы".* Казацьи пословицы в полной мере отражают удаль и смелость казаков, их любовь к Родине, но и юмор присущ казакам. В пословицах видна мудрость народа, желание передать свой опыт детям. В кубанских пословицах затронуты многие темы – быт, отвага, закон и хлеб. Отметим, что пословицы о семье и женщине, жене немногочисленны. И это оправдано. Эта часть жизни казака является скрытой от посторонних глаз, сокровенной. Интересны книги П. Ткаченко еще и особенностями передачи пословиц в письменном виде. Такое написание может представлять ценность в фольклорном изучении рассматриваемой темы. *"Багачы нэ сплят нэ в дэнь, нэ в ночи – а бидный борщу хлэбнэ та й у дэнь заснэ". "Базарь цину скажэ". "Йому байдужэ: чи хвальба, чи нужа". "Нэ чипляй своих барок до моей пидводы". "Сломався возок, та остався баттижок". "Нэ лизь попэрэд батька у пэкло: хай вин впэрэд попробуе". "Гуртом и батька лэгше бить". "Бачылы очи, шо купувалы – иштэ, хоч повилазтэ". "Бачит пид лисом, та нэ бачит пид нисом".*

Отметим, что "с течением времени, с развитием интернета, средств массовой информации отмечается тенденция к вымыванию кубанского диалекта, снижению частоты употребления пословиц и поговорок, но, тем не менее, наблюдается и проявление интереса потомков черноморских, линейных, донских казаков и всех жителей края к народному творчеству, кубанскому диалекту (кубанской балачке)" [Хитарова Т. А. Хитарова Е. Г. 2019: 146]

Интересным с научной точки зрения является исследование Д. С. Шодиева, в котором он рассматривает мнения японских ученых о пословицах и поговорках. Автор указывает на важность изучения грамматических особенностей пословиц, отмечает лингвокультурологическую составляющую содержательного наполнения пословиц. Кроме этого, в статье отражен факт того, что анализ пословиц может быть мотивацией к изучению иностранного языка. "Пословицы и поговорки – это тот языковой материал, который ... развивает языковую интуицию, закладывает привычку думать лингвистическими понятиями" [Шодиев 2021: 47].

Делая вывод, можно сказать, что пословица – это краткое утверждение, иной раз ироничного характера, которой присущ региональный смысловой компонент, отражающий менталитет определенного народа.

Литература

1. *Афанасьев А. Н.* Происхождения мифа. – М.: Высшая школа, 1996.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
3. *Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3. – С. 34–43.
4. *Хитарова, Е. Г., Хитарова, Т. А.* Сравнительный перевод некоторых кубанских и адыгейских паремий // Языки и культуры: междисциплинарные исследования: Сборник статей II Международной конференции, Санкт-Петербург, 25–26 сентября 2020 года. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2021. – С. 209–212.
5. *Хитарова, Т. А. Хитарова Е. Г.* Вариативность перевода кубанских диалектных паремий на английский язык // Язык. Общество. Культура: Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 01 октября 2019 года / Ответственный за выпуск А. С. Усенко. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Эпомен", 2019. – С. 142–147
6. *Шодиев Д. С.* Пословицы и поговорки в определении японских ученых // Вестник Педагогического университета. – 2021. – № 1(90). – С. 47–52

Авторы:

Хитарова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия; e-mail: khitarova2004@mail.ru

Хитарова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия; e-mail: tkhitarova2018@mail.ru

Authors:

Khitarova Elena Georgievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of English Philology Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia; e-mail: khitarova2004@mail.ru

Khitarova Tatiana Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia; e-mail: tkhitarova2018@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ АКТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТИ HEIMAT В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Целью статьи является определение психологически актуального содержания ценности Heimat / Родина в немецкой лингвокультуре. В качестве основного метода исследования применяется свободный ассоциативный эксперимент. Ценность Heimat / Родина является многогранным комплексом, проходящим сквозь эпохи, но при этом содержание этой ценности не остается статичным. Полученные результаты показали, что респонденты считают Heimat / Родина чрезвычайно важным и глубоко эмоциональным понятием, связывающим их с местом их рождения, друзьями и семьей.

Ключевые слова: немецкая лингвокультура, Родина, ценность, свободный ассоциативный эксперимент.

A. I. Khloпова, A. A. Maksimova

PSYCHOLOGICALLY RELEVANT CONTENT OF THE HEIMAT VALUE IN GERMAN LINGUOCULTURE

Abstract. The purpose of the article is to study the value of Heimat / Homeland in German linguoculture. A free associative experiment is used as a research method. The concept of Heimat / Homeland is a multifaceted complex that passes through epochs, but at the same time does not remain static over time. The results showed that respondents consider this concept extremely important and deeply emotional, connecting them with their place of birth, friends and family.

Keywords: German linguoculture, homeland, value, free associative experiment.

В современной науке исследованием ценностей занимается не только лингвистика, но и смежные с ней науки, такие как философия, социология, политология и другие дисциплины. Перечисленные науки тесно связаны с культурой и обычаями страны. Ученые подчеркивают, что ценности – это значимые особенности, которыми люди руководствуются в обыденной жизни и которые дают им определенную опору и жизненную цель. Эту идею поддерживают К. Клакхорн, Р. Лей, К. Шлехт, Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин и др. При этом ученые отмечают идею преемственности ценностей новым поколением.

Объектом нашего исследования является ценность Heimat / Родина в немецкой лингвокультуре. В качестве метода исследования применяется свободный ассоциативный эксперимент.

Отметим, что для немцев понятие Heimat / Родина играет важную роль. «Лексема Das Heim выражает не универсальный прообраз дома, а индивиду-

альный, эмоциональный образ собственного дома или определенного места, заменяющего дом» [Базылова 2009: 136]. Понятие «отчий дом» наглядно характеризует выражение „Heim und Herd“ – домашний очаг, отчий дом, родной дом.

Немецкое понятие «Heimat», по словам Г. М. Фадеевой, – это культурный комплекс, проходящий через меняющиеся эпохи, хранящий определенную многогранность, как бесконечный образ различных эпох, а такой дискурс следует исследовать как комплексный дискурс, вместе с другими образами и темами в памяти культуры (ср.: [Лотман 2010: 260]).

Однако следует отметить, что содержание даже таких значимых понятий в лингвокультуре, как ценности, не остается стабильным на протяжении времени. На изменение содержания ценностей могут влиять различные факторы. Поэтому для установления психологически актуального содержания ценности Heimat / Родина мы обратимся к данным проведенного авторами свободного ассоциативного эксперимента с носителями немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. Ввиду современной политической ситуации ассоциативный эксперимент проводился в формате google-анкет, когда респондентам предлагалось дать первую пришедшую в голову реакцию на представленные слова-стимулы, репрезентирующие одноименные базовые ценности. Среди представленных слов-стимулов было указано слово Heimat / Родина. На слово-стимул Heimat / Родина было получено 100 реакций, которые для более тщательного анализа были разделены в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой [Пищальникова 2021].

Понятия: Heimatland / Родина, Vaterland / Отечество – 2 реакции.

Понятийные реакции представлены незначительным количеством (2 % от общего количества реакций) и сходны с определениями слова Heimat / Родина, указанными в толковых словарях немецкого языка. Такие реакции свидетельствуют не о глубоких эмоциональных переживаниях, связанных у респондента с Родиной, а, скорее, о чисто рациональном восприятии этого слова.

Представления (всего – 98 реакций):

- **эмоциональная связь человека с этим местом, субъективное ощущение «дома»:** Zuhause / дом, очаг (11), Gefühl / чувство (2), zu Hause / дома (2), dort, wo mein Herz wohnt / там, где живет мое сердце, Entspannung / расслабление, отдых, Haus / дом, Heimatliebe / любовь к Родине, Heimweg / дорога домой, Herd / очаг, Herz / сердце, Hof / двор, „ist da, wo man sich wohl fühlt“ / там, где чувствуешь себя хорошо, Liebe / любовь, in dem man geboren wurde / где родился, Rückzugsort / место, куда возвращаешься, Verbundenheit / связь, sich wohlfühlen / чувствовать себя хорошо, wohlfühlen / чувствовать хорошо, wo man sich zu Hause fühlt / где чувствуешь себя как дома, Wurzeln / корни – 32 реакции;

- **определенная территория (страна, город, место):** Deutschland / Германия (17), Land / страна (2), Schleswig-Holstein / Шлезвиг-Гольштейн (2), Bayern / Бавария, Bubenreuth (mein Heimatort) / Бубенройт (мой родной город), Dorf (деревня), Dorf/Land / деревня, страна, Hamburg / Гамбург, Hannover / Ган-

новер, Köln /Кельн, Leipzig /Лейпциг, Wuppertal / Вупперталь, Wartburg / Вартбург – 30 реакций;

- **семья и друзья:** Familie / семья (20), Freunde / друзья, Freunde und Familie / друзья и семья, meine beste Freundin / моя лучшая подруга, nicht immer das Land / не всегда страна – 26 реакций;

- **чувство защищенности:** Geborgenheit / защищенность (3), ein Gefühl von Geborgenheit und Sicherheit / чувство защищенности и уверенности, geborgen / защищенный, Rückhalt / поддержка – 6 реакций;

- **природа родного края:** Bäume / деревья, Meer / море, Natur / природа – 3 реакции;

- **спорные чувства:** Definitionssache / вопрос дефиниции (1) – 1 реакция;

- **границы Родины:** beschränkt / ограничено – 1 реакция.

Наибольшее количество реакций – реакции представления. Такие реакции свидетельствуют о глубоко индивидуальном восприятии исследуемого понятия. Отметим, что несмотря на то, что отдельно мы не выделяем группу эмоционально-оценочных реакций, однако, по сути, все реакции-представления в равной степени эмоциональные. Все реакции имеют исключительно положительную коннотацию и без сомнения характеризуют исследуемое понятие как значимое и ценностное для опрошенных респондентов.

Ввиду большого количества реакций-представлений мы полагаем возможным дополнительное их деление в соответствии с выделенными авторами интегративными признаками: ‘эмоциональная связь человека с этим местом, субъективное ощущение «дома»’, ‘определенная территория (страна, город, место)’, ‘семья и друзья’, ‘чувство защищенности’, ‘природа родного края’, ‘спорные чувства’, ‘границы Родины’.

32 % от общего количества реакций указывают на эмоциональную связь респондентов с исследуемым понятием. Они воспринимают Родину как дом, место, куда всегда можно возвращаться после тяжелого пути, где примут, простят,

11 % от общего количества реакций – реакция Zuhause / дом, очаг, которая одновременно является чрезвычайно важной в немецкой лингвокультуре. Для названия «дома» в немецком языке существуют две лексемы: Zuhause и Haus. При этом словом «Haus» немцы называют обычно «здание». В русском языке нет точного перевода слова Zuhause, его можно сравнить с понятием «домашний очаг», то есть Zuhause – это то место, где собираются близкие люди, где всегда уютно и комфортно. Немцы говорят: «Man kann ein Haus haben, aber kein Zuhause», которое примерно можно перевести следующим образом: «Можно иметь дом, но не иметь ощущение дома». Родина для опрошенных респондентов связана с внутренними переживаниями, о чем свидетельствуют реакции Gefühl / чувство dort, wo mein Herz wohnt / там, где живет мое сердце Heimatliebe / любовь к Родине, Herz / сердце, Liebe / любовь. Респонденты отмечают также, что Родина – это то место, где человек чувствует себя хорошо,

комфортно, уверенно, место, с которым обязательно существует определенная внутренняя связь.

30 % от общего количества реакций объединены интегративным признаком 'определенная территория (страна, город, место)'. Такие реакции разнообразны, что также может свидетельствовать об индивидуальном восприятии исследуемой ценности. Преимущественно респонденты называют города и федеральные земли, в которых они родились, где прошло их детство. Следует также отметить ядерную реакцию Deutschland / Германия – 17 % от общего количества реакций. Такой факт может указывать на чувство патриотизма у опрошенных респондентов, на глубокую и осознанную любовь, привязанность к родине, преданность ей и готовность к жертвам ради неё, на любовь к своему народу, его традициям и обычаям.

Значительное количество реакций (26 % от общего количества) репрезентируют Родину не как определенное место, территорию. Значимой в данном случае становятся конкретные люди – семья и друзья. Именно близкие люди являются для респондентов важными.

6% от общего количества реакций свидетельствуют о том, что Родина дает респондентам важное чувство защищенности, стабильности, спокойствия и размеренной жизни, что является в современных условиях чрезвычайно важным для индивидов.

3 % от общего количества реакций описывают природные богатства Родины.

Две реакции являются спорными и требуют дополнительной индивидуальной беседы с респондентами. Однако ввиду их незначительного количества не влияют на общие выводы.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что Родина является для опрошенных респондентов понятием чрезвычайно важным, глубоко эмоциональным. При этом следует отметить положительную коннотацию исследуемого понятия. Родина связана у респондентов с местом их рождения, с их детством, с родителями и друзьями. Родина – место, где респонденты чувствуют себя хорошо, потому что ощущают безопасность и защищенность. Результаты свободного ассоциативного эксперимента могут свидетельствовать о том, что для опрошенных респондентов Родина без сомнения является ценностью базовой.

Литература

1. Лотман Ю. М. Память культуры // Чему учатся люди: Статьи и заметки. – М., 2010. – С. 256–269.

2. Ефименко Е. А. Вербальное представление базовой этнической ценности "Heimat" : на материале австрийской и немецкой малой прозы второй половины XX века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ефименко Екатерина Андреевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. - Москва, 2017. – 25 с.

3. *Базылова Л. А.* Лексема дом и ее дериваты как репрезентанты концепта «Дом» в руссках и немецках языках// Гуманитарные науки. Филология – 2009. – №11 (79). – С.136.

4. *Фадеева Г. М.* Понятие и дискурс „Heimat“: мода или потребность в эпоху глобализации? Москва, 2017. – 15 с.

5. *Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики. М.: «Р.Валент», 2021. – 488 с.

Авторы:

Хлопова Анна Игоревна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания, ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Московский энергетический институт”», г. Москва, Россия; e-mail: chloпова_anna@mail.ru

Максимова Анастасия Андреевна – соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва, Россия; e-mail: a.a.agafonova@mail.ru

Authors:

Khloпова Anna I. – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Associate Professor of the Department of General and Comparative Linguistics, Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics of the Moscow State Linguistic University, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, National Research University MPEI, Moscow Russia; e-mail: chloпова_anna@mail.ru

Maksimova Anastasiya A. – Applicant of the Department of General and Comparative Linguistics of the Moscow State Linguistic University Moscow Russia; e-mail: a.a.agafonova@mail.ru

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ: К ВОПРОСУ
О СЛОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ
ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ**

Аннотация. В статье предлагается к обсуждению проблема стереотипного представления о фонетических, грамматических и морфологических сложностях русского языка с параллелями в других славянских языках. Сопоставительный план дает возможность более объективно взглянуть на русский язык с точки зрения наиболее актуальных аспектов его изучения, отметить грамматические категории, которые в других славянских языках представляют собой еще бóльшую сложность для их освоения иностранными учащимися и подвергнуть сомнению стереотип о том, что «русский язык – самый сложный в мире».

Ключевые слова: славянские языки, грамматика славянских языков, фонетика, морфология, лексика, омонимия.

М. S. Khmelevsky, A. V. Savchenko

**RUSSIAN LANGUAGE IN THE SLAVIC WORLD:
TO THE QUESTION OF THE COMPLEXITY OF STUDYING
RUSSIAN AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER
SLAVIC LANGUAGES**

Abstract. The article proposes for discussion the problem of stereotypical ideas about the phonetic, grammatical and morphological difficulties of the Russian language against the background of other Slavic languages in the aspect of their study. The comparative plan gives an opportunity to take a more objective look at the Russian language from the point of view of the most relevant aspects of its study and note grammatical categories, which in other Slavic languages are even more difficult for foreign students to study.

Keywords: Slavic languages, Grammar of the Slavic Languages, Phonetics, Morphology, Lexis, Homonymy.

В общении с иностранцами довольно часто приходится сталкиваться с расхожим стереотипным представлением о необыкновенной сложности и уникальности русского языка: о его неповторимой красоте и выразительности, непередаваемости многих слов, выражений и понятий, что нередко подкрепляется известной прецедентной тургеневской фразой о «великом и могучем русском языке». Субъективность подобного представления особенно видна, например, на фоне мнения немецкого лингвиста В. Гумбольдта о том, что для него как немца, но при этом слависта, наиболее мелодично из всех славянских языков звучит хорватский, украинцы по отношению к своему языку часто метафорич-

но используют эпитет «солов'їна, калинова, вишнева, найспівуча мова», для чехов чешский язык – самый музыкальный язык, а для сербов их язык – самый богатый лексически, так же как для поляков самый милозвучный – их родной польский; а для русского русский язык – это, прежде всего, язык великой литературы и культуры.

Перечень метафор, которыми представители любой нации характеризует свой родной язык, можно продолжать и далее. Однако в нашем небольшом научном обзоре мы не будем глубоко затрагивать этот вопрос и оставим за его рамками дискуссии, споры и оценку различных субъективных точек зрения, а проанализируем этот аспект исключительно с фактической лингвистической стороны, тезисно обозначив некоторые показательные особенности фонетического морфологического и грамматического строя русского в сопоставлении с другими славянскими языками и предоставив читателю возможность самостоятельно подвергнуть критическому переосмыслению известное стереотипное представление о «чрезвычайной трудности» в освоении русского языка на основании приведенного ниже языкового материала.

Иностранцы, как, впрочем, и сами носители русского языка, говоря о его самых больших, а подчас – непреодолимых трудностях грамматики и об упомянутом выше «величии и могуществе» русского языка обычно забывают о том, что эта языковая «мощь» – всего лишь часть мозаичного, богатого и весьма пестрого в своем культурно-лингвистическом проявлении почти трехсот-миллионного славянского мира, разнообразного с географической, языковой, культурологической, мировоззренческой и религиозно-конфессиональной точек зрения.

Восточные, западные и южные славяне, хоть и являются наследниками общего языка-предка, однако в ходе своего исторического развития настолько сильно разошлись после распада общеславянского единства в V – VI вв. н.э., что, несмотря на значительный общий старославянский лексический фонд (например, *брат, сестра, небо, море, книга, вода, река, хлеб, рука, нога, сердце* и многие другие лексемы в славянских языках звучат в сущности одинаково – польский лингвист Т. Лер-Сплавинский выделял около 700 однокоренных общеславянских единиц [Lehr-Spławiński, Kuraszkiewicz, Sławski 1954: 21]), в результате самостоятельного фонетического и грамматико-синтаксического развития каждого из славянских языков чех сегодня далеко не всегда хорошо (а также – правильно) поймет, например, поляка, серб – болгарина, словак – словенца, поляк – кашуба, и даже русский – наиболее близких ему восточных славян: украинца или белоруса.

Коммуникативную ситуацию в смысле межславянского взаимопонимания осложняет и такое характерное и весьма распространенное явление, как славянская межъязыковая омонимия, или «ложные друзья переводчика», например, сербск. *kuća* – «дом», болг. *булка* – «невеста», польск. *uroda* / укр. *врода* – «красота», чешск. *úžasný* в значении «прекрасный, замечательный», словацк. *električka* – «трамвай», белорусск. *гуляць* – «играть», укр. *чоловік* – «муж», сло-

венск. *družba* – «фирма, компания» и мн. др. [Савченко, Хмелевский 2023: 161-170].

В любом из славянских языков мы находим свои специфические трудности на всех грамматических уровнях: фонетическом, морфемном, морфологическом, синтаксическом и лексическом. Так, в качестве наиболее сложных для изучения иностранными учащимися грамматических аспектов можно назвать глаголы движения в русском языке, чешские типы склонения имен существительных (14), шестиступенчатая редукция гласных в фонетической системе словенского языка, польские и словацкие особые именные лично-мужские формы, система глагольных видов и времен в болгарском и македонском, а также двойные (в болгарском) и тройные (в македонском) постпозитивные определенные артикли, сербское краткое и долгое тональное ударение (всего 4 вида), чередующиеся в зависимости от словоформы словацкие дифтонги, чешские и словацкие долготы, имеющие смысловозначительную функцию, польские носовые гласные и большое количество аффрикат, различающихся по твердости и мягкости и т. д.

Для подтверждения нашего тезиса об относительной сложности изучения русского языка рассмотрим лишь некоторые наиболее важные и показательные грамматические аспекты в других славянских языках, представляющие еще большую сложность для их освоения в сравнении с русским. Так, в области фонетики русский язык среди других славянских не окажется самым сложным: на фоне русских 6 ударных гласных, например, в словенском языке их насчитывается 13, при этом все они различаются по своему качеству и количеству, что дополнительно осложняется наличием разноместного ударения. Если в русском степень редукции зависит от позиции и удаленности гласного от ударного слога, то в словенском такая закономерность весьма условна (причем редуцироваться могут даже ударные звуки) [Кондрашов 1986: 213].

Говоря о системе славянского вокализма, отметим, что русский язык также не будет на первом месте по степени сложности, поскольку, например, в чешском или словацком, сербском, хорватском и словенском гласные различаются по долготе и краткости, что имеет смысловозначительную функцию (при этом в сербском и хорватском на письме они обычно не выделяются какими-либо дополнительными диакритическими знаками, в отличие от чешского и словацкого): например, чеш. *dráha* («дорога») – *drahá* («дорогая»), словацк., чешск. *pas* («паспорт») и *pás* «пояс», сербск. *kupiti* (с кратким восходящим ударением – «купить») и *kupiti* (с долгим нисходящим – «собирать») или *grad* в зависимости от долготы и тона ударения будет означать «город» или «град» (осадки) и др.

Говоря о фонетической системе, стоит также упомянуть и о специфическом чешском палатальном звуке *ř* [rž] (оглушенный вариант [rš]) на месте праславянского мягкого *p'*: *řeka* – «река», *Řím* – «Рим», *Paříž* – «Париж», *přítel* – «друг, приятель и т. п., который не имеет аналогов ни в одном другом языке мира [Широков 2003: 295] и представляет известную сложность в процессе освоения и обучения его произношению.

Русский, как и большинство других славянских языков, утратил праславянские носовые гласные, которые, однако, до сих пор сохранились в современном польском языке, при этом нынешняя польская система носовых далеко не всегда соответствует исконной праславянской: носовые, например, в рамках одной и той же лексемы могут чередоваться в зависимости от словоформы: *mqż* – *bez męża* («муж – без мужа»), но *dęb* – «дуб» (где носовой распадается на гласный [e] и сонорный [m]); в возвратной частице *się* он нивелируется (произносится как обычный [e]) в разговорной речи, хотя и обозначается графически, или как в слове *dziękuję* – «спасибо, благодарю» оба носовых произносятся по-разному (первый – как носовой, второй – как [e]).

Одним из наиболее иллюстративных в фонетическом отношении примеров являются чешский и словацкий языки, где в функции слогаобразующего гласного звука могут выступать согласные *r* и *l*, напр. чешск. *srdce* – «сердце», *vlk* – «волк» и т. п. Классическими в славянской компаративистике стали такие чешские предложения, как, например: *strč prst skrz krk* – букв. «вставь палец сквозь горло», или *vlk prchl skrz tvrz* – букв. «волк побежал через крепость». Более того, в словацком эти слогаобразующие согласные различаются еще и по долготе и краткости, а также способны чередоваться в зависимости от формы слова: *vrba* – но *bez vrb*, *vlna* – но *bez vln*. [Лифанов 1999: 21]. То же явление – слогаобразующий [r] – мы встречаем в сербском и хорватском; он может быть как долгим, так и кратким, как с восходящим, так и с нисходящим тоном ударения, например: сербск. *vrt* – «сад», *Srbija*, *srpski*, *rt* – «мыс».

Традиционно считается, что одну из наибольших сложностей в изучении славянских языков для носителей аналитических языков представляет собой такое морфологическое явление их грамматической структуры, как флективность, однако в сопоставлении с русским западнославянские языки (чешский, польский и лужицкие) в славянском мире, несомненно, являются самыми многозначными и вариативными с этой точки зрения [Соколянский 2004: 18]. Проиллюстрируем наше утверждение на конкретных фактических данных: 1) в чешском языке количество типов склонений существительных достигает 14, причем они делятся на твердые и мягкие типы; 2) сложная система чередований согласных на стыке морфем: чешск. *ruka* – *v ruce*, *Praha* – *v Praze*, польск. *mucha* – *o musze*, *filolog* – *filolodzy*, сербск. *jezik* – *jezici*, *siromah* – *siromasi*, укр. *нога* – *на нозі*, *рука* – *у руці*, *Петербург* – *у Петербурзі* и т.п.; 3) чередование корневой гласной в закрытых слогах: чешск. *kůň* – но *bez koně*, словацк. *stól* – *bez stolu*, польск. *kościół* – но *w kościele*, укр.: *Львів* – *до Львова*, *Kiїв* – *до Києва*, *ніс* – *у носі* [Савченко, Хмелевский 2019: 92] и т.п.

Представляя обзор грамматических трудностей в славянских языках по сравнению с русским, нельзя не упомянуть о наличии в грамматике древнеславянского языка двойственного числа, которое до сих пор сохранилось в словенском и лужицких: словен. *dobri študent dela* – «хороший студент работает» (ед. ч.) – *dobri študenti delajo* (мн. ч.) – *dobra študenta delata* (дв.ч.); *rdeča vrtnica raste* – «красная роза растет» (ед. ч.) – *rdeče vrtnice rastejo* (мн. ч.) – *rdeči vrtici rasteta* (дв. ч.). [Markovič, Halužan, Bartol, Škapin, Vuga 2013: 67].

Система изменения русских глаголов в ходе исторического развития значительно упростилось, тогда как чешская (5 классов, 14 типов) является самой сложной в сопоставлении с другими славянскими языками. Так, например, 1 лицо ед. ч. всех русских глаголов имеют окончание *-у/-ю* (кроме глаголов *дам* и *ем* и производных от них), тогда как в чешском оно имеет целый ряд словообразовательных формантов: *já dělám – já prosím – já čtu – já telem – já pracuji* либо *já pracuju*.

Тема славянского глагола – это отдельный сложный и разносторонний аспект исследования в славистике. Здесь же мы лишь упомянем, что трудность в его изучении представляет собой далеко не русская грамматика, а западные и в особенности – южнославянские языки. Например, формы будущего времени: в польском и украинском одновременно используются две формы его образования: польск. *ja będę robić / ja będę robiłem*, укр. *я буду робити / я робитиму*, или сербский и хорватский, где оно образуется с помощью глагола *hteti* «хотеть» и его энклитики: сербск. *hoću spati* – «я буду спать»; или, например формы прошедшего времени (перфекта) в западно- и южнославянских языках с обязательным включением личных форм вспомогательного глагола *быть* (чешск. *dělal jsem*, серб. *čitao sam*), что утратили восточнославянские языки, причем в польском эти формы имеют два типа окончания – отдельно для мужского и для женского: *robilem* (мужск. р.) – *robilam* (женск. р.), *robiliśmy* (мн. ч. мужск. р.) – *robiłyśmy* (мн. ч. женск. р.).

В системе времен в южнославянских языках (болгарский, македонский, сербский) до сих пор употребляются в речи древние формы аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, усложненные славянской видовой системой (что также давно утрачено русским языком, который развивался в сторону упрощения своего грамматического строя), а в словенском до настоящего времени остается живой такая особая глагольная форма, как супин: форма глагола, выражающая значение цели (словен. *jaz lahko brati* (инфинитив) – «я могу читать» и – *jaz grem brat* (супин) – «я иду, чтобы читать»).

Вместе с тем, еще одной из отличительных грамматических особенностей восточнославянских языков является отсутствие энклитик. В частности, речь идет о возвратных частицах, которые в западно- и южнославянских языках стоят в синтагме на втором месте после первого полнознаменательного слова: чешск. *líbí se mi* – польск. *podoba mi się* («мне нравится»), или сербские энклитики с обязательным порядком их расстановки во фразе: сербск. *mlada devojčica na konceru lepo je igrala* – хорв. *mlada je djevojčica na koceru ljepo plesala* [Кузнецова, Раина, Савченко, Хмелевский 2020: 21].

Таким образом, разрушая стереотип об исключительной сложности фонетической и грамматической структуры русского языка, на основании приведенных в статье примеров можно сделать общий вывод, что в рамках славянского языкового пространства русский язык для изучения является далеко не самым трудным, как это представляется в сознании среднестатистического обучающегося или носителя, владеющего только родным русским.

В нашей статье мы тезисно представили немногочисленные, но при этом весьма показательные примеры для иллюстрации выдвинутого постулата о том, что русский язык не является *самым* трудным для его изучения; даже кратко приведенные нами факты нивелируют упомянутый стереотип о его «исключительной сложности».

Мы не затрагивали многие другие аспекты, как, например, диалектная раздробленность (в частности, 42 диалекта в словенском языке или такое особое языковое явление, как *обиходно-разговорный чешский язык* (obespá čeština)). Отдельного внимания в этом ключе заслуживает также лингвистический и экстралингвистический подходы к вопросам сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков, а также к проблемам выделения славянских микроязыков в отдельные языки или же говоры, а также вопросы межславянской конвергенции, столь актуальной для восточнославянского этнолингвистического и историко-культурного ареала (украинский *суржик* и белорусская *трасянка*), изучение явлений лексической трансплантации и значительной «культурологической клишированности» как характерной черты русского языкового узуса (т. е. широкое использование в языке самого широкого спектра прецедентных феноменов). За рамками нашего исследования остались также параллели с языками других грамматических систем (тюркские, финно-угорские, семитские, кавказские и др.), что только бы подчеркнуло и окончательно разрушило созданный миф об «исключительной трудности» русского языка по сравнению со многими другими европейскими (в т.ч. и славянскими), поскольку любой язык, даже с самым незначительным количеством его носителей, включает в себе глубокое духовное и культурное богатство, отраженное в его грамматической и лексической системе во всей ее сложности и многообразии, а также в его культуре, литературе и мировоззрении.

Литература

1. *Лифанов К. В.* Морфология словацкого языка. – М: МГУ, 1999. – 168 с.
2. *Кондрашов Н. А.* Славянские языки. – М., 1986. – С. 213–220.
3. *Кузнецова И. В., Раина О. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С.* Фразеология и идиоматика в преподавании РКИ (с русско-польскими грамматическими и лексическими параллелями) // Мир русского слова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2020. – С. 18–23.
4. *Савченко А. В., Хмелевский М. С.* Русский язык в славянском мире: «Кто на свете всех труднее?..» (Сопоставительный анализ славянских языков в аспекте их преподавания) // Мир русского слова. – №1. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2019. – С. 91–95.
5. *Савченко А. В., Хмелевский М. С.* К вопросу о межъязыковой омонимии в славянских языках: общий теоретический и практический обзор проблематики // *Językoznawstwo. Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze.* – Łódź: Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi, 2023. – S. 161–170.

6. *Соколянский А. А.* Введение в славянскую филологию. – М., 2004.
7. *Широков О. С.* Языковедение: введение в науку о языках. – Москва, 2003.
8. *Lehr-Splawiński T., Sławki F., Kuraszkiewicz W.* Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954. – 166 s.
9. *Markovič A., Halužan V., Pezdirc Batol M., Škapina D., Vuga G.* S slovenščino nimam težav. – Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2013. – 78 s.

Авторы:

Хмелевский Михаил Сергеевич – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Савченко Александр Викторович – ассистент-профессор, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань; e-mail: savchenko75@mail.ru

Authors:

Khmelevkiy Mikhail S. – docent, St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Savchenko Alexandr V. – Assistant-Professor, National Chengchi University, Taipei, Taiwan; e-mail: savchenko75@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПИДЖИНАХ НА ОСНОВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья рассматривает особенности функционирования пиджинов, сформировавшихся на основе русского языка. Анализируется понятие контактного языка, описываются его структурные особенности, а также приводятся отличия русских пиджинов от коммуникативного взаимодействия на других языках.

Ключевые слова: русский пиджин, креолистика, языковая ситуация.

Yu. S. Kholmanskih

TO THE PROBLEM OF RUSSIAN-BASED PIDJINS

Abstract. The article considers specific features of the functioning of pidgin languages formed on the basis of the Russian language. The article analyses the concept of the contact language, its structural peculiarities, and the differences between Russian pidgins and communicative interaction in other languages.

Keywords: Russian-based pidgin, creolistics, language situation.

В современных лингвистических концепциях распространена гумбольдтианская метафора языка как живого развивающегося организма, подверженного изменениям: «...язык не есть мертвый часовой механизм, но живое творение, исходящее из себя самого» [Гумбольдт 2000: 275]. Ярким примером языковых трансформаций является такое явление, как пиджин. В социолингвистических исследованиях значительное место занимает раздел, посвященный проблемам языкового контактирования – теория языковых контактов. Данная дисциплина анализирует причины воздействия одних наречий на другие, а также интралингвистические и экстралингвистические последствия их взаимовлияния. В свою очередь, одним из важнейших направлений теории языковых контактов является креолистика (контактология). Основы этой науки были заложены в XIX в. немецким ученым, специалистом по лингвистической компаративистике Х. Шухардтом, но как самостоятельное направление в лингвистике она стала развиваться лишь с 50-х гг. XX в. под влиянием исследований, проведенных У. Вайнрайхом, американским социолингвистом. В данной работе приводится определение пиджина, как одного из основных понятий креолистики, а также описываются условия возникновения и развития пиджинов, сформировавшихся на основе русского языка.

Изучение пиджинов необходимо, поскольку помогает раскрыть природу структурных лингвистических изменений, позволяя делать выводы насчет отдельных семей и групп языков, и вносит весомый вклад в понимание онтологии языка в целом. Кроме того, исследование характера языковых контактов приоб-

ретает особую важность в текущих реалиях, так как современное общество отличается тесным взаимодействием многочисленных наречий, и, следовательно, нельзя исключать возникновения языковых конфликтов и нарушения баланса языковой ситуации как совокупности «форм существования одного языка или совокупности языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Словарь 2006: 266]. Вопросом русскоязычных пиджинов занимались такие исследователи, как О. Брок, В. И. Беликов, С. А. Врубель, Н. Б. Вахтин, И. А. Крылова, Е. А. Оглезнева, Е. В. Перехвальская, Р. Г. Пиотровский, Е. А. Хелимский, А. Г. Шпринцын и другие.

В языкознании существует несколько определений пиджина. Например, Е. В. Перехвальская определяет его как редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, спонтанно возникающий как вспомогательное средство коммуникации при повторяющихся ситуациях общения в группах, не имеющих общего языка [Перехвальская 2008: 11]. По мнению В. А. Виноградова, пиджин – «это структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника; используется как средство межэтнического общения в среде смешанного населения» [Виноградов 1990: 374]. В. П. Коровушкин обозначает пиджин как «сложившуюся социально-исторически в результате торгово-экономических, военно-политических и этнокультурных контактов представителей неродственных...социумов и языков, не имеющую своей исконной языковой истории и своих исконных носителей, системно структурированную, автономную экзистенциальную гибридную форму языка». Исследователь подчеркивает преимущественно устный характер подобных наречий, а также наличие доминирующего языка-источника (лексификатора) и языка-субстрата (модификатора) [Коровушкин 2008: 77].

Е. В. Перехвальская отмечает, что в ходе своего развития пиджины проходят несколько стадий: исходный (редуцированный) вариант, стабильный расширенный пиджин, стадия растворения и постепенного превращения в диалект русского языка [Перехвальская 2008: 4]. В. П. Коровушкин также выделяет три этапа пиджинизации: пиджин-жаргонизацию, препиджинизацию и собственно пиджинизацию [Коровушкин 2008: 77]. По мнению Р. Г. Пиотровского, с течением времени пиджин может попасть в точку бифуркации, после чего он вынужден либо выйти из употребления и стать мертвым языком, либо, расширяя область коммуникации, трансформироваться в креольский язык, и, как следствие, стать родным для своих носителей. [Пиотровский 2006]. Например, русско-таймырский пиджин («говорка») обеспечивал коммуникацию русских переселенцев и представителей разных ветвей уральской и алтайской языковых семей (в частности, долганского этноса, состоявшего из якутов и эвенков и русских затундренных крестьян). Говорка на данный момент находится на стадии исчезновения, поскольку речь его носителей подверглась поглощающему влиянию нормативного русского.

В лингвистических исследованиях выделяют следующие пиджины, где языком-лексификатором послужил русский язык: руссенорск (наиболее изученный русско-норвежский пиджин), русско-таймырский («говорка»), два типа русско-китайского пиджина: кяхтинский (маймачинское наречие) и дальневосточный, заволжско-уральский пиджин. Русский является единственным славянским языком-лексификатором, послужившим базой для возникновения пиджинов. По этому критерию он подобен европейским колониальным языкам (прежде всего португальскому, английскому и французскому). Однако, по мнению Е. В. Перехвальской, особенностью русского языка как основы для пиджинов является его богатая словоизменительная морфология. Кроме того, русские пиджины возникли как торговые языки для свободного обмена, сбора налогов или торговли между представителями, как правило, двух равноправных этногрупп, населяющих приграничные районы, а не как результат языковых контактов большого количества разных народностей, занятых в организации принудительного труда или работоторговли, как в случае возникновения западноевропейских пиджинов, для которых характерно наличие языка доминантного этноса (завоевателей и колонизаторов) и языка подчиненных народов. Как отмечает И. А. Крылова, субстратных языков должно быть минимум два, что превращает пиджин в средство общения рабов и наемных рабочих не только с плантаторами, но и между собой [Крылова 2008: 133]. Вместе с тем, русские пиджины формировались в Северном и Восточном полушариях, тогда как большинство подобных наречий концентрируется вокруг экватора.

Приведем черты, присущие всем пиджинам. Большинство лингвистов сходятся в том, что они обладают внутрискруктурными фонетическими изменениями: например, звук /x/, отсутствующий в норвежском языке, трансформировался в /k/: хорошо → korosho; сочетание звуков /mn/, нехарактерное для норвежского языка, преобразовалось в /n/: много ли pogoli; не воспринимаемый норвежцами звук /ч/ трансформировался в звукосочетания /kj/ и /sj/. Кроме того, пиджины отличаются упрощенным синтаксисом, а также тематически и ситуативно обусловленным набором лексических единиц, имеющим смешанное происхождение. Например, в руссенорске общее количество пиджинизмов достигало 400, при этом наиболее употребительными были 150. Для руссенорска при этом типично наличие синонимических дублетов (абсолютно тождественных лексем, отличающихся происхождением): music – man (мужчина), eta – den (этот), tvoja – ju (ты). Основная часть лексических единиц относилась к торговой отрасли (pris – цена, korom – покупать, prodatti – продавать, billi – дешево), содержала обозначения рыбы (fisc – рыба, saika – сайда, balduska – палтус), погодных условий и разных типов кораблей и их структурных элементов (kajut – каюта), поскольку языковые контакты между русскими и норвежцами, главным образом, сводились к обмену рыбы на муку и пшеницу. Около 50 % лексических единиц имели норвежское происхождение, 40 % – русское, а также в ходу была нижненемецкая и английская морская терминология, а также некоторое количество финских, шведских и саамских слов (grot – большой, slipom – спать) [Русско-норвежский пиджин]. Черты финского языка прослеживаются и в от-

рицательных синтаксических конструкциях, где элементы *ikke*, *njet* предшествовали глаголу и могли быть отделены от него. В руссенорске отсутствовали категории падежа и глагольного спряжения, а существительные не имели рода и числа, например, глаголы отличались маркером – *om* или – *um* (*krallom* – украсть, *drikkom* – пить). Словообразование шло путем добавления к русскому или норвежскому корню морфем противоположного языка: норвежское *mann* использовалось для указания национальности или профессии, например, *russmann* (рюсьман – русский), *kukmann* – торговец. На письме жители Поморья использовали кириллицу, норвежцы вели записи на латинице. Число людей, владеющих пиджином, может варьироваться. Например, на руссенорске во времена расцвета поморской торговли вплоть до 1920-х годов XX в. разговаривали несколько тысяч человек, живших в северной Норвегии, на Кольском полуострове, а также на Шпицбергене. Русско-китайским пиджином в конце XIX века владели около миллиона человек, проживающих в районе границы с Китаем, протяженностью более 3000 километров.

Таким образом, появление пиджинов представляет собой результат долгих и вполне успешных попыток преодолеть языковой барьер и достичь взаимопонимания между представителями разных народностей в определенных коммуникативных ситуациях. Важно подчеркнуть, что непредсказуемость последствий языкового контакта порождает вопрос – когда можно считать нестандартный вариант наречия пиджином? Можно также предположить, что лингвистические, социокультурные и экономические установки русскоязычных носителей в приграничных регионах подвержены существенным трансформациям, следовательно, результаты языкового контакта могут отличаться от наблюдаемых ранее. В частности, до сих пор идут споры, являемся ли мы свидетелями возрождения русско-китайского пиджина или имеет место другой языковой процесс.

Литература

1. *Виноградов В. А.* Пиджины // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
2. *Гумбольдт фон В.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем., под ред. Г. В. Рамишвили. Изд-е 2-е. М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
3. *Коровушкин В. П.* Категориально-понятийная система контрастивной социалектологии как автономной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 2. – 2008. – С. 74–86.
4. *Крылова И. А.* Синергетический подход к изучению пиджинов и креолов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 67. – 2008. – С. 131–135.
5. *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины / РАН. Ин-т лингв. исслед. СПб.: Алетейя, 2008. – 363 с.

6. *Пиотровский Р. Г.* Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы: монография. СПб.: СПбГУ, 2006. – 156 с.
7. Русско-норвежский пиджин [Электронный ресурс]. URL: http://www.kmgosvet.ra/enc/gumanitarnye__nauki (дата обращения: 14.07.2023)
8. Словарь социолингвистических терминов / Под ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.

Автор:

Холманских Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурные коммуникации», ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург, Россия; e-mail: lacraucity@yandex.ru

Author:

Yulia S. Kholmanskikh – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communications of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State University of Railways Transport», Ekaterinburg, Russia; e-mail: lacraucity@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕСТНОГО ДИАЛЕКТА И ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимосвязь диалектной лексики и общеупотребительной лексики татарского языка. Определяется степень влияния диалектов и литературного языка друг на друга. На лексических примерах иллюстрируется место диалектных слов в лексике общеупотребительной.

Ключевые слова: диалект, говоры, литературный язык, диалектные слова, общеупотребительная лексика.

F.Y. Khusainova

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LOCAL DIALECT AND THE COMMON VOCABULARY OF THE TATAR LANGUAGE

Abstract: This article examines the relationship between dialect vocabulary and common vocabulary of the Tatar language. The degree of influence of dialects and literary language on each other will be determined. Lexical examples illustrate the place of dialect words in the common vocabulary.

Keywords: dialect, dialects, literary language, dialect words, common vocabulary.

По сфере употребления словарный состав татарского языка делится на несколько групп. Как отмечалось в предыдущих разделах, значительное место в нем занимают слова общенародного языка. Диапазон их использования весьма широк, и этот тип лексики лежит в основе литературного языка. Чего нельзя сказать о диалектной лексике, круг употребления которой довольно узок, поскольку диалекты используются в основном только в разговорной речи. В то время как функциональные возможности литературного языка весьма широки ввиду того, что, будучи языком общения, он используется в художественной литературе, радио и телевидении, публицистике, научной литературе и других подобных сферах.

Литературный язык оказывает постоянное влияние на диалекты, он служит средством общения людей, говорящих на этом языке. С другой стороны, диалекты также оказывают влияние на литературный язык, что особенно проявляется в области лексики. С появлением новых понятий слово, наиболее подходящее для их наименования, может быть заимствовано из местных говоров. Некоторые лексические единицы могут быть более выразительными, краткими и точными по сравнению с их эквивалентами в литературном языке. Слова, часто встречающиеся в словарях и литературе, становятся

широкоупотребительными, тем самым обогащают татарский литературный язык (например, активно употребляются в литературном слова *жайдак* – всадник, наездник, *буйдак* – холостяк, *мизгел* – мгновение, *өрфия* – сетчатое покрывало, тюлевое покрывало, *онта* – мучная пыль (он тузаны), *күлдәвек* – лужа, *болдыр* – крыльцо, *күбә* – копна (*куча сена, соломы*), *ажгаган* – зарница, всполохи, *тумачи* – форма ласкательного обращения к женщине-родственнице третьего-четвёртого поколений, *изгач* – единоутробный/старшая сестра (кыз туган.), *тудыка* – двоюродная сестра, *тожым* – паутина; паутинка (*осенняя*), *азмәвер* – великан, исполин; верзила, , *ару* – хороший, здоровый, добрый, крепкий, *күлләвек* – диал. мелкое (маленькое) озеро, озерцо и др.) (ТТАС, I т., 1977: 11).

Диалекты и говоры являются надежным средством формирования лексики литературного языка. Обогащение словарного запаса литературного языка за счет использования диалектных слов предполагает сознательный подход к регулированию языкового развития (Татар грамматикасы, 2015: 177). Выдающийся языковед М. Закиев также подчеркивает, что диалекты являются важнейшим источником обогащения литературного языка (Закиев, 1965: 250).

Существенное влияние на язык различных исторических, политических и экономических изменений в общественном устройстве связано также с территориальной и социальной миграцией населения и началом общения. Представители различных социальных и местных диалектов попадают в новую языковую среду, их речь испытывает влияние чужой речи, и сами они оказывают влияние на речь других. В частности, бурные события 1917 года и последующих годов ускоряют движение литературного языка по пути сближения с народом. С одной стороны, утрачиваются наиболее книжные формы интеллигентной речи. С другой – нижние границы «правильной» (литературной) речи сливаются с повседневным общением (Меченковская, 1996: 152).

Место диалектных слов в лексике определяет близость литературных языков и их норм к народным. В период формирования народного языка, наряду со словами, возникшими в результате внутреннего словообразования и внешних заимствований языка, в литературные языки проникает богатая диалектная лексика, отражающая образ жизни, обычаи, особенности ремесел и промыслов местного населения.

Исследование лексического богатства татаро-русских словарей (в частности, словари С. Рахманкулова и А. Карамы «Полный русско-татарский словарь с указанием ударений и грамматических свойств каждого языка, со включением иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (1913)), изданных в первой половине XX века, свидетельствует о том, что в них фиксируется значительное количество диалектных слов, среди которых преобладают лексические диалектизмы, относящиеся к разным областям жизни: *бадиян* – небольшая деревянная миска с выдолбленным дном, *жамаяк* – миска, сосуд, *кәнди* – диал. миска, чашка, *кагыт* – тонкая пастила, *кәлжәмә* – этногр 1. котлета, котлеты, *котырчык* – диал. солонка или сахарница (*в виде маленькой деревянной коробки*), *мәмәч* – жидкость под корой, вода, *паңгы* –

гриб, инче – уст. этногр. приданое невесты в виде скота, *кач* – сколько, *келәү* – диал. к. *гыйбадәт* молитва, *куркылык* – пугало, *бабачы* – человек, занимающийся ритуальным обрезанием мальчиков, *жәйдак* – суц. всадник, наездник, *иранай* – суц. женщина с мужскими манерами, бой-баба; мужланка, *иркәк* – самец, особь мужского пола, *кортка* – женщина (обычно пожилая), потерявшая мужа; вдова, *сәваләй* – этногр. 2 1. 1) ряженный (во время новогодних игр) и др.

Некоторые из них проникают и в литературный язык. Полагаем, будет интересным рассмотреть отдельные слова, зафиксированные в словарях: *бадъян* – небольшая деревянная миска с выдолбленным дном (ТТАС, I т., 2015: 377), *бабачы* – человек, занимающийся ритуальным обрезанием мальчиков (сөннәтче) (ТТАС, I т., 2015: 370), *кәнди* – маленькое блюдо, маленькая миска (ТТАС, II т., 1979: 252), *кәлтә* – диал. короткий, коротенький, укороченный, (көтек) короткополый; куцый, кургузый (ТТАС, II т., 1979: 251), *мәмәч* – жидкость под корой, вода (ТТАС, II т., 1979: 419) и т.д.

В татарском литературном языке первой половины XX века значительное место занимает диалектная лексика, среди которой заметно выделяются лексемы, обозначающие предметы и явления, а также прилагательные и глаголы. При рассмотрении объема диалектных слов следует отметить, что в «Полном русско-татарском словаре с указанием ударений и грамматических свойств каждого языка, с включением иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (1913) С. Рахманкулова и А. Карама их меньше, а в послереволюционном издании «Полного словаря татарского языка» (1927 – I том, 1929 году – II том) Дж. Валиди местные говоры встречаются чаще. Это явление можно объяснить сближением литературных языков с языком «народным».

С 40-х годов XX века стали создаваться научно обработанные и систематизированные словари (Г. Нугайбек, Ф. Амирхан, М. Курбанов, С. Файзуллин, Р. Газизов, М. Гимадиев «Татарча-русча сүзлек» («Татарско-русский словарь»), 1938–1951; Г. Амиров, А. Асадуллин, У. Байчура, Ш. Ханбикова, Л. Махмутова «Татарско-русский словарь», 1966).

С середины XX века работу по составлению словарей осуществляет Институт языка, литературы и истории (русско-татарские словари: 1956 – I том, Р. Газизов, М. Гимадиев; 1955 – II том, Р. Газизов, Л. Махмутова, Э. Ахунзанов, Ф. Газизова; 1959 – III том, Р. Шакирова, Э. Ахунзанов, Л.Т. Махмутова, Ф. Фасиев, Р. Шакүров, Г. Амиров; Ф. Ганиев: 1984, 1985, 1991, 1997; И. Абдуллин, Ф. Ганиев, М. Мухаммадиев, Р. Юналиева, 1988, 1995, 2014; Ш. Асылгараев, Ф. Ганиев, М. Закиев, К. Миннуллин, Д. Рамазанова, 2007). В толковых словарях диалектизмы также даются в составе лексического богатства (Л. Махмутова, М. Мухаммадиев, К. Сабилов, Ш. Ханбикова, I том, – 1977, II том – 1979, III том – 1981; Татар теленен анлатмалы сүзлеге (Толковый словарь татарского языка), I том: 2015).

Большая часть диалектных единиц, представленных в словарях, относится к говорам средних диалектов. Например, *мәлсез* – вакытсыз (безвременный).

Мәлсез чәчәк ярылмас (без времени цветы не цветут (всему своё время) (Русско-татарский словарь, 2007: 30). *Мәрә* – 1. круг (в игре), 2. мишень (для стрельбы из лука); *мәрәй* – 1. мишень, 2. круг, начерченный на земле или углубление на земле для различных игр, 3. поле для игр, 4. название игры, цель которой состоит в том, чтобы попасть в круг, 5. бита, биток (в играх); стрела, которую метают резким взмахом, насадив на конец палки (здесь же: 31); *олан* – ребенок, во множественно числе *оланнар*– 1. ребята, ребятня; детишки, детвора (разного возраста), 2. родственники, товарищи (когда старейшина обращается ко взрослым), *оланлык* – детство; детские годы (здесь же: 93); *пияш* – 1. Полка на краю печи (сделаны специальные места для хранения вещей), 2. пассивный, послушный человек (здесь же: 147); *сәркәш* – запряжённый бык (здесь же: 226); *тигезү* – давать/дать возможность касаться / коснуться, прикасаться / прикоснуться, трогать, затрагивать, посягать *на что* (здесь же: 371); *уңалу* – выздороавливать, поправляться (здесь же 478). Среди них преобладают чисто лексические диалектизмы, а также некоторые местные фонетические особенности, многие из которых относятся к явлениям *ж*-оканья и *й*-оканья : *жәгерләү* – эрләү (прясть) (Русско-татарский словарь, 2007: 389), *йонтаслану* – йөнтәсләнү (распушиться) (здесь же: 485), также наблюдаются другие чередования и изменения звуков. Встречаются также семантические диалектизмы, в то же время морфологические диалектизмы в целом отсутствуют, например, *жәйләү* – чәй чыянагы (чайная чашка) (здесь же: 385), *йомшак* – калач, мягкий белый хлеб (здесь же: 481) и т.д.

Взаимосвязь местного диалекта и общеупотребительной лексики ярко выражается благодаря фиксации диалектных слов в словарях. Отчетливо прослеживаются и объективные причины этого проявления: активизация местной разговорной речи, обогащение литературного языка; учет в словарях возможностей использования представителями различных диалектов и говоров; недостаточно ясная определенность границ литературного языка и диалектов на момент составления некоторых словарей; наличие у авторов определенного диалекта, говора, повлиявших на выбор слов при составлении словаря; включение диалектных слов в словари не свидетельствует о недостаточном владении авторами литературным языком, поскольку ко многим диалектным элементам предлагаются их литературные синонимы или они сопровождаются ссылками; развитие татарской периодической печати также способствует этому процессу: открывается путь для проникновения в литературный язык различных диалектов и простых разговорных слов.

Литература

1. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
2. *Татар* грамматикасы: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Ф.М. Хисамова. – Тулыландырылган 2 нче басма. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 512 б.

3. *Татар теленең сүзьясалыш сүзлеге: «кеше» тематик төркеменә караган лексика* / И.И. Сабитова. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 160 б.

4. ТТАС, 1977, 1979, 1981 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. Т. 1 / төз.: И.А. Абдуллин, Г.Х. Ахунжанов, Ф.М. Газизова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 475 б.; Т. 2 / төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, С. Б. Вахитова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – 726 б.; Т. 3 / төз.: И.А. Абдуллин, С.Б. Вахитова, Ф.М. Газизова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. – 832 б.

5. *Хәзерге татар әдәби теле: лексика, фонетика, орфоэпия, графика һәм орфография, морфология:* – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 299 б.

Автор:

Хусайнова Алина Ямилевна – кандидат филологических наук, отдел ареальной лингвистики, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, e-mail husainova_alina@mail.ru

Author:

Khusainova Alina Yamilevna – Candidate of Philological Sciences, Department of Areal Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, e-mail husainova_alina@mail.ru

ОТБОР АКТУЛЬНОГО ДИДАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования на занятиях со студентами художественных произведений и фрагментов текстов, являющихся актуальным материалом для анализа на данный момент, который характеризуется как возросшей культурной и социальной значимостью русского языка, так и негативным к нему отношением.

Ключевые слова: современный русский язык, лингвистический анализ, дидактический материал.

Z. N. Yakushkina

SELECTION OF ACTUAL DIDACTIC MATERIAL FOR PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE TEXT

Abstract. The article discusses the use of works of art and fragments of texts in classes with students, which are relevant material for analysis at the moment, which is characterized by both the increased cultural and social significance of the Russian language and a negative attitude towards it.

Keywords: modern Russian language, linguistic analysis, didactic material.

Одной из задач изучения курса современного русского языка, профилирующего предмета на филологических факультетах, является выработка у будущих учителей русского языка и литературы прочных умений и навыков лингвистического анализа основных единиц языка. Само понятие современный русский язык требует уточнения, поскольку многим поколениям студентов временные рамки этого понятия указывались как язык от Пушкина до наших дней. Считается, что при чтении произведений А. С. Пушкина переводчик нам не нужен, поэт писал свои произведения языком, максимально близким и доступным всему народу и не очень сильно изменившимся с тех пор, так как язык принадлежит к числу очень устойчивых явлений. Однако в последние годы появились точки зрения на возможность сужения исторического периода, к которому принято относить современный русский литературный язык. Так, известный ученый М. В. Панов предлагает считать современным язык середины XX в. – второй половины XX в. В ряде лингвистических работ современным называют язык XX в., разграничивая в нем два хронологических периода: с октября 1917 г. по апрель 1985 г. и с апреля 1985 г. по настоящее время. «Глокая куздра» Л. В. Щербы, доказывавшая, что «лексика – дура, грамматика – молодец», говорит об устойчивости грамматического строя языка, но лексика является весьма изменчивым составом языковой системы, поэтому на определенных приме-

рах студентам необходимо показать, что эти две точки зрения на временные рамки вполне допустимы. Однако два столетия, отделяющие нас от эпохи А. С. Пушкина, все-таки сильно повлияли на «современность» таких слов из входящего в школьную программу произведения великого поэта, как *повеса* (*устар.* Молодой человек, принадлежавший к высшим кругам общества, ведущий праздный, легкомысленный образ жизни) во второй онегинской строфе: *Так думал молодой повеса, летя в пыли на почтовых <...> или <...>... поспешим на бал, / Куда стремглав в ямской карете / Уж мой Онегин поскакал* (XXVII строфа); *Лобзать уста молодых Армид, / Иль розы пламенных ланит, / Иль перси, полные томленьем* (XXXIII строфа).

Отметим также значительное пополнение словарного состава современного русского языка новыми словами и процесс актуализации большого количества слов, относящихся ранее к пассивному запасу (бизнес, коммерциализация, менеджмент, риэлтор, компьютер, файл, консенсус, губернатор, забастовка, частник, благотворительность, гимназия, лицей и мн. др.).

Таким образом, для выработки у студентов умений и навыков лингвистического анализа основных единиц языка необходим тщательный отбор актуального дидактического материала. Одним из предметов, назначением которого является анализ звуковых единиц, является филологический анализ текста. При отборе текстового материала для анализа мы считаем необходимым условием учет и современного состояния языка, и напряжённой политической обстановки в мире, характеризующейся ярко выраженной русофобией. Нельзя сказать, что раньше этого не было. Еще два столетия назад А. С. Пушкин говорил об этом в своем стихотворении «Клеветникам России», начинающемся строками: *О чем шумите вы, народные витии? / Зачем анафемой грозите вы России?* и кончающимся весьма злободневными словами:

*Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

Перейдем от золотого века русской литературы, отдаленного от нас двумя веками, к серебряному. Сто лет назад написано стихотворение А. А. Блока «Скифы», но как актуальны его строчки на эту же тему, когда вновь «встала русская земля»:

*Вы сотни лет глядели на Восток
Копя и плавя наши перлы,*

*И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставит пушек жерла!
Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит...*

Как своевременны слова гения, утверждающего, что:

*Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..
Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!
Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

Почти предвиденьем нашего обращения к коллективному Западу о недопущении кровопролития на Украине и пророчеством грядущей расплаты звучат строчки:

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!
А если нет – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклипать
Больное позднее потомство!*

Неоспорима актуальность таких произведений русской литературы, подчеркивающих особость русских людей, о чем говорил ещё Ф. И. Тютчев в своей знаменитой строчке «Умом Россию не понять» <...>, ведь «носитель любой отличающейся системы ценностей может стать объектом агрессии и превратиться во врага – всё это создаёт почву для повышения экстремизма во всех сферах жизни. Такое положение дел не должно оставаться предоставленным самому себе. Существующие механизмы и ресурсы сдерживания негативных тенденций в социокультурной среде недостаточны» [Михеева 2022: 12–13]. Соглашаясь с этой мыслью, мы в своей работе стараемся восполнить эту недостаточность.

Для итогового анализа художественного текста мы требуем подобрать небольшие современные стихотворные или прозаические произведения, такие как, например, следующее короткое стихотворение на злобу дня Ю. Полякова:

*Если ты не гад и не debil,
Если ты не укрофил свидомый,
Если ты Россию не гнобил,
Возвращайся, релокант, до дому!
Без тебя тут ужас и разброд,
Да еще раздолье нищевроду.
Здесь Песков, поцеловавши в рот.
В Кремль тебя устроит на работу!*

Здесь «раздолье» и для лексического анализа (гад, debil, укрофил, релокант, нищеврод), и для разбора особенностей синтаксического построения (анафора), и рассмотрение отсылок к реалиям, вызвавшим появление этих строчек (релоканты и их глумление над быдлом и нищевродами, как они отзывались о людях, оставшихся на Родине), и выявление главной идеи – эмоционального возмущения автора, патриота России, встречей «возвращенцев». Поскольку филологический анализ – это анализ, направленный на изучение языковой личности, стоящей за текстом (Ю. Н. Караулов), её стиля и взгляда на мир, позиция автора, главного редактора «Литературной газеты», здесь прослеживается явно, и этим обусловлен выбор его произведений в качестве дидактического материала.

Мы уже писали о том, что «для формирования патриотизма, любви к родине, радению за нечто большее, чем обывательские интересы, необходима целенаправленная работа по актуализации проблем войны и мира, защиты национальной территории. И это возможно не только на поле битвы, но и в ежедневном самоотрешении, которое требуется в наше непростое время» [Якушкина 2022: 124]. Для актуализации проблем войны и мира и концентрации общественных и духовных сил и нужно воспитание молодежи на основе изучения «правильной» литературы.

Кроме подбора коротких произведений для анализа, мы предлагаем студентам для прочтения современную беллетристику на актуальные темы. Так, о невозможности культуры отмены (так наз. Cancel culture – современная форма остракизма, при которой человек или определённая группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах в онлайн-среде и в реальном мире), которой подвергли русских людей и русскую культуру, можно прочитать в романе Мюриэль Барбери «Элегантность ёжика» [Барбери 2015]. Писательница страстно влюблена в творчество Л. Н. Толстого и культуру Японии, и обе эти страсти она выразила в этой книге, в которой мы встречаемся с девочкой-подростком, умной и образованной не по годам, пожилой консьержкой, изучающей философские труды и слушающей Моцарта, богатым японцем, поселившимся на склоне лет в роскошной париж-

ской квартире. Консьержку и японца сблизил любовь к творчеству Л. Н. Толстого. Своим произведением автор доказывает, что великую русскую культуру нельзя отменить, если она вошла в сознание людей, погруженных в неё, и отразилась на всем укладе их жизни. Мы считаем, что отмена нашей культуры, лишение граждан возможности глубокого изучения богатого русского языка вызовет ограничение возможностей их интеллектуального развития.

Таким образом, тщательный отбор актуального дидактического материала для использования на занятиях по филологическому анализу текста весьма необходим.

Литература

1. *Барбери М.* Элегантность ёжика : роман, перевод с фр. – С.-Петербург : Издательская группа Азбука-Аттикус, 2014. – 350 с.

2. *Михеева С. Л.* Национальные культуры народов России // Основы духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации : учебное пособие / Л. Н. Данилова, О. А. Димитриева, С. Л. Михеева, А. П. Никитин, Г. А. Никитин, Т. С. Сергеев. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. – С. 7–13.

3. *Якушкина З. Н.* О ценностном аспекте воспитательного процесса в современных условиях // Этнопедагогический ежегодник: сборник научных статей. Выпуск 13 / отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Димитриева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. – С. 121–125.

Автор:

Якушкина Зинаида Никитична – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары (Россия), e-mail: zinaalevtinina@mail.ru;

Author:

Yakushkina Zinaida Nikitichna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies Languages of I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary (Russia), e-mail: zinaalevtinina@mail.ru

Научное издание

Язык. Личность. Культура

Сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева

Ответственные редакторы:

Т. В. Денисова, О. А. Дмитриева

АВТОРЫ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ НЕСУТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА СОДЕРЖАНИЕ МАТЕРИАЛОВ, ПОДБОР И ТОЧНОСТЬ ПРИВЕДЕННЫХ ФАКТОВ,
ЦИТАТ, СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ И ПРОЧИХ СВЕДЕНИЙ

Подписано в печать 29.09.2023 г. Формат 60x84/16.

Бумага писчая. Печать оперативная.

Усл. печ. л. 21,3.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»
данная продукция не подлежит маркировке

Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38